Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1927. ДЕКАБРЬ 12

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО,
С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА
и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 12

ДЕКАБРЬ

1927 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б. Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Кричевский С. И., Крон Ц. М., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Маймин, А. Б., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., акад. Ольденбург С. Ф., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сегаль А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Турецкий Ш. Я., Фалькнер С. А., Федорович И. И., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № А—4844. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филип., 18. Тираж 5.000.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

Гр. Гринько. Социалистическая индустриализация Советского Союза 7
В. Г. Громан. Народное хозяйство Союза за 1926/27 хоз. год 29
Р. Е. Вайсберг. Вопросы обобществления в пятилетнем плане 39
Ф. Р. Дунаевский. Механизация полеводства и генеральное планирование . . 61
И. А. Калинников. Перспективы промышленности на 1927/28 — 1931/32 гг. А. Планируемая промышленность 80
И. Кан и Ф. Дрибин. Перспективы промышленности на 1927/28 — 1931/32 гг. Б. Вся промышленность 108
А. Сегаль. К вопросу об эффективности капитальных вложений 118
М. Л. Астерман. Социально-культурное строительство 127
Е. М. Тарасов. Перспективы бюджета социального страхования в 1926/27 — 1931/32 гг. 156
Н. Н. Виноградский. Буржуазные гипотезы развития нашей внешней торговли и советская действительность 162

М. В. Иоффе. Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР. . 171

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Я. Виленкин. Проблема передвижения крупной промышленности в южные штаты Америки 191
Л. Хейфец и И. Гинзбург. Проблема картелирования на рынке цветных металлов 203

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

П. Баранов, Н. Шпанов и Я. Шатуновский. Две промышленности по одному пути 219
И. М. Гурфинкель. Нефть из угля и возможный кризис нефтеэкспорта 237
А. Соколов. Гидрография и вопросы народного хозяйства 250

ОТДЕЛ IV

По районам

Е. С. Полюта. Проблема аграрного перенаселения в ЦЧО 261
М. Соловов. Проблемы развития черной металлургии на Урале 273
Н. Отарова. Методы построения торгового баланса района 291

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

А. Леонтьев. К характеристике современного кризиса буржуазной теоретической экономии 299
Ц Крон. Ю. Гирш — Экономика торговли 306
С. Зак. Я. Б. Рапопорт — Товарные цены и рынок 310
Н. Г. Розанов. Проф. И. А. Поплавский — Опыт текущей районной статистики транспортных накидок 311
Г. Бамдас. Р. Хокси — Практика тэйлоризма в Америке 315

ОТДЕЛ VI

Статистика

Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 36 323

Исправления и опечатки 342
Систематический указатель статей и материалов 343

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Гр. Гринько

Социалистическая индустриализация Советского Союза

(К итогам XV с'езда ВКП (б))

Два года назад XIV с'езд ВКП (б) определил курс на индустриализацию, как генеральную линию экономической политики, как решающий фактор социалистического строительства в СССР. Превращение СССР из страны аграрной, по преимуществу, в страну индустриальную, ее генеральное техническое перевооружение стало центральной практической задачей нашего строительствам. В этом не было ничего неожиданного. Подходил к концу восстановительный период, производство страны начинало достигать довоенного уровня, стихийно разворачивалось новое капитальное строительство и со всей настойчивостью вставал вопрос о больших перспективах, о генеральной линии экономического развития. Совершенно понятно, что партия, поднявшая на свои плечи руководство построением социализма в нашей стране, не могла дать иной генеральной установки хозяйственного развития, кроме курса на социалистическую индустриализацию, как единственный путь отстоять независимость страны в соревновании и борьбе с капитализмом и создать фундамент социалистического общества.

Но именно потому, что индустриализация нашей страны является составной и решающей частью общей задачи построения социалистического общества, в ней, как в фокусе, собираются, органически увязываются все актуальнейшие, центральные проблемы переходного периода. Вопросы об укреплении пролетарской диктатуры, рабоче-крестьянский блок, под'ем отсталых народов и многое другое накладывают неизгладимую печать на программу индустриализации, ее темп, ее ресурсы и т. п. Кто этого не понимает, кто пытается трактовать программу индустриализации СССР, отвлекаясь от всей совокупности задач построения социализма, тот скатывается на совершенно бесплодную и гибельную абстрактно-экономическую позицию.

Путь индустриализации проходили и проходят все передовые капиталистические страны. Это путь жесточайшей эксплоатации народных масс, ограбления зависимых стран и колоний. Социалистической индустриализации, напротив, сопутствует и не может не сопутствовать рост благосостояния народных масс, экономический и культурный под'ем отсталых народов, культурная революция в массах.

Нужно понять величие и гигантские трудности этого беспримерного в истории человечества сочетания задач. Нужно, далее, помнить, что в конкретных условиях первого и единственного пролетарского государства эти задачи приходится разрешать за счет текущих накоплений страны, без наличия свободных капиталов и без их притока извне.

Последние два года партия прокладывала первые борозды социалистической индустриализации СССР, закладывала фундамент, шаг за шагом на опыте живого строительства определяла ее конкретные масштабы, пропорции и возможности, создавала ее реальную программу. Это далось нелегко. Нужна была огромная познавательная работа, огромное напряжение плановой и технической мысли для того, чтобы надежно расставить первые строительства, первые вехи на новом великом пути. Нужна была энергичная мобилизация материальных и технических ресурсов, чтобы форсированным темпом развернуть строительство. Нужна была, наконец, большая неустанная идеологическая работа партии, чтобы программу индустриализации отстоять как от тех, кто хотел бы ее сузить под напором мелкой буржуазии, так и от тех, кто хотел бы ее не в меру усердно форсировать, теряя из виду общую перспективу и гигантские трудности социалистического строительства.

С чем же пришла партия и страна к XV с'езду в деле социалистической индустриализации Союза? О чем говорят решения с'езда?

I. Важнейшие показатели индустриализации СССР

Нет ничего удивительного в том, что в нашей стране время от времени раздаются голоса, возражающие против проводимого энергичного курса на индустриализацию против ее наметившихся масштабов и темпов. Есть уже целое течение экономической мысли, представители которого по разным поводам и в различной форме демонстрировали против политики индустриализации СССР.[1] И это понятно,— новая буржуазия города и деревни не имеет никаких оснований быть довольной тем перераспределением национального дохода, который производится советской властью в интересах социалистического строительства вообще и социалистической индустриализации, в частности.

Гораздо более удивительным является то, что есть еще люди, способные в борьбе против политической линии партии подвергать сомнению самый факт происходящей энергичной индустриализации страны, кричать о продолжающемся отставании промышленности от сельского хозяйства, о растущей роли капиталистических элементов в системе народного хозяйства и т. п. Факты, однако, упрямая вещь — их нельзя безнаказанно ни игнорировать, ни отрицать.

[1] См. С. Г. Струмилин, „Индустриализация СССР и эпигоны народничества" в „План. Хоз.", № 8, 1927.

О чем говорят факты? Происходит ли в самом деле социалистическая индустриализация нашей страны?

Нет нужды повторять здесь общеизвестные цифры о росте производительных сил страны за последние годы, о переходе народнохозяйственного производства в его важнейших элементах за довоенный уровень. Факт тот, что партия к XV с'езду привела страну экономически значительно окрепшей, с завершенным в основном процессом восстановления народного хозяйства, с широко развернувшимся новым капитальным строительством. Но факт также и то, что этот под'ем производительных сил страны за последние годы шел по пути ее социалистической индустриализации, т.-е. с возрастанием роли индустрии в общей системе народного хозяйства и с усилением обобществленного сектора перед лицом частно-хозяйственных сил нашей экономики.

„В общей сумме растущей продукции народного хозяйства сельское хозяйство занимает в 1924/25 г. 67,6%, в 1925/26 г.— 64,1%, в 1926/27 г.— 62% и в 1927/28 г.— 59,8%. Соответственно этому падению удельного веса сельскохозяйственной продукции идет рост удельного веса продукции промышленной: 32,4%, 35,9%, 38%, 40,2%. Тот же процесс происходит в товарной части продукции. В общей сумме растущей товарной массы страны сельское хозяйство дает по годам: в 1924/25 г.— 46,8%, в 1925/26 г.— 41,5%, в 1926/27 г.— 40,4%, в 1927/28 г.— 39,3%. Соответственно этому падению удельного веса сельскохозяйственных товаров в общей сумме товарной массы страны идет рост удельного веса товаров промышленных: 53,2%, 58,5%, 59,6% и 60,7%". Таково свидетельство „Контрольных цифр на 1927/28 г." по этому важнейшему показателю индустриализации. Можно закрывать глаза на эти факты, но оспорить и опровергнуть их невозможно.

Однако, эта неуклонно происходящая перегруппировка важнейших элементов народнохозяйственного целого, это индустриальное вооружение страны не происходит самотеком, не дается само собой. В основе его лежит политика капитальных вложений и обеспечивающее ее перераспределение национального дохода. Динамика капитальных вложений такова (в млн. руб.):

Отрасли хозяйства	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Сельское хозяйство[1]	1.460	1.427	1.511	1.678
Промышленность	410	872	1.095	1.271
Район. электростроит.	49	72	102	234
Транспорт	313	408	533	743
Связь	21	29	35	42
Строительное дело	162	207	245	2 2
Админ. и соц.-культ.	84	129	172	237
Коммунальное хозяйство	99	153	172	210
Жилфонд городов	210	329	471	567
Итого...	2.808	3.626	4.401	5.191

[1] Включая и крестьянские вложения.

В соответствии с этим основные фонды за последние четыре года (включая и 1927/28 г.) вырастают: в сельском хозяйстве на 19,6%, в промышленности на 31,2%, в крупном электростроительстве на 19,0%, в транспорте на 6,2%, в жилищном фонде на 2,3%.[1]

Таковы сдвиги в соотношении продукции, товарной массы, капитальных вложений и основных фондов в важнейших отраслях народного хозяйства страны. Можно ли не видеть, отрицать начавшийся перелом в сторону индустриализации СССР? Разумеется, здесь налицо только первые, начальные шаги на великом пути превращения нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, но эти первые шаги сделаны именно в этом, а не в каком-либо ином направлении.

Как обстоит дело внутри самой индустрии и, прежде всего, в соотношении производства средств производства и предметов потребления?

„В довоенных ценах производство средств производства растет в 1925/26 г. на 44,6% в 1926/27 г. на 21,9% и в 1927/28 г. на 17%. Соответственно предметы широкого потребления показывают рост на 45,5%, 10,7% и 12,4%". Таков ответ контрольных цифр. Директива XIV с'езда об особом внимании производству средств производства, несмотря на гигантские трудности этого дела, на большой напор потребительского спроса выполнена с достаточной твердостью. Размер капитальных вложений в отдельные отрасли промышленности не оставляет в этом сомнения. Тяжелая индустрия поглотила за истекший период решающую часть всех капитальных вложений в промышленность (в 1925/26 г.— 64%, в 1925/27 г.— 73%, в 1927/28 г.— 71%). Больше половины всех вложений идет в металл и топливо. Об этом же говорит и широкое развертывание новых производств, в особенности в области машиностроения, авио- и автостроения и т. п. Мобилизация технической мысли страны вокруг проблем индустриализации, создание институтов проектирования, установление связи с мировой техникой, усвоение ее достижений и опыта начинают получать широкий и организованный размах.

Наконец, все показатели неоспоримо свидетельствуют, что осуществляемая программа повышения удельного веса и ведущей роли индустрии в общей системе народного хозяйства является именно социалистической индустриализацией, коренным образом связанной с неуклонным усилением мощи и роли обобществленного сектора в народнохозяйственном строительстве страны. „Количественные сдвиги в соотношении социальных секторов таковы: обобществленный сектор дает по численности лиц наемного труда в 1924/25 г.— 80,2%, в 1927/28 г.— 80,8%; по сумме заработных плат соответственно 90,2% и 91,5%; по валовой продукции 29,9% и 39,8%, в торгово-посредническом обороте — 72,6% и 84,5%, наконец, по капитальным вложениям в 1924/25 г.— 43,8%, в 1925/26 г.— 61% и в 1927/28 г.—64,7%. Соотношение социальных секторов,— огромных массивов народнохозяйственного целого,— это наследие десятилетий и веков предшествующей истории. Нужны будут длительные сроки и гигантские усилия, чтобы радикально изменить эти количественные соотношения. Однако, направление этих изменений, поступательный рост обобществленного сектора в нашей экономике сомнению не подлежат".[1]

[1] „Контрольные цифры на 1927/28 г.".

Народнохозяйственный рост страны за последние годы, успешный ход ее индустриализации, социалистический характер этой индустриализации, обеспечивший усиление мощи и роли обобществленного сектора в общей системе народного хозяйства,—вот что нанесло решающий удар оппозиционному блоку партии и вскрыло его настоящую природу. Весь ход восстановительного периода, в особенности же переход к реконструкции в последние два года, блестяще оправдали тот не только генеральный, но и, поистине, гениальный стратегический маневр, который носит название нэпа. И именно последние два года форсированного продвижения вперед по пути социалистической индустриализации СССР с неопровержимой очевидностью показали ошибочность и гибельность той трактовки нэпа, как отступательного маневра, по преимуществу, с которой начала свой бесславный путь оппозиция перед XIV с'ездом и которая привела ее к потере перспектив социалистического строительства нашей страны. И несомненно с полным основанием в опыте последних лет в резолюции по отчету ЦК „XV с'езд поручает ЦК продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации, уже принесшей свои первые положительные результаты".

2. Индустриализация и пролетариат

Пролетариат капиталистических стран, рожденный и вышколенный в процессе капиталистической индустриализации, дал ей достаточную оценку и на бессмертных страницах учителей научного социализма и на баррикадах европейских революций. Высшая стадия капиталистической индустриализации, послевоенная рационализация капиталистического производства, осуществляемая в эпоху войн и пролетарских революций, под аккомпанимент социал-демократических мечтаний о безболезненном преодолении капитализма на путях „функциональной демократии", с каждым новым годом все более энергично разворачивает свой эксплоататорский характер по отношению к пролетариату. Ликвидация в „стабилизировавшейся" Европе восьмичасового рабочего дня, нажим на заработную плату, поход на организации рабочего класса, ликвидация последних остатков даже буржуазного демократизма,— все это совершенно неизбежные спутники и необходимые условия нынешней стадии капиталистической индустриализации.

[1] „Контрольные цифры на 1927/28 г.", стр. 27.

Рабочий класс Советского Союза в своем основном кадре имеет возможность на личном опыте сравнить и с точки зрения пролетариата оценить две индустриализации,—начальный путь капиталистической индустриализации царской России и начальный путь индустриализации социалистической, первой в мире рабоче-крестьянской республики. Этот начальный период советской индустриализации, связанный с гигантскими трудностями, ознаменован обостренной политической борьбой, сопровождавшейся попытками со стороны незначительной части партии подвергнуть сомнению социалистический характер происходящей индустриализации и извратить ее отношение к пролетариату. Самой собой понятно, что это не могло встретить резонанса в основных кадрах пролетариата, на собственном опыте переживших революционный переход от русской капиталистической фабрики к советскому „предприятию последовательно социалистического типа".

Спрашивается, каково же действительное влияние индустриализации Советского Союза на политическое и материальное положение рабочего класса?

Едва ли нужно говорить о том, что энергичное развертывание промышленности за последние годы и начавшийся процесс ее рационализации обеспечили собирание, консолидацию и повышение качественного состава распыленного за время империалистической и гражданской войн пролетариата. К десятилетию Октября рабочий класс насчитывает в своих рядах 4,1 млн. занятых в крупной государственной промышленности и транспорте против 3,7 млн. в 1913 году. При этом особенно достойно внимания то, что на протяжении всего периода нэпа шел процесс значительного укрупнения промышленных предприятий, обеспечивший большую концентрацию и пролетарскую выучку рабочих масс на мощных фабриках и заводах.[1] Этот численный рост пролетарских кадров страны сопровождался неуклонным повышением его профессиональной организованности, давшей охват профсоюзами лиц наемного труда в 1924/25 г. 74.5%, в 1925/26 г.—77,5% и в 1926/27 г.—80,0%.[2] Едва ли нужно далее много говорить о том, что последние годы на ряду с численным ростом и повышением профессональной организованности рабочего класса дали значительный рост его культурности и общественно-политической активности, высшим проявлением которой являются сотни тысяч пролетариев от станка, влившихся в коммунистическую партию в наиболее решающие и ответственные моментыее развития. Особенно показательными и поучительными являются те около 100.000 пролетариев, которые пришли в коммунистическую партию по октябрьскому призыву, т.-е как раз в период когда нынешние противники политической линии партии с энергией, достойной лучшей участи,

[1] См. статью тов. Яроцкого в „План. Хоз.", № 11, стр. 83.

[2] См. Г. М. Кржижановский, „Десять лет борьбы и строительства", там же, стр. 63.

весь мир пытались убедить в, якобы, наблюдающемся понижении активности рабочего класса под влиянием неправильного экономического курса партии и, в частности, тех непосильных тягот, которые, будто бы, бросает на его плечи проведение индустриализации за счет пролетариата.

В этом росте политической активности рабочего класса и несомненном усилении его симпатий к коммунистической партии нет ничего удивительного. Эти политические явления имеют под собой прочную базу в систематическом и неуклонном повышении материального благосостояния рабочего класса в первые труднейшие годы развертывающейся индустриализации страны. Факты здесь говорят сами за себя.

Следует начать с вопроса о продолжительности рабочего дня в СССР. Капиталистическая индустриализация бьет, прежде всего, по этой линии. Так называемый стабилизационный период в Европе в значительной мере ликвидировал восьмичасовой рабочий день, завоеванный европейским пролетариатом в пору империалистической войны и в годы революционного кризиса после нее. На ряду с этим нельзя не считать крупнейшим, имеющим гигантское международное значение фактом то, что весь восстановительный период народного хозяйства СССР и первые наиболее тяжелые годы его реконструкции проходят не только с восьмичасовым рабочим днем, но и систематическим его сокращением. „В 1913 году рабочий день выражался в среднем 9 ч. 42 м., в 1917 г., когда рабочие ввели захватным порядком восьмичасовой рабочий день,— в 8 ч. 45 м., в 1924 г.—в 7 ч. 37 м., в 1925 г.—в 7 ч. 25 м., в 1926 г.—в 7 ч. 20 м., в 1927 г., по предварительным данным, в 7 ч. 18 м. Эти средние слагаются из сокращенного шести- и семичасового рабочего дня в горячих и вредных производствах и из общего восьмичасового рабочего дня. Кроме того, в 1923 году сверхурочные работы составляли на каждый день 16,8 млн., в 1924 г.—11,4 млн., в 1925 г.—10,8 млн., в 1926 г.—10.2 млн."[1] Таково свидетельство самих профессионалистов. Нечего говорить, как мало эта динамика рабочего дня дает оснований для того, чтобы накануне десятилетия Октябрьской революции выкинуть в борьбе с партией лозунг защиты восьмичасового рабочего дня. Наоборот, предшествующие годы создали достаточные предпосылки для практической постановки вопроса о переходе к семичасовому рабочему дню в советской индустрии. Октябрьский манифест ЦИК СССР в этом смысле ярким светом озаряет весь ход социалистической индустриализации нашей страны в ее социально-политическом и хозяйственном соревновании с индустриализацией и рационализацией капиталистического мира.

Далее—вопрос о заработной плате индустриальных рабочих в СССР. Всем известно, как по этому направлению бьет капиталисти-

[1] М. П. Томский, „Правда", № 273 от 29 ноября с. г.

ческая индустриализация и рационализация в современной Европе. На ряду с нажимом на удлинение рабочего дня идет нажим на задержку роста и прямое снижение заработной платы европейских рабочих. В 1927 г. средняя реальная заработная плата в Германии составляет около 93% довоенной, в Англии—около 90% с перспективой дальнейшего падения в ряде крупнейших отраслей промышленности, во Франции (кроме наборщиков)—около 65—87%, в Италии—около 70—75%. Соед. Штаты дают превышение над военным уровнем.[1]

Конечно, заработная плата советского рабочего класса еще очень низка и степень удовлетворения его материальных и культурных нужд еще совершенно недостаточна. Но это не может заслонить собой того важнейшего, имеющего огромное международное значение факта, что первые, наиболее трудные годы социалистической индустриализации, на ряду с систематическим сокращением рабочего дня, дали неуклонное повышение заработной платы рабочих и переход ее за довоенный уровень. Этот крупнейший успех советской экономической политики усиленно оспаривался оппозицией в период последней дискуссии. Была пущена в оборот легенда о приостановке роста заработной платы. Однако, всесторонний анализ этого важнейшего явления (и непосредственный опыт самой рабочей массы) говорит об обратном. Последние два года не только не дали приостановки в росте реальной заработной платы, но, напротив, ознаменовались ее значительным повышением (1925/26 г.—13,5%, 1926/27 г.—12,4% и 1927/28 г.—предположительно 11%). Это дает уже для 1926/27 г. превышение на 3—5% довоенного уровня. Если же учесть помощь по социальному страхованию, льготные жилищные платежи и коммунальные услуги, то это превышение над довоенным уровнем будет еще более значительным (не менее 10%).

Нужно при этом иметь в виду, что за тот же начальный период индустриализации сложилась мощная система социального страхования в СССР. Рост доходов соцстраха по годам дает: в 1924/25 г.—461,5 млн. руб., в 1925/26 г.—682,5 млн. руб., в 1926/27 г.—859,3 млн. руб. и в 1927/28 г.—предположительно 946,8 млн. руб. Такой рост бюджета соцстраха при снижающемся тарифе страховых взносов свидетельствует о росте рабочего класса и его заработной платы, с одной стороны, и об огромных усилиях, направленных к поднятию его жизненного уровня, с другой стороны. Нельзя не замечать, игнорировать таких явлений.

Этими основными фактами индустриализация нашей страны целиком выявила и доказала свою социалистическую природу и характер своих отношений к рабочему классу. То обстоятельство, что восстановительный процесс народного хозяйства страны и первые труднейшие шаги его реконструкции осуществлены на основе не-

[1] См. Бухарин, Доклад на XV с'езде ВКП(б).

прерывного сокращения восьмичасового рабочего дня и неуклонного повышения заработной платы и вообще жизненного уровня пролетариата является подлинным торжеством советской системы хозяйства в ее тяжбе со своим капиталистическим антагонистом. Социалистическая индустриализация и рационализация Советского Союза с каждым днем все более ярким и притягательным явлением стоит перед сознанием европейского рабочего, угнетаемого жестоким режимом послевоенного капитализма. Это — крупнейший факт.

Значат ли, однако, все эти моменты, что не остается никаких нерешенных и больных вопросов в отношении осуществляемой индустриализации к рабочему классу и обратно? Разумеется, нет. Прежде всего, здесь встает вопрос о росте производительности труда в широком смысле слова. До настоящего времени рост заработной платы и производительности труда шел почти параллельно, с незначительным превышением то одной, то другой кривой на отдельных этапах развития.[1] Есть охотники создавать и в целях политической борьбы пускать в оборот легенды о постоянном и систематическом отставании заработной платы от роста производительности труда.[2] Политический смысл этой легенды ясен, но факты экономической истории страны за последние годы с неоспоримостью свидетельствуют против нее.

Центральным и все еще больным вопросом роста нашей индустрии и ее рационализации является обеспечение гораздо более быстрого и значительного под'ема производительности труда. Вся политика и практика капитальных вложений, рационализаторских начинаний, подготовки квалифицированных кадров, установления распорядков на предприятии, все меры по повышению интенсивности труда и по стимулированию творческого под'ема всех участников производства должны быть подчинены решению этой основной задачи. Тот уровень производительности труда, на котором мы сейчас стоим, недостаточен и опасен для судеб социалистической индустриализации. Перед рабочим классом здесь гигантские задачи, к разрешению которых мы только подходим. Величие и своеобразие социалистической индустриализации заключается в том, что творческий под'ем миллионных рабочих масс является главной и основной предпосылкой решения этих задач. Социалистическая индустриализация рассчитывает на высокий уровень политического сознания рабочего класса, его преданности делу своего государства и, вместе с тем, сама является могучим стимулом для роста творческих сил пролетариата. Это в полном смысле слова школа коммунизма. Семичасовой рабочий день здесь должен сыграть огромную роль.

[1] См. „Контрольные цифры на 1927/28 г." и статьи Краваля и Томского в „Правде", № 273.

[2] См. статью Колесникова в „Большевике" (№ 18 за 1927 г.).

Нет сомнения, что это труднейшее напряжение сил рабочего класса, которого требует и будет требовать от него социалистическая индустриализация, неоднократно еще будет вызывать известное сопротивление со стороны отсталых, наименее индустриально и социалистически воспитанных слоев пролетариата. Найдутся, разумеется, и идеологи этого сопротивления. Но нет также сомнения и в том, что пролетарский авангард сумеет увлечь за собой эти отсталые массы на великий и трудный путь социалистической индустриализации так же, как он в неизмеримо более трудных условиях увлекал их на защиту советского государства и на борьбу с разрухой и нищетой. На этот именно путь и зовет пролетариат XV с'езд ВКП (б).

Труднейшей проблемой хозяйственного строительства СССР продолжает оставаться городская безработица и питающее ее аграрное перенаселение страны. Эти явления давят на ход индустриализации, в особенности на процессы рационализации производства и на отношение к ним рабочего класса. Есть охотники ответственность за безработицу возложить на экономический курс партии и, в частности, на мизерность масштабов проводимой индустриализации. Есть охотники в наличии тяжелой безработицы в СССР видеть свидетельство недостаточного „социалистического качества" его экономического строительства и недостаточного преодоления нашей экономической системой „всеобщего закона капиталистического накопления".[1] Разумеется, анализ того, в какой мере действуют в нашей системе хозяйства законы капиталистического общества является делом весьма необходимым, которым мы занимаемся, к сожалению, слишком мало. Но эта работа не имеет ничего общего с тем, когда в общем хоре голосов о термидорианском перерождении власти начинают мнимым торжеством „всеобщего закона капиталистического накопления" об'яснять явления безработицы в СССР и с этой точки зрения оценивать возможные темпы ее ликвидации.

Прежде всего, о численности безработицы. Последние годы давали ее нарастание, обусловливаемое притоком ищущих труда из деревень и значительным сокращением государственных аппаратов. Это движение безработицы определяется в следующем виде: 1924/25 г. в среднем за год 848.000, в 1925/26 г.—1.017.000, в 1926/27 г.—1.350.000.[2] По статистике профсоюзов, ведущих более разветвленный учет, эта цифра несколько выше. Нужно иметь в виду, что около 60% зарегистрированных безработных либо впервые предлагают свой труд (27,3%), либо не имеют профессий и квалификации (32%). Кроме того, значительные кадры из зарегистрированных не ищут труда, а лишь стремятся к сохранению прав членов профсоюзов, имеющих огромное общественное и бытовое значение. Наконец, не все эти кадры безработных давят на города,—наибольший процент безработных падает на сезонных рабочих и на рабочих производств, расположенных в деревнях.[1]

[1] См. статью Колесникова в „Большевике".

[2] См. „Контр. цифры на 1927/28 г.", стр. 213.

Никто не может отрицать того факта, что рост помощи безработным из года в год увеличивается, в частности в 1927/28 году она должна составить около 132 млн. руб. против 84,5 млн. руб. в 1926/27 году. Но центральный вопрос борьбы с безработицей не в этом. Без осуществления крупнейших задач по под'ему производительных сил сельского хозяйства, т.-е., по существу дела, без широкой индустриализации самого сельского хозяйства эта проблема не найдет своего разрешения. И нет надобности искать ее на другом пути. Надо только сохранять историческую перспективу, надо понять, что начальные и труднейшие шаги по под'ему городской индустрии и создают те отправные позиции, с которых можно будет двинуться на радикальное изменение самого строя сельского производства, отсталости и нищеты сельской жизни.

Безработица лежит тяжелым грузом на всем нашем строительстве, на индустриализации и рационализации, в частности. Проблема эта чрезвычайно сложна и тяжела. Но именно поэтому и нет нужды ее преувеличивать и извращенно представлять. Между тем, совершенно же очевидно, что в переплете общественных сил нашей страны тяжесть безработицы пытаются эксплоатировать те силы, которые выступают против форсированного темпа развития тяжелой индустрии, те мелкобуржуазные прослойки, которые попадают под колеса технической реконструкции и рационализации общественного производства в СССР. Нужно только удивляться тому, с какой легкостью в этих сложнейших условиях нашей страны и перед лицом тех суровых требований, которые приходится пред'являть ко всей стране для решения ее грандиозных задач, люди, называющие себя коммунистами, взваливают вину за безработицу на экономический курс партии. И поистине классическим нужно считать „убийственный" аргумент тов. Колесникова: „Ведь нельзя же бедняка, приходящего в 1930 году в город в поисках работы, утешать тем, что в его злосчастной судьбе виноваты царизм и Антанта". Неужели же тов. Колесников думает, что к 1930 г. можно будет переадресовать на ответственность советской власти все вековые наследия отсталости и нищеты? Неужели же тов. Колесников думает, что к 1930 г. у трудящихся Советского Союза будут покончены счеты с Антантой, сжимающей нас враждебным, вооруженным кольцом и вынуждающей драгоценные сбережения народного труда в огромной доле вкладывать в непроизводительные расходы по обороне? Сколько же безответственности может быть отпущено одному человеку!

Путь социалистической индустриализации осознан и воспринят рабочим классом нашей страны. Это в настоящее время один из наиболее любимых и популярных лозунгов у рабочего класса. Вся

[1] См. статью Томского в „Правде" № 273.

политическая обстановка страны говорит об этом. Трудности индустриализации не пугают основное ядро советского пролетариата. Крушение оппозиции об этом свидетельствует. XV с'езд партии еще больше сплотил пролетарский авангард вокруг этой программы и тем самым укрепил и усилил возможность ее победоносного осуществления.

3. Индустриализация и крестьянство

Этот ответственнейший и труднейший вопрос не перестает занимать и волновать партию и страну. Он является одним из центральных вопросов политической дискуссии последнего периода и XV с'езда ВКП(б). Пролетарская революция создает принципиально иное, чем при капитализме, отношение между городом и деревней. Социалистическая индустрия опирается в своем росте на под'ем широчайших масс крестьянства, на укрепление и развитие бедняцких и середняцких слоев деревни. Социалистическая индустриализация должна вести к неуклонному укреплению рабоче-крестьянского блока, этого краеугольного камня, решающего фактора диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране.[1]

Что по поводу этой генеральной установки говорит опыт социалистической индустриализации истекшего периода? Этот вопрос тем более важен, что именно по этой линии практическую программу индустриализации критиковали и штурмовали с различных сторон.

Прежде всего, здесь речь должна итти о тех, кто обвиняет экономический курс партии в переложении всей тяжести индустриализации на плечи рабочего класса, в недостаточном перераспределении национального дохода в пользу индустрии за счет частного сектора, т.-е. в первую очередь крестьянского. Выше были показаны ход обобществления в народнохозяйственном строительстве страны, динамика рабочего дня, заработной платы, эволюция бюджета соцстраха и т. п. Спрашивается, как все это было бы возможным, если бы индустриализация проводилась за счет рабочего класса при явном крестьянском уклоне экономического курса партии? Совершенно понятно, что все отрицание достижений в уровне жизни рабочего класса нужно было для оправдания еще большего нажима на крестьянство ценою хотя бы срыва рабоче-крестьянского блока,[2] для установления тех колониальных или полуколониальных отношений между городом и деревней в период „первоначального социалистического накопления", которое лежит в основе экономической программы оппозиции. Именно этой же цели призвана служить и вылазка тов. Колесникова в область пятилетнего плана, где он, охотно и некритически хватаясь за любой неверный расчет, пытается

[1] См. тезисы тов. Молотова к XV с'езду.
[2] См. заявление И. Н. Смирнова на райпартконференции в Москве.

в пятилетке найти индустриализацию за счет одного пролетариата и значительное положительное сальдо в пользу деревни в ее расчетах с городом. Все это достигается при легкомысленнейшем игнорировании „ножниц" и переплаты на них со стороны крестьянства. Восстановление этой „мелочи" в корне меняет картину.[1]

Едва ли нужно доказывать, что это направление экономической (вернее политической) мысли не имеет никаких шансов влиять на реальный ход нашей экономической политики. Слишком большое место проблема рабоче-крестьянского блока занимает в идеологическом арсенале партии и в реальном ходе пролетарской революции, чтобы можно было легко сломать здесь партийный курс. Какими бы густыми ни были дымовые завесы в этой борьбе, как бы ни нагромождали аргументы от мнимого понижения жизненного уровня рабочего класса, от мнимого перекладывания на его плечи всех тягот индустриализации, никому не удастся сорвать социалистическую индустриализацию с надежных устоев рабоче-крестьянского блока в нашей стране.

Участие ресурсов крестьянства в решении социалистических задач нашего хозяйственного строительства есть и не может не быть на нынешней стадии развития, перераспределение национального дохода в этом направлении происходит. Не превзойдена ли мера этого перераспределения, не правы ли те „эпигоны народничества" или глашатаи „хозяйственно-мощных слоев деревни", оценку выступлений которых против индустриализации дал тов. Струмилин?[2] Это вопрос первостепенной важности. Ведущее начало нашей экономики—индустрия—должно быть укреплено и форсированным темпом развито, но не за счет отрыва от своей сельскохозяйственной базы, от многомиллионного крестьянства страны. Удалось ли в практике экономического строительства предшествующего периода найти здесь правильный путь? Каковы в этом отношении реальные итоги пройденного этапа?

Прежде всего, нельзя пройти мимо того факта, что последние годы, т.-е. период форсированно развертывающейся индустриализации страны отмечен значительным улучшением политических отношений между городом и деревней, все углубляющимся ходом подлинной советизации деревни по всем линиям строительства. Этот рост советской активности деревни, идущее по различным и многочисленным каналам укрепление советских форм хозяйственной, культурной и политической деятельности, усиление руководящей роли пролетарского города во всем общественном укладе деревни, являются одним из наиболее важных и драгоценных завоеваний последнего периода в строительстве СССР. Но это явление не стоит самостоятельно и изолированно. Оно является результирующим сложного

[1] См. „Большевик", № 22, полемику Колесникова и Розенталя.
[2] См. „План. Хоз.", № 8, 1927.

комплекса причин и в первую очередь прямым результатом того нового, принципиально иного (чем при капитализме) экономического отношения между городом и деревней, между социалистической индустрией и сельским хозяйством, которое с каждым новым годом все более прочно закрепляется в нашей стране.

Это политическое замирение деревни за последние годы, развертывающийся ход ее советизации коренным образом связаны с увеличением доходов крестьянства, со смягчением того разрыва в темпе роста доходов городского и деревенского населения, которое существовало еще совсем недавно. Доходы городского населения росли по годам следующим образом: в 1925/26 г. на 40,0%, в 1926/27 г.—14,4% и предположительно в 1927/28 г.—6,2% (пролетариата—49,1%, 18,1% и 7,7%). Соответственно доходы земледельческого населения: в 1925/26 г. на 21,8%, в 1926/27 г. на 7,2% и в 1927/28 г. на 6,7%.[1] Эти цифры весьма показательны. Темпы роста доходов города и деревни сближаются в ходе развертывающейся индустриализации страны. В этом сказывается налоговая политика советского государства, которое как раз в последние годы проявило величайшую осторожность в обложении крестьянского хозяйства и все время шло на систематическое расширение льгот для маломощного крестьянства. В этом сказывается, далее, политика цен как на сельскохозяйственные продукты (в частности, повышение цен на технические культуры), так и в особенности линия на снижение промышленных цен, красноречиво выражающая собой подлинное отношение социалистической индустрии к крестьянскому хозяйству и задачам по его под'ему и реконструкции. Наконец, в этом росте доходов земледельческого населения отражается его растущее участие в строительной и промышленной жизни страны, в ее индустриализации. Исследования показывают, что около половины всех денежных доходов крестьянство получает от промысловых заработков, т.-е. столько же, сколько и от реализации сельскохозяйственных продуктов. Мы обычно прямо недооцениваем этого участия крестьянства в промышленной и строительной деятельности страны.

Всем известны данные о размерах восстановления нашего сельского хозяйства. По размерам площади в среднем по Союзу мы подходим к довоенному уровню, по скоту несколько его превышаем, то же и по валовой продукции. Технические и интенсивные культуры дают превышение над довоенным уровнем, примерно, на 30%.[2]

Это восстановление сельского хозяйства и в особенности его реконструктивные сдвиги не прошли без активнейшего участия советского государства. Достаточно указать на то, что сумма ассигнований на государственные мероприятия в сельском хозяйстве вырастает

[1] См. „Контрольные цифры на 1927/28 г.".

[2] См. Г. М. Кржижановский, „Десять лет борьбы и строительства" и Вишневский, „Третий урожайный год" в „План. Хоз." №№ 11 и 9.

в 1927/28 г. до 684,1 млн. руб. против 590,9 млн. руб. в 1926/27 г., т.-е. 24,4%, при том условии, что сельскохозяйственный налог составит в 1927/28 г. 5,4% по всему денежному доходу крестьянства против 6,1% в предшествовавшем году. Возможно, что эти ассигнования в их абсолютном выражении недостаточны. Наверное нужно более энергичное развертывание государственных мероприятий в сельском хозяйстве, более энергичная поддержка общественно-производственных начинаний самого крестьянства. XV' с'езд в этом смысле дал совершенно отчетливую установку. Но не подлежит сомнению, что и до с'езда, на протяжении последних лет реальная программа государственных мероприятий по реконструкции сельского хозяйства шла по линии развертывания, усиливалась неуклонно. В этом именно и сказывается подлинная природа взаимоотношений между социалистической индустриализацией и сельскохозяйственным прогрессом, экономическим под'емом широчайших масс крестьянства. Это нужно отчетливо усвоить всем тем представителям „реакционнейшей, антипролетарской утопии,"[1] которые хотят искать возможностей для более быстрого развития сельского хозяйства в ослаблении темпа развертывания нашей промышленности. Надо понять, что ограничивающим лимитом в дальнейшем расширении государственных мероприятий по реорганизации сельского хозяйства был и продолжает оставаться низкий уровень нашего промышленного развития.

Огромное значение XV' с'езда заключается в том, что он эту проблему взаимоотношений между социалистической индустриализацией и форсированным выходом на путь сельскохозяйственного прогресса широчайших масс крестьянства поднял на новую высоту, придал ей широкий размах и практическую постановку. С'езд подчеркнул недостаточность наметившихся темпов сельскохозяйственного прогресса страны и поставил всю партию лицом к лицу с гигантской задачей найти ускорение этого темпа на тех новых путях, которые открывает для деревни советский строй. Одной из центральных идей XV' с'езда является необходимость более решительного вытеснения капиталистических элементов из хозяйственной системы СССР. Этим самым ставится решительный предел всяким попыткам сбивать вопрос о под'еме производительных сил сельского хозяйства на путь расширения нэпа, покровительства верхушечным, „хозяйственно-мощным слоям" деревни и т. п. В противовес этому с'езд указывает путь сельскохозяйственного прогресса „в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и об'единенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники". „Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа

[1] См. Сталин, доклад на XV' с'езде.

и убеждения об'единять в крупные хозяйства на основе общественной товарищеской обработки земли с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных методов интенсификации земледелия". [1]

Разумеется, в самой этой программе нет ничего нового и неожиданного для партии и советского строя. Новое и решающее заключается в том, что, опираясь на рост хозяйственной и организационной мощи страны за последние годы, на первые успехи советской индустрии, на многочисленные сдвиги реконструкции в самом сельском хозяйстве, на рост кооперирования и коллективизации, партия видит в стране реальные ресурсы и предпосылки для более широкого и практического „подчинения сельского хозяйства государственному и коллективному началу". Нет нужды подчеркивать, как сложна и грандиозна эта задача, какой под'ем общественной энергии и коллективных усилий в стране в целом она предполагает. Здесь нужен могучий и организованный под'ем самодеятельности самого крестьянства и всех его общественных организаций. Здесь нужен новый и организованный прилив пролетарского общественного внимания и помощи деревне. С'езд во весь рост поставил эти общественно-организационные задачи. Повести за собой уже начинающее подыматься к общественным и коллективным формам земледелия крестьянство, организовать его, вооружить технически и культурно,—вот, поистине, грандиозная и благодарная задача, которая практически встала перед пролетариатом и его партией уже в самом начале социалистической индустриализации страны. Партия начинает практически нащупывать пути для решения величайшей задачи социализма,— устранения противоположности между городом и деревней. Нет сомнения, что партия в этом деле поведет за собой широчайшие крестьянские массы так же, как вела их на разгром феодально-крепостнических устоев самодержавия и на длительную и тягчайшую оборону страны советов в героический период военно-политического союза рабочего класса и крестьянства.

Задачи, поставленные XV с'ездом в области сельского хозяйства, ярким светом озаряют то отношение между социалистической индустриализацией и крестьянством, которое является крупнейшим шагом вперед в развитии рабоче-крестьянского блока и которое так усердно пытались извратить и глашатаи так называемой сверхиндустриализации и реакционные „эпигоны народничества". Этот путь дается не легко. Печать величайшей напряженности лежит на экономическом обороте города и деревни в начальной стадии развертывающейся индустриализации. Периодическое обострение товарного голода, затруднения с реализацией отдельных сельскохозяйственных товаров, напряженность продовольственной и сырьевой базы страны, обусловленные этим колебания экспортно-импортной программы и

[1] См. Сталин, доклад на XV с'езде.

многое другое,— создают те величайшие трудности, с которыми связано осуществление программы нашего экономического строительства и от которых любители легких кавалерийских маршей склонны впадать в пессимизм по поводу самой программы, оценивая ее по принципу „гладко писано на бумаге, да забыли про овраги". Действительно, нет более трудного и овражистого пути, чем путь рабоче-крестьянского блока начального периода социалистической индустриализации в беспримерно тяжелых условиях нашей страны и при нарастающей враждебности капиталистических конкурентов. Но другого более легкого пути нет. Вот почему величайшим реализмом и чувством меры, маневренной гибкостью и неослабным массовым самоконтролем должна быть проникнута практическая программа решения этих великих задач.

4. Индустриализация и под'ем отсталых народов

Всем известен путь индустриализации крупнейших капиталистических стран. Это путь жесточайшей эксплоатации, прямого ограбления зависимых и отсталых народов, систематического задерживания их на первобытных ступенях развития. Нет ни одной великой цивилизованной страны современности, историческая дорога которой не была бы полита кровью и усеяна могилами целых народов, ограбленных и уничтоженных во имя торжества капиталистической цивилизации. Послевоенная версальская Европа, Соед. Штаты Сев. Америки, перетягивающие к себе центр мировой экономики, и Япония с величайшим, неслыханным обострением продолжают в наше время эту имманентную капитализму тенденцию, этот своего рода всеобщий принцип капиталистического индустриального развития.

Социалистическая индустриализация идет иным, принципиально отличным путем. Ее отношение к судьбам отсталых народов так же принципиально отлично от капиталистического, как и отношение к пролетариату и крестьянству своей страны. Отказ от неравноправного договора с Китаем и передача причитающихся по этому договору средств на культурный под'ем китайских народных масс, активная поддержка революционно-национального движения в колониальных и зависимых странах, заключение с ними максимально благоприятных для них торговых договоров и величайшие усилия по под'ему экономического и культурного уровня отсталых народов внутри СССР, — все эти факты ставят индустриальное развитие наше страны в совершенно иную, невиданную в истории человечества позицию по отношению к отсталым народам. В этом одно из великих своеобразий социалистического строительства нашей страны вообще и ее индустриализации в частности, обеспечивающее гигантский рост симпатий на всем колониальном Востоке и среди зависимых и угнетенных стран Запада. Но в этом есть также и источник напряженности и трудностей всего нашего экономического строительства.

Линия на максимально большую и быструю эффективность экономических мероприятий, на максимально быстрое рентирование вкладываемых ресурсов (что является решающим для судеб нашей страны) должна быть в программе экономического строительства правильно и заботливо сочетаема с длительными, трудными и дорогими мероприятиями по под'ему многочисленных, на различных ступенях развития находящихся угнетенных ранее народов нашей страны

Как в действительности обстоит здесь дело?

Здесь также, прежде всего, бросается в глаза семимильными шагами идущий процесс изживания межнациональной розни внутри Советского Союза, рост подлинного союза больших и малых народов и их прочная политическая консолидация вокруг центра. Этот процесс начался вместе с Октябрьским переворотом. Но именно в последние годы, на которые падает начало энергичного развертывания индустриализации страны, замирают последние отзвуки той национальной вражды, в которую мелкой буржуазии удавалось вовлекать крестьянство и даже отдельные слои рабочего класса. Политическая ликвидация восстания в Грузии, успешный ход национального размежевания Средней Азии являются здесь наиболее показательными фактами. С другой стороны, именно в последние годы получила значительный размах работа среди национальных меньшинств по всему Союзу, требующая систематических, сложных и дробных усилий по обеспечению развития даже мельчайших национальных образований (районы, волости и т. п.), рассеянных по стране. На практические рельсы поставлены такие задачи, как массовый переход трудящихся евреев на землю и т. п.

Этому политическому процессу сопутствует все более широко разворачивающееся культурное строительство среди отсталых народов и угнетенных ранее наций СССР. Ход этого строительства на базе „пяти социально-экономических укладов" чрезвычайно пестр и многообразен, он еще весьма недостаточно выявлен и изучен, но общее направление его на под'ем национальной культуры, на изживание всех и всяческих элементов национального угнетения и принижения, — совершенно бесспорно. Создание алфавитов у наиболее отсталых народов, школьное строительство, развитие местной национальной прессы, целое поколение подымающихся молодых писателей всех народов и наций СССР, создание ряда национальных высших школ, академий наук и художеств,—все это молодое цветение освобожденных наций и получивших мощную поддержку отсталых народов падает как раз на начальные, труднейшие годы социалистической индустриализации нашей страны. Как мало этот первоначальный период социалистического накопления похож в отношении к отсталым и угнетенным ранее нациям на тот смерч повального грабежа, беззастенчивой эксплоатации и массового уничтожения зависимых народов, который от рождения до могилы сопутствует ходу капиталистической индустриализации!

Совершенно очевидно, что в основе этого политического и культурного под'ема угнетенных ранее наций и отсталых народов СССР лежат наметившиеся за годы революции и, в особенности, за последний период коренные сдвиги в направлении их экономического развития. Нет нужды напоминать, что аграрная революция сломала основы феодальных и полуфеодальных порядков на отсталых окраинах нашей страны, коренным образом изменила цели и направления переселенческих потоков, сломала практику колонизаторства и установила совершенно иные отношения между пришлыми поселенцами и коренным населением районов. Радикально изменена постановка проблемы эквивалентов в экономическом обороте между промышленным центром и полуколониальными ранее районами — поставщиками сырья.[1] Все это не могло не дать совершенно иного направления и иных темпов экономического развития отсталых народов, чем это было в дореволюционную эпоху.

Но особенно важно то, что сама социалистическая индустриализация, лишь только она получает возможность освободиться от старого основного капитала индустрии и выйти на путь нового строительства, по новому ставит вопрос о соотношении экономических районов, о разделении между ними труда, о размещении индустриальных центров. Проблема индустриализации отсталых народов и районов становится в порядок дня экономической политики и практики нашей страны. И уже первые начальные шаги социалистической индустриализации СССР носят на себе печать именно такого подхода к отсталым народам.

Некоторые иллюстрации здесь таковы. Во-первых, удельный вес промышленной продукции в общей народнохозяйственной продукции районов нарастает из года в год. Эти изменения по годам за период с 1924/25 по 1927/28 гг. включительно характеризуются следующим образом: Белоруссия 11,8%, 15,3%, 17,2%, 18,1%; Украина—34,3%, 38,8%, 42,3%, 43,9%; Крым—36,8%, 36,8%, 40,9%, 44,1%; Дагестан—31,7%, 36,2%, 39,4% и 46,2% Башкирия—16,3%, 18,5%, 22,0%; Казакстан—10,2%, 10,3%, 10,3%, 10,3%, 12,0%; Узбекистан—35,2%, 38,6%, 38,6%; Туркменистан (последние два года) 41,8% и 42,5%. Такую же картину дают: рост удельного веса населения, занятого в промышленности, рост капитального строительства и целый ряд других показателей. В таком же направлении развиваются и процессы обобществления, т.-е. начинающаяся индустриализация окраин проходит при усилении социалистических элементов в хозяйстве в целом.

XV с'езд партии лишь обобщил и дал еще раз твердое принципиальное выражение уже складывающимся реальным отношениям, когда по докладу о пятилетнем плане принял следующее постановление: „Пятилетний план должен уделить особое внимание вопро-

[1] См. ст. Лаврентьева „Азия „инородцев" и Азия СССР" в „План. Хоз.", № 11, 1927 г.

сам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза". Этим самым характер отношения социалистической индустриализации к отсталым народам и задачам экономического и культурного их под'ема выявлен с полной определенностью. Нет сомнения, что каждый шаг наших достижений на этом пути отраженным эхом прокатится по всему колониальному Востоку, среди всех зависимых и угнетенных народов. Недаром идущая к закату Британская империя, пытаясь удержать свои колониальные позиции, оказывается вынужденной делать значительные уступки по части индустриализации (капиталистической, разумеется) в Индии.

Нет возможности переоценить гигантское значение того подлинно социалистического сочетания индустриализации СССР и под'ема его отсталых народов, которое осуществляется в ходе нашего экономического строительства и которое запечатлено в директивах XV' с'езда по построению пятилетнего плана. Но тем более необходимо со всей отчетливостью видеть исключительные трудности этого дела. Мы строим за счет текущих накоплений страны в обстановке нарастающей враждебности капиталистического мира. Мы обязаны обеспечить максимальную эффективность и максимально быстрое рентирование вкладываемых капиталов. Военно-стратегические интересы Союза часто перекрывают чисто экономические расчеты. Надо найти правильное сочетание общесоюзных интересов с интересами отдельных районов и народов, правильное разделение труда в народнохозяйственном строительстве страны. Это может быть обеспечено лишь на основе научно-поставленного экономического районирования СССР. XV' с'езд особо подчеркнул сугубо важное значение этого дела.

5. Индустриализация, план и задачи культурной революции

Индустриализация стала столбовой дорогой строительства социалистической экономики и социалистического общества в СССР. В развернутой программе социалистической индустриализации ленинскими нитями увязаны задачи укрепления пролетарской диктатуры, рабоче-крестьянского блока и братского союза освобожденных народов. Красной нитью через эту программу проходит директива об усилении обороноспособности Советского Союза перед лицом нарастающей враждебности капиталистического мира. Во весь рост встает из этой программы неотложная необходимость форсированного под'ема культурного уровня страны, настоящей культурной революции в народных массах.

Нужно понять это беспримерное в истории человечества сочетание задач и поистине гигантские трудности, стоящие на пути их

разрешения. Пройденный этап в полной мере развернул эти трудности, и вместе с тем, выявил те силы, которые гарантируют успешное решение этих задач. План в народнохозяйственном строительстве, единство направления и воли, мобилизация ресурсов и устремленность к единой цели творческих усилий многомиллионных масс имеют здесь величайшее, решающее значение. Не случайно директивы к построению пятилетнего народнохозяйственного плана встали перед XV' с'ездом партии. Как ни трудно перспективное планирование в нашей стране, значительные предпосылки для него накоплены и в укреплении позиций государственного сектора народного хозяйства и в опыте плановых органов. Однако, партия в целом не была еще полностью приобщена к делу построения больших планов народнохозяйственного строительства. XV' с'езд открывает в этом смысле новую полосу работы. Его директива об обеспечении „разработки пятилетнего плана с таким расчетом, чтобы он был поставлен на рассмотрение ближайшего с'езда советов и чтобы было обеспечено привлечение к тщательному и всестороннему обсуждению проекта плана всех местных, советских, профессиональных, партийных и других организаций", придает этому делу широчайший общественный резонанс и массовый характер. Работы над построением пятилетнего плана входят в число важнейших, актуальнейших задач партии на ближайший период. Это не может не придать им гораздо более значительного и плодотворного характера.

Нет спора, до настоящего времени в дело народнохозяйственного планирования были вовлечены большие кадры квалифицированных сил в области экономики и техники. Плановые органы за последний период в известной мере окрепли и консолидировались вокруг Госплана СССР. Как ни серьезны, однако, эти организационные достижения, они не обеспечивают еще в полной мере решения задач по построению пятилетнего (а вслед за ним и генерального) плана в его развернутом виде (экономическая программа, план строительства, проблемы технической политики, районирование и т. п.). Необходим новый крупный шаг вперед в организации плановых работ в стране, необходимо вовлечение в это дело новых организаций, научно-исследовательских институтов и деятелей экономики и техники. Передовые слои технической интеллигенции широко идут навстречу этим новым задачам. Надо обеспечить использование и стимулирование этого важнейшего общественного движения. Плановые органы страны должны подняться на новую более высокую ступень в своем развитии и теснее сомкнуться между собою и найти более гибкие, общественные приводы ко всем ячейкам экономической и технической мысли страны. Этого требуют возросшие задачи по построению больших и реальных планов социалистической индустриализации СССР.

Однако, совершенно бесспорным является, что собственными техническими силами нашей страны трудно обеспечить такое по-

строение пятилетнего плана (особенно, в части строительства и техники), которое полностью отвечало бы его значению и его роли в нашем социалистическом строительстве. Нужен гораздо больший, чем до сих пор, учет опыта передовых капиталистических стран, последних достижений мировой науки и техники. Необходима более широко и организованно поставленная европейская и американская экспертиза в нашем новом строительстве. До сих пор мы привлекали экспертизу по отношению к отдельным сооружениям крупного масштаба. В порядке работ по построению пятилетнего народнохозяйственного плана эта экспертиза могла бы иметь своим предметом целые отрасли промышленного или сельскохозяйственного строительства.

Индустриализация—это составная часть, ведущее начало общей программы социалистического строительства в СССР. Социалистическая индустриализация — это организация народного труда в новых общественных и культурных формах. Культурный под'ем, больше того,—культурная революция—в народных массах становится необходимейшей предпосылкой и вернейшим спутником социалистической индустриализации страны. Никто так остро, как Ленин, не чувствовал тех величайших преград, которые ставят на пути к социализму отсталость и малая культурность нашей страны. В самых трудных условиях, на самых тяжких этапах борьбы он не уставал указывать на культурный фронт и его задачи. Теперь мы имеем совершенно иные, гораздо более мощные ресурсы, чтобы со всей силой взяться за это ленинское звено в общей цепи нашего победоносного продвижения к социализму. С трибуны XV с'езда прозвучал призыв к культурной революции в народных массах СССР. В этом свидетельство нашего роста и вернейший залог великих достижений.

Навстречу новым боям за социализм и великим победам идет страна под надежным руководством единой, сплоченной ВКП(б)!

В. Г. Громан

Народное хозяйство Союза за 1926/27 хоз. год

Общая экономическая характеристика

Каждый год советского хозяйства представляет собой этап экономической эволюции. Если годы 1921—1924 были периодом восстановления, если 1925/26 г. был годом переломным от восстановительного к реконструктивному периоду, то 1926/27 г. должен быть признан первым годом реконструктивного периода по преимуществу.

Наиболее наглядно этот основной тезис может быть иллюстрирован и, вместе с тем, наиболее убедительно аргументирован соотношением четырех величин, а именно: динамическими показателями роста продукции и капитальных вложений за оба последние года. Если в 1925/26 г. темп роста продукции сельского хозяйства и промышленности в реальном выражении был равен 25,7%, а темп роста капитальных вложений—29,1%, то в 1926/27 г. мы имеем рост продукции всего в 7,6%, а темп роста капитальных вложений в 21%.

Оба показателя роста сильно уменьшились, но с таким характерным различием: темп роста продукции уменьшился в три раза, а темп роста капитальных вложений всего на одну треть. Здесь существенно и общее замедление темпа, неизбежного при завершении восстановительного процесса, когда рост хозяйства достигался, главным образом, благодаря активизации неиспользованных производительных сил, оставшихся от прежнего порядка, и что особенно важно: наблюдается совершенно иное отношение между ростом продукции и вложениями. В 1925/26 г. это отношение близко к единице, а в 1926/27 г. равно уже трем в пользу последнего. Прирост продукции идет, главным образом, на капитальные вложения и доля последних растет с 11,7% до 13,9% ценностности всей продукции, т.-е. на 18,8% (все цифровые данные взяты из „Контрольных цифр за 1927/28 г.“, стр. 465, 474, 523).

Все эти показатели до сих пор носят предварительный характер, так как нет еще отчетных данных за 1926/27 г. ни о продукции, ни, тем более, о капитальных вложениях. Но как бы ни уточнялись дальнейшие подсчеты — соотношения указанных величин, а следовательно, и основной экономический вывод не изменятся.

Экономист должен ответить на следующие вопросы: как смогло хозяйство выделить эти крупные вложения, каков хозяйственный эффект этих вложений, осветить вопрос, как сложились взаимо-

отношения хозяйственных элементов при этих крупных капитальных вложениях, как жилось при этом трудящимся массам и, наконец, каков социальный характер экономической эволюции; развивались ли дальше процессы обобществления или же наоборот — пришлось сделать уступки капиталистическим отношениям.

Но на вопрос об экономическом эффекте вложений ответить даже на основании отчетных данных невозможно, — мы не сумели еще поставить необходимого текущего изучения этой центральной важности вопроса, но экспертный учет уже сделан контрольными цифрами Госплана в форме предположений о коэфициенте производительности труда и движении себестоимости, опирающийся, главным образом, на антиципацию экономического эффекта реконструктивных начинаний, осуществляющихся путем капитальных вложений. По предположениям контрольных цифр себестоимость должна понизиться на 6%, а производительность рабочего подняться на 11%.

Переходя к изложению хода хозяйственной жизни в 1926/27 г., мы проследим взаимную зависимость производства, распределения, товарного и денежного обращения, потребления и накопления, положив в основу анализ производства. По тем предварительным данным, которые в настоящее время имеются, мы можем характеризовать производство 1926/27 г. следующим образом.

Область сельского хозяйства. Наш хозяйственный год испытывает влияние двух урожаев. Первые три квартала находятся под влиянием урожая предыдущего лета, последний квартал — под влиянием урожая текущего лета. Урожай лета 1926 года давал довольно существенный прирост продукции зерновых культур (5,9%), обнаружил крупный прирост продукции животноводства (на 5%), но одновременно сопровождался падением сбора технических культур (на 18,4%), в общем же вся продукция сельского хозяйства в довоенных ценах, т.-е. в количественном выражении, увеличилась всего на 4%. Это обстоятельство предопределило и ход хозяйственной жизни и экономическую политику нашу в отношении отдельных сторон сельского хозяйства в течение трех кварталов года. Мы имели хорошие хлебозаготовки при низких хлебных ценах, и должны были резко поднять оценку технических культур, для того чтобы стимулировать их посевы. В области животноводства мы держались политики, аналогичной техническим культурам, хотя экономическое обоснование этой политики представить трудно. Частные цели — именно поощрение экспорта — здесь возобладали над общими народнохозяйственными соображениями. Зерновые культуры мы заготовили вместо индекса 1,32 за октябрь—июнь прошлого года по индексу 1,13 и по индексу 1,04 в октябре—июне 1926/27 г. Технические культуры вместо индекса 1,18 в первый период 1925/26 г. мы заготовляли по индексу 1,20 в первый период 1926/27 г., а продукцию животноводства вместо индекса 1,68 в первый период прошлого года по индексу 1,70 в первый период текущего года. Урожай лета 1927 г. принес

понижение сбора хлебов на 2,5%, сопровождался более замедленным ростом продукции животноводства (на 4,1%) и принес с собой огромный прирост технических культур на 27,2%. В итоге вся продукция сельского хозяйства дала коэфициент роста почти такой же как и в прошлом году + 4,2%.

Как мы учли результаты этих явлений? Заготовительный индекс зерновых культур мы подняли до 1,22, индекс продукции животноводства подняли до 1,90 и удержали на прежней высоте индекс технических культур (1,19). Как мы увидим далее этот уровень цен создал огромный рост покупательной способности деревни, которому мы не могли противопоставить достаточного товарного предложения. В итоге сложный хозяйственный год в области сельскохозяйственного производства и условия его реализации характеризуются уже такими цифрами: а) в довоенных ценах: общий под'ем продукции равен 4,1%, зерновые культуры 3,8%, прирост продукции животноводства достигает 4,8%, а продукция технических культур упала на 8,4%.

В червонных ценах мы имеем прирост ценности всей продукции +0,2%, падение ценности зерновых культур на 10,3%, падение ценности сбора технических культур — 3,2% и рост ценности продуктов животноводства на 8,1%. Абсолютные величины всей продукции в довоенных ценах равнялись: в 1925/26 г.—12.273 млн. руб. и в текущем году—12.775 млн. руб., а в червонных ценах соответственно 18.773 млн. руб. и 18.810 млн. руб.

Такой расчет получается при делении продукции равномерно на четыре части и при отнесении на четвертый квартал четвертой доли продукции соответствующего сельскохозяйственного года.

Годовые индексы сельскохозяйственных цен дали нам по посевным культурам падение с 1,26 до 1,10, технические культуры дают маленький рост с 1,18 до 1,20 и по животноводству имеется более крупный рост с 1,71 до 1,76. Но статистические операции с этими средними составными показателями за хозяйственный год мало продуктивны, так как итог за каждый хозяйственный год, т.-е. сложный составной, получается, как мы видели, из совершенно неравноценных частей; рассмотрение процессов изменений по периодам года в зависимости от влияния урожаев говорит нам о том, что первые три квартала 1926/27 г. находились под влиянием хорошего урожая хлебов, плохого урожая технических культур лета 1926 г., что привело к падению цен на первые и роста цен на вторые, что в свою очередь обусловило и темпы развития посевной площади к весне 1927 г. Технические культуры к весне 1927 г. дали прирост на 25%, а зерновые культуры в яровом поле остались почти стабильными, дав прирост на 1%, в то время как озимые посевы, находившиеся под влиянием кон'юнктуры предшествующего года, давали рост на 5,1%.

Политика заготовительных цен на продукцию животноводства, в связи, конечно, с дешевым хлебом, привела к крупному росту животноводства, которое выросло на 5,2%. В области производства сельского хозяйства к лету 1928 г. мы должны констатировать некоторое замедление темпа роста зерновых культур при чрезвычайно благоприятном темпе развития технических культур и животноводства, что свидетельствует о процессе интенсификации сельского хозяйства и его большей связи с развитием нашей промышленности. Условия реализации улучшились для технических культур и продукции животноводства и в общем ухудшились для зерновых, но четвертый квартал уже принес улучшение для последних, а именно, с индекса 1,04 заготовительные цены хлебов за первый период текущего хозяйственного года поднимаются до 1,22. Одновременно с этим поднимается индекс и животноводческих цен: с 1,70 до 1,90. Но этом под'ем не соответствовал общехозяйственной обстановке, как мы увидим дальше. Переходим к промышленности.Промышленное производство в довоенных ценах увеличилось на 13,7%, достигнув величины в 7.817 млн. руб., при чем цензовая промышленность на 15% (16.608 млн. руб.), мелкая на 7% (1.209 млн. руб.). Если выделить крупную госпромышленность, учитываемую ЦОСом, по отраслевому методу, мы найдем коэфициент роста даже 18,4% (4.237 млн. руб.). Цены упали во всей цензовой промышленности с индекса 1,73 до индекса 1,67 в среднем за год, а по учитываемой ЦОСом государственной промышленности с индекса 2,01 до 1,97. Поэтому в червонном выражении мы имеем прирост всей продукции промышленности всего на 10% (13.105 млн. руб.), цензовой на 11,2% (11.067 млн. руб.), а мелкой на 3,8% (2.038 млн. руб.), по крупной же учитываемой ЦОСом, в 16% (8.339 млн. руб.).[1] Если взять крупное подразделение нашей промышленности на вырабатывающую средства производства и предметы потребления, то получим по всей цензовой промышленности прирост средств производства в довоенных ценах на 15,6%, а в современных ценах на 15,4% (4.432 млн. руб.), благодаря падению индекса на 1%, а прирост продукции предметов личного потребления в довоенных ценах дает 13,9%, а в современных всего на 8,5% (6.635 млн. руб.), благодаря падению индекса на 4,7%. Понижение цен на промышленные изделия, мотивировавшееся об'ективным состоянием рынка в первой половине года, в конце года под влиянием нового урожая и повышательной тенденции заготовительных цен привело к обострению товарного голода, как это будет показано ниже. Сейчас мы остановимся на вопросе, за счет чего росла наша продукция, за счет ли числа рабочих или же за счет производительности одного рабочего, и какова доля заработной

[1] В „Справочнике ЦСУ" опубликованы предварительные данные, которые дают коэфициент годового прироста, равный 16,7, он, несомненно, преувеличен. Наш коэфициент, вероятно, преуменьшен. Истина, вероятно, лежит посередине — где-нибудь около 13% или 14%.

платы в стоимости продукции. Валовая продукция крупной государственной промышленности, по которой мы имеем соизмеримые данные, возросла на 18,4% (в довоенных ценах), число рабочих выросло на 5,5%, продукция одного рабочего на 12,3%, средняя месячная заработная плата на 12,5%, и поэтому доля заработной платы в продукции осталась почти неизмененной, увеличившись только на 0,3%. Таковы итоги соизмерения в довоенных ценах. Если обратиться к рассмотрению их в червонных рублях, то увидим уже существенные результаты: в виду того, что цены пали, продукция возросла всего на 16%, а продукция одного рабочего только на 10%, средняя месячная заработная плата на 11,8%. Поэтому доля заработной платы поднялась на 1,8%, что явилось одной из причин, почему себестоимость или совсем не понижается или понижается очень слабо. Отчетных данных до сих пор еще нет. Особенно резко это несоответствие роста заработной платы и продукции рабочих сказалось в последнем квартале, когда промышленные цены уже резко изменились и поэтому продукция одного рабочего даже упала на 0,2% в отношении к соответствующему периоду прошлого года, а средняя месячная заработная плата выросла на 10,6% и поэтому доля заработной платы в стоимости продукции поднимается на 10,7% (с 16,5% в четвертом квартале прошлого года и до 19,6% в четвертом квартале текущего года). Рост заработной платы в четвертом квартале, не сопровождавшийся ростом продукции, также увеличил покупательный фонд населения и вместе с указанным выше приростом покупательного фонда крестьян привел к обострению несоответствия платежеспособного спроса с товарным предложением. К подробному рассмотрению имеющихся данных о товарном предложении и покупательном спросе мы сейчас и переходим, при этом нам придется обязательно разбить год на два периода: первый период в 9 первых месяцев и последний в 3 месяца, потому что они характеризуются совершенно различными данными. Первый период характеризуется умеренным ростом покупательного фонда города и стабильной покупательной способностью деревни, второй период — резким ростом покупательного фонда в городе и в особенности в деревне, эволюция же продукции была обратной: первые три квартала давали более крупный рост продукции как в довоенном, так и особенно в червонном выражении, чем четвертый квартал. Правда, значимость этих коэфициентов несколько ослаблена, потому что мы сравниваем первый период этого года с периодом товарного голода, наблюдавшегося в соответствующий период 1925/26 г., а четвертый квартал этого года мы сравниваем со сравнительно спокойным четвертым кварталом прошлого года. Но тем не менее факт непропорционального роста платежеспособного спроса и продукции, особенно в ценностном выражении, бесспорен. Подтверждающие этот анализ цифры таковы: фонд заработной платы за девять месяцев дал рост по сравнению с со-

ответствующим периодом прошлого года на 18,4%, а доход от реализации сел.-хоз. товаров поднимается всего на 0,7%, а так как сел.-хоз. налог увеличился на 32,4%, то покупательный фонд деревни от реализации сел.-хоз. товаров упал на 4,5%. Соответствующие коэфициенты для четвертого квартала будут таковы: покупательный фонд рабочей крупной промышленности увеличился на 16,2%, доход от реализации сельского хозяйства на 18,5%; и несмотря на увеличение сел.-хоз. налога и страховых платежей на 83,6%, мы имеем рост покупательного фонда деревни на 14,7%. Если же мы сопоставим это с коэфициентом роста продукции, то получим следующее: за первые девять месяцев продукция предметов широкого потребления увеличилась на 10%, а за четвертый квартал всего на 3,2% по сравнению с соответствующими периодами прошлого года. Если мы учтем, что показатель роста фонда рабочих крупной промышленности не является типичным для покупательного фонда всего городского населения, так как доходы буржуазных элементов, а также и служащих в госучреждениях развиваются по иному типу, и в текущем году благодаря сокращению частной торговли и сокращению штатов доходы этих элементов скорее падали, чем росли, — то сделанное выше замечание о том, что наиболее резко выделяется рост покупательного фонда в четвертом квартале именно в деревне, а не в городе, должно считаться достаточно обоснованным. Но все же показатель фонда заработной платы очень существен и четвертый квартал явился началом борьбы за продукт между городом и деревней, которая должна продолжаться и в наступающем году, по крайней мере в первый его период. Колоссальной трудности задача в условиях советского хозяйства — соизмерить темпы роста продукции с темпом роста платежеспособного спроса, соблюсти рыночное равновесие при одновременном стремлении к приближению нашего уровня цен к мировым ценам — допускает идеальное решение лишь на бумаге. В действительной же жизни определенная тенденция социальных сил, дефекты аппаратов и, наконец, неправильные оценки хозяйственного положения в каждом данном конкретном участке хозяйственной жизни, — приводят к неизбежным невязкам. На фоне ослабления доходов крестьян от реализации сел.-хоз. товаров, который не компенсировался ростом заработков деревни от промышленности и строительства, в первый период этого года рынок давал успокоение. Мы констатируем уменьшение дефицитных товаров, рост достаточных товаров и даже появление избыточных товаров, что позволило приступить практически к осуществлению лозунга понижения цен, но стремление поддержать тенденцию к росту технических культур и продукции животноводства привело к тому, что возросшая продукция сельского хозяйства была реализована по возросшим же ценам. Общий заготовительный индекс четвертого квартала этого года (1,55) превышает соответствующий индекс заготовительных цен прошлого года (1,44) на 7,3%. Рост заработной платы

продолжался и в четвертом квартале: с 59,13 руб. в первые девять месяцев доходит до 64,26 руб. в четвертом квартале, превысивши прошлогодний уровень на 10,6%.

На фоне описанных темпов развития производства и условий распределения, рассмотренных нами, будут понятны и все показатели обращения как товарного, так и денежно-кредитного. Но предварительно приведены данные о госбюджете, которые являются могучим орудием при перераспределении доходов населения и капиталов.

В общем госбюджет, — конечно, без оборотных средств НКПСа и НКПиТ, которые по традиции включаются почему-то в наш госбюджет, — вырос за год на 40,5% (с 2.438,5 млн. руб. до 3.426,5 млн. руб.), при чем налоговые доходы увеличились на 39,2%, а неналоговые — на 36,7%; займы — на 109%. Колоссальный прирост государственных доходов, созданный несомненным ростом продукции и усилением доли фиска в национальном доходе, был направлен, прежде всего, на финансирование народного хозяйства, расходы на которое увеличились с 493,6 млн. руб. до 892,8 млн. руб., т.-е. на 80,9%, при чем наибольшее усиление дало финансирование промышленности (с 161,8 млн. руб. до 518 млн. руб.), т.-е. увеличилось на 221%. Все прочие расходы увеличились с 1.678,3 млн. руб. до 2.102,2 млн. руб., т.-е. только на 17,9%, при чем культурные расходы, к которым мы относим исследовательские и планирующие органы ЦСУ и Госплан, а также Наркомпрос с Наркомздравом поднялись с 221,6 млн. руб. до 261,4, т.-е. на 21,1%. При указанных условиях производства и распределения и перераспределения национального дохода товарооборот в своем материальном выражении, а именно грузооборот, развивался следующим образом: вся погрузка железных дорог, достигшая в среднем за год 27.868 вагонов в день, превышала погрузку прошлого года на 16,1%, при чем хлебные грузы выросли на 7,6%, экспортные — на 1,9%, каменный уголь — на 25,8%, дрова — на 20,0%, нефтепродукты — на 15,9%, а все прочие грузы — на 14,6%. Выручка транспорта увеличилась с 1.278,7 млн. руб. до 1.494,3 млн. руб. т.-е. на 16,8%. Повышение ж.-д. тарифов было компенсировано „ухудшением" с точки зрения НКПСа состава грузов, а именно более сильным ростом дешевых грузов над дорогими и увеличением дальности пробегов, что при диференцированных тарифах менее выгодно транспорту. Но это „ухудшение" является выражением прогрессивных моментов нашего хозяйства, а именно — говорит о росте строительства в стране и о вовлечении отдаленных районов в хозяйственную жизнь республики.

Обороты бирж увеличились всего на 5,4%, обороты по продажам трестов и синдикатов увеличились на 31,8%, розничные обороты увеличились на 7,2%. Все эти показатели очень смутны и вызывают большое сомнение. Если промышленная продукция по нашим исчислениям в червонном выражении поднимается даже по учету

ЦОСовской промышленности всего на 16%, то показатель процента роста всех оборотов трестов и синдикатов в 31,8% не поддается об'яснению. Ничтожный рост биржевых оборотов в значительной степени, вероятно, сопряжен с ликвидацией большинства бирж. При учете розничных оборотов мы должны учитывать экспертным порядком обороты частной торговли, поэтому сами по себе эти показатели должны были бы быть выброшены, если бы мы их не могли сопоставить с показателяли за предыдущие годы, которые показывают нам изменение темпов. В прошлом году мы имели по биржевым оборотам рост в 29,9%, по оборотам трестов и синдикатов в 63,6%, по розничным оборотам в 57,5%. Сопоставление вышеуказанных показателей для текущего года дает резкое замедление темпов роста этого года по сравнению с предшествующим годом, это замедление и является характерным явлением, вызванным замедлением темпа роста продукции и покупательного фонда. Все индексы цен стоят в полном соответствии с показателями соотношений продукции, покупательного фонда и товарных оборотов. Оптовый индекс в среднем за год дал падение на 5,6%, при чем сельскохозяйственный упал на 8,6%, а промышленный на 2,1%; розничный индекс частной торговли дал рост на 1,7%, при чем сельскохозяйственный поднимается на 1,0%, а промышленный на 2,7%. Но уже бюджетный индекс, который учитывает растущую роль кооперации в снабжении рабочих и падение цен кооперации, дает нам падение розничного индекса, но все же меньше чем оптового. Продукты питания с индекса 200 поднимаются до 201,7, а промышленные товары падают с 251,1 до 243,2.

Если мы обратимся к четвертому кварталу специально, когда уже сказывается снижение промышленных цен, то розничный индекс дает нам падение на полтора процента промышленных цен даже в частной торговле, а оптовый дает уже падение промышленных цен на 7,2%, сельскохозяйственные цены в четвертом квартале по сравнению с соответствующим кварталом прошлого года в розничном обороте выросли на 6,9% в частной торговле, а оптовые упали всего на 3,1%. Четвертый квартал характеризуется резким падением „ножниц" и в оптовых оборотах, но особеннно в розничном обороте.

По бюджетному индексу мы имеем в четвертом квартале падение индекса продуктов питания с 204,6 до 190,9, а по промышленным товарам с 254,6 до 229,5. Движение цен, таким образом, является совершенно отличным от целого периода, характеризовавшегося ростом цен. Перелом совершился во втором полугодии 1925/26 г. вследствие об'ясненного выше равновесия между покупательным фондом и предложением товаров, подхваченного и форсированного экономической политикой государства, ставшей на путь понижения отпускных цен и сокращения торговых расходов. Даже нарушение рыночного равновесия в течение четвертого квартала не могло сло-

мить результатов, достигнутых в предшествующем периоде, но на частном рынке, в особенности в области сельскохозяйственных товаров, мы уже видим известную тенденцию к новому под'ему цен.

Денежно-кредитные отношения, которые являются, прежде всего, следствием сочетания всех остальных факторов и уже в меньшей мере фактором последних, слагаются следующим образом. Денежная масса выросла на 14,9% в среднем за год, но уже в четвертом квартале мы имеем коэфициент годового роста в 21,9%, вклады коммерческие выросли на 17,4%, примерно, такой же коэфициент 16,4% сохраняется и для четвертого квартала, но вклады Наркомфина в среднем за год выросли на 21,7%, а для четвертого квартала мы имеем показатель роста всего в 1,7%. Поэтому все вклады в среднем за год дают годовой рост в 18,6%, а за четвертый квартал только 11,9%. Краткосрочный кредит увеличился в среднем за год на 19,6%, но в четвертом квартале имеется уже показатель в 28,8%. Долгосрочный кредит в среднем за год вырос на 71,2%, а для четвертого квартала мы имеем показатель роста в 80,6%. Таким образом, кредитные отношения характеризуются, если брать весь год в целом, резким развитием долгосрочного кредита за счет специальных средств, и прежде всего бюджетных, гармонирующих с вышеприведенными данными о росте финансирования народного хозяйства. Затем цифры говорят об умеренном росте наших вкладов и краткосрочных кредитов. Но четвертый квартал вновь указывает на превышение темпа роста краткосрочных операций над темпом роста вкладов, что и привело к усилению темпа эмиссии. Изложенная обстановка товарного голода четвертого квартала, сопровождавшаяся форсированным процессом обращения, в данном случае осложняется еще крупными капитальными работами, потребовавшими финансирования промышленности. Кроме того, транспортные доходы, которые благодаря указанному выше изменению состава грузов отставали от темпа роста его работы, также потребовали большей поддержки со стороны Госбанка. В общем краткосрочные кредиты за год увеличиваются по промышленности на 29,6%, а для четвертого квартала уже на 37,5%, по госторговле в среднем за год увеличивается на 9,0, а в четвертом квартале на 28,8, транспорт для целого года дал коэфициент роста 67,8% и для четвертого квартала 45,4%, кооперация — за год на 29,2%, и за четвертый квартал—35,2%. Частные лица уменьшили свою задолженность на 29,6% для года и на 27,7% для четвертого квартала. Кредитные учреждения увеличили для года свою задолженность на 8,5% и для четвертого квартала на 24,2%. Таким образом, темп роста кредитных отношений как пассивных, так и активных, находится в соответствии с приведенными выше данными о нашей продукции и о нашем материальном товарообороте. Они тоже показывают для четвертого квартала происшедшие изменения в общей хозяйственной кон'юнктуре, характеризующейся форсированным развитием процессов обращения, которые

таят в себе известные затруднения с точки зрения поддержания устойчивости нашей кредитной денежной системы.

Наша связь с мировым хозяйством выразилась в росте экспорта на 15,1% (достигнув цифры 678,2 млн. руб. по европейской границе), а импорт уменьшился на 7,4% (довоенная цифра — 623,8 млн. руб.). Положительное сальдо равно 54,4 млн. руб. против 84,6 млн. руб. отрицательного сальдо прошлого года. Экспорт развивался за счет хлеба, импорт снизился за счет ввоза предметов потребления при росте ввоза оборудования.

О развитии социалистических форм мы цифр приводить не будем, отчетных данных еще нет; экспертные оценки приводятся в контрольных цифрах на 1927/28 г. Кон'юнктурные данные подтверждают усиление доли социалистического производства и особенно товарооборота.

Общие выводы. Как указано в начале настоящей статьи, первый реконструктивный год мы прожили в общем и целом при показателях количественного и качественного роста нашего производства и товарооборота, при росте благосостояния трудящихся масс города и деревни и при росте покупательной силы валюты. Устойчивость денежной кредитной системы в первые три квартала хозяйственного года характеризуется самыми благоприятными показателями. Четвертый квартал в виду несоответственного роста покупательного фонда товарному предложению, особенно в ценностном выражении, создает известное нарушение рыночного равновесия и устойчивости денежно-кредитной системы, и поэтому экономическая политика Советского государства должна поставить себе очередную задачу преодоления наметившихся признаков нарушения равновесия, для чего имеются все основания в виду продолжающегося под'ема нашего хозяйства. Нужны более тонкие меры, необходима большая согласованность отдельных мероприятий в хозяйственной области. Рост планового начала при постепенном проникновении им наших управляющих наркоматов и особенно об'единяющего и направляющего органа в лице Совета Труда и Обороны, опирающегося на госпланы, при улучшении и статистических и экспертных знаний нашего хозяйства дает все основания ожидать удовлетворительного разрешения указанной задачи.

Р. Е. Вайсберг

Вопросы обобществления в пятилетнем плане

I. Вводные замечания

По установившейся у нас традиции процессы обобществления рассматриваются, главным образом, в разрезе социально-экономических секторов. Этот метод является в общем и целом достаточно признанным, хотя недавно он встретил возражение со стороны сапроновско-смирновской оппозиции. Но так как последняя ничего существенного не сказала по этому поводу, ограничившись только мало вразумительным заявлением, что деление советского хозяйства на сектора является, мол, очередным „сталинско-бухаринским" извращением ленинизма, то является излишним отвечать на эту своеобразную „критику". Отметим только следующее. Деление нашего хозяйства на социальные сектора дает тот положительный результат, что оно кратчайшим путем устанавливает связь между определенной хозяйственной формой и соответствующим ему классом. Так, например, мы знаем, что за спиной государственного хозяйства стоит рабочий класс, что основная масса крестьянства персонифицируется в простом товарном хозяйстве и что капиталисты представлены в капиталистических хозяйствах города, в кулацких хозяйствах деревни и в концессионных предприятиях. Уже в этом грубо-схематическом делении мы имеем наглядную связь между экономической формацией и ее „классом-носителем". Здесь открывается путь для изучения взаимной связи развития экономических форм и классовой борьбы, классовых противоречий. Если же принять за исходный пункт другой момент, например, противоречия внутри рабочего класса или внутри класса капиталистов, то мы окажемся в порочном кругу второстепенных вопросов, так как мы упустим из виду ту основную экономическую базу, на которой взращивается данный класс в целом, а не отдельные его группы. Классовый анализ будет подменен групповым анализом.

Что касается противоречий внутри классов, то они требуют к себе сугубого внимания. В этом смысле тов. Бухарин поступил совершенно правильно, когда он в докладе на XVI Московской Губпартконференции (20 ноября 1927 года) особенно подробно остановился на вопросе о взаимоотношениях отдельных групп внутри рабочего класса и внутри мелкой буржуазии. Бухаринский анализ тем и плодотворен, что он базируется на молчаливом предположе-

нии о наличии ясной расстановки основных классов и их связи с соответствующими экономическими формами или „укладами". Только на этой основе и возможен анализ взаимоотношений между социальными группами внутри классов.

В связи с последними выступлениями троцкистской оппозиции (см. „Контртезисы" и другие выступления) замечаются попытки сузить вопрос о социально-классовых отношениях в стране до вопроса о материальном положении отдельных классов. При безусловной важности этого вопроса нельзя, однако, ни на одну минуту забывать, что он, при прочих равных условиях, зависит в конечном счете не от размера заработков и не от доли в национальном доходе, а от удельного веса данного класса и представляемого им хозяйственного сектора во всей экономике страны. Доля рабочего класса в национальном доходе тем выше, чем выше удельный вес социалистического хозяйства в стране, а значение капиталистических доходов тем сильнее, чем сильнее развит капиталистический сектор страны. И в данном случае все дороги ведут „в Рим" экономических секторов.

Этим вопрос не исчерпывается. Он должен интересовать нас не только в статике, но и в динамике. В динамике процессы обобществления рассматриваются нами под углом зрения приближения экономики СССР к коммунизму и развития производительных сил страны в таких социальных формах, которые соответствуют последовательному преобразованию переходной экономики в социалистическую и коммунистическую. Высший тип социальной организации, а также высшая ступень развития производительных сил в современных советских условиях олицетворены в социалистическом секторе нашего хозяйства. Это обстоятельство ставит перед нами вопрос о динамике отдельных социальных секторов — обобществленного и частного[1] — в экономике СССР и о постепенном изменении их удельного веса в экономике всей страны в процессе ее социалистического развития.

Тот период реконструкции, в который мы вступили, представляет в настоящее время достаточно ясную конфигурацию социально-классовых сил страны. С одной стороны, имеется мощный социалистический сектор, которому принадлежит роль ведущего начала во всей экономике страны, а с другой стороны, его прямой антагонист — частнокапиталистический сектор (кулацкие хозяйства деревни, частнокапиталистическая промышленность города, торгово-капиталистические предприятия). Между двумя крайними полюсами находится море простых товаропроизводителей, которые не являются ни капиталистическими, ни социалистическими,[2] но занимают некоторое промежуточное положение в том смысле, что они являются об'ектом борьбы между капиталистическим и социалистическим секторами.

[1] В данном случае мы говорим о „частном" хозяйстве без подразделения на капиталистическое и некапиталистическое, так как коммунизм уничтожает частное хозяйство во всех его видах.

[2] Мы не выделяем натурального хозяйства, которое крайне незначительно.

Одним из важнейших вопросов обобществления является, в условиях СССР, в условиях пяти ленинских „укладов" процесс превращения мелко-товарного и натурального хозяйства в социалистическое. Процессы обобществления наталкиваются на социальные противоречия как в области качественного и количественного роста обобществленного сектора, так и в области преобразования частного хозяйства в социалистическое. Основным противоречием является международное капиталистическое окружение пролетарского государства, которое строит новую экономическую и социально-политическую систему, призванную преодолеть капиталистический мир. Задачей нашей эпохи (а не только пятилетнего периода) является преодоление этого противоречия в интересах социалистического развития. Мы идем не по пути подчинения нашего хозяйства законам капиталистического развития, но по пути использования международных связей для разрешения задач индустриализации, укрепляющих базу обобществления.

Что же касается внутренних сил Союза, противодействующих процессам обобществления, то самой серьезной (не по своим размерам а по принципиальному значению) является частный капитал. Частный капитал интересует нас не столько с точки зрения его размеров и мощности, сколько с точки зрения того типа отношений, который в нем олицетворяется.

Под капиталистическим хозяйством мы подразумеваем такое частное хозяйство, которое само создает прибавочную стоимость на основе эксплоатации наемного труда или извлекает прибавочную стоимость из других хозяйств через товарно-денежные отношения.

Основой социалистического сектора является национализированное производство и командные высоты в сфере распределения и обмена, а основой частнокапиталистического сектора является простое товарное производство и отдельные теневые стороны социалистического сектора. Частнокапиталистический же сектор растет из чужих экономических корней. Частнокапиталистический сектор в настоящее время, т.-е. только после первого десятилетия Октябрьской революции, только после первых шести лет открытого экономического состязания с социалистическим хозяйством на почве нэпа, уже лишен своих собственных экономических корней. Он замкнут в узком кругу отдельных отраслей производства и обмена и не имеет в себе самом той внутренней полнокровности, которая питает „нормальный" процесс капиталистического воспроизводства в современных буржуазных странах. Он оказался на стыке между социалистическим и простым товарным хозяйством, а каждый из этих двух секторов порознь представляет собою мощный массив, в сравнении с которым капиталистическое хозяйство крайне ничтожно по своим размерам. В этом своеобразном положении заклю-

чаются слабые и сильные стороны нашего капитализма. Он слаб не только в силу своего количественного худосочия, но и в силу того, что лишен целого ряда необходимых для „естественно"-капиталистического роста элементов.

У нас нет крупно-капиталистического земледелия, у нас отсутствует сколько-нибудь значительное производство средств производства на капиталистических началах. Наш капитализм не располагает ни железнодорожным транспортом, ни собственной кредитной системой, а те уголовные преступления, которыми подчас занимаются капиталисты в тех или иных кредитных учреждениях, разумеется, совершенно бессильны создать что-нибудь похожее на западно-европейский финансовый капитал. Наконец, наш капитализм имеет политическую власть страны не на своей стороне, а против себя.

Все это заставляет его искать питательных корней, с одной стороны, в крестьянском и кустарно-ремесленном хозяйстве, а с другой стороны, в тех многочисленных порах и щелях, которые имеются в нашем социалистическом секторе. На этой почве он пускает свои щупальцы очень далеко в такие места, которые не всегда поддаются экономическому воздействию социалистического хозяйства. Частнокапиталистическая сфера действий простирается глубоко и не легко обнаруживается. А навстречу частному капиталу выступают зреющие в крестьянском хозяйстве ресурсы, которые мы не в состоянии еще в достаточной степени направить по социалистическому руслу. Проникая и в простое товарное хозяйство и в отдельные щели социалистического сектора и развиваясь как хозяйство анархическое и распыленное, частнокапиталистический сектор становится на отдельных участках неуловимым для нашего регулирующего воздействия.

Процесс снижения удельного веса капиталистического сектора, который наметился в последние годы восстановительного периода, должен продолжаться и в период реконструкции. Несмотря на огромные размеры обобществления, которых достигло наше хозяйство, недопустимо ни абсолютное, ни относительное снижение роли обобществленного сектора, ибо всякое такое снижение может усилить развитие частнокапиталистического сектора за счет простого товарного. Вместе с тем, следует признать, что дальнейшие крупные исторически-решающие сдвиги в смысле обобществления простого товарного сектора возможны лишь после того, как в народном хозяйстве образуются новые материально-производственные предпосылки обобществления. Главным и решающим в этом деле моментом является темп нарастания основных фондов в промышленности, в транспорте и в социалистическом секторе сельского хозяйства. Немыслимо такое обобществление простого товарного сектора, которое было бы оторвано от городской индустрии, являющейся ведущим и определяющим началом в процессе обобществления всего хозяйства страны.

Перед социалистическим сектором всплывают в ближайшее пятилетие на первый план не столько вопросы количественного соотношения с частнокапиталистическим сектором, сколько вопросы о качестве работы внутри самого социалистического сектора и о характере взаимоотношений этого последнего с простым товарным и частнокапиталистическим секторами.

По мере укрепления социалистического сектора и его влияния на простое товарное хозяйство из последнего выделяются промежуточные, исторически-переходные образования, из которых одни находятся частично под социалистическим, а другие — под капиталистическим влиянием. Таковы, например, отдельные виды мелкой частной торговли, которые, смотря по роду оборачиваемых ими товаров или их финансовой зависимости, связаны либо с крупно-капиталистической, либо с обобществленной торговлей. Сюда же следует отнести и такие явления как систему предварительной контрактации по хлопковым посевам дехканского частного хозяйства и авансирования крестьянских свекловичных посевов. По такому пути частное хозяйство вовлекается в рыночный товарооборот на условиях сперва частной зависимости от социалистического сектора, а затем и полного ему подчинения.

Такие промежуточные экономические образования должны с течением времени приобретать все большее и большее значение.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению перспектив обобществления ближайшего пятилетия.

2. Общественный труд

Обобществление человеческого труда в процессе удовлетворения повседневных потребностей является одним из самых ярких показателей социалистического развития. В наших условиях оно происходит в форме кооперирования мелких производителей на почве об'единения их трудовых процессов и в форме роста наемного труда как в государственных, так и в кооперативных организациях. Главная масса человеческого труда занята в разрозненном крестьянском хозяйстве, а это создает особые трудности для выяснения числа рабочих рук, занятых в обобществленном и необобществленном хозяйстве. Труд „городской" и „сельский" друг от друга резко отличаются. Первый меньше подвержен сезонно-климатическим условиям, нежели второй, продолжительность его не меняется столь резко ни в течение года, ни в течение дня. Уже одно это, помимо ряда других условий, делает непоказательным, или в лучшем случае недостаточно показательным, отнесение всего числа занятых в городе и в деревне к какому-нибудь единому измерителю, а это, в свою очередь, делает экономически недостаточно показательным деление числа занятых лиц по социальным секторам.

Вместо того, чтобы применять недоброкачественные методы редукции всего труда, занятого в народном хозяйстве, к единому показателю, мы ограничимся данными по обобществлению только числа лиц наемного труда (см. табл. 2 [1]), которые рисуют неполную, но более верную картину.

За пятилетие весь наемный труд возрастет по отправному варианту на 25,1%, при чем наемный труд, занятый в обобществленном секторе, поднимется на 31,8%, а в необобществленном — на 5,2%. Если же исключить с.-х. рабочих, то по отправному варианту весь наемный труд возрастет на 27,3%, что составит по обобществленному сектору прирост на 30,2%, а по частному — на 7,9%.

По оптимальному же варианту весь наемный труд возрастет на 29,4% с учетом с.-х. рабочих, или на 32,6% без учета таковых. Обобществленный сектор увеличится с учетом с.-х. рабочих на 37,8%. По необобществленному сектору темпы приростов приняты нами те же, что и по отправному варианту.

Вообще количественные расхождения между оптимальным и отправным вариантом относятся, главным образом, к обобществленному сектору. Конечно, степень влияния обобществленного хозяйства на частное находится в зависимости от того, по какому пути будет развиваться обобществленный сектор — по оптимальному или отправному. В зависимости от этого будет по разному определяться и степень влияния частного хозяйства на обобществленное. Мы будем иметь дело с двумя противоречивыми и друг друга исключающими явлениями. С одной стороны, оптимальное развитие обобществленного сектора базируется на оптимальном развитии всего народного хозяйства, в том числе и необобществленной части его. Но, с другой стороны, усиленный рост обобществленного сектора ведет к таким перегруппировкам внутри частного сектора, которые задерживают рост некоторых его частей, особенно тех, которые эксплоатируют наемный труд. При составлении данного предварительного наброска пятилетнего плана мы только ставим этот вопрос, но еще не даем ему достаточно развернутого количественного выражения.

Мы проектируем падение абсолютных размеров наемного труда, занятого в частной торговле (—19,7%) и в частном строительстве (—11,9%). Вместе с тем, мы предполагаем по частному сектору рост абсолютных размеров наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности, однако, темпы этих приростов значительно отстают от соответствующих темпов по обобществленному сектору. В отношении сельского хозяйства следует заметить, что большинство занятого в нем наемного труда принадлежит не к капиталистическому сектору, а к простому товарному сектору. Здесь мы имеем такие виды труда, как временный подсобный наем, труд пастухов и подпасков (примерно 700 тыс. человек), обслуживающие всю „общину“, и т. д.

[1] Таблицы, относящиеся к этой статье, помещены в этом же номере журнала в отделе VI.

В промышленности следует учесть различие в росте выработки на 1 рабочего, что влияет на темп роста числа рабочих. В связи с капитальными вложениями в государственную промышленность, мы предполагаем, что в нем выработка на 1 рабочего увеличится к концу пятилетия на 53,5% по отправному варианту, или на 59,5% по оптимальному. В частной же, по грубым весьма приближенным подсчетам, выработка увеличится только на 9—10%. В связи с этим обстоятельством и в связи с различным ростом валовой продукции количество рабочих по цензовой государственной промышленности растет на 21,9% (или на 24,6% по оптимальному варианту), а в частной — на 10,7%.

В общем, удельный вес обобществленного сектора вырастет по наемному труду с 74,7% до 78,7% по отправному варианту и до 79,4% по оптимальному. Соответственно роль частного хозяйства снизится с 25,3% до 21,3% по отправному или до 20,6% по оптимальному варианту. Если же вычесть с.-х. рабочих, то удельный вес обобществленного сектора вырастет по наемному труду с 86,7% до 88,9% по отправному варианту и 89,4% по оптимальному, при чем удельный вес частного хозяйства снизится с 13,1% до 11,1% по отправному и до 10,6% по оптимальному варианту.

3. Промышленность

Соотношение валовой продукции промышленности между социальными секторами интересует нас в двух отношениях: во-первых, с точки зрения тех количественных сдвигов, которые ведут к абсолютному и относительному увеличению социалистического сектора в промышленности, и, во-вторых, с точки зрения тех качественных изменений в самой социалистической продукции, которые должны усилить наши рычаги воздействия на частное хозяйство.

Изменения в количественных соотношениях [1] между социальными секторами предопределены теми темпами нарастания продукции, которые намечаются на пятилетие по социальным секторам (см. табл. 3). В то время как рост всей промышленности без акциза в довоенных ценах намечен в 76,1% за пятилетие, обобществленный сектор увеличивается на 84,5%, а частный сектор — на 24,8%. При этом в самом обобществленном секторе государственная промышленность растет на 86,7%, а кооперативная—на 65,1%, между тем, как капиталистическая часть частного сектора растет на 17,9%, а некапиталистическая часть его увеличивается на 28,8%. [2]

[1] Приводимые ниже цифровые данные основываются на учете сменности и семичасового рабочего дня.

[2] В нашей статье „Оппозиция и пятилетний план“ (см. Правда“, „Дискуссионный листок“, № 7 от 30 ноября 1927 г.) по техническому недосмотру ошибочно напечатано, будто капиталистическая часть промышленности растет за пятилетие на 28,8%.

К капиталистической частной промышленности отнесена вся частная цензовая, вся концессионная и та часть нецензовой промышленности, которая охватывает предприятия с наемным трудом свыше двух рабочих. Эта разбивка, быть-может, несколько преуменьшает капиталистическую часть, но в общем дает картину, близкую к действительности. По этому принципу произведена группировка предприятий в ЦСУ по материалам, относящимся к 1924/25 г., что же касается данных 1926/27 г., то они получены путем экстраполяции.

Таковы данные по отправному варианту. По оптимальному же варианту получаются еще более высокие темпы обобществления.

Указанные темпы будут достигнуты при проведении системы экономических мероприятий, которые в основном сводятся к капитальным вложениям в государственную промышленность, к поощрению производственного кооперирования кустарей и ремесленников и к переходу некоторой части частного капитала из торговли в промышленность.

Расширение частного капитала в промышленности допустимо в тех отраслях, в которых она не конкурирует с госпромышленностью на рынках сырья. При этом следует уже на нынешней стадии поставить частный промышленный капитал в условия растущей экономической зависимости от обобществленного сектора по линии сбыта продукции.

Указанные выше темпы роста дают в конечном счете изменение удельных весов валовой продукции по секторам, которое выражается в следующих цифрах: удельный вес обобществленной промышленности увеличивается с 86% в 1926/27 г. до 90,1% в 1931/32 г., а частный сектор снижается с 14% до 9,9%. Удельный вес государственной промышленности возрастает с 77,2% до 81,8%, вес же кооперативной промышленности несколько снижается с 8,8% до 8,3%, частнокапиталистическая упадет в своем удельном весе с 5,2% до 3,5%, а некапиталистическая — с 8,8% до 6,4%. Интересно отметить падение удельного веса кооперативной промышленности, что при ее значительном темпе роста об'ясняется той исключительной количественно-подавляющей ролью, которую играет государственная промышленность.

К сожалению, не все республиканские госпланы разработали проблемы обобществления. Некоторые госпланы разработали этот вопрос только частично. Из тех данных по отдельным республикам, которыми мы располагаем, видно, что РСФСР предполагает снижение удельного веса валовой продукции частной промышленности с 12,3% до 9,0%. При этом темпы нарастания намечены по РСФСР следующие (в млн. червонных рублей по оптовым ценам): в государственной промышленности — на 89,2%, в кооперативной — на 76%, а в частной — на 32%. Хотя эти цифры подлежат еще проверке и уточнению, тем не менее, можно сказать, что ими намечается правильная экономическая тенденция.

Предположения Укргосплана сводятся к снижению удельного веса валовой продукции частной промышленности с 16,2% в 1926/27 г. до 11% в 1931/32 г. в млн. довоенных рублей.

Удельные веса обобществленного и частного секторов запроектированы обоими республиканскими Госпланами приблизительно так же, как и Госпланом СССР. Госплан УССР, равно как и Госплан РСФСР, не разбивает частной промышленности на капиталистическую и некапиталистическую, но дает подразделение на цензовую и нецензовую частную промышленность. Украинский Госплан проектирует при этом падение абсолютных размеров частной цензовой промышленности на 58%. Нам представляется такая проектировка не совсем правильной. При соблюдении условий, ограждающих интересы социалистической промышленности и ставящих частную промышленность в зависимость от социалистического хозяйства, на Украине может быть запроектирована частная цензовая промышленность в бо́льших размерах, чем это сделано Укргоспланом. Это послужило бы дополнительным фактором смягчения товарного голода и безработицы, которая, как отмечает Украинский Госплан, связана с тем, что на Украине, особенно в Правобережье, „помимо аграрного перенаселения, существует проблема перенаселения городского и местечкового“.[1]

Если изменить проектировку Госплана УССР в сторону повышения запроектированных размеров частной цензовой промышленности, то удельный вес последней не мог бы сколько-нибудь значительно подняться, так как он достаточно ничтожен уже в настоящее время (2,6% в 1926/27 г.). Запроектированный украинским Госпланом удельный вес частной цензовой промышленности в 0,6% в 1931/32 г. может быть поднят на десятые доли процента без ущерба, а наоборот, с пользой для социалистического развития.

4. Воздействие промышленности на сельское хозяйство

Ближайшее пятилетие характеризуется не только количественными сдвигами в соотношениях социальных секторов, но и такими качественными изменениями государственной промышленности, которые подготовляют почву для резкого усиления ее ведущей роли по отношению к простому товарному сектору, в котором занята основная масса крестьянского населения.

Наступающее пятилетие должно принести не только под'ем технической базы социалистического сектора, не только рационализацию всей его работы и усиление позиций индустриализации, но и такие сдвиги в государственной промышленности, которые дают возможность социалистическому сектору сделать свои связи с крестьянским хозяйством более нормальными и подвести прочную базу

[1] См. „Основные показатели развития народного хозяйства УССР на 1927/28—1931/32 гг.“, X. 1927 г., стр. 29.

под то экономическое равновесие, которое имеется в стране в настоящее время.

Благодаря введению семичасового рабочего дня и увеличению сменности, открывается возможность значительного расширения продукции предметов широкого потребления, что дает социалистическому сектору возможность смягчить товарный голод, улучшая положение рабочего класса и усиливая его связи с крестьянством.

Те основные командные высоты — национализированная промышленность, транспорт, кредит, обобществленная торговля,—которые все время нэпа служат опорой для союза между двумя основными классами страны — рабочим и крестьянством, обеспечивая в этом союзе гегемонию пролетариата, подкрепляются в ближайшее пятилетие расширением базы социалистического сектора в такой форме и в таких размерах, что ведущая роль пролетариата еще больше усиливается. Наиболее яркими выразителями этих благоприятных изменений являются значительное смягчение аграрного перенаселения, ликвидация товарного голода, а непосредственным результатом этого последнего будет ослабление нелегальных форм частного капитала как во внутренней торговле, так и в контрабанде.

Другим специфическим отличием в области взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством является усиление руководящей роли пролетариата по другой линии: по линии заготовок сельскохозяйственного сырья для нужд промышленности. При установлении связей между рабочим классом и крестьянством как по линии снабжения деревни промтоварами, так и по линии направления сельскохозяйственного сырья в социалистическую промышленность, исключительная роль, как показал опыт так называемого восстановительного процесса, выпадает на долю кооперации.

Взаимоотношения между государственным, кооперативным и частным хозяйством еще не оформились в такой степени, в какой это требуется для того, чтобы социалистический сектор целиком и полностью вел за собою простое товарное хозяйство. Предстоят еще неизмеримой трудности задачи по пути вовлечения мелко-товарного крестьянского хозяйства в орбиту социалистического воздействия.

На данной стадии развития этих взаимоотношений и на основе того материала для их изучения, которым мы располагаем, можно сказать, что наиболее определившимися являются взаимоотношения между государственным и крестьянским хозяйством там, где первое выступает как потребитель, а второе—как производитель сырья.

Монопольное положение государственной промышленности (за отдельными исключениями) создает условия, при которых крестьянин, как производитель сырья, вынужден итти по тем экономическим путям, которые связывают его с государственным хозяйством.

Наиболее оформившимися и изученными можно считать взаимоотношения между государством и крестьянским хозяйством по линии заготовок свекловичного сырья для сахарных заводов. Мы остановимся по этому на вопросе о свекловичных заготовках, как на интересном примере складывающихся новых отношений между социальными секторами.

Производство сахарной свеклы было в старое время централизовано на крупных плантациях сахарных заводов. Связь между сахарозаводчиком и помещиком-плантатором была до того тесная, что часто они сливались в одном лице. Заводы получали от своих плантаций 80—85% перерабатываемой ими свеклы. Октябрьская революция привела к противоречивому положению: об'единению всех заводов Союза в единое национализированное хозяйство и к распылению помещичьих земель между отдельными крестьянскими хозяйствами. Противоречие между централизованной сахарной промышленностью и анархией индивидуально-крестьянского производства может быть разрешено, конечно, не путем распыления промышленности, но путем об'единения крестьянских хозяйств на новой социально-экономической основе. Этой основой является в условиях переходного периода кооперация, которая, об'единяя крестьянские хозяйства в той степени, в какой это необходимо для установления нормальных товарно-рыночных отношений с государством, придает крестьянским об'единениям и ту социальную форму, которая диктуется интересами массового кооперирования. Однако, те формы кооперирования, которые создаются на основе рыночных связей между государством и крестьянством, не представляют еще достаточной базы для воздействия социалистического сектора на простой товарный сектор и для обобществления производственных процессов последнего. Здесь выступает на сцену низкий технический уровень крестьянских хозяйств, изменение которого становится властной необходимостью как для государственной промышленности, так и для самих крестьян—производителей сырья. Приходя по этой линии на помощь свеклосевам, социалистическое государство получает возможность воздействовать на крестьянское хозяйство в смысле обобществления его производственных процессов. Кооперация же становится при этом не только сбытовой, но и производственной, переводя крестьян на рельсы производственного об'единения.

Изложенные здесь общие замечания иллюстрируются следующими данными по обобществлению сбыта свекловичного сырья. Из всей законтрактованной на 1/XII 1926 года в РСФСР свекловичной площади падает на долю специальных свекловодческих товариществ 55,6%, прочей кооперации—17,9%, свеклосевных заводов и совхозов 26,5%.

Свекловодческая кооперация об'единяет по 150—170 хозяйств в товариществе, с посевом в 75—85 дес., а союз — по 3.000 хозяйств. Членами кооперативов состоят 81% свекловодов, сдающих свеклу в кооперацию.

Абсолютные размеры свеклы, доставляемой крестьянскими хозяйствами сахарным заводам, возросли с 23,9 млн. метр. центнеров

в 1923 г. до 58 млн. метр. центнеров в 1927 г., но удельный вес крестьянской свеклы упал с 92% до 61%. В настоящее время сахарная промышленность получает с своих совхозов 39% потребляемого ею сырья.

Заводские совхозы играют двоякую роль: с одной стороны, они обеспечивают устойчивые запасы свеклы, страхуя государство на случай перебоев, возможных в крестьянском хозяйстве и во взаимоотношениях с последними, а с другой стороны, они являются рассадником свекловичной культуры для крестьян. Последние вынуждены равняться по совхозам, о чем свидетельствует разница в степени урожайности: в 1927 г. урожай свеклы составлял в совхозах 211 центнеров, а в крестьянском хозяйстве — 150 центнеров. Заготовка сырья ведется почти исключительно через кооперацию, роль которой возросла с 80% в 1925 г. до 96% в 1927 г.

Агротехнические условия, предусматриваемые при заключении контракта между сахзаводами и кооперацией, сводятся к техническому и экономическому воздействию на крестьянское хозяйство. Оговариваются не только такие моменты, как глубокая осенняя пахота, удобрение суперфосфатом и т. д., но и право завода в особых случаях производить на плантациях необходимые работы за счет крестьян. Получается, таким образом, юридически-обусловленное и экономически-неизбежное для крестьян повышение свекловодческой техники. Применение суперфосфата распространялось в 1925 году на 11% крестьянских земель, а в 1927 году — на 45%.

В интересах обобществления сбытовых операций и производственных процессов кооперированным посевщикам предоставляется право льготного пользования мастерскими, случными и зерноочистительными пунктами совхозов. При заключении договоров как между государством и кооперацией на местах, так и в центре, предусматриваются трехпроцентные отчисления на задачи кооперирования свекловодов (организация новых низовых об'единений и т. д.), а также специальные ассигнования (1% по РСФСР и 0,5% в УССР) на премирование кооперированных крестьян за культурные достижения в области свеклосеяния.

В настоящее время кооперировано около 1 млн. хозяйств, или 20% всех дворов районов сахарной промышленности. Связь крестьян через кооперацию с сахарной промышленностью обобществляет их производственные процессы по следующим направлениям: 1) по линии осенней вспашки, которая, будучи в силу требований Сахаротреста выполненной в короткий срок и на значительную глубину, развивает и совершенствует крестьянский метод супряги, которая в наших условиях является одной из зачаточных форм обобществления; 2) по линии применения сложной комбинированной сеялки, об'единяющей труд производителей; 3) через уборочные машины; 4) через доставку свеклы с плантаций на завод беднейшими крестьянами,

имеющими каждый в отдельности недостаточно перевозочных средств и об'единяющимися для этой цели.

Что касается социального состава свекловодов, то он является середняцко-бедняцким. По типичному для Украины Уманскому (УССР) отделению в 1926 г. свекловодов с посевом до 1/4 десятины было 14,3%, а от 1/4 дес. до 3/4 дес. — 63,7%; по Восточному отделению (РСФСР) до 1/4 дес. 17,5%, а от 1/4 до 3/4 дес. — 66,6%.

Система авансов, расчетов и обслуживания совхозными пунктами построена таким образом, что в первую очередь соблюдаются интересы бедноты.

На период 1927/28—1931/32 гг. имеются необходимые предпосылки для расширения и усовершенствования системы контрактаций не только свеклы, но и прочих видов технического сырья, а также зерновых культур. К концу пятилетия предполагается охватить системой контрактаций 38,2% крестьянских хозяйств Союза и 27,0% товарной продукции растениеводства (см. табл. 10).

Через кооперацию государство заключает генеральный договор с крестьянским населением на условиях, изменяющих материально-производственную и социальную структуру деревни. Кроме того, при заключении контрактов на технические и зерновые культуры социалистический сектор получает еще одно преимущество, которое играет важную роль в связи с товарным дефицитом. Дело в том что крестьянский спрос на промтовары носит сезонный характер и концентрируется преимущественно осенью. На современной стадии развития нашей промышленности государство не в состоянии удовлетворить годовой спрос, сконцентрированный в одном хозяйственном квартале, но по мере того как расширяется система контрактаций крестьянством, государство выплачивает крестьянским хозяйствам деньги в разные сроки и получает возможность производить эти выплаты соразмерно с теми сроками, в какие государственная промышленность пред'явит рынку соответствующее предложение предметов крестьянского потребления. Равным образом система контрактации дает возможность устанавливать более рациональные сроки выпускаемой нами эмиссии. Мы видим, таким образом, что внедрение системы контрактации в практику взаимоотношений между социалистическим и простым товарным секторами дает целый ряд преимуществ и открывает целый ряд возможностей, которые связаны с социалистическими преимуществами нашего экономического развития.

5. Производственное кооперирование

Особое внимание для ближайшего пятилетия приобретает производственное кооперирование населения. Те значительные результаты в области охвата торгово-посреднических функций, которые социалистический сектор имеет за последние годы и которые вы-

явились с наибольшей эффективностью особенно по линии потребительской кооперации, дают возможность уделить больше внимания вопросам производственного кооперирования, которое должно охватить основную массу крестьянства, кустарей и ремесленников. Социалистический сектор за истекшие годы развил те экономические рычаги, через которые он воздействует на рыночные связи простого товарного хозяйства, но эти рычаги очень мало еще проникают вглубь производственных процессов последнего. Ближайшее пятилетие ставит не только задачу, но и открывает возможности более энергичного проникновения в производственные процессы простого товарного сектора. В отношении кустарей и ремесленников они выражаются в тех данных по развитию кооперированной промышленности, которые нами приведены выше. Что же касается кооперирования производственных процессов крестьянского населения, то оно идет, главным образом, по линии развития колхозного движения.

Поскольку колхозное движение развивается в условиях нэпа не на основе принуждения, но на основе примера, на основе экономического руководства социалистического государства крестьянством, в ближайшее время будут развиваться, главным образом, простейшие формы производственного кооперирования. Только медленно и постепенно простейшие формы кооперирования будут перерастать в более высокие—коммуны. Поэтому мы на ближайшее пятилетие проектируем более быстрый рост простейших форм кооперирования (товарищества и артели) и замедленный темп роста коммун.

Количество намечаемых нами производственных коллективных единиц таковы: по товариществам—15.196; по артелям—16.661; по коммунам—2.214.

Темпы прироста по каждому из трех видов производственного кооперирования таковы: по товариществам — 130,9%; по артелям — 102,3%; по коммунам — 42,3%.

В связи с этим изменится удельный вес коммун, артелей и товариществ так: если в 1926/27 г. коммуны составляли 9,5%, то в 1931/32 г. они составят 6,5%; артели, которые составляли в 1926/27 г.— 50,3%, составят в 1931/32 г. — 48,9%, а товарищества по общественной обработке земли поднимутся с 40,2%, в 1926/27 г. до 44,6%, в 1931/32 г. Вместе с тем, в колхозах предполагается сильное изменение в сторону улучшения севооборота, соотношения культур и повышения урожайности, что видно из следующих двух таблиц:

Структура севооборотов и соотношение культур в колхозах и крестьянских хозяйствах

	В колхозах		В крест. хоз.	
	1926 г.	1931 г.	1926 г.	1931 г.
% многопольных севооборотов	61,5	80,0	10,5	50
% трехпольных и проч. севооб.	38,5	20,0	89,5	50
% зерновых культур	80,8	70,0	83,5	79,4
% интенсивн. культур	19,2	30,0	16,5	20,1

Урожайность в колхозах и крестьянских хозяйствах
(В пудах на десятину)

Наименование культур	В колхозах		В крест. хоз.	
	1926 г.	1931 г.	1926 г.	1931 г.
Рожь	58,8	69,6	48,0	52,0
Пшеница яровая	55,6	66,8	47,2	52,0
Пшеница озимая	69,2	82,4	—	—
Овес	66,6	72,6	51,5	55,0
Ячмень	64,7	70,7	54,0	60,0
Картофель	446,0	635,2	545	595,0

Одним из самых острых вопросов в развитии колхозов является вопрос о недостатке капитальных вложений. Для того чтобы привести капитальные вложения в соответствие с теми задачами, которые стоят перед колхозами в ближайшее пятилетие, потребуются средства из внутреннего накопления колхозов в размере 42,2 млн., из новых колхозов в размере 36,2 млн., из государственного бюджета в размере около 10 млн. и из кредита 186 млн. Большая часть необходимых для колхозов средств должна быть привлечена из кредитной системы. Это выдвигает с особой остротой вопрос о ликвидации тех отрицательных явлений, которые имеются в настоящее время в области социального направления сельскохозяйственного кредита и использования его отдельными социальными группами крестьянского накопления. (Относительное распределение средств по республикам см. табл. 6. Что же касается обеспеченности капиталами в среднем на 1 колхоз, то соответствующие данные по республикам приведены в табл. 7.)

В течение ближайшего пятилетия намечается значительное увеличение количества тракторов в колхозах. Колхозы имели в 1926/27 г. 55,6 тыс. тракторов, а в 1931/32 г. они будут иметь 151,9 тыс. тракторов. Вместе с тем, стоит вопрос о приведении количества лошадиных сил в пропорцию, соответствующую количеству имеющихся и намечаемых для колхозов тракторов.

Мы ожидаем по колхозам процессов значительного укрупнения. Если в 1926/27 г. количество едоков в колхозах было в среднем 52,1 на одно хозяйство, то в 1931/32 г. их должно быть 77,2 на одно хозяйство; количество десятин посева на одно хозяйство поднимается с 54 до 134, количество рабочего скота с 5,7 до 11,9, а количество продуктивного скота в переводе на крупный рогатый с 7,7 до 35.

Особо стоит вопрос о тракторах, которые представляют собою техническую базу, усиленно толкающую крестьян на путь производственного кооперирования. Трактор является концентрирующей силой для разрозненных крестьянских хозяйств. Он, кроме того, делает более устойчивым колхозы и заставляет их увеличивать свои размеры. Однако, возможность распространения тракторной тяговой силы не является безграничной; она наталкивается среди многих препятствий и на то обстоятельство, что как раз там, где развиваются

интенсивные товарные культуры, технико-производственные возможности тракторизации меньше, чем в экстенсивных районах.

Движение тракторной силы видно из следующей таблицы:

Тракторизация сельского хозяйства в 1926/27 и 1931/32 гг.

Категории хозяйств	Количество тракторов 1926/27 г. абс.	в %% к итогу	1931/32 г. абс.	в %% к итогу	в %% к 1926/27 г.
Колхозы	5.500	25,0	16.000	29,6	290,9
Совхозы	3.100	14,1	5.600	10,4	180,6
Подсобно-производств. кооперативные об'единения	8.225	37,4	29.813	55,2	362,5
Итого по п.п. 1—3 (обобщ. хоз.)	16.825	76,5	52.413	95,2	311,5
Частное хозяйство (необобщ. хоз.)	5.175	23,5	2.587	4,8	50,0
Всего по п.п. 1—4	22.000	100,0	54.000	100,0	245,5

Количество тракторной силы в колхозах к концу пятилетия утроится. Общее количество тракторов в колхозах составит в 1931/32 г. 16,0 тыс. вместо 5,5 тыс. в 1926/27 г. Хотя в колхозах будет сосредоточена только $^1/_3$ всех тракторов деревни, это, однако не означает, что остальные $^2/_3$ будут находиться в руках частных хозяйств. Значительное количество тракторов будет находиться в совхозах, в опытных станциях и т. д. Другая часть тракторов будет внедряться в те промежуточные крестьянские об'единения, (как, например, мелиоративные товарищества, кредитные товарищества и др.), которые не являются в полной мере производственными и проделывают первые подготовительные шаги по пути производственного кооперирования. В отношении же кулацких хозяйств, использовывающих трактор в целях эксплоатации, имеется возможность держать курс на ликвидацию в них тракторов, так как в течение пятилетнего срока имеющиеся у них тракторы амортизуются.

Исходя, однако, из того, что тракторы могут проникать в частные хозяйства нелегальными и полулегальными путями (благодаря недостаткам машиноснабжения деревни), мы полагаем, что тракторная сила в частных хозяйствах может удержаться на уровне не более половины всех имеющихся в частных хозяйствах тракторов в настоящее время.

В таком случае, удельный вес тракторов в частных хозяйствах снизится с 23,5% до 4,8%; не предоставляя им новых тракторов и направляя последние исключительно в об'единения бедняков или середняков, мы задерживаем рост капитализма в деревне и усиливаем элементы производственного кооперирования.

Развитие колхозного движения тесно связано с развитием государственного сектора в сельском хозяйстве, который в значительной степени стимулирует производственное об'единение крестьян.

Перед совхозами стоят задачи не столько количественного роста, сколько качественного улучшения своей работы. Одним из самых острых вопросов, стоящих перед совхозами, является вопрос о недостатке основных вложений. Процент обеспеченности совхозов постройками составляет в 1926/27 г. только 57% от их потребности; процент обеспеченности мертвым инвентарем составляет только 61, еще ниже процент обеспеченности живым инвентарем, составляющий только 25% потребности. В среднем же совхозы имеют в настоящее время только 47% необходимого обеспечения основными фондами на 1 десятину земли.

К концу пятилетия предполагается целиком и полностью изжить это ненормальное явление и дать совхозам обеспечение на все 100% (более подробные данные см. в табл. 5).

В интересах дальнейшей концентрации производства мы намечаем сокращение количества совхозов к 1931/32 г. на 7,2% (до 4.536 с 5.935 в 1926/27 г.). На такой же процент сокращается и количество пашни (до 2.210 с 2.392 десятин в 1926/27 г.). Вместе с тем, посевы в совхозах должны увеличиться на 32,6% (с 1.350 тыс. до 1.790 тыс.), число рабочих и служащих в совхозах возрастает на 23,0 (с 395 тыс. до 486 тыс.), валовая продукция увеличится на 106,9% (с 290 млн. руб. до 600 млн. руб.), т.-е. почти удвоится, что же касается товарной массы, то она почти утроится, возрастая с 105 млн. руб. до 300 млн., что даст прирост в 185,7%.

В результате этих изменений удельный вес социалистического сектора в сельскохозяйственном производстве должен к концу пятилетия повыситься. Если посевы совхозов и колхозов, вместе взятых, составляли в 1926/27 г. 2,4% всех посевов страны, то в 1931/32 г. они составят 4,7%. Удельный вес занятого в них населения поднимется с 1,5% до 3,1%, удельный вес валовой продукции повысится с 2,5% до 6,2%, удельный вес товарной массы возрастет еще больше, поднимаясь с 5,1% до 13,1%; удельный вес мертвого инвентаря, который и в настоящее время значительно выше других показателей, поднимется с 10,8% до 14,2%. Таким образом, к концу пятилетия, при удвоении удельного веса посевов, населения и валовой продукции в совхозах и колхозах по отношению ко всему сельскому хозяйству страны, мы будем иметь столь значительные показатели по товарной массе и инвентарю, которые свидетельствуют о значительном возрастании экономической мощи социалистического сектора сельского хозяйства по сравнению с частным (более подробные данные см. в табл. 4).

6. Торгово-посреднический оборот

Что касается торгово-посреднического оборота, то мы не ставим своей задачей в ближайшее пятилетие особенно напрягать ресурсы государственного и кооперативного хозяйства с целью развития обобществленного сектора торговли, но к настоящему времени обоб-

ществленная торговля имеет уже в своих руках столь значительные достижения, что и без особой помощи извне, она в состоянии дать большие приросты в своем развитии.

Рост всего торгово-посреднического оборота намечается нами на ближайшее пятилетие по отправному варианту в 48,9% (смотри табл. 8). При этом на долю обобществленной торговли падает прирост в 62,9%, в то время как частная торговля сократится в своих абсолютных размерах на 14,6%. Рост государственной торговли намечается нами только на 28,1%, а кооперативной на 84,3%. Из этих цифр ясно, что и на ближайшее пятилетие мы продолжаем ранее намеченную тенденцию к более значительному развитию кооперативной торговли, нежели государственной торговли. Темп прироста государственной торговли значительно отстает от темпа прироста государственной промышленности. В отношении частной торговли следует проводить диференцированную политику по отдельным видам ее и в частности ставить задачу ее дальнейшего вытеснения из крупных оптовых звеньев. При тех достижениях, которые уже в настоящее время имеет обобществленная торговля, значение крупных оптовых звеньев в частной торговле все больше и больше сходит на-нет. С задачей продвижения товаров по оптовым звеньям обобществленная торговля справляется в достаточной мере и еще больше будет справляться в ближайшие годы. При таких условиях роль частной оптовой торговли становится все более и более паразитической и с точки зрения народного хозяйства ненужной и вредной. Мы поэтому держим курс на сокращение ее абсолютных размеров. Кроме того, мы ставим перед собой задачу подрубить у частной оптовой торговли те корни, которыми она питается из мелкой частной торговли. В ближайшие годы обобществленный торгово-посреднический аппарат качественно настолько окрепнет, что он будет в состоянии связываться непосредственно с мелкой частной торговлей, вовлекая ее в сферу своего влияния. Снабжая мелкую частную торговлю товарами и кредитом, мы имеем возможность использовать ее на договорных началах, делая полезными ее функции там, где обобществленная торговля не в состоянии охватить еще в достаточной степени рынок розничных товаров.

В соответствии с такой директивной установкой мы, проектируя рост всего оптового оборота на 57,7%, предполагаем рост его в государственном секторе на 36,6% и в кооперативном на 92,5% при снижении абсолютных размеров частного опта на 38,5%. Рост обобществленного опта составит 62,9%. Что же касается розничного оборота, то при росте его на 30%, он увеличится в государственном секторе на 5%, а в кооперативном на 80,8%, снижаясь в частном на 10,4%. Рост обобществленной розницы выразится той же цифрой в 62,9%.

Эти проектировки лежат в общем и целом в пределах тех органических тенденций, которые наметились в настоящее время в сфере обмена и распределения.

Изменение политики или вернее уточнение той линии в отношении частной торговли, которая наметилась еще в конце так называемого восстановительного процесса дает возможность поставить частную торговлю в подчиненное положение по отношению к обобществленному сектору. На данной стадии при проведении той основной линии в отношении частной торговли, которая нами намечается, частный торгово-посреднический оборот начинает терять значение самостоятельного экономического целого, а вместе с тем все больше и больше должен отрываться от влияния и воздействия частного и особенно частно-капиталистического производства, которое в настоящее время питает частную торговлю. Результаты тех изменений в области торгово-посреднического оборота, которые намечаются концу пятилетия, сводятся к тому, что обобществленный сектор торговли повысится с 81,9% в 1926/27 г. до 89,6% в 1931/32 г., а роль частного капитала в торговле упадет с 18,1% в 1926/27 г. до 10,4% в 1931/32 г.

Что касается отдельных республик (см. табл. 9), то по РСФСР перспективная наметка торгово-посреднического оборота выявляет в основном ту же экономическую линию, которая принята Союзным Госпланом. При росте всего торгово-посреднического оборота на территории РСФСР на 44,3% предвидится падение абсолютных размеров частной торговли еще в большей степени, чем это запроектировано по всему Союзу, а именно на 22,5%. В то же время кооперативная торговля растет на 81,9%, а государственная на 36,5%. Особенно значительный рост Госплан РСФСР намечает для кооперативной торговли в опте, где этот рост должен составить 95%, в рознице же кооперативный оборот повысится на 70%, а государственный оборот снизится на 10%. Что касается частной торговли, то в оптовом обороте она по предположениям Госплана РСФСР, должна снизиться на 61,2%, а в розничном—на 14,5%.

Еще более показательны данные по Украине, где Госпланом УССР намечен на ближайшее пятилетие прирост обобществленной торговли на 99,4% и падение частной торговли на 49,3%. При этом предполагается сокращение размеров государственной торговли на 36,6% и рост кооперативной на 170,6%. Более высокий рост намечен для кооперативной торговли в оптовом обороте (220%). Соответственно предполагается сокращение роли частной торговли в опте на 64,4% и государственной на 27%. В розничной же торговле Украина намечает рост кооперации на 116% при падении роли государственной торговли на 64% и частной на 37%.

Наиболее сильные расхождения между Госпланом СССР и госпланами РСФСР и УССР намечаются в вопросе о темпе развертывания кооперативной торговли в опте. Достаточно указать на то, что запроектированный Госпланами РСФСР и УССР кооперативный оптовый оборот составит в 1931/32 г. больше (9.564 млн. черв. руб. + + 4.146 млн. черв. руб. = 13.710 млн. черв. руб.), чем весь коопера-

тивный опт по Союзу (13.077 млн. черв. руб.). Бросается, кроме того, в глаза то обстоятельство, что по РСФСР и УССР намечен слишком интенсивный рост кооперации за счет частной торговли и особенно за счет государственной. Этот вопрос должен быть окончательно разрешен в связи в вопросом о той финансовой помощи кооперации, которая потребуется для такого темпа ее развития.

Те материалы, которыми мы в настоящее время располагаем, не дают возможности получить сколько-нибудь точное количественное выражение размеров частной нелегальной торговли. Несомненно, что в стране имеются различные виды нелегальной торговли и спекуляции товарами. Это явление совершенно неизбежное в условиях неизжитого еще товарного дефицита. Однако, тот рост обобществленной торговли и падение абсолютных размеров легальной частной торговли, которые мы имели в течение 1926/27 г., и те перспективы соотношения социальных секторов в торгово-посредническом обороте, которые намечаются на ближайшее пятилетие, говорят о том, что сколько-нибудь угрожающих явлений со стороны всех видов частной торговли не намечается.

7. Заключение

Красной нитью по всему пятилетию должен проходить процесс накопления новых материально-производственных сил в социалистической части нашего хозяйства. Это относится к обобществленной промышленности, сельскому хозяйству и железнодорожному транспорту. Здесь самыми яркими показателями обобществления будут рост основных фондов и рост количества рабочих рук, организованных на последовательно-социалистических началах. Но этот количественный рост органически связан с качественными изменениями: реконструкцией основных фондов и улучшением организации важнейшего элемента производства — общественного труда. Те качественные изменения, которые отчасти теперь уже наметились и особенно выявятся в ближайшие годы, укрепляют позиции обобществленного сектора также и на рынке, с которым мы связываемся, главным образом, через массу товаров, представляющую собою предметы широкого потребления.

Этот момент тем более знаменателен, что мы в то же время сохраняем сильный (конечно, в смысле „реконструкционного“, а не „восстановительного“ периода) темп индустриализации и развития отраслей, производящих средства производства. Такому положению мы в значительной степени обязаны увеличением смен и введением семичасового рабочего дня.

Те обычные рычаги воздействия на необобществленное хозяйство, которыми мы располагаем, усиливаются, с одной стороны, противопоставлением ему возросшей массы товаров широкого потребления, а с другой стороны, возросшим спросом государственного

хозяйства на товары сельскохозяйственного сырья. И в роли продавца товаров (мануфактура, обувь и т. д.) и в роли покупателя сырья (хлопок, лен и т. д.) государство выступает как организатор частного хозяйства на обобществленных началах. В этом сказывается одно из наших ценнейших преимуществ в борьбе за дело обобществления.

Кооперативная сеть настолько выросла и окрепла за последние годы, что она вступает в новое пятилетие с некоторой инерцией наступления на частный капитал. Хотя еще остаются угрожаемые со стороны частного капитала участки (например, рынок животноводческих продуктов), однако, основная проблема сводится не столько к его вытеснению (что само по себе — задача не из наиболее сложных), сколько к его систематическому подчинению и к диференцированию политики в отношении различных видов частного капитала: крупного и мелкого, торгового и промышленного.

Бюджетная статистика у нас такова, что она не дает возможности достаточно точно определить, каковы размеры налогов, падающих на обобществленный сектор в отличие от частного; еще меньше удается выделить из последнего простое товарное хозяйство в отличие от капиталистического.

В связи с этим стоит вопрос и о политике обложения.

Это все же не мешает нам иметь определенную экономическую установку в данном вопросе. Линия на срезывание сверхприбылей частного капитала должна оставаться в силе. Пролетарская диктатура обязана изымать из рук частного капитала некоторую часть прибавочной стоимости — овеществленного труда рабочих и крестьян — и направлять их обратно на пользу рабочих и крестьянских масс.

Размеры же налоговых из'ятий из частного капитала зависят от того, держим ли мы курс на расширение частного капитала или мы вытесняем его, сокращая его абсолютные размеры.

В первом случае открываются возможности для повышения размеров обложения. Во втором случае таких возможностей не предвидится.

Совершенно бесспорно, что для государственного хозяйства выгоднее собственное расширение с постепенным ослаблением частно-хозяйственных позиций там, где это проводится с наименьшими потрясениями, с наибольшей выгодой для социалистического хозяйства. Тенденция к расширению частного капитала с целью превращения его в фискальный об'ект должна быть отвергнута как антипролетарская. Для нас выгоднее стремиться к сокращению удельного веса частного капитала, хотя бы это и вело к сокращению удельного веса налоговых поступлений от него. Речь может итти только о повышении нормы обложения там, где она является недостаточной.

Вопрос, который остается у нас незапроектированным на ближайшее пятилетие — это вопрос о диференциации деревни. Мы не считаем возможным проектировать это явление в количественных

выражениях по двум причинам: во-первых, состояние статистического материала не дает возможности выявить с полной научной корректностью действительные размеры расслоения деревни, во-вторых, диференциация деревни является производным от всей совокупности экономических процессов, происходящих в стране. Нашей задачей является такое воздействие на происходящие в стране экономические процессы, которое обеспечило бы наиболее благоприятные результаты для социалистического развития как в городе, так и в деревне. Те несовершенные статистические материалы, которые имеются в настоящее время, в общем и целом свидетельствуют о том, что диференциация деревни не принимает сколько-нибудь угрожающих социалистическому строительству размеров.

Значительные успехи обобществления торгово-посреднических функций дает возможность перенести главное внимание на производственное кооперирование, создающее прочную базу для развития социализма в деревне. Общий темп обобществления в городе является лучшим противоядием против развития капитализма в деревне. Если к этому добавить те государственные мероприятия в области землеустройства и землепользования,[1] которые будут проводиться в деревне, то мы имеем основания полагать, что рост социалистических элементов сельского хозяйства усилится, а рост капиталистических элементов сократится.

В общем же мы вступаем в пятилетие расширенного воспроизводства последовательно-социалистических отношений и их дальнейшего наступления.

[1] См. по этому вопросу резолюцию ЦК ВКП(б) от 20/XI с. г., особенно пп. 1, 4, 14 и 15.

Ф. Р. Дунаевский

Механизация полеводства и генеральное планирование [1]

1. Новые факты

Теперь накопилось уже некоторое количество фактов, могущих дать дополнительное освещение нашему спору о перспективах технического переворота в сельском хозяйстве.

Суть этого спора часто извращается. Спор начался с вопроса о желательности и осуществимости опытного механизованного хозяйства и уперся в расхождение идеологического порядка. В корне же спора лежит еще более глубокое расхождение, относящееся к методологии хозяйственного планирования вообще.

В конце 1924 г. правительству УССР были представлены расчеты, которые показывали, что при рациональном оборудовании и ведении сплошь механизованного полеводства в наших степях оно дало бы существенные экономические и социальные преимущества по сравнению с лошадиным. Преимущества эти относились и к удешевлению оборудования, и к понижению себестоимости хлеба, и к увеличению размеров и стабильности урожаев (за счет обеспечения своевременности операций). Для окончательной проверки расчетов и для конкретизации тех условий рациональности, которые расчетами предполагались, имелась в виду организация специального опытного хозяйства („Полеводственная промышленность", Харьков, 1925 г.).

Проект этот очень скоро нашел сторонников, в том числе и среди членов правительства, и получил формальное одобрение соответственных органов. Но преобладающее отношение к нему оставалось насмешливым или равнодушным, и несмотря на всякие решения и постановления вопрос увяз в бесконечных песках бюрократических инстанций.

Спустя год была опубликована статья, снова ставившая тот же вопрос, но с большей остротой намечавшая возможные перспективы опыта для реконструкции сельского хозяйства („План. Хоз.", 1925 г., № 11). Статья вызвала некоторое внимание и повела к дискуссии в Госплане СССР, в Коммунистической академии и в печати (см. „План. Хоз.", 1926, №№ 4 и 7).

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

В том же 1926 г. появились первые факты, заставившие призадуматься некоторых деятелей нашего сельского хозяйства по поводу правильности нашей тракторной политики. Одним из этих фактов были обозначавшиеся результаты господствовавшей формы тракторопользования, достаточно сомнительные в социальном отношении. Трактор оказывался сплошь и рядом скорее орудием социальной диференциации, чем орудием социализации сельского хозяйства. Для борьбы с этим явлением была намечена передача тракторного дела кооперации, но непосредственным руководителям этого дела, конечно, было ясно, что эта передача являлась формально-организационной отпиской, не устранявшей основных причин явления.

Другим фактом явился опыт Совхозтреста. Украинский Совхозтрест проделал к тому времени огромную работу по собиранию и первоначальному упорядочению своих разрушенных и убыточных хозяйств. К перспективам механизации он занял с самого начала позицию сдержанную, но эта сдержанность была не пассивной, как у большинства, а пытливо-деятельной. Не имея возможности поставить опыт на рациональных основах, он все-таки пробует в течение 1926 г. применение тракторов на всех полеводственных операциях (кроме пропашки). В результате этой работы Совхозтрест становится категорическим сторонником полной механизации.

Все это привело к тому, что когда осенью 1926 г. снова был выдвинут вопрос об опытном механическом хозяйстве, в защиту проекта решительно выступили как представители Совхозтреста, так и представители сел.-хоз. кооперации, на плечи которой упала ответственность за крестьянское тракторопользование.

Истекший сезон 1927 г. принес нам ряд новых фактов, еще более существенных. Прежде всего, 1927 год приходится считать годом первых, хотя и „черновых“ опытов сплошь механизованного хозяйства на Украине. „Черновых“, ибо вследствие запоздания в прохождении вопроса, а также по ряду других причин опытному хозяйству не были обеспечены в этом году ни надлежащее оборудование, ни надлежащий масштаб, ни надлежащая постановка учета, ни надлежащее организационное обслуживание. Тем не менее, в совхозе им. Шевченко (Одесского округа), где по договору с Тракторным комитетом было поставлено Совхозтрестом опытное хозяйство,— в этом году лошади употреблялись только для подвозки пищи и воды для конных граблей, для раз'ездов управляющего и об'ездов. Вспашка, обработка паров, посев и его заделка, жатва, свозка снопов к молотилке и молотьба производились механической силой. Вопреки просвещенным предупреждениям некоторых знатоков, что такое хозяйство неосуществимо без американской культуры и полевых телефонов, оно оказалось осуществленным.

Мы не имеем еще окончательных отчетных данных для освещения результатов опытного хозяйства. Но ни для кого уже не осталось сомнений, что оно не только заметно удешевляет стоимость

обработки, но и гораздо легче для административного обслуживания. На хозяйство в 2.800 дес. управляющему приходилось руководить всего 24 человеками трактористов и столь же незначительным числом подсобных рабочих.

Одновременно с этим хозяйством Совхозтрест механизировал уже не в порядке опыта, а в порядке очередной хозяйственной реорганизации ряд других совхозов, которые справились с задачей не менее благополучно.

Таким образом, техническая и организационная осуществимость полеводственной промышленности доказана даже для тех, кто склонен был до сих пор ее отрицать.

Другие факты, которые принес нам 1927 г., относятся к опытам внедрения механизованного полеводства в обиход крестьянский.

В 1924 г. в числе одной из задач опыта было выставлено нащупывание организационных путей для внедрения полеводственной промышленности в жизнь. В качестве возможных путей было намечено три:

1) Государственная колонизация на свободных землях, создающая конкуренцию крестьянину дешевым хлебом и вытесняющая его из полеводства на интенсивное хозяйство скотоводно-огородное.

2) Подрядные артели, органически комплектуемые и снабжаемые на рациональных условиях и обрабатывающие подрядно тот клин коллективных или общественно-севооборотных земель, который в данном году отводится под зерновые хлеба. Остальной клин обрабатывается лошадьми или наполовину лошадьми наполовину тракторами под интенсивное скотоводство (травы, пропашные).

3) „Рационализуемые коллективы, получающие оборудование в кредит на определенных условиях технического и организационного использования его“ (Полеводственная промышленность, стр. 42, 43).

Эти пути были намечены не как единственные, но как вероятные. Сейчас мы можем констатировать, что полустихийные искании практиков этого дела идут как раз в направлении этих трех путей. Жизнь не выдвинула пока никаких других путей. Именно, некоторым напоминанием первого пути являются государственные хозяйства. По линии второго пути идут договоры Совхозтреста с переселенцами о полной механической обработке их земель — за исключением пропашки яровых культур.[1] По линии третьего пути идут к механизации так называемые „земгромады“, получающие в кредит оборудование для механической обработки селянских земель.

Все эти начинания еще далеки от рациональности, их эффективность еще далеко не освещена в должной мере. Но со всеми

[1] Пропашка исключается не потому, что она недоступна для механизации, а исключительно потому, что у нас еще нет опыта в этом деле. Существуют тракторы, приспособленные также и для пропашки, и есть специальные пропашники для них. В этом году несколько таких пропашных комплектов будут выписаны и испробованы на Украине.

этими начинаниями связаны обстоятельства исключительного социального значения.

Надо вникнуть внимательнее в детали всех этих начинаний, чтобы конкретнее представить себе и обозначающиеся контуры технического переворота и те организационные предпосылки, которых для обеспечения этого переворота еще недостает.

2. Факт первый — опытное механизованное хозяйство

Опытное хозяйство должно было быть поставлено на началах рассчитанного оборудования, обеспечивающего оптимальное использование трактора, и на началах оптимального использования рабочей силы с применением рациональной системы аналитического учета и калькуляции. Ничего этого в 1927 г. не было.

Еще весною выделенная Тракторным комитетом для руководства опытом „тройка" констатировала, что в этом году вследствие запоздания решений об организации его опыт может носить только предварительный характер. Главным образом, недоставало ни подходящих прицепных орудий, ни даже твердых данных для суждения о выборе таковых.

Какова роль прицепных орудий для всей экономики хозяйства показывают следующие цифры. Сноповязалки 8-футовые, конного типа, слишком легкие для трактора „Интернационал", убирали в совхозе Шевченко вначале около 4,5, а затем до 6,7 дес. в день. Сноповязалки 10-футовые, специально тракторные (хотя, повидимому, и не дающие еще полной нагрузки „Интернационалу"), давали 9 и выше десятин в день. Культиваторы на обработке пара давали в среднем 12 дес. в день, дисковые бороны — 7 дес. и букера 4—4,5 дес. на той же операции.

Это означает — в конкретных условиях данного хозяйства, — что оборудование его однородными сноповязалками в 10 футов позволило бы уменьшить число тракторов по меньшей мере на 3 штуки (из 24). Оборудование же однотипными культиваторами могло бы сэкономить тоже по меньшей мере 3 трактора.

Далее в этом году не могли быть установлены ни нормы выработки, ни организация, которая обеспечивала бы соблюдение этих норм. Между тем, анализ предварительных отчетных материалов показывает, что если бы удалось повысить среднюю производительность до уровня, достигнутого в самом хозяйстве в среднем в 20% случаев, — это позволило бы освободить 4 трактора.

Наконец, если бы удалось поддерживать в течение всего года ту плотность использования рабочего времени, которая была достигнута в опытном хозяйстве в августе, — это сберегло бы тоже 3 трактора.

Эти сбережения, конечно, нельзя суммировать, так как они частично перекрываются. Но произведенный расчет показал, что

при указанном переоборудовании, при повышении норм выработки и плотности использования, хотя бы до уровней, фактически уже достигавшихся в хозяйстве, можно было бы — при рациональном управлении хозяйством, — постепенно уменьшить оборудование по крайней мере до 15 тракторов, справляющихся со всей той работой, которую выполнили в этом году 24. Теперь все эти обстоятельства достаточно осознаны, и в 1928 г., повидимому, удастся оборудовать хозяйство, если и не идеальными, то во всяком случае более производительными и однотипными прицепками. Повидимому, удастся также приобрести некоторое количество измерительных приборов, которые позволят реально осветить вопрос о нормах производительности и их факторах. Только тогда мы получим первые данные для решения вопроса о размерах действительно возможных в полеводственной промышленности себестоимости зерна и эффективности капитальных затрат. Что дело это вообще выгоднее, чем хозяйство лошадиное, — уже не сомневаются ни Совхозтрест, ни присмотревшиеся поближе крестьяне. Но надо еще показать действительную меру возможной выгодности.

Получил некоторое освещение также и вопрос о размере хозяйства. Теперь уже ясно, что площадь совхоза им. Шевченко 2.800 дес. — площадь, далеко недостаточная для полной нагрузки административного аппарата. Тот же аппарат административного, бухгалтерского и подсобного хозяйственного обслуживания мог бы справиться с хозяйством гораздо большим. К сожалению, мы не имеем возможности проверить расчеты относительно оптимального размера хозяйства, но недостаточность размеров этого хозяйства осознана, и Совхозтрест имеет в виду компенсировать эту недостаточность, прикрепив к совхозу договорную обработку окрестных переселенческих земель.

Все эти вопросы: и об оптимальном составе оборудования, и о нормах производительности, и об оптимальном масштабе хозяйства и т. д. должны и, повидимому, смогут получить разрешение в опытном хозяйстве на протяжении ближайших же лет. Таким образом, будут обеспечены твердые основания для расчета и построения механизованных хозяйств как государственных, так и об'единенно крестьянских. Ниже я покажу, что отсутствие этих твердых расчетных оснований служит существенным препятствием для механизации полеводства крестьянского.

„Практика жизни" не только всегда принимает указания теоретического расчета, но не всегда даже сознает свою нужду в них. Ей нужно время, чтобы осознать их по частям, ударяясь лбом о собственные промахи то там, то здесь. Но рано или поздно она воспримет все, что было правильного в расчете теоретическом. Может быть в этой, на первый взгляд расточительной постепенности кроется реальная жизненная сила, без которой не был бы возможен успех

в наших культурных условиях. Надо констатировать, что Совхозтрест проявил эту реальную жизненную силу.

Было бы нелепым педантизмом требовать, чтобы практика немедленно воспринимала полностью указания теории. Но необходимо точно фиксировать, в какой мере теория оправдывается в этой постепенной эволюции практики, чтобы можно было хотя бы в будущем избегать расточительных ошибок.

3. Факт второй — договоры с переселенцами

Договоры эти распространялись осенью этого года на площадь около 5.000 дес. переселенческих земель.

Условия договоров следующие: Совхозтрест берется при помощи тракторов поднять и обработать пары, засеять, сжать, подвести хлеб к молотилке и обмолотить. Переселенцы дают свой посевной материал (который Совхозтрест обменивает на чистосортный), вспомогательную силу при жатве, свозке и молотьбе и шпагат для сноповязалок. В пропашных они выполняют обработку междурядий и уборку урожая. Совхозтрест получает за все это одну треть урожая и по 2 фунта с пуда за молотьбу.

Как воспринимают крестьяне такие условия? Я присутствовал при заключении договоров. Наш украинский крестьянин привык торговаться даже тогда, когда сам видит, что условия выгодны. Здесь были тоже одинокие голоса, что можно бы де шпагат на счет Совхозтреста взять, но эти голоса получили единодушный отпор от своих же.

Главная выгодность этих условий для крестьян даже не в том, что они платят третью часть вместо обычной испольщины. Главная выгода в том, что оставшиеся две трети составят для крестьянина в этом случае больше, чем он получил бы со своими лошадьми от всего урожая в целом. Ибо здесь ему обеспечены ранние пары.

Значение ранних паров в наших степях уже не требует агитации для своего усвоения. Ранние пары распространяются медленно не потому, что крестьянин косен или не понимает. Он очень хорошо усвоил, что ранний пар означает и повышение урожая с озимых (вдвое и больше) и страховку его от засухи. Но ранний пар очень трудоемок. Он требует многократного рыхления в течение лета. Не только бедняку, но даже и середняку с их инвентарем трудно справиться с этой работой.

Изложенные договорные условия не оказываются убыточными и для Совхозтреста. Даже при нынешнем, еще далеком от рациональности хозяйствовании Совхозтрест при среднем урожае отнюдь не окажется в убытке. Он не будет, конечно, наживаться на этом деле, но он не будет и докладывать.

Последствия от такого мероприятия для крестьянства весьма многообразны. Непосредственная выгода экономическая не только

в повышении урожая от правильной обработки паров (наши статистики исчисляют его в среднем в 30 пуд. с десятины), но и в значительной стабилизации урожая.

В этом году озимые давали по парам на Одещине 100—120 пудов с десятины, в то время как вокруг обычный крестьянский посев давал вследствие недорода 35—40 и меньше пудов. Стабилизуется не только урожай, но и все хозяйство, ибо оно не находится более под угрозой упадка при болезни или смерти главных работников, при падеже скота и т. п. Неурожай одного года не влечет за собою упадка на ряд лет, как это бывает обычно вследствие продажи скота. После неурожайного года механическая обработка также обеспечена крестьянину, как и после урожайного. Далее, отнюдь не малое значение имеет приносимое механизацией освобождение от тягостного ярма физического труда, которое обычно не учитывается в цифровых подсчетах эффективности механизации, но которое очень учитывается и очень чувствуется крестьянами. Первоначальный проект договора имел в виду жатву так называемыми „лобогрейками“, которые требуют специальных людей, чтобы скидывать хлеб с машины и чтобы вязать. Этот проект был встречен очень недружелюбно. Каторжная гонка по жаре человека за машиной и неразгибающаяся бабья спина были изображены с выразительностью, которой позавидовал бы любой оратор. Несмотря на дополнительный расход на шпагат, сноповязалка была предпочтена единодушно. „Если уж машина, так машина до конца“.

Быть может еще большее значение, чем освобождение от физического перенапряжения, имеет освобождение от бремени непрерывных забот о лошади, об инвентаре, о сроках той или другой операции. Эта забота тоже не учитывается нашей статистикой „трудовых балансов“, между тем она превращает „свободные“ дни крестьянина в свободные в весьма условном смысле. Эта работа не позволяет крестьянину заняться никакой работой, требующей непрерывности. И она создает постоянное ощущение видимой занятости, мало благоприятное для хозяйственной предприимчивости. Чтобы всерьез заняться чем-либо кроме поля, крестьянин должен оторваться от поля.

Наоборот, чувствуя себя одновременно и уверенным в урожае и свободным от забот о нем и свободным от работы на поле (хотя и не постоянной, но оправдывающей безделие в промежутки), — крестьянин легче пойдет на такие предприятия, как сад, огород, молочное, птичье, свиноводческое хозяйство. Сейчас в крестьянском быту эти отрасли хозяйства обслуживаются больше побочно, мимоходом, чем в качестве существенных и основных. При освобождении от полеводства крестьянин может уделить им свое главное внимание и силы и тем самым резко изменить их удельный вес в своем хозяйстве.

Нечто подобное можно уже теперь наблюдать среди обслуживаемых Совхозтрестом переселенцев. Они еще не успели обстроиться,— и уже мысли их поглощены виноградниками, садами, поливными огородами, свиньями и т. д. Надо только обеспечить организационно-технически исполнение принятых на себя Совхозтрестом договоров, ни в коем случае не допускать случайных перебоев, которые быстро дискредитируют все дело. Нельзя требовать, чтобы в первые же годы не было никаких заминок.

Надо относиться к этому начинанию не узко-коммерчески, а как к опыту величайшего государственного значения, обеспечить его резервным инвентарем, резервными средствами, людьми и ни в коем случае не допускать случайных провалов. И тогда это дело пойдет.

Иные скептики говорят: хорошо Совхозтресту обратывать в кредит земли переселенцев, у которых нечем их обрабатывать. Конечно, будут рады, ибо все равно ничем не рискуют. Попробуйте то же сделать у крестьян с наладившимся хозяйством. Но начинается механизация и у крестьян с наладившимся хозяйством. В качестве организационной формы ее выдвинулись так называемые „земельные громады".

4. Факт третий — земельные громады

Опыт земельных громад еще очень мал, но он представляет уже интерес исключительный. Земельные громады — это сельские общества, организовавшиеся по окончании землеустройства и оформленные уставами. Стремящихся к механизации земельных громад на Одещине десятки, но сколько-нибудь обозначившиеся результаты появились только в этом году и только в 2—3 громадах с общим числом тракторов, не многим более двух десятков.

Основное отличие этой формы от обычных тракторных организаций (машино-тракторных товариществ, коллективов) в том, что пользование машинной обработкой предоставляется на равных правах любому крестьянину данного села и что пользование это не связано с обладанием машинами и личной заботой о них. Собственником машин является вся громада или организующееся при ней кредитное товарищество; все заботы по обслуживанию машин, по приобретению горючего, по ремонту, по расчетам с банком и т. д. лежат на правлении.

Из этого коренного отличия проистекают и дальнейшие важные отличия. Прежде всего, в громаде сосредоточивается обычно не один трактор, а группа их (3—5, а в Сычавке, самой „старой" из громад, возникшей в 1926 г. — 15). Затем громаде легче, чем машинно-тракторному товариществу, добиться полного использования трактора и легче обзавестись комплектом прицепок к трактору, не ограничиваясь плугом (как делает подавляющее большинство других организаций).

Эти отличия имеют решающее значение для социальных результатов тракторизации. Когда в прошлом году были обнаружены сомнительные социальные результаты машинно-тракторных товариществ, это вызвало удивление и повело к решениям о более тщательном контроле состава товариществ. Ничего удивительного, однако, в этом социально-диференцирующем эффекте машинно-тракторных товариществ нет. Небольшая группа лиц, членов машинно-тракторных товариществ или коллективов, пользующаяся трактором и являющаяся островком среди бестракторного крестьянства, не может не подыматься хозяйственно над бестракторным крестьянством, если только трактор работает удачно. Машинно-тракторные товарищества могут не вести к диференциации только в случае их банкротства (которое не является редкостью при бедняцком их составе) или в том случае, если искусственными мерами удается понизить их доходность до средней доходности лошадиных хозяйств.

Земельные громады, наоборот, свободны от такой печальной неизбежности. Им нет нужды ни банкротиться, ни искусственно понижать доходность. Ибо повышение доходности в них означает не возвышение нескольких хозяйств над общим уровнем, а повышение самого общего уровня.

Так это происходит и на самом деле. Известно, в какой степени симпатична кулаку форма машинного товарищества и на какие хитрости он пускается, чтобы туда пролезть. Земгромада, наоборот, пришлась очень не по вкусу кулаку. Ибо она сразу ударила по самым корням его могущества. В Сычавской земгромаде был настоящий бунт, поднятый кулаками. И лозунгом бунта было — распределить тракторы между отдельными группами по одному. Этот бунт сычавских кулаков тоже понятен. Земгромадские тракторы подымают перелог за 7 руб. вместо обычных 10—12 руб., которые берут лошади. В результате кулак не только теряет возможность заработать на своем инвентаре, но и теряет возможность приарендовать у бедняка землицы: бедняку становится по силам теперь самому обрабатывать свою землю. Так, по 5 земельным обществам в Одещине количество десятин, сдаваемых в аренду, сократилось с 1.656 в 1925 г. до 520 в 1927 г. Земгромадские тракторы ударяют по самым корням могущества кулака.

Для бедняка же и для середняка, наоборот, эта форма, по сравнению с машинным товариществом, имеет существенные преимущества. Машинное товарищество требует и чувствительных первоначальных затрат и денежной ответственности и забот и возни с машиной, в которой далеко не все одинаково разбираются. В земельной громаде ничего этого не надо. Обо всем заботится правление, одно на все село. Крестьянин — заказчик, который платит деньги и получает работу. Особенно удобно это ему в земгромадах сычавского типа, где договор заключается не сразу на весь сезон и на все операции, а на каждую операцию отдельно, под квитанцию, хотя бы накануне дня работы. Здесь крестьянина не смущает никакой риск, никакие заботы, никакая ответственность.

5. Затруднения и перспективы распространения механизации

Казалось бы, что все эти обстоятельства должны были привести к значительному успеху земгромад. И действительно, ряд признаков успеха налицо. Банк осаждается ходатайствами о подобном кредите. Кредитные товарищества, купившие тракторы, расплачиваются аккуратно. В Сычавку стали направляться ходаки даже из отдаленных деревень. Наконец, в самой Сычавке спрос на тракторную работу возрос, и во время жатвы этого года это возрастание спроса проявилось даже довольно бурно в виде возмущения против правления, которое многим отказывало в работе, так как могло удовлетворить лишь часть спроса. Все эти симптомы успеха повысили интерес к громадам и вызвали в некоторых кругах деятелей резкий поворот симпатий к этой форме тракторопользования. Возникает даже новая опасность — опасность увлечения организационной формой и проглядывания того организационного существа, без которого успех этой формы окажется эфемерным.

Главная опасность, которая грозит сейчас механизующимся земгромадам, не в том, что они не справятся с своей задачей технически. Технически с тракторами у нас научились справляться более или менее удовлетворительно. Главная опасность в том, что дело делается все еще без понимания основных условий эффективности механизации и без правильного организационного расчета и учета.

К каким тупикам может привести отсутствие теоретической ясности в организации этого дела, — ярким примером тому является тот неожиданный для многих наших деятелей факт, что несмотря на механизацию растет в земгромадах число лошадей. Казалось бы, под впечатлением благ, приносимых механизацией, крестьянин должен был бы продавать лошадей и обращать освобождаемые таким образом средства на интенсивные культуры. Подобные случаи тоже бывают, но все же определенно наблюдается рост количества лошадей.

При ближайшем рассмотрении характера происходящей в громадах механизации не только становится понятным это загадочное явление, но становится понятным, что без теоретически правильной реорганизации всего дела и не может иначе быть.

Получив подмогу от трактора и хозяйственно поднявшись, крестьянин спешит купить лошадь не потому, что лошадь выгоднее, а потому, что лошадь при нынешних обстоятельствах вернее его обеспечивает. Здесь происходит нечто подобное нашим кооперативам: цены ниже, но по этим низким ценам нельзя достать товара. Трактор работает дешевле и лучше, но крестьянин не может быть обеспеченным, что земгромадские тракторы обработают и во-время обработают каждый участок.

Так было в Сычавке в 1926 г., так повторилось и в 1927. Кредитное товарищество не могло удовлетворить всего спроса и не

могло выполнить во-время все те заказы, которые принимало. Причин было много, но вот основные. Во-первых, за отсутствием твердых норм выработки и налаженного учета, правление не могло точно рассчитать, за какой срок сколько оно может обработать земли. Во-вторых, если бы и были нормы и учет, производительность менялась бы изо дня в день в связи с тем, что заказные участки не находились в одном массиве. Далее, оборудование кредитного товарищества не было комплектным. Оно не было рассчитано на полную обработку, количество плугов было на одну площадь, культиваторов на другую, сноповязалок на третью, — прицепных телег не было вовсе. Оборудование строилось не по расчету, не по плану, а наощупь, боязливо, с нажимом на операции, привычные для нашего советского тракторопользования (вспашка, молотьба) и с опаской к остальным. Поэтому крестьянин, даже обеспеченный тракторной вспашкой, должен был иметь в запасе лошадей, чтобы обеспечить засев и уборку своего поля.

Совершенно естественно при таких условиях, что крестьянин предпочитает иметь собственных лошадей, чем полагаться на организацию, на которую нельзя положиться. И воспользовавшись бесспорными для него выгодами от тракторов, немного окрепнув, он спешит использовать эти выгоды для приобретения лошадей.

Только организация, теоретически правильно построенная, рассчитано оборудованная и за ряд лет доказавшая свою надежность, могла бы изменить такое положение вещей. Мы видим, таким образом, наглядно, что форма сама по себе, как бы ни была она обещающа, не решает дела. Мы видим, что нам не уйти от решения всех тех вопросов, для разрешения которых предлагалось опытное хозяйство: и вопроса о правильном расчете оборудования, и вопроса о нормах и факторах производительности, и вопроса о постановке учета и т. д.

Земгромадцы сознают это, они умоляют о компетентной организационно-технической помощи, готовы платить за нее. Но ее не в состоянии им оказать ни органы кредитные, ни органы Наркомзема. Ибо не только в этих органах, но и вообще в СССР, в природе еще не существует людей, действительно вполне компетентных в этих вопросах, потому что нет центра, где добывались бы (не путем каталожных и литературных справок и соображений, а путем четкого опыта) и твердо устанавливались бы действительно надежные ответы на эти вопросы.

Утверждения некоторых наших деятелей, что все эти вопросы могли бы быть разрешены и без опытного хозяйства, путем статистического освещения экстенсивного опыта крестьянского, наивны и вздорны. Харьковский институт труда произвел анализ крестьянских и совхозных дневников трактористов за 1926 г. Этот анализ показал, как мало могут осветить вопрос подобные экстенсивные статистические данные.

Вот несколько иллюстраций характера этих материалов. По вспашке одинаковыми тракторами Фордзон и одинаковыми плугами,

на одной и той же глубине 3,5—4 верш. и на одинаковой по обозначению почве производительность колебалась по материалам дневников от 0,09 до 0,38 дес. в час, при чем даже между крайними децилями расхождение достигало величины 0,15 : 0,27.

По жатве 6-футовой сноповязалкой при Фордзоне производительность колебалась от 0,25 до 0,7 дес. в 1 час для крайних децилей (в отдельных же случаях колебания доходили до 0,13 дес. в минимуме и до 0,92 в максимуме).

Чем об'ясняются эти колебания? Различиями в строении почвы, которые не улавливаются общим наименованием „оранка", „перелог", „целина"? Различиями в густоте хлебов? Или индивидуальными различиями в умелости и старательности трактористов? Или просто неточностью измерений, производившихся зачастую так, что десятины отмерялись шагами, а время — по солнцу? Нам удалось пока установить только одно, именно, что фактор индивидуальный, повидимому, имеет какое-то значение, так как между производительностью по разным операциям (вспашка, букерование) обнаружилась определенная положительная корреляция — около 0,46. У 20% трактористов, давших наилучшие результаты по жатве, результаты по вспашке составляли 0,22 дес. в час, тогда как у 20% худших по жатве средняя производительность по вспашке составляла всего 0,15 дес. в час.

Но каково количественное значение этого фактора, насколько именно может повыситься выработка при тщательном подборе и обучении трактористов? И каков вес прочих факторов? Мы этого не знаем и экстенсивная статистика ответа на этот вопрос не дает и не может дать. Не может дать и вследствие неточности записей и вследствие того, что вовсе не отмечаются многие обстоятельства, которые могут на производительность влиять.

Мы можем получить данные о факторах производительности только в специальном опытном хозяйстве при условиях точной, автоматической регистрации, тщательного наблюдения и сложного вариационного статистического анализа. Такие исследования возможны и будут поставлены. Но пока их результатов еще нет,— нет еще бесспорно авторитетных оснований для рассчитанной организации механизованных крестьянских хозяйств.

Нет возможности правлению товариществ рассчитать, с какой нагрузкой заказов оно справится и с какой не справится в определенный срок, нет возможности рассчитать, какой ему инвентарь действительно нужен, чтобы обеспечить спрос, нет возможности правильно построить цены. Сычавцы брали за жатву 9 руб. с десятины. Это было дороговато, не все соглашались платить, не было сплошного жатвенного массива, и это, в свою очередь, удорожало операцию. Совхозам жатва обходилась в 6—7 руб. Если бы сычавцы об'явили такую цену, на нее согласились бы почти все, получился бы сплошной жатвенный массив, жатва действительно обходилась бы

в 6—7 руб. и можно было бы без риска обзавестись полным комплектом сноповязалок. Если бы вместо 7-футовых сноповязалок, товарищество было снабжено хотя бы 10-футовыми, жатва стоила бы еще дешевле и затраты на оборудование ниже и т. д.

Жизнь не может, конечно, ждать точных решений. Она должна делать свое дело, и отсутствие точных оснований для расчета должно компенсироваться прикидкой в запас. Расчет может не быть точным, но он должен быть грамотным, организационно и социально грамотным, чтобы прежде всего обеспечить надежность организации. Этого можно было бы достигнуть на первых порах, например, следующим способом. Нельзя заставить кредитное товарищество кредитоваться на больший инвентарь, чем тот, в использовании которого оно уверено. Но можно и должно требовать от кредитующей организации, чтобы она учитывала повышающийся спрос и чтобы она обеспечивала его удовлетворение натуральным кредитным резервом. Это значит, что кроме тракторов и прицепок, которые товарищество купит на собственный риск, за ним бронируется столько тракторов, сеялок, сноповязалок, телег и т. д., сколько необходимо для полной обработки всех бедняцких и середняцких земель кредитуемой громады. Этот резерв должен предоставляться кредитуемой громаде, по первому требованию, или в собственность или на прокатных началах. Только в таком случае товарищество сможет об'явить, что оно никому не откажет в работе и что выполнит все работы во-время и действительно это обещание выполнить. Только через год—другой такой политики крестьянство убедилось бы, что механическая обработка не только выгоднее, но и обеспеченнее лошадиной. И тогда прибыли крестьянина от механизации перестали бы тратиться на покупку лошадей, которых приходится кормить весь год, как бы ни уменьшалась для них нагрузка, а на покупку коров, на закладку садов, огородов и т. д. Только в этом случае можно было бы действительно ожидать от механизации громад того преобразующего все хозяйство эффекта, зародыши которого несет в себе эта техническая революция и который мы не в состоянии извлечь пока, вследствие теоретической путаницы и организационной косности.

Конечно, этот путь натурального резервного кредита дороговат. Не умея точно рассчитывать и беря в прикидку, мы совершаем то же расточительство, какое совершалось (и совершается) и в домостроении и в машиностроении всюду, где еще нет уточненных расчетов и испытанного материала. Это — плата за некультурность, от которой мы не освободимся пока не получим и не используем результатов опытных хозяйств. Но эта плата во всяком случае меньше той, на которую мы шли до сих пор, затрачивая десятки миллионов на машино-тракторные товарищества и подобные организации, социальный эффект которых не только не был, но и не может быть положительным, так как машинно-тракторное товарищество даже

в случае успеха своего означает хозяйственный под'ем отдельной группки над общим уровнем, вместо под'ема самого этого общего уровня, какой должен произойти при рациональной постановке в механизуемом земельном обществе.

Вряд ли надо смущаться тем, что подобное концентрированное кредитование может быть осуществлено лишь в немногих редких очагах, за недостатком у нас кредитных капиталов для комплектного кредитования повсеместного. В минимуме у нас все-таки организующее начало, а не деньги. Будет полезно, если эти опыты будут проведены в меньшем количестве, но с большей квалификацией и вниманием. Если же в течение ряда лет обозначится не только бесспорность, но и прочность успеха, то, надо думать, для дальнейшего распространения этой системы обнаружатся деньги и у самих крестьян (а может быть и у государства, ибо сумма средств, которые у нас находятся для той или иной цели, измеряется, как известно, не только наличностью казначейства, но и нашим пониманием важности цели).

Необходимо отметить, что эта форма кредитования имела бы преимущество перед нынешней и со специальной кредитно-политической точки зрения. Основное противоречие современной системы с.-х. кредита в том, что требования социально-направленного кредитования и требования к кредитоспособности клиента далеко не всегда совместимы. В земгромаде указанного типа это противоречие исчезает, так как полная, замкнутая механизация полеводства обеспечивает и доходность и стабильность его и тем самым обеспечивает платежеспособность клиента. В этом существенное отличие такой формы от распыленного и недостаточного кредитования, где продуктивность использования крестьянином кредитов отнюдь не обеспечена.

Концентрация кредитов в указанном смысле и достигаемый ею хозяйственный под'ем позволили бы создавать в механизуемых громадах экономическую базу и для дальнейшего углубления кредитования — в целях интенсификации хозяйства и кооперирования его. Механизуемые громады могли бы таким образом — при правильной кредитной и кооперативной политике — превращаться в очаги действительно социализованного крестьянского хозяйства.

Эти перспективы земгромад, еще не будучи даже полностью осознаны, начинают уже порождать увлечение, в связи с чем недооценивается иногда значение другого пути — государственных подрядных отрядов, организуемых Совхозтрестом. Как всегда, вопрос об организационном существе затемняется у нас схоластическим вопросом об организационной форме. Подобно тому как от неожиданных социальных результатов машинно-тракторных товариществ формально отмахнулись передачей дела кооперации, и здесь пытаются решить вопрос не по существу, а по „общим" формальным соображениям. В пользу громад выдвигается тот мотив, что они построены на

„общественной самодеятельности", тогда как отряды — дело государственное и, следовательно, бюрократическое.

Этим принципом „общественной самодеятельности" легко злоупотребить. Злоупотребление производится путем жонглирования понятием „общества". „Обществом" является и коллектив из трех кулаков и целое село. Но нет оснований отказывать в этом почетном титуле и государству, и коллективу научной мысли человечества, и, наконец, всему человечеству. Какому именно из этих „обществ" поручить ту или другую задачу — это вопрос посильности и целеобразности. Никто не станет открыто требовать, чтобы поручили отдельным селам строить железные дороги или электрические централи. Никто не потребует, чтобы пассажиры трамвая „самодеятельно" управляли им вместо вожатого. Но когда начинают аргументировать от „общественной самодеятельности" вообще и вместо делового обсуждения благочестиво взывают к абстрактному принципу, то здесь и начинается тот схоластический туман, в котором легко потерять самые бесспорные основания для решения.

Реальное и деловое решение должно считаться в данном случае с тем, что кроме общих перспектив этого дела надо обеспечить и правильное организационно-техническое обслуживание механизации Совхозтресту, который имеет за собой несколько лет опыта, хозяйственную базу, кадры хотя и не очень квалифицированных, но все же работавших вокруг трактора людей, средства для маневрирования и т. д., — конечно, легче справиться с этими организационно-техническими трудностями, чем любому правлению в любой земгромаде.

Нельзя не считаться также в таком новом деле и со степенью обнаруженной уже хозяйствующей энергии, целевой устремленности и понимания социальных перспектив. У Совхозтреста — все это имеется в данное время в гораздо большей степени, чем у руководителей громад.

Правда, у Совхозтреста нет тех формальных возможностей дальнейшего использования механизации, которые есть у организаций кредитных. Механизация полеводства сама по себе, без использования ее в качестве орудия дальнейшей интенсификации сельского хозяйства, не есть еще то, к чему надо стремиться. Она должна явиться передовым тараном для разрушения отсталой технической базы, но в пробитую этим тараном брешь должны быть брошены дальнейшие усилия, кооперирующие и кредитующие, чтобы закрепить и использовать почву для дальнейшего углубления работы по интенсификации хозяйства. Совхозтрест один, в его теперешнем виде, не может справиться с такой задачей.

Но, с другой стороны, и земгромады со всей покровительствующей им системой кредита и кооперации ничего не сделают, если им не удастся овладеть организационно-технической стороной дела. Каждая из этих форм — и отряды Совхозтреста и громады —

решает лишь одну сторону задачи. Каждая несет в себе и зародыш своей силы и зародыш своей слабости. Как именно решится вопрос, в конце концов, еще не ясно. Вернее всего возникнет новая форма, совершенно специфическая. Но пока ее нет нельзя ослаблять ни ту, ни другую из существующих. Между тем, предрешение победы для одной из существующих форм сразу ослабляет другую. Пока идеальной формы нет—надо решительно поддерживать каждую из обеих существующих форм так, как если бы каждая из них должна была победить. Только тогда каждая из них даст все, что может. Совхозтрест должен выковать четкий стержень организационно-технического руководства механизацией. Земгромады должны конкретизовать социально-экономические перспективы механизации и явиться школой для отбора и выращивания активных местных работников, которые на базе механизации могли бы двигать дальше интенсификаторскую кооперацию.

Как бы этот спор ни решился, но уже одно существование такого спора знаменательно. Спор идет уже не о том, возможна или невозможна механизация крестьянского полеводства, а о том, кому быть ближайшим осуществителем ее конкретных первых шагов.

Ближайший год должен явиться первым годом настоящей работы опытных хозяйств (кроме совхоза Шевченки, исследования будут поставлены также в совхозе Зиновьевка), годом первой механической жатвы на обслуживаемых Совхозтрестом переселенческих полях и, надо надеяться, первым годом налаженных земгромад. Успех еще не вполне обеспечен; конечно, препятствий слишком много. Ошибки и неудачи еще будут. Уверенная поддержка и терпеливая настойчивость необходимы.

6. Механизация полеводства и методология планирования

Попробуем теперь взвесить значение этих фактов и посмотреть, могут они дать планированию сельского хозяйства. Нельзя требовать, конечно, чтобы эти факты сразу всех убедили. Косность скептиков происходит не только от неспособности улавливать социальные тенденции в их зародыше, когда они могут быть сформулированы лишь абстрактно. Никакая степень конкретизации не облегчит им понимания того, что разрушает многолетнюю инерцию мысли.

Но приведенные факты показывают, что за эти годы „соотношение сил" изменилось отнюдь не в пользу скептиков. Представим себе — сначала только предположительно,— что ближайшие годы изменят это соотношение сил еще резче. Представим себе, что осуществимость сплошь механизованного хозяйства, его экономическая выгодность и возможность его распространения среди крестьянства будут доказаны с такой очевидностью, что ни один добросовестный человек не сможет этого отрицать.

Представим себе далее, что под напором фактов наивность возражений от „перенаселения" станет ясной для большинства так же, как она уже сейчас стала ясной для многих (и в том числе для одного из моих уважаемых оппонентов, который писал в 1926 г., что „ни один ответственный руководитель нашей экономической политики никогда не последует совету тов. Дунаевского—попросту отстранить вопрос об использовании рабочих рук", и который в 1927 г. об'являет „в корне ошибочным мнение, что при наличии избытка рабочих рук машина не нужна и с машинизацией можно повременить").

Представим себе, что все это оказалось бы доказанным.

Какие выводы проистекали бы отсюда для планирования сельского хозяйства? Очевидно, социалистическое планирование не могло бы пройти мимо возможностей резкого повышения доходности сельского хозяйства и его интенсификации и его действительного обобществления на новой технической базе. Это означало бы существенные изменения в наших экспортных и импортных планах, в планировании с.-х. машиностроения и может-быть даже в основных пропорциях распределения капитальных вложений между промышленностью в обычном смысле этого слова и вновь возникающей промышленностью полеводственной.

Может ли кто-нибудь поручиться, что указанные выше предположения относительно механизации полеводства не будут доказаны в ближайшие годы? Если может — пусть он это сделает. Пусть докажет, и докажет убедительно, деловыми цифрами и фактами, что эти предположения неверны.

Если же не может, если предположения могут оказаться верными, то какую позицию должна занять к ним планирующая мысль? Если эти предположения, хотя бы только могут оказаться верными, то проверка этих предположений становится неотъемлемым, непременным элементом планирующей работы, и до окончания этой проверки никакие выводы планового характера не могут быть принимаемы больше чем в качестве одного из вариантов на ряду с другим вариантом.

Здесь мы подходим на этом конкретном случае вплотную к одной из глубочайших проблем самой методологии планирования. Должно ли планирование ограничиваться изучением того, что есть, и установлением того, что вероятно, или оно должно инициативно ставить и экспериментально разрешать вопросы хозяйственно-конструктивного типа?

Государственное планирование есть дело новое. Естественно для него на первых шагах пользоваться методами наиболее легкими и доступными, неизбежно в первую очередь заботиться об установлении равновесия, бескризисности. Отсюда — идея „контрольных цифр". С некоторой натяжкой можно еще представить себе и пятилетний план, как контрольные цифры на пять лет. Но когда речь заходит о плане генеральном, где мы не ограничены краткими сро-

ками, где можно успеть развернуть коренные реконструктивные процессы,— тогда вопрос о методе планирования позволительно ставить иначе. Генеральный план должен быть чем-то существенно иным, чем контрольные цифры на 10—15 лет. Для построения его нельзя ограничиваться статистическими экстраполяциями и их „волевым" корректированием. Планирующая мысль должна в этом случае ставить проблемы, для которых нет решения в прошлом, для решения которых нужны специальные исследования и эксперименты, результаты которых могут изменить самое содержнаие планов.

Проблема механизации полеводства не есть единственная проблема, плановое решение которой требует предварительных экспериментов. Можно было бы указать для примера еще ряд других проблем.

Наполеон об'явил премию в миллион франков за изобретение льнопрядильной машины. Результатом явилась жирардовская мануфактура. Стоило бы затратить не один миллион на завершение этого дела и обеспечение нашей текстильной промышленности сырьем более дешевым, более доступным для выращивания в крестьянском хозяйстве, чем искусственно насаждаемый на окраинах хлопок, и дающим более прочную и более гигиеничную ткань. Будет ли решена такая проблема — по-фордовски — механизацией льноводства или путем утилизации более дешевого сырья (напр., соломы) для фабрикации искусственного волокна и т. п., но во всяком случае мы находимся накануне крупнейших переворотов в этой области, и игнорирование их возможности ставит под вопрос соответственные перспективы генерального плана.

Не менее, если не более важной явилась бы проблема нового строительного материала. Наше строительство не менее архаично, чем наше сельское хозяйство как в приемах работы, так и в материале. Конечно, уточненные проектные расчеты, рационализация приемов кладки, стандартизация и фабричная заготовка окон, дверей и т. п. могут много удешевить строительство. Но эти удешевления все же очень скромны на фоне нашей гигантской жилищной нужды. Возможность быстрой и дешевой постройки просторного и гигиеничного культурного жилища — это основное условие той реконструкции быта, без которой немыслим социализм. Но рыхлый и тяжелый кирпич — это такая гиря на ногах строительства, с которой далеко не уйдешь.

Между тем, целый ряд опытов показал, что можно получать строительный материал не только огнестойкий, влагоупорный, крысоупорный и нетеплопроводный, но и пластичный — из той самой соломы, которая тратится у нас без расчета и которой — при механизации полеводства — у нас будут порядочные избытки. Материал, который позволил бы в корне изменить самую технику строительства, заменив длительный канительный процесс быстрой сборкой домов из готовых штампованных элементов.

Постановка широких экспериментов по разработке этой проблемы могла бы принести результаты, которые существенно изменили бы содержание генеральных планов.

Далее, и наше трактороиспользование и развитие автомобилизма, необходимость которого рано или поздно будет осознана у нас, встречают известное экономическое препятствие в отдаленности наших нефтяных месторождений. Здесь важна не только отдаленность, но и окраинность. При неясности международной обстановки нам нельзя будет совершить механизацию полеводства до тех пор, пока трактор не будет обеспечен топливом местного происхождения. Франция, не имеющая своей нефти, давно поставила вопрос о замене бензина спиртом. Даже помимо соображений международно-политических это могло бы иметь непосредственное экономическое значение. Широкие эксперименты по приспособлению мотора к другим видам топлива, с одной стороны, опыты по удешевлению производства спирта или другого горючего из той же соломы, например, могли бы и здесь многое изменить в основаниях генерально-плановых перспектив.

Весь этот комплекс связанных с перспективами сельского хозяйства проблем — проблема механизации полеводства, проблема нового строительного материала, проблема текстильного сырья, проблема растительного горючего для двигателей, вместе с проблемой дешевого удобрения,— является комплексом проблем, выходящих за пределы ведомственных возможностей и кругозоров. Разработка их относится непосредственно к планирующей функции. Решение их существенейшим образом отразилось бы на содержании генеральных планов. И поэтому углубление методов планирования (генерального) методом конструктивно-хозяйственных экспериментов,— отнюдь не явилось бы необоснованным.

Могут сказать, что результаты экспериментов скажутся не сразу и нельзя же ждать с построением планов, пока не закончатся все эксперименты, какие только можно придумать. Это, конечно, верно. Но не менее верно, что один удачный эксперимент указанного типа может дать для развития социалистического хозяйства не меньше, чем самые искусные экстраполяции от статистики прошлого.

Будущее определяется, конечно, не только нашими планами, но и факторами, которые не поддаются предвидению. Один из таких факторов — технические сдвиги. Мы можем ждать пассивно пока они обозначатся сами собой и мы можем активно повышать шансы для них, вызывая и широко поддерживая соответственные искания в намеченных направлениях. Включение эксперимента в круг методов планирования было бы шагом вперед к действительно научной, в современном смысле этого слова, обоснованности планов.

Разумеется это — только один из многочисленных вопросов, связанных с огромной и почти совершенно не освещенной еще проблемой генерального планирования, но это отнюдь не второстепенный вопрос.

И. А. Калинников

Перспективы промышленности на 1927/28—1931/32 гг.

А. Планируемая госпромышленность [1]

I. Директивы

В основу построения настоящих перспектив развертывания промышленности положены директивы, данные правительством, а именно: а) проведение скорейшей индустриализации страны как путем обеспечения необходимыми средствами производства всех отраслей народного хозяйства в надлежащем количестве и соответствующего качества, так и повышения общего удельного веса промышленности среди прочих отраслей народного хозяйства; б) обеспечение роста независимости Союза от капиталистических стран как в области производства промышленной продукции, так и в области обеспечения промышленности собственным сырьем; в) укрепление экономической базы рабочего класса при одновременном повышении материального уровня трудящихся путем снабжения страны достаточным количеством промтоваров лучшего качества и по более низким ценам.

II. Об'ем плана

Настоящие перспективы развертывания промышленности включают в себя не только планируемую ВСНХ, но и всю прочую государственную цензовую промышленность, находящуюся в ведении наркоматов и ГИКов, за исключением железнодорожных мастерских НКПС и дровозаготовок НКЗема, между тем как перспективная пятилетка ВСНХ охватывает только планируемую ВСНХ промышленность не в полном об'еме. [2]

III. Общая характеристика современного состояния промышленности и задачи ее в перспективном плане, вытекающие из директив правительства.

а) Основной капитал. К началу 1927/28 г. промышленность закончила по всему фронту (за единичными исключениями) восстановительный процесс и приступила к реконструкции. За предше-

[1] Отправной вариант с учетом семичасового дня и повышения сменности. Оптимальный вариант опубликован в издании ВСНХ: „Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности", М. 1927 г.

Таблицы к отправному варианту помещены в конце настоящего номера в отделе VI.

[2] В контрольных цифрах Госплана на 1927/28 г. крупная госпромышленность соответствует планируемой ВСНХ.

ствующие годы промышленность, находясь под давлением необходимости усиливать количественно продукцию, восстанавливала работу предприятий, не особенно углубляясь в анализ целесообразности восстановления многих из них. Капитальные вложения предшествующих лет шли, главным образом, на затраты по восстановлению старых предприятий и на частичную их реконструкцию.

Директива правительства по скорейшей индустриализации страны ставит перед промышленностью в отношении основного капитала особенно трудную задачу по его реконструкции, так как независимость от капиталистических стран в отношении снабжения страны промизделиями лучшего качества и по более низким ценам может быть достигнута путем создания таких фабрик и заводов, которые могут быть конкурентноспособными с заграничными. Отсюда вытекает, прежде всего, проблема отбора предприятий, подлежащих реконструкции, реконструкции, заключающейся не только в устранении узких мест производства, но и в обеспечении старых предприятий производственными процессами, идущими на ряду с современными заграничными. Реконструкции, как замены старых предприятий новыми, построенными согласно последних достижений заграничной техники. Само собой разумеется, что основным лимитом в этом отношении будет, прежде всего, капиталонакопление, а затем уменье наших работников промышленности целесообразно использовать средства в кратчайший срок с наибольшей их эффективностью. Очередность реконструкции не только отраслей, но и отдельных предприятий, должна быть выдвинута на первый план. Строить быстро, в кратчайший срок, проверять достигнутые результаты на отдельных об'ектах — должно стать боевой задачей предстоящего периода.

б) Сырьевые ресурсы. Обеспечение промышленности сырьем в предшествующие годы велось с целью удовлетворить лишь повседневную надобность промышленности. К реконструкции добычи минерального сырья еще не было приступлено. Использование минерального сырья, лежащего на поверхности или близко к ней, в предстоящее пятилетие по необходимости должно быть заменено подземной добычей. Введение механизации работ в большем масштабе, обогатительные устройства, сортировка сырья должны быть выдвинуты на первый план, так как от бесперебойного получения сырья в достаточном количестве, лучшего качества и по низкой цене зависит успех перерабатывающих это сырье отраслей промышленности. Накопление запасов минерального сырья у промышленности является не менее важной задачей, в особенности, если принять во внимание, что транспорт в предстоящем пятилетии может явиться одним из узких мест и в особенности при переходе страны на активную оборону.

Сырье сельскохозяйственного происхождения в последние годы все время было лимитом для развертывания отдельных отраслей промышленности. Хотя принятые до сих пор мероприятия по стимули-

рованию развития сельскохозяйственных технических культур начинают давать положительный результат, но все же нужно признать, что проблема снабжения промышленности сельскохозяйственным сырьем еще стоит во весь рост перед страной в период рассматриваемой пятилетки. Основные планы и задачи в этом отношении трактуются в перспективном плане по сельскому хозяйству, но, однако, и перед промышленностью в этом направлении стоят свои задачи. Главнейшей из них является широкое развертывание производства всякого рода удобрений и снабжение ими по сходной цене крестьянства. В предлагаемом плане развертывание производства минеральных и прочих удобрений намечается в 10 раз по сравнению с 1926/27 г. (1.500 тыс. тонн против 155 тыс. тонн). Одновременно с этим обеспечение производителей с.-х. сырья как орудиями производства технических культур, так и вообще промтоварами в достаточном количестве и по пониженным ценам, должно входить непосредственно в задачи самой промышленности. Удовлетворительное обслуживание крестьянства в этом отношении даст возможность промышленности в короткий срок не только получить в достаточном количестве сырье, но и ввести в жизнь нормы и стандарты, гарантирующие сырье лучшего качества. Введение машинизации (механизации) в первичную обработку сырьевых технических культур, широко поставленные фабричные опыты по применению новых видов сельскохозяйственного сырья, наравне с вышеуказанными мероприятиями, дадут возможность промышленности в ближайшее время значительно эмансипироваться от заграницы в отношении снабжения промышленности с.-х. сырьем.

в) Энергетические ресурсы. Состояние топливоснабжения промышленности до настоящего времени и его перспективы более подробно освещены в особой записке по топливу. Хронические топливные кризисы не должны иметь места в будущем. Отсюда вытекает задача не только достаточного развертывания добычи топлива, но и образования топливных резервов в наиболее важных топливных районах, гарантирующих нормальные условия работы самой топливной промышленности и дающих возможность покрывать случайные резкие колебания в потреблении топлива. Однако, не только достаточное обеспечение топливом промышленности должно иметь место в предстоящем пятилетии, но и сама промышленность, как крупный потребитель топлива, должна решительно встать на путь реконструкции всего своего теплосилового хозяйства. В этом отношении задача реконструкции ясна — решительный, бесповоротный переход к электрификации, органическая связь своего силового хозяйства с электрическими централями, а новое строительство должно стать на путь устройства крупнейших комбинатов промышленно-силового характера районного значения.

Лучшее топливоиспользование в производственных процессах по сравнению с современным может и должно в течение предстоящего пятилетия дать значительную экономию потребления топлива промышленностью, что в свою очередь может несколько ослабить темп роста капитальных вложений в топливную промышленность и ослабить нагрузку транспорта от перевозки лишнего топлива. Поэтому ближайшими задачами промышленности по реконструкции теплосилового хозяйства должен быть тщательный отбор работающих аппаратов и замена их более совершенными в отношении топливоиспользования. Принимая во внимание чрезвычайно низкую степень топливоиспользования в настоящее время, эффективность капитальных вложений в эту часть реконструкции может быть скорее всего ощутима.

Обеспечение промышленности рабочей силой в настоящее время, если еще и удовлетворительно в количественном отношении, то в качественном отношении оставляет желать много лучшего. Поэтому для надлежащего и скорого разрешения стоящих перед промышленностью задач с особенной силой выдвигаются две проблемы: 1) улучшение методов и организации использования рабочей и технической силы в широком масштабе и 2) подготовка новых кадров квалифицированных рабочих, техников и инженеров. В этом отношении стать сразу на путь эмансипации от заграницы нерационально. Времени у промышленности для ожидания подготовки собственной квалифицированной силы нет, а потому привлечение и использование высококвалифицированных работников из-за границы должно быть практически осуществлено в ближайшее же время, особенно при организации новых производств и крупных строительств. При подготовке собственной квалифицированной рабочей силы, а также при улучшении использования имеющейся, должна быть одна целевая установка: всемерное повышение производительности труда и улучшение качества работы. Понятно, что повышение общего уровня рабочего состава, улучшение его материального и культурного обеспечения, улучшение условий труда и рационализации труда в отношении его нормирования и заработной платы,— все эти задачи являются в деле организации энергетической базы промышленности не менее важным, чем все мероприятия по рационализации энергетического хозяйства промышленности.

г) Перспективы накопления и развертывания промышленности. Задача индустриализации страны, поставленная перед промышленностью, требует от нее в кратчайший срок не только развертывания производства до полного удовлетворения потребностей Союза в орудиях и средствах производства и предметах широкого потребления, но и выпуска их по ценам, приближающимся к заграничным. К разрешению этой колоссальнейшей задачи промышленность должна приступить, опираясь, главным образом, на собственные ресурсы и возможное собственное накопление, рассчитывая на привлечение средств из других отраслей народного хозяйства лишь в ограниченном размере. Промышленность, только что

приступившая к своей реконструкции, при высоком индексе промтоваров, вследствие ограниченности капитальных вложений не может быстро снизить себестоимость своей продукции, поэтому ближайшее пятилетие может быть охарактеризовано, как вступительное, в период приближения нашей промышленности к достижению заграничной техники. Задача перспективного планирования промышленности на ближайшее пятилетие должна заключаться в правильной соразмерности заданных темпов развертываний как всей промышленности, так и отдельных ее отраслей, в реальном обеспечении снижения себестоимости, вследствие большей эффективности капитальных вложений на реконструкцию и новое строительство, и в повышении общей организации и рационализации производства в целом. Наиболее актуальной задачей ближайшего пятилетия должна быть наибольшая эффективность капитальных вложений и наибольшая эффективность использования всех элементов производства, как-то: материальных ресурсов, энергетики, рабочего труда, машин и орудий производства и силовых аггрегатов.

IV. Основные элементы плана

а) Темпы развертывания производства. Вытекающая из директив правительства основная задача промышленности, заключающаяся в скорейшей эмансипации ее от заграницы в отношении снабжения Союза орудиями и средствами производства,— естественно, требует более быстрого развертывания тяжелой индустрии. Поэтому в плане пятилетки, при общем развертывании всей промышленности на 87% (против развития транспорта на 50%, а сельского хозяйства на 30%), развертывание тяжелой индустрии (гр. I + гр. II), т.-е. отраслей, производящих орудия и средства производства, в плане запроектировано в 96%, в то время как легкой в 80,8%. В частности, намечается рост по железной руде на 113%, по чугуну на 90%, по кислотам на 114%, по цементу на 124%, по текстилю — 93,5% (см. табл. 1 в тексте и таблицы в конце настоящего номера, в отделе VI).

Таблица 1

Темп развертывания валовой продукции госпромышленности

В %% (довоен. цены)

Отрасли промышл.	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Прирост за 5 лет
Топливная	121	118	112	111	111	112	81,6
Горная	140	126	130	113	112	109	125,2
Электротехническая	128	130	127	113	110	110	125,8
Металлическая	123	116	113	113	113	110	83,2
Лесная и деревообрабатыв.	120	116	115	116	116	114	103,7
Химическая	118	118	122	119	118	117	136.5
Силикатная	126	117	116	113	112	111	90,8
Пищевая	111	119	110	110	109	107	68,8
Текстильная	116	111	112	117	117	114	93,5

Отрасли промышл.	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Прирост на 5 лет
Кожевенная	120	113	110	107	108	108	54,0
Резиновая	117	120	120	116	113	109	103,4
Бумажная и полиграф.	105	108	109	111	112	115	66,8
I группа							
Отрасли пром., занятые воспроизводством основного капитала	123	118	116	113	113	111	94,1
II группа							
Отрасли пром., занятые воспроизводством оборотного капитала	119	119	115	114	113	113	98 3
III группа							
Отрасли пром., производящие предметы широкого потребления	115	114	111	113	113,5	111,2	80,8
Всего в %%	117,5	115,6	113,0	113,3	113,3	111,4	87,0
Всего млн. довоен. руб.	6065,7	7013,6	7928,8	8984,9	10178,0	11337,5	—

Как выше уже отмечено, основным лимитом развертывания всей промышленности в целом является ограниченный размер капитальных вложений. Это касается в особенности отраслей, производящих орудия и средства производства. Этот лимит имеет не меньшее значение и для производств, дающих предметы широкого потребления. Кроме того, развертывание производства предметов широкого потребления (III группа) задерживается у некоторых отраслей недостаточным темпом возможного обеспечения сельскохозяйственным сырьем, как, например, кожевенная, сахарная, маслобойная; у ряда других темп развертывания намечается, исходя из ограниченной возможности реализации продукции, как, например, табачная, соляная, фармацевтическая, спичечная, отчасти резиновая.

Невозможность направить более крупные капитальные вложения, чем у нас запроектировано, на реконструкцию основного капитала отраслей, производящих предметы широкого потребления, а также медленное изживание имеющейся недостаточной обеспеченности сырьем, и, наконец, некоторая задержка в росте реализации некоторых промтоваров, в силу высокого индекса и неправильного ассортимента, являются основными причинами недостаточного развития этой группы в целом, хотя увеличение продукции ее совершенно необходимо для удовлетворения потребительского спроса населения Союза (см. табл. 2 на стр. 86).

Таблица 2

Продукция главнейших видов госпромышленности на душу населения в натуральном выражении

Колич. населения и продукты	Единицы измерения	1913[1]	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Прирост за пять лет в %	Прирост продукции на душу населения в 1931/32 г. по сравнен. с дов.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Количество населения	млн.	138,5	140,0	143,2	146,4	149,6	152,9	156,3	159,4	162,6	11,0	—
1. Кам. уг. и ант. .	кг	208,0	115,0	178,5	217,8	247,3	268,6	281,7	304,7	327,6	50,4	57,0
2. Керосин	„	6,1	7,6	8,5	10,5	12,7	13,4	14,5	16,5	18,6	77,0	204,5
3. Чугун	„	27,0	9,2	15,4	20,2	23,1	25,7	28,2	31,8	35,2	74,1	50,4
4. Бумага	„	3,1[2]	1,5	1,9	2,0	2,2	2,3	2,6	3,0	3,5	72,0	12,9
5. Стекло	„	3,3	1,2	1,8	2,1	2,2	2,4	2,7	2,9	3,1	51,0	— 6,0
6. Сахар	„	7,9	3,3	7,3	5,9	8,4	8,0	8,3	9,2	9,5	60,7	20,2
7. Соль	„	11,7	9,4	10,8	13,4	14,8	15,6	16,1	16,7	17,1	27,4	46,0
8. Мыло	„	1,19	0,41	0,57	0,70	0,82	1,07	1,36	1,58	1,81	158,0	52,0
9. Хлоп.-бум. ткан. .	Метр.	20,6	10,7	16,5	16,1	16,8	18,2	21,1	24,7	27,5	71,0	33,3
10. Шерстян. „ .	„	0,79	0,35	0,46	0,54	0,57	0,64	0,73	0,81	0,90	67,0	14,0
11. Хлебное вино . .	Литр.	10,0	0,8	3,5	3,8	4,6	5,5	6,4	6,9	7,3	90,0	— 27,0
12. Папиросы	Штук.	320	183	251	290	321	347	365	376	381	31,4	19,0
13. Обувь	Пар.	—	0,06	0,08	0,10	0,13	0,15	0,17	0,19	0,22	120,0	—
14. Галоши	„	0,25	0,11	0,18	0,21	0,24	0,27	0,30	0,31	0,32	52,4	28,0

[1] В 1913 г. показано количество продукции всей промышленности на душу населения.
[2] Бумага в 1913 г. показана с импортом.

В результате принятых темпов развертывания I, II и III группы отраслей промышленности получается следующая динамика их удельных весов:

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Группа I + II . .	44,8	45,8	45,9	45,9	45,9
Группа III	55,2	54,2	54,1	54,1	54,1
	100%	100%	100%	100%	100%

б) Капитальные вложения. Распределение капитальных вложений по отдельным отраслям промышленности, естественно должно отражать в себе осуществление основной идеи плана — скорейшей индустриализации страны, как оно изложено выше. Поэтому в связи с намеченным темпом развертывания производства и задачами промышленности, выходящими за пределы рассматриваемой пятилетки, значительная доля, а именно 53,4%, в черв. рублях (по ценам каждого года) 3.245,1 млн. руб. из общей суммы всех капитальных вложений в 6.081 млн. руб.— идет на топливо (27,1%) и металл (26,3%).

Далее, по своей величине следуют капитальные вложения в текстильную промышленность, составляющие около 18,4% от всей суммы капитальных вложений, а абсолютно по ценам каждого года 1.116,7 млн. руб., в пищевую промышленность 7,4%, или 425 млн. руб., в промышленность строительных материалов 6,5%, или 378 млн. руб., в химическую 4,8%, или 294 млн. руб., и т. д.

Динамика капитальных вложений по годам намечалась Промсекцией первоначально следующими цифрами (млн. руб.):

Таблица 3

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за 5 лет
Капитальные вложения (по ценам 1925/26 г.)	983	1240	1450	1574	1666	1706	7636
Общий индекс цен капитальн. строит.	224	2,10	1,93	1,80	1,67	1,56	Снижение на 30,3%
Номин. выраж. (в валют. соотв. лет) влож.	983[1]	1258[1]	1242	1260	1235	1186	6081

[1] Несовпадение размеров капитальных вложений с данными контрольных цифр на 1927/28 г. об'ясняются:

1) По 1926/27 г. Из помещенной в контрольных цифрах суммы 992,8 млн. руб. исключены: на синдикаты, кроме суммы Главхлопкома, идущей по хлопкоочистительной промышленности, т.-е. 25 млн. руб.—5,5 млн. руб. = 19,5 млн. руб., по НТУ —

Но в связи с требованиями ежегодного балансирования затрат с ресурсами Перспективной комиссией внесены в эту наметку поправки, дающие более плавный рост вложений за все пятилетие. В принятом варианте мы имеем следующую динамику:

Вложения в промышленность

(Млн. руб.)

Годы	По физическому об'ему		В денежн. выражен.	
	абс.	%%	абс.	%%
1926/27 . .	983	100	983	100
1927/28 . .	1240	126	1158	117
1928/29 . .	1420	145	1200	122
1929/30 . .	1538	157	1230	125
1930/31 . .	1675	171	1240	126
1931/32 . .	1805	183	1253	128

По главнейшим отраслям за пятилетний период капитальные вложения намечаются (в млн. черв. руб.):

Металлическая	1601,0
Топливная	1644,0 [1]
Текстильная	1116,8
Химическая	294,0
Проч. отрасли	1425,2
Всего	6081,0

Намеченное в плане снижение индекса строительства за пять лет в 30% ставит перед промышленностью очень трудную задачу, а именно: значительное снижение цен на строительные материалы и удешевление строительства путем применения новых конструкций зданий и сооружений, новых материалов, а также путем механизации и общей рационализации работ.

Как уже отмечено выше, приступая к составлению конкретного плана строительства, промышленность должна будет прежде всего произвести тщательный отбор предприятий, пригодных для

2,5 млн. руб. и 8,4 млн. руб. по статье „разные"; прибавлены: 11,5 млн. руб. по мукомольной промышленности и 8,7 млн. руб. по золото-платиновой.

2) По 1927/28 г. Из общей суммы в 1176 млн. руб. исключены синдикаты, кроме Главхлопкома, т.-е. 25,1 млн. руб.—8,3 млн. руб. = 16,8 млн. руб.; 8,4 млн. руб. по НТУ, 10 млн. руб.— резерв на новые предприятия; 2,5 млн. руб. по ст. „разные", 7,5 млн. руб. по Военпрому; добавляется 12,2 млн. руб. по мукомольной промышленности и 15,0 по золото-платиновой.

[1] Абсолютный размер капитальных затрат по топливной промышленности преуменьшен по сравнению с исчислениями Топливной секции, во-первых, за счет исключения капитальных затрат по торфяной промышленности, которые частью учитываются по линии электрификации и частью вошли в капитальные вложения отраслей, потребляющих торф (текстильная, силикатная и др.); во-вторых, за счет исключения ассигнований на дровозаготовки, как не учитываемые планом промышленности, и в-третьих, за счет большего понижения индекса строительства, чем это учитывалось Топливной секцией при определении потребных капитальных вложений.

дальнейшей реконструкции, а также предприятий, подлежащих ликвидации и замене новыми. Должен быть проявлен максимум осторожности в капитальных затратах на старые предприятия и предварительно должен быть произведен детальный технико-экономический анализ рентабельности этих затрат по сравнению с затратами на новые предприятия.

Разработка новых конструкций фабричных зданий современного облегченного типа из более дешевых материалов, выбор наиболее производительного современного оборудования, достаточные, но не излишние затраты, обеспечивающие рациональные условия работы на предприятиях, ускорение строительства вообще, а ударных предприятий в особенности, возможная концентрация затрат, а не распыление их по отдельным предприятиям,— вот те пути, по которым должно итти выполнение плана капитального строительства в предстоящем пятилетии.

При определении размера капитальных затрат имелось в виду на старых заводах перейти к массовой фабрикации, к организации серийных производств и жесткой специализации фабрик и заводов. Что же касается организации производства на новых заводах, то таковые должны проектироваться по лучшим заграничным образцам Они должны быть ведущими среди существующих и реконструируемых фабрик. Вопрос об образцовых предприятиях выдвигается вновь с крайней остротой.

Нельзя задаваться наперед распределением капитальных вложений по группам и по отдельным отраслям промышленности, оно естественно получается, как результат осуществления идеи индустриализации, положенной в основу плана, путем проработки вложений в соответствии с принятыми темпами развертывания. Хотя несомненна относительная недостаточность капитальных вложений в легкую индустрию, в том числе и текстильную промышленность, однако, превалирующее значение тяжелой индустрии, в особенности, топливной, металлической и основной химической, побудило в первой прикидке остановиться на предлагаемом отраслевом распределении капитальных затрат (см. предыдущую страницу).

Характеристика проектируемых новых сооружений по топливной промышленности дается в особой записке.

По металлопромышленности пятилеткой намечается постройка 37 крупнейших заводов, из них по черной металлургии 4 (включая коренное переустройство Керченского завода), общей мощностью по выплавке чугуна свыше 120 млн. пуд. Эти заводы большей частью своей продукции войдут в следующее пятилетие.

По цветной металлургии намечается окончание постройки 6 крупных заводов, общей мощностью на 22 тыс. тонн меди, 10 тыс. тонн свинца и до 20 тыс. тонн цинка. Кроме того, проектируется постройка нового завода для производства алюминия, мощностью до 5 тыс. тонн.

По общему машиностроению намечается постройка 12 крупных заводов как по обслуживанию транспорта, так и по обслуживанию электрификации, промышленности и сельского хозяйства. Одновременно с этим реконструируются и крупнейшие машиностроительные заводы. Годовая мощность новых и отчасти реконструированных машиностроительных заводов определяется в следующих цифрах: до 20 тыс. тонн тяжелого машиностроения, до 10.000 штук большегрузных вагонов, до 20 тыс. штук тракторов и соответствующее количество запасных частей к ним, до 5 тыс. штук автомашин, до 30 тыс. тонн водоизмещения речных судов.

Таблица 4

Динамика капитальных вложений в госпромышленность

(Вариант, Промсекции)[1]

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за 5 лет
1. Капитальные вложения по ценам 1925/26 г. в млн. черв. руб.	1240,0	1450,0	1574,0	1666,0	1706,0	7636,0
2. Номинал. капит. вложения по ценам каждого года	1158,0	1242,0	1260,0	1235,0	1186,0	6081,0
В том числе:						
По первой группе отраслей	368,6	398,0	424,6	433,5	427,0	2051,7
В % % от общ. суммы вложений	31,8	32,0	33,6	35,0	36,0	33,8
По второй группе отраслей	410,4	435,6	403,6	380,0	366,0	1995,6
В % %	35,4	35,0	32,0	30,8	30,8	32,8
По третьей группе отраслей	379,0	408,4	431,8	421,5	393,0	2038,7
В % %	32,8	33,0	34,4	34,2	33,2	33,4
3. Распределение номинал. капит. вложений по назначению						
Расширение и реконструкция	632,0	551,1	450,9	362,3	290,4	2286,7
В % % от общ. суммы вложений	54,6	44,4	35,8	29,4	24,6	37,6
Новые предприятия	287,0	393,0	486,0	533,0	576,0	2275,0
В % %	24,8	31,6	38,6	43,1	48,5	37,4
Капитальный ремонт	130,0	138,0	146,0	153,0	158,0	725,0
В % %	11,2	11,1	11,6	12,4	13,3	11,2
Жилищное строительство	109,0	159,9	177,1	186,7	161,6	794,3
В % %	9,4	12,9	14,0	15,1	13,6	13,1
4. Распределение затрат на строительство и оборудование						
Здания, сооружения и проч.	728,0	707,9	669,1	586,7	492,6	3184,3
В % % от общ. суммы вложений	62,8	57,0	53,1	47,5	41,6	52,3
Оборудование	430,0	534,1	590,9	648,3	693,4	2896,7
В % %	37,2	43,0	46,9	52,5	58,4	47,7

В рассматриваемую пятилетку включено окончание одного крупнейшего завода по сельскохозяйственному машиностроению.

[1]) В соответствии с вышеуказанной поправкой Перспективной комиссии эти цифры распределяются по годам несколько иначе, но общее итоги за пятилетие остаются без изменений.

По электротехнической промышленности намечается окончание постройки трансформаторного завода, аккумуляторно-элементного завода и завода измерительных приборов. Главная же масса капитальных вложений электротехнической промышленности падает на реконструкцию и расширение существующих заводов, с переходом на массовую и серийную фабрикацию изделий.

По химической промышленности новое строительство направляется в предстоящем пятилетии, главным образом, на строительство заводов по снабжению сельского хозяйства минеральным удобрением и на обеспечение обороны страны. Постройкой намечаются 3 крупных серно-кислотных завода, общей мощностью до 225 тыс. тонн, 3 суперсфосфатных завода с общей продукцией до 520 тыс. тонн (при настоящей производительности 110 тыс. тонн); 15 фосфоритных мельниц, мощностью до 200 тыс. тонн (против теперешних 10.000 тонн). Намечается добыча и переработка калийных солей с мощностью в конце пятилетия до 130 тыс. тонн. Кроме того, намечается крупное строительство заводов по связанному азоту и хлору.

По лесохимической промышленности намечается полная реорганизация этой отрасли путем использования продуктов углежжения на Урале и постановки канифольно-скипидарного дела как экстракцией, так и подсочкой.

Наконец, пятилетним планом намечается крупное строительство резиновой промышленности в части производства пневматики.

По хлопчатобумажной промышленности предполагается постройка 22 новых прядилен, мощностью до 45 миллионов веретен, 17 ткацких фабрик, мощностью до 40 тыс. станков, и 3 отделочно-красильных фабрики, мощностью на 45 тысяч кусков в день. Эта пропорция нового строительства об'ясняется наличием избытка в стране отделочных и ткацких фабрик по сравнению с прядильными.

По шерстяной промышленности намечается постройка четырех местных грубосуконных фабрик, мощностью до 3,5 млн. метров, и одной тонкосуконной на 4 млн. метров, 2 прядильно-ткацких камвольных комбината с 110 тыс. веретен и соответствующим количеством ткацких станков. Сравнительно недостаточное строительство новых фабрик по шерстяной промышленности об'ясняется тем, что пятилетний план предусматривает в первую очередь полную реконструкцию существующих предприятий этой отрасли.

По льняной промышленности предвидится приступ к постройке нового типа предприятий, проектируется устройство восьми новых прядильных и прядильно-ткацких фабрик, мощностью в 66 тыс. веретен. Кроме того, отчасти в плане промышленности, а большей частью в плане индустриализации сельского хозяйства, предполагается постройка в общем 35 предприятий по первичной переработке льна и прочих лубяных волокон.

В интересах освобождения от импорта и борьбы с контрабандой, а также учитывая нужду обороны страны, пятилеткой проекти-

руется устройство пяти фабрик искусственного шелка, общей мощностью до 8 тыс. тонн, и нескольких трикотажных фабрик, а также предусматривается постройка фабрик по переработке новых волокон и для выработки сноповязального шпагата.

По промышленности строительных материалов предполагается постройка по районам шести новых цементных заводов, мощностью до 5 млн. бочек.

Мощность новых кирпичных заводов намечается от 1,5 до 2 мрд. штук кирпича.

По стекольной промышленности будет окончена постройка четырех новых крупных механизированных заводов, с выпуском до 210 тыс. тонн стекла и, кроме того, проектируется постройка 4 новых стекольных завода по районам с выработкой до 70 тыс. тонн стекла.

По огнеупорной промышленности проектируется постройка трех новых заводов с выработкой 450 тыс. тонн огнеупорных изделий.

Учитывая ограниченность накоплений в промышленности вообще, а особенно в пищевых ее отраслях, мы проектируем постройку ограниченного количества новых заводов по пищевой промышленности. В частности, по сахарной промышленности намечается постройка всего 17 заводов, из них 2 будут закончены в следующее пятилетие. Следует отметить, что при таком недостаточном строительстве придется в это пятилетие не раз встретиться с необходимостью вести сахарное производство, недостаточно рационально удлиняя сахарную кампанию сверх принятой практикой нормальной длительности (100 дней вместо 90 в настоящее время).

По маслобойной промышленности предусматривается постройка новых заводов, общей мощностью переработки до 700 тыс. тонн маслосемян.

По консервной промышленности намечается постройка 29 новых заводов с общим выпуском до 50 тыс. тонн готовой продукции.

По крахмало-паточной промышленности проектируется постройка 21 нового завода с общей производительностью до 85 тыс. тонн конечных продуктов, в том числе 2 крупных завода с выпуском до 65 тыс. тонн крахмало-продуктов.

Пятилетка намечает также постройку трех новых махорочных и одной табачной фабрики.

Все новые фабрики и заводы по пищевой промышленности проектируются в тесной увязке с экономикой отдельных районов, располагающих необходимым сырьем. Кроме того, перед пищевой промышленностью ставится задача выпускать на новых фабриках и заводах продукцию, позволяющую по качеству и цене выйти с ней на заграничный рынок.

Все новое строительство по пищевой промышленности, предположенное в предстоящее пятилетие, носит лишь характер приступа к общей реконструкции этой отрасли промышленности.

Необходимо отметить, что на ряду с развертыванием имеющихся производств пятилеткой предусматривается постановка ряда новых для СССР производств, как, например, электроплавка алюминия, постановка флотационного способа для выплавки меди, легкое автостроение, текстильное машиностроение (прядильные машины, мюлли, ваттера), массовое производство инструментов, массовая фабрикация трансформаторов и измерительных приборов, производство связанного азота, расширение ассортимента анилокрасочного производства, разработка калийных солей и их полупродуктов, новые экстрактные заводы, производства по переработке новых волокон и искусственного шелка и т. п.

в) Сырьевая и энергетическая база.

Сырье. Выше были указаны задачи промышленности в обеспечении ее сырьем как минерального, так и сельскохозяйственного происхождения. Вопросу о повышении коэфициентов использования сырья, а также отходов производства должно быть уделено особенное внимание в предстоящем пятилетии, так как в составе себестоимости продукции стоимость сырья и материалов занимает доминирующую часть, составляя в среднем около 45 и выше процентов. Необходимость значительного снижения отпускных цен и себестоимости промышленной продукции требует от промышленности значительного снижения в расходовании сырья и материалов на единицу продукции. В соответствии с этим, даже без учета возможного повышения качества сырья, настоящей пятилеткой предусматривается повышение ряда технических коэфициентов использования сырья. В среднем по всей промышленности запроектировано повышение коэфициента использования сырья и вспомогательных материалов на 15—18%.

Топливо. Аналогичные требования пятилетка пред'являет и к уменьшению расхода топлива на единицу продукции.

За период восстановления промышленности наблюдалось повышение расхода топлива почти по всем ее отраслям. Причиной этому был целый ряд обстоятельств как технического, так и организационного порядка. Износ теплосилового оборудования, бесконтрольный расход топлива, малая обученность рабочего персонала приемам правильного топливосжигания, отсутствие поощрительных мер к экономии топлива, малое развитие районных электростанций, сжигание несоответствующих сортов топлива в отдельных отраслях промышленности и целый ряд других обстоятельств вели к большим пережогам топлива. Наступивший период реконструкции должен характеризоваться, как период рационального использования всех сортов топлива. Начатые реконструктивные мероприятря в теплосиловом хозяйстве, а также осуществление в довольно широких размерах электрификации должны оказать существенное влияние на экономию в расходовании топлива и тем самым приблизить размеры удельных расходов топлива к нормально допустимым величинам.

Переход работы промышленности на семичасовой рабочий день и на большее число смен окажет на расход топлива частью положительное влияние, частью же отрицательное.

Факторами, имеющими положительное значение, надо считать: увеличение нагрузки теплосилового и электрического оборудования и тем самым увеличение его коэфициента полезного действия; уменьшение расхода топлива при пусках и перерывах работы теплового аппарата; лучший надзор за топливосжиганием и усиление интенсивности работы со стороны рабочего персонала при тепловых установках при сокращении рабочего дня.

Что касается факторов отрицательного значения, то сюда должны быть отнесены: форсирование износа и без того уже изношенного устаревшего теплового оборудования и в связи с этим понижение его коэфициента полезного действия; удлинение сроков ремонта тепловых установок; вовлечение в работу частью малоквалифицированного персонала; ослабление интенсивности работы персонала и его надзора за топливосжиганием при введении ночных смен и некоторые другие факторы меньшего значения.

Взвешивание тех и других факторов заставляет остановиться на небольшом перевесе положительных факторов, так как доля влияния отрицательных факторов может быть путем организационных мероприятий значительно ослаблена. Кроме того, введение вторых смен в части общего машиностроения увеличит котлостроение и даст возможность ускорить смену изношенного теплового оборудования и понизить тем самым влияние отрицательных факторов.

При учете всех факторов, влияющих на снижение расхода топлива, расход самой госпромышленностью условного топлива с выработкой электроэнергии на фабрично-заводских станциях пятилеткой намечается в нижеследующих количествах (в млн. тонн):

1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
25.629	28.234	31.258	33.880	36.720	40.020	43.800

а вместе с покупной электроэнергией в следующих количествах:

1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
26.254	29.274	32.708	35.900	39 400	43.500	47.300

Удельный расход топлива в отдельных отраслях промышленности постепенно понижается. Поэтому к концу пятилетия намечается общий прирост расхода топлива на 61% при увеличении всей промышленной продукции на 87%, при этом общий взвешанный удельный расход топлива за пять лет снижается около 16% против такового расхода в 1926/27 г.

Удельный расход топлива на 100 дов. руб. в тоннах:

1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Снижение за 5 лет в %%
0,512	0,483	0,467	0,453	0,439	0,427	0,417	5,18

Рост потребления покупной электроэнергии для промышленности от районных и общего пользования станций на протяжении пятилетия возрастает на 445%, из них электроэнергия тепловых станций на 345% и гидравлических на 825%. Количество топлива, необходимого для производства покупной электроэнергии, на нужды промышленности, намечается (в млн. тонн):

1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
1,04	1,45	2,02	2,68	3,48	3,5

что дает прирост здесь топлива за пять лет на 236%.

Потребность в электроэнергии для нужд промышленности намечается следующая (в млн. квтч.):

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Фабр.-завод. станции. .	1.950	2.200	2.500	2.700	3.250	3.700
Станции район. и общ. пользов.	1.100	1.800	2.600	3.700	4.750	6.000
Итого . . .	3.050	4.000	5.100	6.400	8.000	9.700

Труд. В перспективном пятилетнем плане, как видно из приводимых данных роста продукции, значительный темп развертывания дан легкой индустрии, при чем наибольшее развертывание (93,5%) падает на текстильную промышленность, преимущественно же на хлопчатобумажную отрасль.

Осуществление такого развертывания, помимо уплотнения рабочего дня, предусматриваемого планом в связи с реконструкцией оборудования и организационными мероприятиями, достигается, главным образом, переходом работы на вторые и третьи смены. Перспективным планом увеличение числа смен по легкой индустрии предполагается провести: третьи смены — по хлопчатобумажной промышленности, шерстяной и части льняной (новые заводы) и вторые смены — по жировой, резиновой (галошный цех) и спичечной отраслям. Переход хлопчатобумажной и шерстяной отраслей предполагается осуществить, примерно, при следующем процентном отношении переводимого на третьи смены оборудования (в %%%):

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Хлопчатобумажная . .	—	11	40	71	85
Шерстяная.	—	26	54	68	75

Остальные отрасли легкой индустрии останутся при существующем порядке работы, частью потому, что имеют непрерывные производства, как, например, бумажная промышленность, сахарная, винокуренная, кожевенная (кожзаводы), маслобойная, пивоваренная и др., частью же потому, что имеют резервное оборудование, как, например, льняная, шелковая, пеньковая, полиграфическая, фармацевтическая, парфюмерная.

Что касается тяжелой индустрии, то новые рабочие смены (собственно, здесь две смены) перспективным планом предположены в металлической промышленности — в части общего машиностроения,

судостроения и производства металлических изделий, в электротехнической — в части динамного и кабельного производства, в части золотоплатиновой промышленности и в части добычи редких руд.

Одновременно с введением дополнительных смен, планом, согласно манифеста, изданного к десятилетию Октябрьской революции, вводится семичасовой рабочий день.

Не проектируется переход на семичасовой рабочий день для сезонных рабочих и не укорачивается существующий рабочий день (6 и менее часов) во вредных производствах. Что касается семичасового рабочего дня в непрерывных производствах, работающих по 3 восьмичасовых смены, то такой порядок и предполагается далее, но переработка в восьмичасовых сменах компенсируется лишними выходными днями, что даст такую же месячную нагрузку, как и при семичасовом рабочем дне. В остальных производствах переход на семичасовой рабочий день проектируется постепенно, примерно так: 25—30% с 1928/29 г., 50% с 1929/30 г., 75% с 1930/31 г. и 100% к 1931/32 г.

При исчислении производительности труда перспективным планом учитывалось, что дополнительные смены, в особенности ночные, дадут несколько пониженную выработку на одного рабочего по сравнению с первыми двумя сменами. Равным образом и семичасовой рабочий день в начале снизит выработку рабочего в смену, и лишь постепенно, из года в год, она поднимется и в конце пятилетия сравняется с выработкой в смену при восьмичасовом рабочем дне.

В соответствии с вышеизложенными принятыми планом положениями, при развитии производства за пятилетие на 87% рост числа рабочих определяется в 21,9%, или 510 тыс. человек, рост же выработки на одного рабочего — в 53,5%. При этом по тяжелой индустрии прирост числа рабочих составит 261,5 тыс. человек, или 20,6% при увеличении выработки на одного рабочего на 62%, и по легкой индустрии прирост рабочих — 248,5 тыс. человек при росте выработки на 48% (табл. 5).

Таблица 5

Динамика количества рабочих госпромышленности

(В тысячах человек)

Отрасли промышленности	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Прирост за пять лет	
							в %	%
1. Топливная	332,4	354,9	362,2	361,1	362,2	361,0	28,6	9,0
2. Горная	91,8	102,3	121,5	126,5	131,5	134,0	42,2	46,0
3. Металлич. и электротехнич.	550,6	563,9	584,0	612,9	641,7	664,9	114,3	20,8
4. Лесная и деревообрабатыв.	89,5	92,0	96,2	103,0	110,0	118,0	28,5	32,0
5. Химическая	74,6	72,8	77,2	81,3	86,2	90,3	15,7	21,0
6. Силикатная	178,2	184,5	195,0	201,0	209,5	215,0	36,8	20,6
7. Пищевая	160,0	163,0	162,5	164,5	166,5	168,5	8,5	5,3
8. Текстильная	710,0	717,0	752,2	818,5	890,4	937,2	227,2	32,0
9. Прочие	149,5	150,6	155,0	157,7	157,8	158,0	8,5	5,7
Всего	2336,6	2401,0	2505,8	2626,5	755,8	2846,9	510,3	21,9

Соответственно с таким темпом прироста производительности труда намечается рост номинальной заработной платы на 24%, при чем при условии снижения бюджетного индекса на 13% реальное повышение зарплаты будет 40%.

При определении размеров капитальных вложений на жилстроительство предусматривались санитарные, а не голодные жилищные нормы, при чем принималось, что рабочие для новых смен и при введении семичасового рабочего дня в значительной доле (около 60%) привлекаются из семей имеющихся рабочих и кадров безработных и уже обеспечены жилплощадью.

Капитальные вложения на жилстроительство определяются в 794 млн. руб.

Импорт. Намеченное планом развертывание валовой продукции потребует увеличения импорта на 67% против 1926/27 г. Значительное увеличение импорта сырья обусловливается значительным развертыванием легкой индустрии и идет, главным образом, по линии сельскохозяйственного сырья: хлопок, шерсть, кожа, каучук. Кроме того, в числе импортируемого сырья находятся металлы, количество импорта которых определялось с тем расчетом, чтобы оно дало возможность быстрее развернуться нашему машиностроению и тем самым снизить размер импорта оборудования. При этих условиях удельный рост импортного оборудования госпромышленности снижается с 49% в 1927/28 г. до 37,5% в 1931/32 г. за счет усиления развертывания внутреннего производства.

Весь промимпорт в %% к валовой продукции также падает, доходя в последнем году до 8,2% против 9,3% в 1926/27 году.

Промэкспорт в рассматриваемое пятилетие с каждым годом расширяется как путем усиления вывоза уже ранее экспортируемых товаров (нефть, лес), так и путем экспорта промпродукции, ранее не вывозимой (хромпики, сернистый натр, сода, калийные соли, целлюлоза, консервы и проч.).

Однако, промимпорт все еще будет значительно превышать промэкспорт. Так, в 1926/27 г. промимпорт был в 1,9 раза более, а в 1931/32 г. будет в 1,4 более.

Себестоимость, цены и качество продукции. Снижение себестоимости в рассматриваемом пятилетии запроектировано, учитывая возможную эффективность капитальных затрат, идущих как на реконструкцию старых предприятий, так и в особенности на постройку новых, а также учитывая директивные указания правительства, требующие установления жестких предельных норм расхода сырья, топлива и рабочей силы на единицу продукции, с возложением строго персональной ответственности на руководителей предприятий за проведение этих норм. Эти директивы дают право ВСНХ принять меры к скорейшему проведению принципа материальной

заинтересованности технического и административного персонала в достижениях, приводящих к снижению себестоимости продукции. На основе их ВСНХ имеет право не останавливаться перед закрытием предприятий с повышенной себестоимостью.

Первоначально, при темпе развертывания промышленности, производящей предметы широкого потребления (58%), снижение оптовых отпускных цен мы проектировали в 21%. В настоящем варианте, построенном с сохранением в общем прежнего плана развертывания по I и II группе отраслей и при значительном увеличении развертывания производств III группы до 81% (против 58%) и, кроме того, в предположении широкого введения дополнительных смен в отраслях III группы и при постепенном введении семичасового рабочего дня, начиная с 1928/29 г., указанное выше снижение себестоимости нам представляется не реальным. Анализ статей калькуляции привел нас к выводу, что при этих условиях проектирования пятилетки себестоимость может быть снижена за пять лет не более, чем на 19% и отпускные цены могут быть снижены лишь на 18%, исходя из расчета о необходимых накоплениях в промышленности, обеспечивающих как запроектированный темп развертывания промышленности, так и намеченный размер капитального строительства. Нужно отметить, что и при таком темпе снижения себестоимости перечисленные выше директивы правительства и мероприятия по снижению ее должны быть жестко проведены в жизнь, так как такое снижение себестоимости предполагает снижение расходов: по сырью, вспомогательным материалам и топливу (при стабильности цен на сырье и незначительном снижении цен на топливо) от 16% до 21%, снижение расхода на зарплату до 19% и снижение накладных расходов не менее 32%.

Снижение отпускных цен за пять лет проектируется (в %%):

По первой группе отраслей	22,3
„ второй „ „	12,7
„ третьей „ „	17,1
По всей госпромышл.	18,1

В том числе:

по топливной	7,4	по лесной	28,1
„ металлической	17,7	„ хлоп.-бум.	14,1
„ электротехнич.	30,1	„ льняной	16,2
„ основной химич.	21,4	„ шерстяной	20,0
„ цементной	20,3	„ кожевенной	16,1
„ кирпичной	30,4	„ сахарной	21,4

Вместе с тем, планом предусматривается повышение качества продукции с одновременным приспособлением выпускаемого ассортимента к требованиям рынка. Такие факторы, как улучшение качества сельскохозяйственного технического сырья и его стандартизация, применение новейших машин и аппаратов в производстве, повышение зарплаты и заинтересованности трудящихся, несомненно, будут способствовать улучшению качества выпускаемой продукции.

Однако, при этом безусловно необходимо проведение строгих мероприятий по введению стандартов готовых изделий и уменьшению численности различных сортов и марок товаров, а также и установление непрерывного контроля за качеством. Без жесткого контроля доброкачественности товаров четкое снижение отпускных цен не будет достигнуто.

Финансы и рентабельность промышленности. Финансовые перспективы намеченного на пятилетие развертывания промышленности рассматриваются нами в двух вариантах.

В первом варианте предполагается: а) снижение отпускных цен за 5 лет на 20,6%; б) снижение себестоимости за 5 лет на 20,5%; в) динамика товарной продукции по ценам каждого года (в млн. черв. руб.):

1927/28	9.651	1930/31	12.336
1928/29	10.423	1931/32	13.230
1929/30	11.342	Прирост за 5 лет	50,5%

Надлежит оговориться, что поскольку довольно значительная часть (18%) госпромышленности находится в непосредственном управлении отдельных исполкомов и наркоматов, входя своими брутто-бюджетами в соответствующие бюджеты исполкомов и ведомств, нижеследующие расчеты относятся лишь к промышленности, организованной в самостоятельные единицы, как-то: тресты и акционерные общества.

Кроме того, настоящие расчеты не включают в себя синдикатского звена, который подлежит учету по линии торговли.

I вариант финплана *Таблица 6*

Потребность госпромышленности в средствах и их покрытие (в млн. черв. рублей)

Потребность в средствах	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого
По основному капиталу						
Капитальные работы	1.158	1.242	1 260	1.235	1.186	6.081
Ссуды жилстроительства	16	16	18	20	22	92
Запасное оборудование	10	10	10	10	10	50
Запасы стройматериалов	—	2	—	—	2	0
Погаш. иностранн. задолженности	36	58	30	65	65	254
Итого	1.220	1.328	1.318	1.330	1.281	6.477
По оборотному капиталу						
Касса и текущие счета	30	20	20	15	15	100
Ценные бумаги	110	105	105	105	105	530
Средства производства	105	90	125	150	150	620
Готовые изделия	80	80	80	75	75	390
Итого	325	295	330	345	345	1.640
Всего	1.545	1.623	1.648	1.675	1.626	8.117
Покрытие						
Амортиз. отчисл.	388	425	463	502	543	2.321
Фонд улучшения быта	49	56	59	64	69	297
Собств. средства пром. пред.	212	224	250	270	285	1.241
ОДК	175	168	178	192	207	920
Бюджет и кредиты	721	750	698	647	522	3.338
Всего	1.545	1.623	1.648	1.675	1.626	8.117

Как видно из этой таблицы, решающим моментом в определившейся потребности промышленности в средствах является капитальное строительство, поглощающее за пятилетие до 80% прироста используемых промышленностью капиталов, в абсолютных цифрах до 6.477 млн. рублей, из общей потребности в средствах в 8.117 млн. рублей, что несомненно стоит в полном соответствии с проводимой ныне политикой индустриализации страны.

Как детали надлежит отметить значительный рост ссуд по жилстроительству, что отвечает росту и укреплению жилкооперации, к которой понемногу должна перейти значительная часть жилстроительства. Исключением будет поселковое строительство в основных угольных и металлургических районах, а также жилстроительство при крупных новых заводах, где непосредственное регулирование фонда жилплощади заводоуправлением является крайне значительным моментом для безболезненного развертывания производства.

Намеченное по плану погашение иностранной задолженности предусматривает покрытие всей задолженности по иностранным кредитам как использованным за предшествующий пятилетний период, так и вновь открываемым; последние учтены в конкретных цифрах лишь на ближайшие два года.

Динамика основных статей средств приведена в соответствии с вновь намеченным ростом производства, при чем в основу была положена идея качественного и количественного оздоровления запасов средств производства.

Исходя из этих соображений, прирост средств производства, принят в размере 28%, при росте валовой продукции в 49%, и прирост складов готовых изделий в 40%, при росте товарной продукции на 50,5%.

Проведение в жизнь этих тенденций, поскольку все расчеты сделаны на базе наличных запасов у трестов сырья, материалов и товаров, запасов, которые во многих случаях не могут в настоящее время считаться достаточными, потребует, с одной стороны, коренного упорядочения снабжения промышленности путем организации промснабов и усиления синдикатской сети, на которую возлагается ответственная задача накопления маневренных фондов.

Укрепление непосредственной связи синдикатов с промышленностью предусматривается в форме дальнейшего увеличения участия промышленности в паевых капиталах синдикатов, что и учтено по графе прироста ценных бумаг.

В остальном прирост ценных бумаг происходит за счет покупки государственных бумаг, согласно действующих узаконений. За пятилетие суммы размещенных среди промышленности государственных займов определяются суммой около 400 миллионов рублей. Не требует дальнейших обоснований то, что темп прироста кассы и текущих счетов взят близким к темпу прироста производства.

Покрытие прироста потребности в средствах в первую очередь происходит за счет внутрипромышленного накопления, складывающегося из прибылей и амортизационных отчислений.

По годам динамика прибылей учтенной в настоящих финансовых расчетах промышленности определяется следующими цифрами (в млн. руб.):

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За пять лет
Сумма прибылей	830	880	950	1020	1080	4760
„ убытков	50	44	44	40	35	213
Сальдо прибылей и убытков .	780	836	906	980	1045	4547

Вышеприведенные прибыли, как указано выше, относятся ориентировочно к 82% от товарной продукции цензовой государственной промышленности, рассматриваемой планом, как организованной в самостоятельные единицы (тресты).

По отношению к этой продукции принятые нормы прибыли составляют в начале пятилетия 9,85% и в конце пятилетия 9,65%, снижаясь всего лишь на 2,0%, что указывает на некоторое отставание в снижении себестоимости по сравнению с запроектированным темпом снижения отпускных цен и что является некоторым скрытым резервом в ресурсах промышленности.

Для неучитываемой в финплане промышленности, главным образом, пищевой и деревообрабатывающей, принят тот же коэфициент рентабельности, что определяет для нее по годам нижеследующие суммы прибылей (в млн. руб.):

1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за пять лет
171	183	199	215	230	998

Довольно значительная часть этой местной промышленности обслуживает непосредственно нужды ведомств, поэтому эти прибыли должны считаться условными, так как расчеты между этой промышленностью и ведомствами ведутся по себестоимости, как, например, промышленные предприятия, подведомственные НКПС.

При исчислении сумм амортизации принят, как средний, повышенный процент отчислений в размере 5,9% для имущества, включенного в уставные капиталы трестов на 1 октября 1925 г. в виду того, что имеющийся налицо значительный износ этого имущества, а также перерыв в накоплении амортизационных фондов за первые годы революции требуют ускоренного погашения стоимости этой части имущества и усиленных капитальных ремонтов; для остальной части имущества принят средний процент амортизации в 3,9%. Из суммы погашаемых затрат исключены капитальные ремонты, как не увеличивающие ценности имущества, а также новые заводы, пока они не введены в эксплоатацию.

В итоге, амортизация за пять лет в валюте каждого года определилась:

1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого
388	425	463	502	543	2321

Распределение прибылей принято, согласно действующих законоположений, которые в процентах ко всей балансовой прибыли предприятий дают нижеследующие нормы: отчисления в доход казны (отчисления от прибылей и подоходный налог) — 50,5%; в ФУБР и в резервный капитал по 9%; в распоряжение предприятий 11,25% и для ОДК — 20,25%. В частности, вышеприведенная табл. 6 учитывает по фонду улучшения быта рабочих 75% отчислений в ФУБР, обращаемых на жилстроительство, согласно действующим законам.

По приросту собственных средств предприятий учтены: а) отчисления в фонд расширения предприятий, оставляемые в распоряжении трестов; б) отчисления в резервный капитал и в) прирост сальдо и прибылей и убытков за соответствующие годы, а за последние годы также и суммы, выручаемые от реализации имущества ликвидируемых заводов.

По графе ОДК проводятся как безвозвратные отчисления в него из прибылей, так и обязательные вклады.

Бюджетные ассигнования приведены условно; в них включены кредиты ЦКБанка, а также за последние 3 года пятилетки и иностранные кредиты, поскольку они будут использованы для промышленности.

Прочие кредиты обнимают собою соответствующие приросты сальдо кредиторов и дебиторов по всем кредитным статьям; приведенные суммы не предусматривают крупных изменений существующих условий расчета промышленности с ее контрагентами и растут, главным образом, за счет нормального прироста задолженности промышленности НКФину по налогам и акцизам и переходящей зарплате.

Поскольку в связи с централизацией заготовок сырьевые кредиты перейдут к синдикатам, а подтоварные кредиты должны будут иметь чисто конъюнктурный характер, прирост банковских кредитов предполагается лишь по линии учета векселей и поэтому в приводимое сальдо кредиторов и дебиторов не входит.

Как видно из вышеприведенной табл. 6, в соответствии с принятыми в пятилетнем плане темпами развертывания строительства и производства, потребность промышленности в средствах остается по годам относительно стабильной. Вместе с тем, благодаря возрастающему накоплению промышленности по линии прибылей и амортизационных отчислений, сумма средств, потребных на финансирование промышленности извне, несколько падает (в млн. черв. руб.):

1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
624	650	623	572	447

Также падает доля финансирования промышленности, с 40,4% в 1927/28 г. до 27,5% в 1931/32 г., а доля внутрипромышленного накопления, включая сюда и средства ОДК, возрастает с 53,3% в 1927/28 г. до 68% в 1931/32 г. Из общей потребности промышленности в средствах (100%) на долю краткосрочного кредита приходится 6,3% в 1927/28 г. и 4,5% в 1931/32 г.

Особый интерес представляет расчет промышленности с внешним для нее миром по линии платежей ее в пользу фиска и погашения принятых на себя обязательств, с одной стороны, и финансирование ее по бюджету и использования долгосрочных кредитов — с другой.

Означенные взаимоотношения определяются по годам нижеследующими данными (в млн. руб.):

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого
Отчисл. промышл. в бюджет, подоходн. налог., покупка 8% займа	425	494	523	565	607	2.614
Погашение иностранной долгосрочной задолженности	36	58	30	65	65	254
Итого	461	552	553	630	672	2.868
Поступления в промышленность по бюджету и ЦКБ	506	600	623	572	447	2.748
По иностранным кредитам	118	50	—	—	—	168
Итого	624	630	623	572	447	2.916
Сальдо итогов	+163	+ 98	+ 70	— 58	—225	+ 48
Сальдо промышленности с бюджет.	+ 81	+106	+100	+ 7	—160	+ 134

Поскольку в этот расчет включены расчеты промышленности как с центральными, так и местными бюджетами, получившиеся результаты будут иметь свою полную силу только в том случае, если будет обеспечена полная возможность маневрировать фондами, образуемыми промышленным накоплением.

Второй вариант финансирования промышленности (см. табл. 7) рассчитан при условии, что норма прибыли промышленности повысится за пятилетие с 9,85% до 10,85% за счет снижения отпускных цен (18,1%) на 1% ниже, чем снижение себестоимости (19%). Как указано в параграфе о темпах развертывания, динамика валовой продукции за 5 лет дает прирост 53%, а товарная продукция увеличивается по годам (в млн. черв. руб.):

1927/28	9.651
1928/29	10.472
1929/30	11.428
1930/31	12.495
1931/32	13.483
Всего за пять лет на	53,5%

Подробно, по отраслям эти данные приведены в таблицах, помещенных в конце настоящего номера „План. Хоз.“

В основных статьях по сравнению с первым вариантом могут быть отмечены следующие изменения. В связи с увеличением чистой прибыли на 364 млн. руб., внутреннее накопление промышленности за 5 лет (амортизация, собственные средства, ОДК и ФУБР) возрастет с 4.779 млн. руб. до 5.017 млн. руб., т.-е. на 238 млн. руб. Это

II вариант финплана

Таблица 7

Потребность госпромышленности в средствах и их покрытие

(В млн. черв. рублей)

Потребность в средствах	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого
Капитальные работы	1.160	1.225	1.275	1.308	1 342	6.310
Ссуды жилстроителям	16	16	18	21	24	95
Запасное оборудование	10	10	10	10	10	50
Запасы стройматериал.	—	2	1	1	1	5
Погашение иностранной задолженности	36	58	30	65	65	254
Итого	1.222	1.311	1.334	1.405	1.442	6.714
По оборотному капиталу						
Касса и текущие счета	30	20	20	20	20	110
Ценные бумаги	110	105	107	112	120	554
Средства производства	105	90	125	150	160	630
Готовые изделия	80	80	80	80	80	400
Итого	325	295	332	362	380	1.694
Всего	1.547	1.606	1.666	1.767	1.822	8.408
Покрытие						
Амортизационные отчисления	388	425	463	503	546	2.325
Фонд улучшения быта	49	55	60	68	75	307
Собственные средства промышл. предпр.	214	253	294	320	351	1.432
ОДК	175	167	182	204	225	953
Бюджетные ассигнования и кредиты	721	706	667	672	625	3.391
Всего	1.547	1.606	1.666	1.767	1.822	8.408

добавочное накопление может служить резервом или же может быть направлено на увеличение плана капитального строительства до суммы 6.310 млн. черв. руб., что даст возможность учесть в плане дополнительные заявки республик, согласно их перспектив.[1] В этом случае потребность промышленности в средствах повышается на 291 млн. руб. и финансирование промышленности из внешних источников возрастет на 53 млн. руб. по сравнению с первым вариантом; тем не менее, сальдо взаимных расчетов промышленности с бюджетом (если принять поступления ЦКБанку и использование иностранных кредитов в прежних размерах) улучшится, так как промышленность передаст в бюджет на 102,6 млн. руб. больше; таким образом, общий расчет освобождает, по сравнению с первым вариантом, для бюджета 49,6 млн. руб.

[1] См. протоколы Комиссии при С'езде президиумов 11—14/XI 1927 г.

Исходя из принятого снижения отпускных цен на 18,1% при снижении себестоимости на 19%, рентабельность действующего капитала представляется в следующих расчетах (млн. руб.):

	1926/27	1931/32
Прибыль и амортизация	1023	1746
Капитал[1] к началу года:		
Основной	6182	10465
Собств. обор. сред.	3173	4605
	9365	15070
Рентабельность	10,9%	11,6%

Выделяя же действующую часть основного капитала путем исключения капитальных вложений на новые заводы за два предшествующих года, как не действующие, получаем рентабельность условно действующего основного капитала:

	1926/27	1931/32
Прибыль и амортизация	1023	1746
Капитал к началу года:		
Основной	6035	9446
Собств. сред. обор.	3173	4605
	9208	14051
Рентабельность	11,1%	12,4%

Если выразить основной капитал по ценам 1925/26 г. и взять его действующую часть, т.-е. не считать действующие новые предприятия, затраты на которые шли в два предшествующие года и точно также по ценам 1925/26 г. взять валовую продукцию, то получим для каждого года валовую продукцию на 1 рубль основного капитала по годам в виде следующих цифр:

1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
1,78	1,90	1,96	2,03	2,11	2,18

Этот ряд показывает, что валовая продукция количественно на 1 рубль действующего основного капитала возрастает за пять лет на 23,2%.

Если, кроме того, принять во внимание снижение себестоимости за пять лет, как она запроектирована в настоящем варианте перспективы, т.-е. в размере 19%, то так называемая эффективность использования основного капитала поднимается за пять лет до 46%.

От входящей в финплан ценности товарной продукции мы имеем (в %%):

	1926/27	1931/32
а) Прибыль (нетто)	9,25	10,85
б) Все накопление	14,25	15,71

Доля зарплаты рабочих в единице валовой продукции в червонных рублях каждого года составляет: в 1926/27 г.—16,33%, в 1931/32 г.—16,14%.

[1] Основной капитал на 1/X 1926 г. включен в капитал на 1/X 1931 г. без пересчета в валюту 1931/32 г.

V. Заключение

Сводка основных показателей отправного варианта показывает, что за пять лет:

	По I вариант финплана	По II вариант финплана
Основной капитал (в ценах 1925/26 г.) увеличится на	69,5%	71,0%
Валовая продукция (в довоен. руб.) „ „	87,0%	87,0%
Товарная продукция (в довоен. руб.) „ „	88,0%	88,0%
„ „ в черв. руб. с соответ. года увеличится на	50,5%	53,5%
Общий расход условного топлива	61,0%	61,0%
Расход условного топлива на 100 дов. руб. продукции снижается на	15,8%	15,8%
Прирост количества постоян. производств. рабочих на	21,9%	21,9%
Увеличение номинальной зарплаты на	24,0%	24,0%
Увеличение производительности труда на	53,5%	53,5%
Снижение отпускных цен на	20,6%	18,1%
„ себестоимости на	20,5%	19,0%
Общая сумма капитальных вложений составляет за 5 лет в черв. руб. соответ. года	6081	6310
Общая сумма накоплений:		
Прибыль	4547	4911
Амортизация	2321	2325
Всего	6868	7236
Взносы промышленности в бюджет	2614	2717
Финансирование из бюджетов и по ЦКБ	2748	2801
Сальдо в пользу промышл.	134	84

Осуществление развертывания госпромышленности по настоящему отправному варианту ставит перед ВСНХ и всеми работниками в промышленности задачи колоссальной важности и трудности:

а) Намеченное количественное увеличение (по ценам 1925/26 г.) основного капитала на 69,5% при строительстве в 6.081 млн. черв. руб. по ценам соответствующего года требует снижения общего индекса капитального строительства на 30% (здания на 37%, а оборудование на 15,2%).

б) Необходим критический отбор существующих заводов и фабрик, подлежащих ликвидации и замене новыми, а также отбор заслуживающих реконструкции. Другими словами, должен быть разработан исполнительный проект реконструкций отдельных отраслей промышленности как в отношении использования имеющегося основного капитала, так, в особенности, в отношении рационального строительства новых заводов и фабрик. Эта работа должна быть тесно увязана с планом экономического районирования СССР и проводимой индустриализацией.

в) Снижение себестоимости на 19%, не понижая, а всемерно повышая качество выпускаемой продукции, требует решительных

сдвигов во всех элементах производства — технико-производственные коэфициенты и нормы должны быть повышены по всей линии и в использовании сырья, материалов и топлива, и в использовании рабочего труда. Рационализация производственных процессов и всего хозяйства даст промышленности возможность значительно снизить накладные расходы. Эта задача является основной директивой плана. Она должна быть и может быть выполнена при организованном устремлении всех трудящихся — администраторов, хозяйственников, квалифицированных рабочих, техников, инженеров и прочего персонала.

г) Финансовый план построен на основе жесткого выполнения названных заданий, а потому требует от промышленности особенно напряженной и четкой работы.

И. Кан и Ф. Дрибин

Перспективы промышленности на 1927/28—1931/32 гг.

Б. Вся промышленность

Установившаяся до настоящего времени практика составления перспективных планов развития промышленности в основном имеет своим об'ектом государственную цензовую промышленность. Крупная государственная промышленность оказалась в центре внимания планирующих и регулирующих органов не только потому, что она образует важнейший массив всей промышленной продукции страны, но и вследствие того, что этот участок хозяйства находится под их непосредственным регулирующим воздействием. Между тем, другая часть промышленности, как-то: наркоматская промышленность, кооперативная и вся мелкая (кустарно-ремесленная) не подпадают под непосредственное руководство регулирующих органов, в меньшей степени подвергаются непосредственному воздействию со стороны государства, и развитие их, таким образом, находится в более косвенной от него зависимости.

Несколько суженный круг об'ектов планирования отражает достигнутую для настоящего времени ступень планового предвидения. Еще не все участки хозяйства в равной мере могут быть охвачены плановыми предположениями и помимо тех затруднений, которые отмечены выше,— для мелкой промышленности существуют свои специфические препятствия, характерные для этого именно участка народного хозяйства.

Трудность построения перспективных планов этой части промышленности обусловлена недостаточной изученностью фактов, к ней относящихся. Если по цензовой — кооперативной и частной — промышленности мы располагаем более или менее систематически собираемыми сведениями, то по мелкой кустарно-ремесленной имеются пока лишь отрывочные данные, приводимые на основании выборочных обследований, в справочниках ЦСУ, а затем в отдельных монографических работах. Эти материалы не дают пока достаточно полного представления об этой части промышленности, игравшей столь выдающуюся роль в довоенном хозяйстве и имеющей столь существенное значение для современной экономики отдельных районов и республик и для всего народного хозяйства Союза в целом.

Однако, расширение поля планирования — охват плановыми предположениями как „прочей цензовой", так и мелкой промышленности — во всех его разрезах — представляется совершенно необходимым. Действительно, удельный вес этих частей промышленности в общей экономике промышленности достаточно велик: абсолютная величина валовой продукции в 1926/27 г. по довоенным ценам (см. табл. 1) выражается в размере 1.828, а в черв. валюте — 2.999 млн. руб. (см. табл. 3).

Если эти абсолютные данные отнести к валовой продукции всей промышленности, то удельный вес их выразится для 1926/27 г. в довоенной валюте в 23,2% и в червонной — 22,6%.

Помимо этого — более внимательное и настороженное отношение к этим участкам промышленности обусловливается их специфическими особенностями, для настоящего времени приобретающими особо важное значение. Специфичность заключается в том, что значительная часть продукции этой промышленности идет непосредственно на рынок предметов широкого потребления и, таким образом, содействует в известной мере смягчению напряженного потребительского спроса, пред'являемого со стороны населения.

„Прочая цензовая" и мелкая промышленность (см. табл. 6), поставляющие в начале пятилетиян а широкий рынок из общей суммы в 7.420,6 млн. черв. руб. предметов широкого потребления на 2.517 млн. черв. руб. (что составляет 33,9%), должны будут в течение значительного промежутка времени, возможно переходящего и за пределы планируемого пятилетия, играть восполняющую роль в отношении крупной госцензовой промышленности.

Мы подчеркиваем здесь лишь эту сторону дела, но значение этих участков промышленности сказывается и на об'еме занятой рабочей силы, уменьшении безработицы и т. д. Действительно, из общей численности наемного труда в промышленности в 1926/27 г., равной 3.030,3 тысяч человек[1] на „прочую цензовую" и мелкую промышленность падает 370,8 тысяч, что составляет 12,2%. Количество же всех занятых лиц в 1926/27 г. в одной лишь только мелкой промышленности достигает порядка 2,5 млн. человек. Таким образом, мелкая кустарно-ремесленная промышленность является той сферой хозяйства, которая постоянно приводит в движение большую массу труда, а в своем развитии может дать известное смягчение размеров безработицы.

Учет указанных моментов подчеркивает всю необходимость планирования этих специальных участков промышленности. В пользу целесообразности этого планирования может быть приведено соображение и более общего характера. Любое расширение поля планирования в принципе улучшает самое качество плановой работы. Качество это — при прочих равных условиях — тем выше, чем большее количество фактов и закономерностей заранее может быть учтено. Тенденции, которые в таком случае устанавливаются перспективными планами, в еще большей степени, чем это имеет место теперь,

[1] См. „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.", стр 534.

будут соответствовать в дальнейшем действительному ходу экономического развития.

При более тщательном и уточненном планировании крупной государственной цензовой промышленности неизбежность планирования и мелкой представляется самоочевидной, поскольку последняя является потребительницей ряда полуфабрикатов, доставляемых крупной промышленностью.

Однако, для данного момента речь может итти не о планировании в точном смысле этого слова, — о планировании, как определенной системе перспективных предположений и экономических мероприятий. На этой ступени плановой работы можно ограничиться лишь учетом соответствующих хозяйственных процессов, выявлением приблизительных, ориентировочных показателей на будущее, уловлением возможных тенденций развития.

Для начальных подходов задача, однако, должна быть еще более сужена. Следует избрать из неопределенно значительного круга показателей, характеризующих динамику промышленности, находящейся за пределами государственно-цензовой, лишь те, которые в наибольшей степени характеризуют количественную и качественную сторону. Эти показатели в то же время являются и наиболее актуальными, поскольку они характеризуют размеры самой продукции и динамику цен.

Работа по установлению возможных тенденций развития указанных выше участков промышленности представлена в приводимых ниже таблицах. По соображениям более целостной ориентировки там приведены и те специальные показатели, которые, согласно работе Промышленной секции Госплана, зафиксированной в статье И. А. Калинникова, характеризуют крупную государственную промышленность.

Ориентировочные предположения дают возможность запроектировать следующие основные показатели.

Общий темп роста „прочей цензовой" промышленности в довоенных ценах по отправному варианту запроектирован в размере 49,1%. Темп роста кооперативной и частной промышенности принят не одинаковым: в то время как по кооперативной промышленности он выражается за пятилетие в размере 60%, по частной он запроектирован всего лишь на 20% (см. табл. 1). По частной цензовой промышленности этот прирост валовой продукции в действительности может оказаться и более значительным, поскольку в цензовую промышленность включена также и концессионная, которая при благоприятных условиях может дать значительный прирост продукции. В связи с этим в оптимальном варианте частной цензовой промышленности придан значительно более высокий темп — 40%.

Общий темп роста по отправному варианту для нецензовой промышленности намечен в размере 36%, по оптимальному — 53,8%,

Таблица 1

Валовая продукция

(По отпускным ценам в млн. довоен. руб.)

Промышленность по секторам	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Прирост в % за 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Цензовая промышленность								
1. Государ.	5.154	6.066	7.014	7.929	8.985	10.178	11.337	87,0
2. Кооперат.	393	450	492	540	580	645	720	60,0
3. Частная	242	169	171	179	187	195	203	20,0
Итого вся цензовая	5.789	6.685	7.677	8.648	9.752	11.018	12.260	83,6
Б. Мелкая промышленность								
1. Государ.	28	28	28	32	36	38	42	50,0
2. Кооперат.	224	244	316	344	372	400	426	75,0
3. Частная	878	937	968	1.020	1.072	1.124	1.177	26,0
Итого вся мелкая	1.130	1.209	1.312	1.396	1.480	1.562	1.645	36,1
Вся промышл.	6.919	7.894	8.989	10.044	11.232	12.580	13.905	76,3
Акциз	517	676	813	926	1.028	1.124	1.227	81,5
Итого с акцизом	7.436	8.570	9.802	10.970	12.260	13.704	15.132	76,6

Таблица 2

Индексы цен валовой продукции

Секторы	Цены 1913 г. приняты за 1000							Снижение за 5 лет в %
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Цензовая								
1. Государ.	1.761	1.696	1.599	1.528	1.475	1.427	1.388	18,1
2. Кооперат.	1.625	1.537	1.514	1.461	1.410	1.360	1.310	15,0
3. Частная	1.650	1.598	1.526	1.500	1.480	1.460	1.438	10,0
Средн.-взвеш. по цензов. промышл.	1.747	1.683	1.592	1.524	1.471	1.423	1.384	17,8
Б. Мелкая								
1. Государ.	1.715	1.679	1.644	1.586	1.530	1.478	1.424	15,0
2. Кооперат.	1.738	1.685	1.644	1.600	1.558	1.518	1.480	12,0
3. Частная	1.738	1.685	1.644	1.615	1.580	1.547	1.517	10,0
Средн.-взвеш. по мелк. промышл.	1.737	1.685	1.644	1.610	1.573	1.539	1.505	10,6
Средн.-взвеш. по всей промышл.	1.746	1.683	1.600	1.536	1.484	1.438	1.398	16,9

Таблица 3

Валовая продукция

(По отпускным ценам в млн. черв. руб.)

Промышленность по секторам	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Прирост за 5 лет в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Цензовая пром.								
1. Государ.	9.078	10.285	11.220	12.119	13.250	14.522	15.735	53,0
2. Кооперат.	639	691	744	789	818	877	943	36,0
3. Частная и концесс.	399	270	261	268	277	285	292	8,0
Итого по ценз.	10.116	11.246	12.225	13.176	14.345	15.684	16.970	50,9
Б. Мелкая								
1. Государ.	48	47	46	51	55	58	60	27,0
2. Кооперат.	389	412	519	550	579	607	630	53,0
3. Частная	1.526	1.579	1.595	1.647	1.694	1.739	1.785	13,0
Итого по мелкой	1.963	2.038	2.160	2.248	2.328	2.404	2.475	21,4
Вся промышл.	12.079	13.284	14.385	15.424	16.673	18.088	19.445	46,4
Акциз	902	1.137	1.300	1.423	1.525	1.616	1.716	50,9
Итого с акцизом	12.981	14.421	15.685	16.847	18.198	19.704	21.161	46,7

Таблица 4

Товарная продукция

(По отпускным ценам в млн. довоен. руб.)

Промышленность по видам	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Прирост за 5 лет в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
а) Государ. цензовая.	4.421,9	5.239,6	6.085,4	6.899,8	7.808,9	8.831,1	9.807,6	88,0
б) Проч. ценз. (кооп. и частная)	549,0	530,0	570,0	618,0	659,0	722,0	794,0	49,0
Итого вся цензовая (а—б)	4.970,9	5.769,6	6.655,4	7.517,8	8.467,9	9.553,1	10.601,6	83,7
в) Мелкая	1.096,0	1.113,0	1.270,0	1.284,0	1.362,0	1.438,0	1.513	36,0
Итого вся пром. (а—б—в)	6.066,9	6.882,6	7.925,4	8.801,8	9.829,9	10.991,1	12.114,6	76,0
г) Акциз	517,0	676,0	813,0	926,0	1.028,0	1.124,0	1.227,0	81,5
Итого с акцизом (а—б—в—г)	6.583,9	7.558,6	8.738,4	9.727,8	10.857,9	12.115,1	13.341,6	76,5

Таблица 5

Товарная продукция

(По отпускным ценам в млн. черв. руб.)

Промышленность по видам	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Прир. за пять лет в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
а) Государ. цензовая.	7.696,7	8.789,6	9.651,4	10.471,7	11.427,9	12.494,7	13.482,9	53,5
б) Прочая цензовая (коопер. и част.).	900,0	825,0	865,0	910,0	942,0	1.000,0	1.062,0	28,5
Итого вся цензовая (а—б).	8.596,7	9.614,6	10.516,4	11.381,7	12.369,9	13.494,7	14.544,9	51,3
в) Мелкая	1.809,0	1.880,0	1.988,0	2.007,0	2.135,0	2.210,0	2.272,0	21,4
Итого вся промышл. (а—б—в)	10.405,7	11.494,6	12.504,4	13.388,7	14.504,9	15.704,7	16.816,9	46,3
г) Акциз	902,0	1.137,0	1.300,0	1.423,0	1.525,0	1.616,0	1.716,0	50,9
Итого с акциз.	11.307,7	12.631,6	13.804,4	14.811,7	16.029,9	17.320,7	18.532,9	46,7

Таблица 6

Товарная часть предметов широкого потребления

(В млн. руб. по отпускным ценам)

Промышленность по видам	1926/27		1931/32			
			В черв. руб.		По дов. ценам	
	В черв. руб.	По дов. ценам	Абс.	Прирост в % за 5 лет	Абс.	Прирост в % за 5 лет
1	2	3	4	5	6	7
Госцензовая	4.903,6	2.811,1	7.253,5	47,9	5.010	78,2
Прочая цензовая (кооп., частн. и концесс.)	672,0	437,0	871	28,5	649	48,5
Итого по цензовой	5.575,6	3.248,1	8.124,5	40,3	5.659	74,5
Мелкая (куст.-ремесл.)	1.845	1.091	2.210	19,8	1.482	35,8
Итого по всей пром.	7.420,6	4.339,1	10.334,5	39,3	7.141	64,3
Акциз	1.137,0	676,0	1.716	50,9	1.227	85,9
Итого с акцизом	8.557,6	5.015,1	12.050,5	40,8	8.368	66,9
Торговая накидка	2.584,1	—	2.796	5,5	—	—
Итого с торговой накидкой	11.141,7	—	14.846,5	33,2	—	—

Оптимальный вариант *Таблица 7*

Валовая продукция

(По отпускным ценам)

Виды промышленности	1926/27 г.		1931/32 г.			
	В черв. руб.	По довоен. ценам	В черв. руб.		По довоен. ценам	
			Абс.	В % к 1926/27 г.	Абс.	В % к 1926/27 г.
1	2	3	4	5	6	7
1. Планируемая ВСНХ промышл.	8.162	4.837	12.986	59,1	10.061	108
2. Прочая госцензовая .	2.123	1.229	3.078	45,0	2.151	75
Итого по госцензовой .	10.285	6.066	16.064	56,1	12.212	101,3
3. Прочая цензовая (коопер. и частная) . . .	961	619	1.414	47,1	1.069	72,7
Вся цензов. промышл. (гр. 1—3) . . .	11.246	6.685	17.478	55,4	13.281	98,7
4. Мелкая (куст.-ремесл.)	2.038	1.209	2.772	36,0	1.859	53,8
Всего по всей промышл. (гр. 1—4) . .	13.284	7.894	20.250	52,4	15.140	93,3

Оптимальный вариант *Таблица 8*

Товарная продукция

(В млн. руб.)

Виды промышленности	1926/27 г.		1931/32 г.			
	В черв. руб.	Довоен. руб.	Черв. руб.		Довоен. руб.	
			Абс.	В % к гр. 2	Абс.	В % к гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
а) Государ. цензовая . .	8.790	5.240	13.754	56,5	10.565	101,6
б) Прочая цензовая (коопер. и частная) . . .	825	530	1.212	46,9	916	72,8
Вся цензовая . . .	9.615	5.770	14.966	55,7	11.481	99,0
в) Мелкая промышл. . .	1.880	1.113	2.550	35,6	1.710	53,6
Вся промышл. . . .	11.495	6.883	17.516	52,4	13.191	91,6
Акциз	1.137	676,0	1.755	54,4	1.255	86,0
Вся промышл. с акцизом . . .	12.632	7.559	19.271	52,6	14.446	91,1

(см. табл. 7). Темпы роста отдельных секторов запроектированы различно, а именно: для государственного — 50%, кооперативного — 75% и частного — 26% (см. табл. 1). Развитию мелкой государственной промышленности не следует придавать более значительного темпа роста, поскольку нет основания вкладывать значительные капиталы в большое количество мелких и распыленных предприятий. Но на ряду с этим должно иметь место всяческое стимулирование роста мелкой кооперативной промышленности. Последняя высокий темп роста должна получить и за счет намечающихся процессов кооперирования кустарно-ремесленной промышленности.

В червонной валюте продукция, в виду предполагаемого снижения индекса, растет значительно медленнее. Однако, индексы как прочей цензовой, так и мелкой, не могут снижаться в таком же темпе, как в госцензовой промышленности. Снижение индекса цензовой кооперативной промышленности дано в размере 15%, а частной цензовой — 10%; средне-взвешенный индекс мелкой промышленности запроектирован к снижению на 10,6% за пятилетие (см. табл. 2).

Фиксируя в таблицах основные показатели, мы в примечаниях к ним приводим источники, которые были положены в основу тех или иных расчетов. В отдельных случаях приводятся и те приемы, которые были использованы при выявлении тех или иных отдельных показателей.

Примечания к таблицам

А) Цензовая промышленность

К таблице 1

1. Для кооперативной цензовой промышленности показатели для 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг. приняты те же, что и в „Контрольных цифрах нар. хоз. на 1927/28 г." (см. стр. 504, табл. 7).

Темп роста кооперативной цензовой промышленности для пятилетия принят равным 60%.

2. Для частной цензовой промышленности показатели для 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг. приняты по „Контр. цифр." (стр. 504), а темп роста для пятилетия принят равным 20%.

Б) Мелкая промышленность

1. Показатели для 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг. взяты, согласно „Контр. цифр." (стр. 504, табл. 7).

2. Темп роста для госуд. мелкой принят равным 50%.
„ „ „ кооперат. „ „ 75%.
„ „ „ частной „ „ 26%.

В) Расчет акциза

Исходя из предполагаемых Бюджетно-Финансовой секцией Госплана СССР поступлений по акцизу и пользуясь средне-взвешенным индексом по всей промышленности, приведенным в таблице 2, был определен акциз в довоенных ценах.

К таблице 2

А) Снижение индексов по цензовой промышленности

1. Индекс госценз. промышл. для 1925/26 г. принят 1.761 и для 1926/27 г.—1.696. За пятилетие снижение индекса отпускных цен принято в размере 18,1%.

2. По кооперат. и частн. цензовой промышл., как и по всей мелкой, индексы для 1925/26, 1926/27 и 1927/28 приняты по „Контр. цифр." (стр. 506 и 504, табл. 8 и 7).

По коопер. цензов. снижение индекса принято в размере 15%.
По частной „ „ „ „ „ „ 10%.

Б) Снижение индексов по мелкой промышленности

Для государств. мелкой снижение индекса за пятилетие (1926/27—1931/32) принято в размере 15%, для кооперативной —12% и частной —10%.

К таблице 3

Валовая продукция по отпускным ценам в валюте каждого года получена, исходя из индексов, приведенных в табл. 2.

К табл. 4 и 5

А) Цензовая промышленность

1) Для прочей цензовой промышленности коэфициент товарности принят постоянным для всех лет и равным 85,7%. Этот коэфициент получен на основании данных „Контр. цифр", согласно следующему расчету:

а) Коэф. товарности „средств производства" в 1926/27 г. равен 84% (согласно данным „Контр. цифр", стр. 510, табл. 12).

б) Коэф. товарности „средств потребления" в 1926/27 г. равен 86% (см. там же).

Исходя из состава валовой продукции кооперативной и частной цензовой промышленности для 1926/27 г. (см. „Контр. цифры", стр. 504) и применяя вышеуказанные коэфициенты товарности отдельно для „средств производства" и „средств потребления", получаем взвешанный коэфициент товарности, равный 85,7%.

Б) Определение товарности мелкой промышленности

1) По данным Справочника ЦСУ на 1927 г. (стр. 255 и 265, табл. 13 и 14) валовая продукция всей мелкой промышленности для 1924/25 г. равна 1.332,7 млн. черв. руб. (городская 740,2, сельская 592,5).

2) Для перехода к товарной продукции от валовой следует последнюю уменьшить на сумму продукции, идущей на свои надобности, в размере 1,72% от валового оборота мелкой промышленности, находящейся в сельских местностях. 1,72% валового оборота, равного 2.746,8 млн. руб., дает 47,3 млн. руб., что составляет от валовой продукции 8%. Допуская, что % продукции, идущей на свои надобности по мелкой промышленности, находящейся в городах, будет тот же, получаем общий коэфициент товарности для всей мелкой промышленности, равный 92%, который и принят для всех последующих лет.

К таблице 6

1) Коэфициент товарности предметов потребления всей цензовой промышленности равен 86,2% („Конт. цифры", табл. 12, стр. 510). Применяя этот коэфициент к валовой продукции предметов потребления кооперативной и частной цензовой промышленности, получаем ее товарную часть как в червонной, так и в довоенной валюте. Исходя из веса предметов потребления в общей массе валовой продукции в 1926/27 г. по данным тех же „Контр. цифр" (504 стр.), равного 81,8%, и предполагая, что вес предметов потребления к валовой продукции останется в 1931/82 г. тем же, получаем валовую продукцию предметов потребления в 1931/32 г. Для перехода от валовой продукции предметов потребления к товарной части сохранен тот же коэфициент товарности 86,2%.

2. Вес средств производства в общей массе продукции мелкой промышленности в 1925 г., по данным Справочника ЦСУ, равен около 2%. Тот же вес принят и для 1931/32 г.

3) Торговая накидка принята для 1926/27 г. в размере 30,2% и для 1931/32 г. 23,2%, исходя из снижения накидки за пятилетие в размере 23%.

К таблице 7

Оптимальный вариант

1) Показатели для 1926/27 г. взяты согласно данным отправного варианта.

2) Для составления валовой продукции по оптимальному варианту приняты для всех видов промышленности темпы ВСНХ, значащиеся в „Контрольных цифрах к пятилетнему плану развития промышленности СССР" (1927/28—1931/32 гг.), стр. 21, а именно в довоенных цифрах:

По кругу планируемой промышленности 108%
„ прочей госцензовой 75%
„ кооперативной цензовой 85%
„ частной „ 40%
„ мелкой промышленности 53,8%

3) Для определения валовой продукции в червонных рублях темпы роста приняты также согласно показателям „Контрольных цифр ВСНХ" (стр. 21).

А. Свяль.

К вопросу об эффективности капитальных вложений

В об'яснительной записке к государственному бюджету 1927/28 г. одной из союзных республик можно прочесть такую фразу: „Значительная часть капитальных затрат в 1927/28 г. приходится на продолжение полного переоборудования и расширения почти всех существующих заводов". Возможно, что составитель даже гордился такой формулировкой и не замечал ее принципиальной одиозности. Перспективный план индустриализации должен предусматривать на ряду с созданием и реконструкцией предприятий плановый отбор их, с ликвидацией наиболее отсталых производственных единиц или их элементов, при чем такой ликвидации должна предшествовать возможно полная доработка устарелых частей основного капитала, соединенная с крайней скупостью их ремонта и расширения, в рамках самого неизбежного. Помимо того, ограниченность и дороговизна привлекаемых ресурсов диктуют известное воздержание от новых вложений там, где технически и экономически еще возможно продолжать работу на старом капитальном имуществе. Распыление средств, стремление заводов к увеличению номенклатуры изделий идут в разрез с перспективной установкой на концентрацию и массовость производства. Несомненно, что значительная часть капитальных вложений, даже получающая, под влиянием реконструктивного нажима снизу, плановое оформление по крайней мере в смысле распределения средств на капитальное строительство, в действительности не столько ускоряет, сколько задерживает общий темп индустриализации в революционно-экономическом смысле этого слова.

Никакие декларации центральных органов о принципах развития и планирования промышленности не могут сами по себе изменить указанного явления, и в то же время точное детальное содержание всей той огромной массы работ, какая проводится под терминами „реконструкции" и „ремонта", настолько ускользает от центральных плановых и регулирующих органов, что вмешательство их, если и случается, всегда оказывается запоздалым. Как пример, можно привести крупные нецелесообразные затраты по подготовке сельскохозяйственного машиностроения на заводах Гомзы (Профинтерн, Коломна); производство это, едва начатое, намечено к ликвидации в ближайшие же годы, в связи с сооружением крупного Ростовского

завода сел.-хоз. машин, обещающего массовую и более дешевую продукцию. Но в то же время, например, работники БССР добиваются сооружения собственного завода сел.-хоз. машиностроения,— нового, но небольшого, для обслуживания собственного рынка Белоруссии.

Еще более нецелесообразным распылением средств являются начатые работы по развитию текстильного машиностроения на 16 заводах и по развитию дизелестроения на 8 заводах; к такого же рода явлениям принадлежит, например, обновление и строительство новых силовых станций на предприятиях при одновременном сооружении районных централей, рассчитанных на потребление тока, в частности, теми же промпредприятиями.

Мы намеренно отмечаем пока именно такое, формально часто как-будто бы и плановое, но излишнее строительство, противоречащее основной тенденции обобществления на технической базе и потому грозящее удорожанием будущей продукции, тормозящее подлинную индустриализацию страны. Это — совершенно особая группа дефектов, в отличие от общеизвестных дефектов другого рода, как, например, внеплановое самочинное строительство, как плохое проектирование, или строительство, проводимое без разработанных и утвержденных технических проектов, как затяжка и дороговизна строительства, и пр.

Организационные выводы, какие следовало бы сделать отсюда, заключаются в необходимости усиления и углубления планирования на базе возможно строгой централизации такового и в смысле построения перспективных планов, и в смысле тщательной проверки титульных списков строительства с точки зрения соответствия перспективному плану. Централизация планирования на ряду с возможно глубже проведенной децентрализацией оперативно-хозяйственной работы — такова, повидимому, должна быть основная организационная схема. Нет сомнения, однако, что осуществление этой схемы требует сугубой осторожности, что на этом пути централизация плановой работы легко может на деле превращаться в бюрократическую волокиту и дезорганизацию самих работ. Микроб бюрократизма любит даже хорошо продуманные централизованные схемы. Здесь надо итти не по линии усиления прав Госплана или ВСНХ и других наркоматов, каковых (прав) в общем достаточно, но по линии тщательного и своевременного контроля за капитальными работами, учета таковых и исследования их эффективности по возможности еще в стадии проектировки. Построение сводного оперативного плана строительства немыслимо без детальной оценки титульного списка работ, без знания состояния старых предприятий и без изучения всех тех расчетных материалов, какие способны в цифровом выражении указать полезность того или иного строительства; поэтому надо в этом деле, не терпящем при том проволочек, решительно отказаться от грошевой (сравнительно с суммой капитальных вложений) экономии на учете, контроле и исследовательской работе.

При всем том, стоя на платформе созданных нэпом организационных форм, связанных с идеей хозрасчета, естественно спросить себя, нет ли в арсенале этих форм более легкого, гибкого и доступного оружия к покорению „стихии капитального строительства", чем совершенная в принципе, но громоздкая и не безопасная схема централизованного и во всех деталях согласованного плана?

Нет сомнения, что в самих условиях финансирования капитального строительства лежат моменты, поощряющие и преждевременную ломку старого оборудования, и вообще капитального имущества, и излишнее строительство. Средства на капитальные вложения, получаемые каждым государственным трестом в отдельности, невольно представляются ему бесплатными или почти-что в этом роде. Не говоря уже о всех заведомо безвозвратных или чрезвычайно льготных бюджетных ассигнованиях и ссудах, и во всех других случаях у хозяйственника маячит „подсознательная" мысль о том, что в случае каких-либо затруднений вопрос о сроках погашения ссуды и о размерах процентов может быть пересмотрен... да это и естественно, это настолько вытекает из самой системы национализированного хозяйства, что вряд ли вообще может быть иначе. Как бы ни строился советский долгосрочный кредит подобным по форме капиталистическому, он не в состоянии породить того чувства глубокой коммерческой ответственности, какое порождает аналогичная операция у капиталиста. Для последнего из долгосрочного кредита возникает непременное условие такого рода, что увеличение общего накопления предприятия в перспективе (включая увеличение амортизации) должно по крайней мере покрывать размер платежей его по погашению и процентированию долга. Вот, кстати сказать, и для нас возможный, хотя и не исчерпывающий метод определения эффективности капитальных вложений: по линии увеличения доходности этот эффект должен оцениваться, по крайней мере, с точки зрения теоретической (расчетной) возможности погашения и процентной оплаты долга, хотя бы реальный возврат его не был предусмотрен.

Капиталист, потерпевший фиаско в своих планах при подобной операции расширения или преобразования своего предприятия, несет личный ущерб, что само по себе еще не означает общественного ущерба: часто наоборот — при такой неудаче предприятие переходит (если не номинально, то фактически) в другие руки по пониженной оценке, что означает возможность более умеренных калькуляций на изделия, а иногда ведет к концентрации производства и действительному снижению издержек его. Однако, наличие значительного индивидуального риска новых капитальных вложений и служит одним из существенных факторов, стимулирующих переустройство капиталистической промышленности в направлении образования монополистических организаций в тех или иных формах. Иначе говоря, и в капиталистической экономике все более явственно выступает тенденция внедрить в производство и распределение, в частности в расширение основного капитала, плановое начало, хотя, разумеется, за этим стоит исключительно собственнический интерес той или иной крупно-капиталистической группы, а не интерес широкой общественной пользы.

Тем более обидно, если мы недостаточно используем огромные возможности нашей плановой системы обобществленного производства и национализированного кредита. В то же время теперь, когда капитальные вложения перерастают в своем развитии нашу организационную подготовку к ним, надо усилить планирование такими формами финансирования, какие сами по себе действовали бы в общем в направлении отбора наиболее здорового строительства. Как ради этого, так и ради создания строгой финансовой дисциплины, нужной государственному хозяйству не менее, чем государственному бюджету, было бы целесообразно по возможности удорожить в среднем государственный кредит, расширить рамки возвратности бюджетных ссуд, установить значительно более строгий характер точного выполнения условий погашения. Финансирующие госорганы, в том числе НКФ, ОДК и другие банки долгосрочного кредита, должны входить в существо того строительства, на которое испрашивается кредит, в оценку перспективной рентабельности нового строительства и будущего финансового состояния треста, в возможность реального выполнения условий погашения долгосрочной задолженности. Это будет чисто плановая работа, из коей должно вытекать право финансирующих госорганов по крайней мере оспаривать план данного конкретного строительства при отрицательных выводах по поводу перспектив самого строительства или будущей эксплоатации, а логическим завершением этого должно быть право такого госкредитора контролировать расходование сумм по назначению.

Резюмируем:

1) планирование капитального строительства должно быть усилено в сторону большей централизации и большей детализации централизованного плана;

2) осуществление этого требует тщательного учета и исследования начатого и проектируемого капитального строительства, особенно в смысле определения его экономических результатов, и системы возможно более живого и непосредственного, компетентного и независимого контроля над проведением его;

3) финансирование и долгосрочное кредитование капитального строительства должны содержать элементы, усиливающие плановое начало, для чего должны строиться на основе критики финансирующими госорганами коммерческой эффективности капитальных вложений;

4) условия финансирования должны быть льготными лишь в меру доказанной необходимости и самого строительства и данных льгот

с точки зрения перспективного плана индустриализации страны; погашение же ссуд и оплата процентов по ним должны быть регламентированы с возможной жесткостью в выполнении предусмотренных условий;

5) определение рентабельности новых вложений и возможности погашения и процентирования капитальных затрат может само по себе служить основанием к оценке их эффективности.

Применение такого метода осложняется, правда, кон'юнктурными и плановыми изменениями отпускных цен; однако, возможность расчетов ceteris paribus (т.-е. в предположении неизменности прочих условий, или по крайней мере некоторых из них) открывает широкие рамки к применению указанного приема оценки эффективности капитальных вложений.

Но, разумеется, это не есть исчерпывающий способ, да и вряд ли возможен исчерпывающий способ, поскольку за капитальным строительством могут лежать различные практические задачи: количественное расширение производства, качественное улучшение продукции, насаждение совершенно новых производств, снижение себестоимости и цен, улучшение транспорта и связи, вовлечение новых, или экономическое приближение прежних рынков, ликвидация безработицы и другие экономические и социальные проблемы, а чаще всего капитальные вложения,—преследуют не одну, а совокупность нескольких из указанных задач, преследующих в свою очередь общую социальную установку „индустриализации". Соответственно той или иной доминирующей задаче основным измерителем может стать: количество продукции (или иной материальный признак полезного потребительского эффекта) на один рубль или на один миллион рублей капитальных затрат, или какой-либо качественный измеритель, или измеритель трудоемкости в данном новом или расширяемом предприятии, или эффект в смысле удешевления производства и т. д.

Количественный показатель часто играет в наших условиях существенную роль. Напр., если приходится планировать скорейшее развертывание производства топлива или энергии вообще, то при этом вследствие ограниченности наших ресурсов особую остроту получает вопрос о возможном снижении капитальных затрат на единицу добавочной продукции (энергии), хотя бы с некоторым ущербом для себестоимости ее в перспективе. Таково, напр., влияние этого вопроса на тип новых шахт Донбасса в настоящее время. Подобные же соображения могут диктовать развитие металлургии не только в направлении создания новых крупных заводов, но и путем расширения действующих,— хотя, нам кажется, вопрос этот и с точки зрения размера начальных затрат на пуд добавочного производства чугуна недостаточно исследован.

Как видим, оценка эффективности капитальных вложений по количественному признаку (продукции) может итти в разрез с указанной выше основной плановой предпосылкой концентрации производства и отбора предприятий. [1]

Значительно более существенным и, вообще говоря, во всех случаях сопутствующим и обязательным показателем следует сделать определение эффективности капитальных затрат по влиянию их на удешевление себестоимости продукции.

Методологическое осуществление этого последнего приема состоит в сравнении себестоимостей продукции нового или расширяемого производства с аналогичным старым, включая, разумеется в себестоимость и амортизацию, как элемент, отражающий высоту первоначальных капитальных затрат. Однако, в тех случаях, когда речь идет о ломке старого оборудования или вообще старого основного капитала с целью замены его новым, технически более совершенным, — правильное определение эффективности капитальных затрат требует сравнения полной себестоимости продукции в новых технических условиях (включая амортизацию) с эксплоатационной себестоимостью старой продукции (т.-е. без амортизации), так как нарочитое разрушение старого имущества эквивалентно расчетному допущению, что его оценка и амортизация равны нулю.

Границы применения указанного метода определения эффективности капитальных вложений по влиянию их на себестоимость, как сказано, — весьма широки, хотя также не универсальны: такой способ, например, можно и должно применять к оценке одной тепловой калории или вообще энергетической единицы, т.-е. таким путем возможно сопоставлять капитальные вложения разных производств топливной промышленности и электрификации. Вопреки возможному первому впечатлению, этот метод не всегда совпадает с предложенным выше определением эффективности капитальных вложений путем определения изменений в высоте чистого дохода или возможности погашения и процентирования капитальных затрат; дело в том, что в последнем случае эффективность капитальных вложений может зависеть не только от снижения себестоимости, но и от тех новых естественных (географических, транспортных, климатических, геологических) условий, в какие может быть поставлено новое строительство, что может приводить к образованию дифференциального рентного дохода.

[1] Своеобразный показатель эффективности капитальных вложений применяется обычно в нефтедобывающей промышленности в виде так называемого „коэфициента бурения", т.-е. относительной величины бурения (в пог. метрах на одну тысячу тонн текущей добычи), способной поддержать добычу района. Измеряемая таким образом эффективность затрат на бурение дает переменную величину, в общем падающую из года в год по мере исчерпания недр (иначе говоря, коэф. бурения растет). Тем не менее, национализация нефтяной промышленности и связанная с этим рациональная дислокация новых скважин привели к значительному увеличению эффективности капитальных вложений в этом смысле—по нашим расчетам в 1,5 — 2 раза.

Переходя теперь от вопроса об учете эффективности к вопросу о способах достижения максимальной полезности капитальных затрат, мы могли бы кратко резюмировать вышесказанное прежде всего как проблему рационализации плана и планирования, что в частности охватывает проблему расселения и организации новой промышленности и системы транспортных, сельскохозяйственных и других сооружений. Поскольку же реализация плана состоит в техническом проектировании и конкретном воплощении проекта, путь к повышению эффективности капитальных вложений путем относительного снижения капитальных затрат лежит, во-первых, в рационализации технического проектирования, во-вторых, в целесообразной организации самих строительных работ. В настоящее время стало „притчей во языцех", что физический об'ем строительства и вообще его полезность не соответствуют его денежной оценке, определенной по фактической стоимости. Совершенно справедливым кажется нам мнение Э. Квиринга („Правда", № 252 с. г.), что именно „быстрый темп роста (капитальных вложений) привел к значительному удорожанию строительства", так что строительный индекс за два года—с 1924/25 по 1926/27—повысился на 15% и достиг 2,65 против общепромышленного индекса в 2. Вероятно, в этом процессе сыграли существенную роль и некоторый хронический дефицит строительных материалов и оборудования, т.-е. недостаток или по крайней мере напряженность материального покрытия денежных ассигнований, и сезонные обострения в спросе на рабсилу, а также излишества в накладных расходах и чисто конструктивные излишества, связанные с научно-технической отсталостью, с наличием широких ассигнований, суб'ективной (с точки зрения отдельных госстроителей) дешевизной денег и отсутствием подлинной коммерческой ответственности, на что мы указывали выше.

Тут имеются, строго говоря, две задачи по линии повышения эффективности затрат: наилучший отбор типов и конструкций и возможное конструктивное упрощение строительства—задача чисто проектная, и улучшение строительного индекса в собственном смысле слова, т.-е. наилучшая организация снабжения, транспорта, самих строительных работ (механизация их в подлежащих случаях), экономия в накладных расходах, своевременная и хорошо организованная заготовка рабсилы, ускорение работ, удешевление кредита, своевременное финансирование и т. п. Вряд ли правильным было бы экономию вследствие конструктивного упрощения относить на счет достижений по выполнению правительственной директивы о снижении строительного индекса на 15% в текущем году, тем более что достижения в этом направлении (конструктивного упрощения) могут быть, вероятно, весьма значительными, судя по современной распространенности такого недопустимого явления, как строительство без законченного технического проекта; напр.,

почти все новые металлозаводы — основа будущей советской металлургии и металлообработки — начаты строительством без наличия окончательно разработанных и утвержденных проектов, и о печальных последствиях этого рода можно судить по данным обследования РКИ (см. ст. Г. Гвахария в № 6 „План. Хоз." за 1927 г.).

От этих методологических соображений мы хотели бы в заключение перейти к мысли о той организующей роли, какую мог бы сыграть в деле капитального строительства и учете его эффективности специальный контроль. Необходимость его вытекает из огромных размеров капитальных затрат (достигших, напр., для текущего года 3 мрд. руб. по обобществленному сектору), при коих малейшая относительная экономия может освободить крупные суммы, а также из того значительного влияния, какое эти затраты оказывают на современное состояние государственной кассы, кредитной системы и рыночные отношения, и на стоимость будущей продукции, а следовательно, и уровень жизни населения в перспективе.

Целью контроля должен быть не только надзор за соблюдением правил и условий, обеспечивающих нормальное проведение и экономию в расходах строительства, но также учет его эффективности (или по крайней мере подготовка данных для него), обобщение дефектов и творческая работа в направлении создания лучших организационных форм планирования, проектирования и самого строительства. В постановлении по контрольным цифрам текущего года СНК СССР обязал „Комиссию по строительству при СТО совместно с НК РКИ, НКФ, ВСНХ и Госпланом организовать систематическое выборочное наблюдение над ходом капитального строительства в стране с точки зрения технической целесообразности и экономической эффективности". Нам кажется, что такое наблюдение было бы полезно начать с широкого и непосредственного обследования, достаточно детального и проведенного по единообразной программе, преимущественно путем обследования на местах производства работ, по крайней мере по наиболее важным об'ектам каждой отрасли строительства, для чего следовало бы мобилизовать на несколько недель или даже месяцев квалифицированные (технические) силы всех указанных выше, упомянутых в постановлении СНК, наркоматов, причастных к планированию, регулированию и финансированию капитального строительства.

Такое обследование не исключает вопроса о постоянно действующем контроле; стоило бы, нам кажется, по крайней мере на местах наиболее крупного и ответственного строительства сделать опыт создания специальной правительственной инспекции капитального строительства, независимой от хозяйствующих наркоматов, подчиненной непосредственно центру (напр., СТО, РКИ СССР или Главному управлению финконтроля) и компетентной и по полномочиям и по квалификации (если предусмотреть высшее техническое образование инспекторов). Надзору такой инспекции следовало бы под-

чинить все важнейшие виды государственного строительства — промышленное, электрификацию, ирригацию, холодильное, элеваторное и пр. в пределах подлежащего района. Не вмешиваясь вообще в оперативно-техническую сторону строительства, такая инспектура путем частых посещений места работ и их непосредственного изучения следила бы за соблюдением установленных для них законов, правил и норм, за правильным и своевременным финансированием, за правильным расходованием и хранением средств в соответствии с финпланами, за их учетом, за соблюдением планов и утвержденных проектов, по чьему бы почину данное строительство ни возникло бы, за правильным ведением установленных книг по движению материальных и денежных ценностей, по выполнению договоров и заказов и т. п.; сопоставление хода физических работ с формальными моментами — планами, техническими проектами, сметами, платежными и др. документами — дало бы инспектору ценный материал для надзора и исследования.

Помимо непосредственного влияния на ход строительства в рамках формальных прав и товарищеских указаний, инспектора обязаны были бы периодическими отчетами в центр, и такие отчеты, своевременные и в принципе об'ективные при намеченной структуре этого аппарата, могли бы служить ценным материалом для плановой и регулирующей работы центральных органов. Наконец, на такую инспектуру можно было бы возложить дачу заключений банкам (ОДК в том числе) и другим финансирующим госорганам по вопросам капитального строительства, его долгосрочного кредитования и расходования кредитов по назначению. Последнее значительно усилило бы ту плановость и ту целесообразность финансирования, о коих мы говорили выше.

М. Л. Астерман

Социально-культурное строительство

(Очерк перспективного построения)

I. Введение

Сеть социально-культурных учреждений, сложная по своему строению, многообразная по массе мероприятий, охватывающих все области социалистического строительства, создает для плановых работ исключительные трудности. Эти трудности представятся тем более значительными, если будет принято во внимание, что в новой отрасли планирования — больше, чем в какой-либо другой—должны быть внимательно учитываемы национальные особенности, накладывающие особенный же отпечаток на культурное развитие той или иной республики и даже части ее. Исторически сложившиеся различия культурного уровня (окраинные республики), различие экономических укладов,— сами по себе определяют различие в системе мероприятий, какие должны быть развиваемы в каждой из автономных и союзных республик.

Перспективный план социально-культурного строительства по Союзу ССР в целом не может быть поэтому не чем иным, как результатом критического суммирования соответствующих планов, разработанных самими союзными республиками.

Вопросы социально-культурного строительства введены в круг плановых работ Союзного Госплана лишь с недавнего времени.[1] Ограниченный качественно и количественно, материал характеризует настоящий очерк пятилетней перспективы социально-культурного строительства по СССР лишь как начальный опыт работы в этой области.

Состояние плановых работ по социально-культурному строительству. На ограничение об'ема нашего исследования действует в подавляющей степени то обстоятельство, что плановые работы по социально-культурному строительству непонятно далеко отстали как от общего развития плановых работ по другим отраслям нашего строительства, так, в частности, и по сравнению с богатыми (признанными и за границей) нашими достижениями в области теории, системы, методики и практики самого культурного комплекса.

[1] Постановлением СНК СССР от 8 июня 1927 г.

Странную судьбу пережила плановая мысль в этой области! Еще в конце 1921 года, т.-е. в ту пору, когда трудно было говорить об органическом, нормальном развитии культурных учреждений, появляется первая работа, чисто плановая работа, напоминающая по своему содержанию и задачам нынешние контрольные цифры. Мы имеем в виду так называемые „производственные планы" наркомпросов УССР и РСФСР. При всем недостатке статистических источников, при всей неустойчивости обстановки того времени (еще не закончилась гражданская война), при всей казавшейся неустойчивости проектируемых показателей,—эти работы принесли исключительную пользу делу просвещения.

Через два года издание этих ценных работ почти прекратилось. Таким образом, органы, ведающие культурным строительством, фактически опередили в плановой работе многие другие затем, чтобы позднее так далеко отстать от них. В самом деле, в области широких плановых исследований по социальному строительству мы на промежутке в пять с лишним лет можем похвалиться весьма немногим: если исключить ценные работы наркомпросов по введению всеобщего обучения,[1] т.-е. работы, касающиеся лишь части весьма разветвленного культурного комплекса, и аналогичные работы по ликвидации неграмотности (впрочем, скорее оперативные, чем широко плановые), то истекший год можно характеризовать лишь как начальный для более или менее серьезно поставленных плановых исследований по социально-культурному строительству.

Социально-культурная секция Госплана РСФСР и Плановая комиссия НКПроса РСФСР могут быть названы пионерами в этой области. Соответствующая ячейка возникает в Госплане СССР лишь в последней четверти минувшего года—после отмеченного постановления Союзного Совнаркома. При госпланах других республик подобные ячейки или отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии. Наконец, в составе большинства ведомств социально-культурного сектора соответствующих плановых ячеек вовсе нет.

Немудрено, что в таких организационных условиях плановые работы по культурному сектору не могли развиваться в должной степени. Мало того, и сопряженные с ними важнейшие источники планового анализа ставят (и еще некоторое время будут ставить) исследователя в тупик.

Таково, например, состояние статистического материала по социально-культурным мероприятиям. Мы имеем в виду не качество материала самого по себе: оно не хуже и не лучше всяких других статистических источников. Тем не менее, углубленная (дифференцированная) работа по этим материалам в целях планового исследования чрезвычайно затруднена: самая номенклатура учреждений, самая система группировки материала оказывается подчас непригодной или затруднительной для исследования. Мы этим отмечаем не вину, а беду нашей статистики: не имея запросов планового характера, она в лучшем случае ориентировалась на требования ведомств. А ведомства, не направленные по плановому пути, не шли в своих требованиях дальше того, что диктовалось их текущими оперативными интересами. Эти последние, в свою очередь, были в значительной мере ограничены высоким (с точки зрения плановой—грубым) барьером, какой ставили в этом отношении требования бюджетно-финансовых органов. Если в связи с этими соображениями напомнить о различии систем просвещения по отдельным союзным республикам, где под одним и тем же названием фигурируют различные учебные заведения,[1] то причины современного состояния статистического учета, не удовлетворяющего планового работника, будут вполне об'яснены.

Мы упомянули уже о том, что требования финансовых органов служили в известной мере барьером, преградой к более тонкому анализу развития наших социально-культурных мероприятий. А вместе с тем, можно без лишних доказательств констатировать, что в оперативных (не плановых) построениях соображения финансовые играют основную, решающую роль. Естественно, что соответствующие ведомства сосредоточили все свое внимание в этом направлении: специальные отделы (целые управления) ведомств выработали тончайшую методику финансовых доказательств и этим в достаточной мере предопределили односторонний метод своих плановых построений.

„Должно" и „можно",—таковы, ведь, две точки амплитуды развития, между которыми плановая мысль обязана найти третью—точку равновесия, вернее, точку динамического равновесия.

Представленные в Госплан СССР материалы по перспективному плану социально-культурного строительства, разработанные в отдельных союзных республиках, отражают в большинстве своем характеризованное выше положение: в этих плановых построениях авторитетно и внимательно учтена финансовая сторона перспективы, ясно отображена одна точка—„можно". „Должное", необходимое—другая важнейшая точка—в них не отображено или, в лучшем случае, затемнено решающими, но тем не менее не единственно важными финансовыми расчетами. Как „тонки" эти последние и ка-

[1] См. соответствующие по названию труды НКП РСФСР под ред. М. С. Эпштейна, аналогичные издания по УССР и другим республикам наряд журнальных статей на эту тему.

[1] Примеры: в РСФСР профшкола строится на четырехлетней общеобразовательной базе, в УССР—на семилетней, в РСФСР техникум—среднее учебное заведение, в УССР—высшее; в УССР среднее общее образование ограничено семилеткой, в РСФСР—восходит до девяти лет обучения и т. д. Впрочем, за последние годы замечается по существу значительное сближение систем. Видимо, в ближайшее время разноречия будут в необходимой мере устранены.

ким тяжелым прессом они, поставленные в качестве единственного метода построений, давят на развитие социально-культурных мероприятий, видно из следующей ниже справки.[1]

В 1924/25 г. из общей суммы бюджетных ассигнований на социально-культурные мероприятия определено на расходы по народному просвещению 68%; в том числе в пределах местного бюджета—65%; в 1925/26 г. из общей суммы бюджетных ассигнований на социально-культурные мероприятия определено на расходы по народному просвещению 68%; в том числе в пределах местного бюджета—65%; в 1926/27 г. из общей суммы бюджетных ассигнований на социально-культурные мероприятия определено на расходы по народному просвещению 68%, в том числе в пределах местного бюджета—65%; в 1927/28 г. из общей суммы бюджетных ассигнований на социально-культурные мероприятия рассчитано на расходы по народному просвещенню 68%, в том числе в пределах местного бюджета—65%.

Меняются только даты. Отношения остаются неизменными! В течение этих лет бурно развивался восстановительный процесс (в просвещении он протек не менее бурно, чем в других областях), начался период общей реконструкции. Допустимо ли нелогичное предположение, будто в самом социально-культурном секторе соотношение отдельных его частей, в действительности, сохранялось неизменным? Конечно, нет. Самое поверхностное знакомство со статистическими показателями[2] свидетельствует о том, что процесс этот протекал чрезвычано пестро не только по отдельным большим разделам социально-культурного строительства (просвещению, здравоохранению, социальному обеспечению), но и частям каждой отрасли, в отдельности взятой. Повидимому, такую своеобразную и совершенно искусственную стабильность отношений нельзя об'яснить не чем иным, как подавляющим приоритетом бюджетных расчетов перед всеми другими. Современный (и будущий) исследователь процессов нашего культурного развития, пытаясь определить частные причины, влиявшие на те или иные его отрасли, станет перед трудным вопросом: в какой мере влияли на направление процессов широко об'ективные причины (общие хозяйственные и другие условия, стихийный и организованный нажим масс), в какой—давление бюджетных рамок, поставленных—по недостатку других приемов расчета—бюджетными же и притом, поневоле, чрезвычайно общими соображениями.

Мы ни в какой степени не отрицаем исключительного значения, какое в условиях стесненного бюджета имеют эти финансовые показатели. Но не кажется ли, что именно по этим соображениям

[1] См. „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.", стр. 402.

[2] См. „Контр. цифры нар. хоз. на 1927/28 г.", стр. 401 и 575, где бурный характер этого развития отражен в цифрах констатации за минувшие годы.

им должны предшествовать другие—внимательно разработанные расчеты? От должного к возможному, а не обратно—разве не так установлена вся наша плановая методология? И разве недостойно удивления то, что в богатой (самой богатой в мире) литературе по социально-культурному строительству, на ряду с блестящими трудами по вопросам системы, марксистской педагогики, практики культурной работы,—нет ничего, или почти ничего нет, по вопросам планирования в этом таком глубоком и значительном участке социалистического строительства?[1] До последнего времени почти ничего не было написано по вопросам методологии планирования социально-культурного строительства.

Метод. Лишь недавно Госплан опубликовал свой первый более или менее развитой опыт в этой области.[2]

В кратком изложении предложенные Госпланом методологические основы (некоторые более подробные черты анализа см. ниже) сводятся к следующему.

Основная народнохозяйственная задача социально-культурного строительства, просвещения—в первую очередь—сводится к воспроизводству квалифицированной рабочей силы.

Согласно классификации Госплана, рабочая сила, на воспроизводство которой направлена деятельность просветительных учреждений, может быть группирована в двух направлениях: 1) по отраслям народного хозяйства (индустрии, сельскому хозяйству и т. д.) и 2) по уровням (ступеням) квалификации:

а) низшей—необученные и малообученные работники,

б) средней—работники, способные к самостоятельным действиям ремесленного характера, управлению несложными машинами и т. д.

в) выше средней (тип мастера, техника),

г) высшей (инженер, врач—продукция высшей школы),

д) научной (научные работники).

[1] Одно из весьма немногих исключений—работа С. Г. Струмилина: „Хозяйственное значение народного просвещения". М., 1924 г. В ней впервые ясно формулирована зависимость квалификации работников и школы. Впрочем, автор ценной работы свою задачу—как тематически, так и по об'ему—ограничил; частным вопросам методологии этот труд не посвящен.

[2] См. „Об'яснительную записку к таблицам по контрольным цифрам и перспективному плану", опубликованную (гектографированную) Союзным Госпланом и разосланную госпланам союзных республик, а также главу „Социально-культурное строительство" в „Контрольных цифрах Госплана СССР на 1927/28 год".

Специальная комиссия одного из крупнейших наркомпросов характеризует предложенную Госпланом классификацию так: „Схема Госплана СССР является результатом опыта классификации просветучреждений в зависимости от их социально-экономической, энергетической значимости, и в этом отношении представляет крупный шаг вперед по пути выработки научно-обоснованной и практически ценной системы классификации учреждений народного образования".

Отзыв, во всяком случае, свидетельствующий о том, насколько вопрос назрел.

Применительно к этой классификации и располагается вся сеть просветительных учреждений, предназначенных на воспроизводство рабочей силы.

Центр внимания, очевидно, сосредоточен на мероприятиях по просвещению (о них и идет ниже речь по преимуществу),—на школе, прежде всего.

Мероприятия по здравоохранению и социальному обеспечению рассматриваются под углом зрения сохранения и обеспечения как наличной рабсилы, так и той, какая пребывает в потенциальном состоянии или амортизуется полностью и частично (инвалиды и т. п.).

Установка эта, сужая несколько об'ем и протяженность исследования (но, ведь, пятилетняя установка народнохозяйственного плана также не претендует на законченный охват перспективы), выгодна тем, что дает исследованию четко обозначенные границы—на прямом стыке со всем комплексом народнохозяйственного развития. Всего ярче обозначается при этом школа, являющаяся во всей ее многообразной разветвленности основным фактором воспроизводства квалифицированной рабочей силы и притом — воспроизводства расширенного. Все остальные учреждения и мероприятия располагаются в этом случае около школы. При этом степень аналитического охвата других мероприятий в значительной мере определяется двумя обстоятельствами: 1) самим характером изучаемых процессов, 2) степенью нашего знакомства с ними. Так (пример для первого положения), дошкольное воспитание трудно мыслить в процессе воспроизводства квалифицированной силы. Или—еще резче—трудно мыслить в этом процессе рождаемость. На самом деле это возможно и необходимо, ибо и масса детей в дошкольном возрасте и движение населения—не что иное, как потенциальные силы этого воспроизводства. Пример второго положения (о степени нашего знакомства): изучая развитие зрелищ, мы не можем в настоящее время перевести их эффективность на язык цифр воспроизводства квалифицированной рабочей силы—не потому, что принципиально невозможно выяснить влияние зрелищ на развитие рабочего интеллекта, а лишь потому, что мы еще не умеем этого делать.[1]

Воспроизводство квалифицированной рабочей силы является, таким образом, основным стержнем новых плановых построений. Самое слово „воспроизводство" характеризует и направление анализа. Воспроизводство — определенный процесс, аналогичный всякому другому производственному процессу. Нигде так, как в

[1] Впрочем, работники политпросвета к разрешению вопроса приближаются. Одна из важнейших тем такой разработки, отраженная в литературе —„учет массовой политпросветработы".

школьном обучении, он не может быть столь убедительно и глубоко прослежен: переход массы учащихся из года в год из одной группы обучения в другую четко обозначает эффективность обучения. Следовательно, в перспективных построениях можно, на основе анализа прошлого, учесть и самую продукцию этого своеобразного производства—выпуски квалифицированной силы по уровням квалификации и отраслям народного хозяйства (примеры такого подсчета показаны ниже).

Лучше чем в других областях народного хозяйства, может быть в этих плановых построениях обозначен и предел развития: количество необходимого контингента по покрытию убыли рабочей силы в народном хозяйстве и ее расширенному воспроизводству может быть определено (другое дело, что и эта важнейшая и принципиально выполнимая задача до сих пор далеко не разрешена).

Таким образом, построение перспективного плана по социально-культурному строительству, проведенное этим методом, не представляет принципиальных трудностей. Понятно почему: пожалуй, ни в какой другой области народного хозяйства плановая воля не сказывается так неограниченно, как в области социально-культурного строительства, целиком подчиненного государственному воздействию.

Практикуемый в Госплане СССР метод, который мы позволим себе назвать об'ективным и динамическим (в отличие от суб'ективного и статического метода финансовых расчетов), и дает возможность определить границы необходимого.

Границы возможного, в том числе и финансовые рамки, легко учесть—и учесть так, чтобы в пределах этих рамок производить снижающие пересчеты рационально и заблаговременно (т.-е. без опасных ломок).

Приводимые ниже расчеты не отражают полностью применения изложенного метода. Отмечено вначале, что всесоюзные показатели могут быть обоснованы лишь на детальной и законченной их разработке по отдельным республикам. Результат республиканских построений, большей частью составленных другими способами, сведенный в общесоюзные цифры, может быть применением нового метода не столько корректирован, сколько характеризован.

Для нас нет сомнения в том, что последующая разработка перспективного плана будет проведена на основе единого метода (нами ли изложенного или другого, более совершенного, но во всяком случае об'ективного). Тогда перспектива нашего социально-культурного развития предстанет во всей своей глубокой значимости как фактора, неразрывно сопряженного со всеми сторонами социалистического строительства.

II. Показатели развития

А. Просвещение

Уровень развития. Сравнение с довоенным. Следующая ниже таблица характеризует уровень, какого достигло развитие основного ядра просветительного строительства — школы — в 1926/27 г. по сравнению с довоенным временем.

Контингенты основных школ на территории СССР (в тысячах)

	Абсолютно 1914 г.[1]	1926/27 г.	В %% к 1914 г.
Всех учащихся	8.178	12.677	155
В общеобраз. школе	7.801	10.247	131
В спец. низших и средн. школах	267	417	156
В высшей школе	110	168	153

Контингент учащихся возрос более чем в 1,5 раза. При этом такой уровень развития сохраняется для наиболее трудно организуемой школы—высшей и специальной. Если при этом принять во внимание условия гражданской войны, голод, обусловленные ими смертность и понижение рождаемости детей (отсюда меньший % по общеобразовательной школе, см. § 2 таблицы, приведенной выше), то значение такого роста контингентов представится особенно подчеркнутым.

Эти общие цифры скрывают в своем обезличивающем итоге отдельные процессы, выделение которых представляет исключительный интерес.

Так, например, по Закавказью [2] общее количество учащихся в низших и средних общеобразовательных школах (царская школа руссификации населения) немногим превышало 215.000 в 1914 г.; к 1927/28 г. в национальных школах того же Закавказья количество учащихся превышает 510.000 человек, т.-е. почти в 2,4 раза больше довоенного контингента. До революции (в 1915 г.) число учащихся на территории современной Туркменской и Узбекской ССР [3] равно было 45.000 (в начальной школе); к настоящему времени число их достигает 117.000—в 2,6 раза более довоенного.

Революционные сдвиги. Однако, общие количественные показатели лишь в малой степени характеризуют те огромные сдвиги, какие произвела Октябрьская революция в просветительном строительстве страны: 54.600 школ по ликвидации неграмотности взрослого населения с 1.317.000 учащихся (за 1926/27 г.), им противостоит по дореволюционному времени несистематическая и слабая сеть воскресных школ и чтений; рабочие курсы профессионального образования, с контингентом около 40.000 учащихся, дают показатели,

[1] См. „Народное образование в СССР", 1926 г., стр. 13. Труды ЦСУ, XXVIII, вып. I.
[2] См. „Бюллетень Зак. ЦСУ", № 16, декабрь, 1925 г.
[3] См. „Нач. училища вед. б. МНП. в 1915 г.", Петроград, 1919 г.

несоразмеримые с прошлым, даже если бы мы искали в нем аналогии с названными учреждениями. Наконец, сохраняя те же экстенсивные рамки количественных сравнений, мы не найдем в прошлом сравнимых величин с такими совершенно неизвестными прошлому учреждениями, как школы ФЗУ с 108.000 учащихся, рабфаки с их 44.600 рабочих и крестьян, около 5.700 рабочих клубов, свыше 22.000 изб-читален и т. д.

Количественная оценка достигнутого уровня должна сопровождаться указанием на те принципиальные, качественные, перемены, какие претерпела вся система просветительных учреждений и мероприятий. Необходимо иметь в виду (в аналогии с народнохозяйственными процессами), что восстановительный процесс в просвещении наступил после глубокой его систематической реконструкции, что и дальнейшее количественное восстановление сети просветительных учреждений сопровождалось значительными внутренними перестройками, которые в корне изменили всю систему, организацию, самый метод и направление просветительной работы. Социальное воспитание с его коммунистическими детскими организациями, профессиональное образование, всеохватывающая политико-просветительная система, четкая классовая установка целиком огосударствленной школы,—все это говорит о том, что в оценке развития советского просвещения все меньше можно отправляться от учета небольшого наследства, которое в этой области оставил нам прежний строй.

В построении перспективного плана можно и должно, в силу сказанного, исходить непосредственно от учета того накопления, какое дало нам наше послереволюционное время, строить перспективные показатели на основе анализа усвоенных темпов—к прямым целевым заданиям, обусловленным требованиями социалистического строительства в целом.

Темп развития в период 1924/25—1926/27 гг. Темп развития по основным сопоставимым данным за минувшие три года (1924/25—1926/27) представляется в следующем виде:

Движение контингентов основных школ (в тысячах)

Тип учреждений	Абсолютно 1924/25	1925/26	1926/27	В %% к пред. году 1925/26	1926/27
Школа всеобщ. обучен.	8.254	9.069	9.108	110	100
Школа ликвид. неграм.	1.456	1.845	1.717	126	93
Рабфаки	43,3	46,1	44,6	106	97
Школа-семилетка (5—7 годы обучения)	869	1.007	1.003	116	100
Школа повышенного типа (8—9 годы обучения)	147	141	136	96	96
Учебно-ремесл. маст.	10,7	17,7	11,3	165	107
Профшколы	104,1	115,2	123,4	111	107
Школа ФЗУ	79,6	94,0	108,5	118	115
Техникумы	174,3	180,3	173,6	103	96
Высшая школа	164,0	168,0	168,0	102	100

Развитие просвещения отличается еще резкими толчками под'ема в 1925/26 г., характерными для восстановительного периода (аналогия с народным хозяйством, принимаемая, как всякая аналогия, с известной оговоркой). По 1926/27 г. это развитие представляется, по преимуществу, более плавным, с некоторым снижением темпа—законным для рабфаков (временные учреждения), школы повышенного типа (относительное насыщение), но неоправданным по школам ликвидации неграмотности, учебно-ремесленным мастерским и техникумам.

Диспропорции. а) Контингент. Такое развитие контингентов дает к исходному 1926/27 г. нижеследующий строй школы, обусловливающий дальнейшую продукцию по воспроизводству квалифицированной рабочей силы. [1]

На одного студента высшей школы приходится в 1926/27 г. учащихся:

Средней специальной школы	1,4
Низшей „ „	1,5
Курсов профобразования	1,0
Средней общеобразоват. школы (обеих ступеней)	6,7
Низшей образоват. школы	53,5
Школы для взрослых	44,0

По данным же статистики С.-А.С.Ш. на 1 студента высшей специальной школы приходилось там в 1923/24 г. около 6,8 учащихся средней специальной школы. [2]

В этом же, 1926/27 году продукция школы характеризуется таким образом:

б) Продукция. На одного оканчивающего курс высшей школы приходится оканчивающих курс:

Средней специальной школы	1,5
Низшей „ „	1,1
Курсов профобразования	3,9
Средней общеобразоват. школы	6,2
Низшей „ „	25,5
Школы для взрослых	10,1

Таким образом, на 1 работника высшей квалификации наша школа продуцирует: работников выше средней квалификации 1,5, работников средней квалификации—12,1, работников низшей квалификации—35,6 . [3]

[1] См. „Контрольные цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.". стр. 398—399.

[2] См. „Statistics of Universities, Colleges and Profesional schools 1923/24 (официальное издание). См. также Kandel, Edukation Year book of internat. Institute of Teachers College", 1924. К сожалению, нам не удалось извлечь сведения по другим типам просветительных учреждений.

[3] Две последние цифры очевидно преувеличены: значительная часть окончивших общеобразовательные школы продолжает обучение на высших ступенях, т.-е. в народнохозяйственный оборот попадает в качестве действенной рабочей силы лишь в некоторой своей части.

В какой мере такое соотношение по уровням квалификации соответствует строю рабочей силы в самом народном хозяйстве? По итогам всесоюзной городской переписи 1923 г. [1] в составе 2.261.500 работников городских поселений состояло:

Специалистов высшей квалификации	17.700
Работников выше средней квалификации	83.200
„ средней квалификации	605.400
„ низшей „	1.555.200

Следовательно, на 1 работника высшей квалификации пришлось:

Работников выше средней квалификации	4,7
„ средней квалификации	33,9
„ низшей „	87,7

Как далеко ни заходили бы мы в своих представлениях о дальнейших перестройках в нашем народном хозяйстве, диспропорция соотношений уровней квалификаций как по продукции, так и по контингенту (т.-е. в самом процессе подготовки квалифицированной рабочей силы) очевидна. Диспропорция эта—результат бурного восстановительного процесса, который пережила школа в минувшие годы. Меры исправления этой диспропорции, не отвечающей строю рабочих квалификаций в самом народном хозяйстве, уже предприняты: это обнаруживается в значительном росте профшкол и школ ФЗУ на 1926/27 г.

Основная предпосылка пятилетнего плана. Перспективный план по просвещению, в части школьного контингента, должен быть построен под этим углом зрения. Задача формулируется так: в пределах, допускаемых бюджетом и естественными процессами развития школьных контингентов (масса учащихся, уже находящихся в школе, даст продукцию, на изменение которой можно повлиять лишь в ограниченной мере) стремиться к тому, чтобы при выполнении важнейших конкретных задач, возлагаемых на просвещение, были соблюдены следующие условия:

а) дальнейшее развитие мероприятий должно быть направлено на исправление диспропорций в будущем (и за пределами перспективного плана),

б) продукция школы—в наибольшей степени приближена к нормальным отношениям по ступеням квалификации уже в пределах пятилетия.

Важнейшие задачи. Конкретные задачи, какие социалистическое строительство ставит в этом пятилетии перед школой, могут быть в основном сведены к следующему.

На фоне неизменного общего под'ема народного просвещения:

а) осуществить, по возможности, всеобщее обучение детей в возрасте 8—11 лет;

[1] См. „Итоги всесоюзной городской переписи 1923 г.", ч. 2, вып. IV. „Распределение городского населения по главным отраслям труда".

б) охватить школой ликвидации неграмотности взрослое население (от подростков до 35-летнего возраста, по преимуществу);

в) обеспечить достаточное развитие контингентов школ низшего и среднего специального образования (центр тяжести исправления отмеченных выше диспропорций);

г) обеспечить поступательное развитие средних общеобразовательных школ, имея в виду дальнейшее (за пределами пятилетия) расширение общеобразовательной базы;

д) учесть необходимость дальнейших качественных улучшений (рост зарплаты работников просвещения, строительства школьных зданий, улучшения оборудований и т. д.).

При всех исчислениях иметь на особом учете обеспечение интересов сельского населения.

Табл. 1, данная в приложении (см. стр. 152—155), отмечает темп, в каком представляется развитие основных школьных контингентов в предстоящем пятилетии.

По отношению к контингентам довоенного времени общее число учащихся должно возрасти к концу пятилетия до 223%, в том числе:

Учащихся в общеобразоват. школе до 182%
Учащихся в низш. и средн. спец. школах до 210%
Учащихся в высшей школе до 136%

По отношению к контингентам 1926/27 г.:

Общее число учащихся возрастает до 144%
Число учащихся в общеобразоват. школе 139%
Число учащихся в низших и средн. специальн. школах 135%
Число учащихся в высшей школе 89%

Выполнение перечисленных выше заданий (пункты а — д) характеризуется (на основе расчетов, приведенных по республикам) следующим:

а) Всеобщее обучение. В школе всеобщего обучения число учащихся должно возрасти с 976.000 в 1927/28 г. до 12.889.000 в 1931/32 г. Сопоставление с возрастными контингентами (исчисленными приближенно на основе демографических данных) позволяет утверждать, что в городе такими школьными контингентами всеобщее обучение будет достигнуто в смысле охвата нормальных возрастных групп. Можно также предположить некоторый избыток охвата, который позволит (дополнительно к школе ликбеза) вовлечь в школу четырехлетнего обучения и переростков. Не то в сельской школе, где продуктивность обучения много ниже городской. Вопрос об особом типе (системе, организации, методе) сельской школы ставится этим обстоятельством на очередь. [1]

[1] См. подробный расчет в „Контрольных цифрах на 1927/28 г.“, стр. 397 и 851. На 100 детей, принятых в первую группу четырехлетней школы, кончает в нормальный срок 27 человек. Фактически крестьянский ребенок пребывает в среднем в массовой школе от 2—3 лет. Мы отмечаем этим своеобразный „крестьянский узел“, который необходимо в ближайшие годы развязать.

б) Ликвидация безграмотности. Школой ликвидации безграмотности может быть во всяком случае охвачено неграмотное взрослое население городов и значительный процент — в сельских местностях. Ограничение этого задания возрастами 18 — 35 лет еще более приблизит к решению задачи.

в) Смягчение диспропорции. Низшая специальная школа должна возрасти по контингенту в максимуме:

Учебно-ремесленные мастерские от 19.000 в 1927/28 г. до 53.000 в 1931/32 г. . . . на 180%
Школы крестьянской молодежи от 19.000 в 1927/28 г. до 45.000 в 1931/32 г. . . . на 137%
Профшколы пониженного типа от 63.000 в 1927/28 г. до 77.000 в 1931/32 г. . . . на 23%
Профкурсы от . . . . . 116.000 в 1927/28 г. до 172.000 в 1931/32 г. . . . на 48%

Сдержанный темп развития показан по средним специальным школам, что обусловлено сложностью и дороговизной их организации, отчасти — определившимися пределами запроса хозяйственных органов.

Школы фабрично-заводского ученичества по контингенту от 86.000 в 1927/28 г. до 103.000 в 1931/32 г. 20,7%
Профшколы повышенного типа от 48.000 в 1927/28 г. до 60.000 в 1931/32 г. 25%
Техникумы от 150.000 в 1927/28 г. до 191.000 в 1931/32 г. . . . 27,3%

Без дальнейшего полного охвата всей брони подростков соответствующей школой задача необходимого устранения диспропорции не будет разрешена даже в рамках цензовой промышленности.

В минимуме развиваются контингенты рабфаков, в виду того что рабоче-крестьянский состав поступающих в высшую школу обеспечивается в значительной мере нормальной школой.

Наконец, стабилизуются контингенты высшей школы—явление, обусловленное ее стабилизацией от первых бурных лет послереволюционной ненормальной перегрузки. С другой стороны, такой перестройкой обеспечивается качество ее продукции.

г) Средняя общеобразовательная школа. Контингент средних общеобразовательных школ 5 — 7 года обучения достигнуты: 1.557.000 чел. против 1.032.000 в 1927/28 г., т.-е. возрастут на 50,9% или на 55% против контингентов 1926/27 г.

д) Качественные улучшения. Темп качественных улучшений положения школы также в значительной мере повышается. Необходимо, однако, отметить, что давление бюджетных рамок поневоле несколько сдержит размах этих необходимых качественных улучшений (см. ниже, расходы по просвещению).

Результаты проектируемого развития. Нижеследующая таблица (см. приложение, II отмечает состояние про-

дукции школы, каким оно представляется в 1931/32 г. по сравнению с 1926/27 г.

На одного оканчивающего высшую школу приходится оканчивающих:

	1926/27 г.	1931/32 г.
Среднюю специальную школу	1,5	2,3
Низшую специальную школу	1,1	2,6
Курсы профобразования	3,9	6,5
Среднюю общеобразов. школу . . .	6,2	16,3
Низшую школу всеобщ. обучения . .	25,5	77,1
Школу для взрослых	10,1	54,0

Пропорции в заметной степени изменяются к лучшему.

Такой результат обусловлен не только изменениями, какие намечаются в группировке контингентов по перспективному плану, но в значительной мере и развитием (следовательно, мероприятиями соответствующих наркоматов), какое началось до перспективных лет. При чтении приведенных показателей необходимо, впрочем, иметь в виду, что по отдельным отраслям школы показанная эффективность будет значительно разниться (напр., по педтехникумам, индустриальной школе и др.).

Народнохозяйственный оборот должен при таком построении плана получить от школы в качестве действенной квалифицированной силы:

По воспроизводству квалифицированной рабочей силы низшей квалификации (дополн. обучение взрослых) свыше . . . . . 6 млн. чел.
По воспроизводству квалифицированн. рабоч. силы средней квалификации (из средн. общеобразов. школы, низших профшкол и ФЗУ и др.) около . . . . . 2.900 тыс. чел.
По воспроизводству квалифиц. рабочей силы выше средней квалификации (из профшкол повышенного типа и техникумов) свыше 236 „ „
По воспроизводству квалифицированной рабочей силы высшей квалификации (из высш. школ) около . . . . . 113 „ „

Б. Здравоохранение

Для характеристики эффективности намеченных за пятилетие мероприятий могут служить следующие показатели роста сети.[1]

Лечебное дело. В области лечебного дела показатель обеспечения коечной помощью в городах будет лишь оставаться стабильным: больничное строительство едва поспевает в темпе за ростом населения. Значительное развитие получат все виды внебольничной помощи: амбулаторная, первая, скорая, помощь на дому.

Число кабинетов в амбулаториях возрастает на 23%, число станций скорой помощи — на 50%, число врачей помощи на дому — на 65%, а число пунктов первой помощи на предприятиях удваивается.

[1] По данным для РСФСР.

Весь прирост коек в городах идет, главным образом, на развитие специальных отделений. Вся лечебная сеть в городах как больничная, так и внебольничная, будет значительно специализирована.

Обеспечение села. В сельских местностях предположен рост числа врачебных участков на 25%, в том числе больниц — на 18%, а число коек в них — на 21%, в результате чего показатель коечной помощи в сельских местностях увеличивается на 9%, а по сравнению с 1910 г. — на 52%. Показатель обеспеченности врачебными участками возрастает к концу пятилетия на 12,8% по сравнению с 1926/27 г., а по сравнению с 1910 г. — на 28%. Число фельдшерских пунктов, низких по качеству своему, значительно сократится (тенденция, определившаяся в минувшие годы).

Профилактические мероприятия. Удельный вес профилактических мероприятий из года в год неизменно повышается и все виды санитарно-профилактического дела получают значительное развитие.

Предположено на 55—60% (в течение пятилетия) осуществить установленные руководящими органами нормы санитарного обслуживания населения.

Тубдиспансеры. На 50 с лишним процентов возрастает сеть тубдиспансеров, что обеспечит этого рода учреждениями не только города, но и наиболее крупные фабрично-заводские поселки.

Санитарные койки и борьба с венерическими болезнями. Число санитарных коек возрастает на 25%. Строительство сети по борьбе с венерическими заболеваниями намечается преимущественно на селе, и число соответствующих учреждений возрастает на 172%.

Охрана материнства и младенчества. Значительное развитие получит дело охраны материнства и младенчества, которое является одним из самых действительных средств борьбы с детской смертностью.

Число детских консультаций в городах и фабрично-заводских поселках возрастает на 75%, в сельских местностях — на 165%.

В результате показатель обслуживания в городах возрастает на 40%, а в сельских местностях — на 45%.

На каждую 1000 работниц, занятых в цензовой промышленности, число ясельных коек возрастает в течение пяти лет с 30 до 47, что дает увеличение на 56%.

Поставленная в этой области задача сводится к тому, чтобы иметь на каждую волость (район) не менее одних ясель. Число родильных коек в сельских местностях возрастает на 45%, что увеличивает показатель обслуживания на 32%. Значительные мероприятия в меньшем темпе намечены в области охраны здоровья детства и рабочих подростков. К концу пятилетия вречебная помощь здесь выразится в наличии одного врача на 1.500 организованного детского населения (школа, фабр.-завод. ученичество и т. д.)

Медицинский персонал. Одним из самых больных мест в развитии здравоохранения необходимо признать недостаток в квалифицированном врачебном и, в особенности, среднем медицинском персонале (сестры, фармацевты).

В течение пятилетия потребность во врачах, хотя и с большим напряжением, все же покрывается.

Учитывая, однако, неизбежность значительного дефицита уже в первые годы следующего пятилетия, необходимо в настоящее время проработать и осуществить ряд мероприятий, направленных к устранению этого дефицита.

Потребность в среднем медицинском персонале покрывается выпусками существующей сети медицинских и фармацевтических техникумов не свыше 45%, что выдвигает задачу усиления мероприятий в этой области, как задачу неотложную.

III. Бюджет социально-культурного сектора

А. По социально-культурному строительству в целом

Приложенная ниже сводная таблица (см. стр. 154—155) бюджета по социальнокультурному строительству является результатом попытки обозначить развитие расходов на эту область социалистического строительства возможно полнее, т.-е. с учетом всех (помимо чисто бюджетных) источников. Приходится здесь же отметить, что впервые поставленная задача не могла быть, по современному состоянию материалов, полностью осуществлена. Так, например, значительные расходы кооперативного сектора народного хозяйства в этой сводке не учтены, и лишь в небольшой части уловлены затраты населения, затраты безусловно крупные (зрелища, приобретение литературы, частная оплата культурных услуг и т. п.).

Источники. В исчисленной таким образом общей сумме расходов на социально-культурное строительство, свыше 9.800 млн. руб.,[1] непосредственно покрывается из государственного и местного бюджетов свыше 6.800 млн. руб., около 3 миллиардов приходится на остальные источники покрытия: ассигнования хозорганов, профсоюзов, специальные фонды помощи, средства общественной инициативы, специальные доходы. В общей сумме исчисленного бюджета падает, таким образом: на государственный (республиканские) бюджет 17,8%, местный — 53,7% и прочие источники — 28,5%.

Темп роста. Весь бюджет по социально-культурному строительству возрастает за пять лет (от 1927/28 г. к концу 1931/32 г. на 48,1%: государственный—на 52,5%, местный — на 53,8% и прочие источники — на 35,1%. Принятый курс на относительно больший рост

[1] Всюду имеются в виду просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение, вместе взятые. О социальном страховании см. ниже, статью Е. М. Тарасова.

бюджетных источников против источников внебюджетных представляется отвечающим общему направлению политики социально-культурного строительства государства. Некоторое превышение роста расходов по государственному бюджету по сравнению с местным обусловлено отмеченным выше (раздел II) стремлением — усилить темп развития по профессиональному (вместе с научными учреждениями) образованию, а также необходимым усилением темпа по социальному обеспечению, до сих пор развивавшемуся в относительном минимуме.

Основные группы расходов. Среди трех основных групп социально-культурного строительства первое место, естественно, отведено народному просвещению, которое занимает в общей сумме расходов за пять лет 61,3%; здравоохранение — 34,6%; на долю социального обеспечения приходится 4,1%. В пределах одних бюджетных источников народное просвещение занимает около 66%, здравоохранение — около 28% и социальное обеспечение около 6%.

По сравнению с 1926/27 г. бюджет по социально-культурному строительству возрастает на 60%. При этом по бюджетным источникам почти в том же темпе, около 59,5%. Наибольший темп прироста, как отмечено выше, принят по социальному обеспечению.

Нормы расходов. Развитие бюджета в таких пределах дает норму расходов на душу населения (по бюджету в целом): около 11 руб. в год для исходного 1927/28 г. и около 15 рублей для конечного 1931/32 г.— повышение до 30%; в рамках бюджетных источников это повышение достигает 35%.

Фонд зарплаты. Общий фонд зарплаты по социально-культурному сектору (народное просвещение со здравоохранением) исчислен в 4.107 млн. руб. за пять лет, т. е. составляет около 60% всех расходов. Таким образом, в условиях сравнительно высокого роста бюджетов заработная плата все еще поглощает значительную долю расходов по социально-культурному строительству. Отмеченное обстоятельство служит показателем того, что проектируемое пятилетие еще неспособно полностью обеспечить социально-культурное строительство всеми необходимыми средствами, прежде всего — достаточным оборудованием: школу — всеми необходимыми пособиями, лечебное дело — его дорогостоющими приспособлениями и т. д.

Капитальные вложения. Расходы на строительство зданий—исчислены в 819 млн. руб. (по минимальному варианту, в пределах бюджета—около 717 млн. руб.) и составят около 5,4% всех проектируемых расходов на строительство зданий (около 4,6%,— по минимальному бюджетному варианту).

Важнейшие показатели, характеризующие развитие бюджета социально-культурного строительства по двум его крупнейшим отраслям — просвещению и здравоохранению — таковы.

Б. Расходы по народному просвещению

Темп роста. Общая сумма расходов на народное просвещение исчислена по всем уловленным источникам в 6.008 млн. руб. Рост за пятилетие 1927/28—1931/32 гг.—48,7%, а по отношению к 1926/27 г.—свыше 57%. В пределах государственного и местного бюджетов общая сумма расходов за пятилетие исчислена (с Цутранпросом и ассигнованиями из всесоюзного бюджета) в 4.890,3 млн. руб. Соответствующий рост за пятилетие—48,9%, при этом по государственному бюджету этот рост определен в 47,8%, а по местному—в 50%. Внебюджетные источники исчислены в сумме 1.117 млн. руб., т.-е. занимают свыше 18% всего бюджета, или около 22,5% по отношению к источникам бюджетным.

Внебюджетные источники. Средства профсоюзов. Среди внебюджетных источников первое место занимают средства профсоюзов: предположено, что ими будет отпущено свыше 410 млн. руб., т.-е. около 37% всех внебюджетных поступлений или свыше 6,8% от всего бюджета. Ассигнования эти направляются, по преимуществу, по линии политико-просветительных мероприятий (клубы—в первую очередь).

Ассигнования хозорганов. Ассигнования хозорганов занимают лишь второе место среди внебюджетных источников. Исчисленные в сумме около 325 млн. руб. за пятилетие они составляют около 28% общей суммы этих источников и около 5,4% всей суммы расходов по просвещению. Из общей суммы в 325 млн. руб. около 160 млн. руб. предположено к затрате на содержание научно-практических учреждений при самих хозорганах и около 165 млн. руб. на помощь школе, как таковой (главным образом, на содержание школ фабрично-заводского ученичества). Взятый ныне прямой курс на развитие школы, как основного источника воспроизводства квалифицированной рабочей силы, сопряженная с этим курсом задача повышения качества школьной продукции, отмеченная вместе с тем сравнительная бедность нашей школы,— естественно ведут к постановке перед хозорганами неотложного вопроса: об усилении доли участия хозорганов в бюджете школы, в качестве продукции которой они в первую очередь заинтересованы.

Прочие источники. Третье место среди внебюджетных источников занимают средства общественной инициативы (отпускаемые частично в натуральной форме),—около 257 млн. руб. за пять лет, эти суммы запроектированы в замедленном по сравнению с общим темпе. Мотив отмечен выше: общее направление социально-культурного строительства предполагает преимущественную обязанность государства, как такового.

По тем же соображениям доходные частные источники намечены в небольшой сравнительно сумме—126 млн. руб.

Основные группы расхода. Вся сумма расходов на народное просвещение распределяется по основным его отраслям следующим образом.

а) по социальному воспитанию: 2.917,8 млн. руб. за пять лет, рост—43,1% за пятилетие.

б) по профессиональному образованию: 1.527,5 млн. руб. за пятилетие, рост—54,5%.

в) по политическому просвещению: 896,4 млн. руб. за пятилетие, рост—49,2%.

г) по научным учреждениям: 392,1 млн. руб. за пятилетие, рост—79,5%.

Удельный вес отдельных групп расхода. По удельному весу в общем бюджете просвещения отмеченные расходы расположены в следующем убывающем ряду (целые проценты):

а) социальное воспитание—49;
б) профессиональное образование—25;
в) политическое просвещение—15;
г) научные учреждения—6;
д) прочие расходы—5.

Показанные удельные веса свидетельствуют о том, что в наступающем пятилетии бюджет отразит на практике свое преимущественное свойство, как фактора количественного развития просвещения в большей степени, чем фактора качественных перегруппировок. Поставленные боевые задачи пятилетия—всеобщее обучение (свыше 12 миллионов детей в соцвосе к концу пятилетия), ликвидация безграмотности, массовое профессиональное образование поглотят львиную долю средств.

Тем не менее, показанные выше темпы развития по отдельным отраслям просвещения служат доказательством того, что необходимые и возможные качественные сдвиги этим построением бюджета предучтены: выше темпа роста бюджета в целом показан бюджет по научным учреждениям и профессиональному образованию, ниже его—рост бюджета по социальному воспитанию. Намеченное выше усиление участия хозорганов—если оно будет осуществлено—обеспечит в необходимой мере и качественную сторону развития.

Основные средние показатели. При условии выполнения намеченного бюджета основные показатели, характеризующие общие сдвиги в развитии народного просвещения, представляются в таком виде.

Расход на душу населения. Расход на душу населения по бюджету в целом возрастет с 6,7 руб. в 1927/28 г. до 9,2 руб. 1931/32 г., т.-е. на 36 с лишним процентов. По одним бюджетным источникам это возрастание будет выше 37%, а по отношению к расходам 1926/27 г. (4,6 руб. на душу) достигнет превышения в 73%.

Расход на одного учащегося. Расход на одного учащегося по бюджету даст возрастание по отношению к 1926/27 г.

на 28% — от 53,08 руб. до 67,75 руб.—свидетельство того, что на заданное необходимое повышение общего уровня давит его обязательная количественная сторона.

Зарплата. Средняя заработная плата работников просвещения возрастает в целом за пятилетие на 48% на одного работника, при общем росте всего фонда на 54,8% (или 88,3% по отношению к 1926/27 г.). Это позволит повысить заработок массового учительства к концу пятилетия на 63% по отношению к 1926/27 г., т.-е. приблизит его к среднему заработку промышленных рабочих; в этих же пределах (до 65—67%) может быть повышена заработная плата более квалифицированных кадров учителей профессиональной школы и научных работников.

Капитальные вложения. Затраты на школьное строительство предположены в 495 млн. руб. за пятилетие (по бюджетным источникам—378 млн. руб.) — сумма, едва ли отвечающая своими сдержанными границами требованиям, какие обусловливаются общим планом (необходимый мощный рост школ всеобщего обучения, строительство профессиональных и средних школ и т. п.).

В. Расходы по здравоохранению

Расходы по здравоохранению составляют в общей сумме расходов на социально-культурные нужды—34,6%.

На протяжении перспективного пятилетия бюджет здравоохранения предположен несколько отстающим от роста всего бюджета на социально-культурные нужды.

Темп роста. При этом в части местного бюджета, рост запроектирован в большем темпе, чем в части республиканского (160,5% по местному и 144,9% по республиканскому бюджету).

Источники. В общем бюджете здравоохранения государственный бюджет составляет 10,5%, местный — 51,2%, фонд медпомощи — 38,3% (в общем итоге за пятилетие).

В абсолютном выражении государственный бюджет дает 357,9 млн. руб., местный — 1.739,4 млн. руб., фонд медпомощи — 1.299,7 млн. руб.

Средние показатели. Средние затраты по здравоохранению составляли по всем источникам финансирования на одного жителя в 1926/27 г.—3 руб. 77 коп., а к концу пятилетия они выразятся в 5 руб. 37 коп., что дает рост в 42,4%.

Та же величина в части государственного бюджета возрастет от 40 к. до 60 к., т.-е. на 50%, а по местному с 1 р. 44 к. до 2 р. 21 к., т.-е. на 53,7%.

Средняя дополнительная затрата на одного активно застрахованного из фонда медпомощи по территориальным кассам составляла в 1926/27 г.—26 р. 13 к. и возрастет к 1931/32 г. до 32 р. 10 к., т.-е. на 22,8%.

Капитальные вложения. В общей сумме бюджета здравоохранения расход на капитальные затраты и новое строительство составит за пятилетие сумму в 424 млн. руб., возрастая от 1927/28 г. до конца пятилетия на 35,2%.

IV. Важнейшие выводы

Можно с уверенностью утверждать, что начало 1927/28 г. знаменует чрезвычайно плодотворный перелом в развитии социально-культурного строительства.

Начатая организация работ по социально-культурным проблемам при плановых и ведомственных органах, первый опыт построения контрольных цифр в этой области в масштабе всего Союза и развивающиеся работы по построению перспективного плана,—смыкают социально-культурное строительство со всем комплексом народнохозяйственных проблем.

Дискуссии на недавнем профтехническом совещании (конец сентября этого года) сосредоточили внимание общественности и заинтересованных хозорганов на основных практических задачах этого строительства.

Наконец, опубликованные тезисы ЦК и ЦКК (к директивам по построению пятилетнего перспективного плана) обозначают четкое русло дальнейшего развития социально-культурных мероприятий: неуклонное содействие общему социалистическому строительству, прямой упор на разрешение задач индустриализации страны.

Такая постановка задач социально-культурного строительства обеспечивает, с одной стороны, его темп — в ногу с общим развитием, а с другой—гарантирует народному хозяйству, государственному строительству в целом максимально полное освоение эффекта наших культурных мероприятий. Делается очевидным, что строительство это, просвещение в частности, характеризованное в пылу гражданской войны и первых тяжких шагов хозяйственного восстановления, как „третий фронт“ революции, на самом деле представляет собой неотъемлемую часть социалистического строительства— в его целом и любой из отдельных отраслей.

Все чаще, все конкретнее отдельные плановые расчеты сопровождаются указаниями (покуда, к сожалению, слишком общими) на то содействие народному хозяйству, какое должно быть оказано социально-культурной группой мероприятий. Говорят ли об эффективности капитальных вложений, о повышении производительности труда, о рационализации производства, — всюду речь идет о культурных мероприятиях: о повышении общего культурного уровня, о воспроизводстве (воспроизводстве расширенном) квалифицированной рабочей силы — в первую очередь.

Предлагаемый очерк перспективного построения и является первой попыткой ответа на вопрос: что должно и может дать социально-

культурное строительство в обеспечение необходимого развития уровня и массы рабочей силы в ближайшие пять лет.

Задачи культурного строительства — глубокого, разнообразного, рассчитанного на длительные эффекты — такой постановкой плана как будто суживаются. Но, кажется, в рамках текущей народнохозяйственной постановки вопроса следует предпочесть такую, хотя бы и суженную, но четкую установку другой, более широкой и тем труднее поддающейся плановому, т.-е. конкретно выраженному, построению. Вместе с тем, позволительно высказать уверенность в том, что накопление широких и далеко направленных культурных ценностей гарантировано целесообразным развитием основных практических мероприятий планируемого культурного комплекса: всеобщим обучением, ликвидацией безграмотности, контингентами обученных в школе сил, обеспечением необходимых условий учебной и научной работы, развитием более совершенных мер медико-санитарной помощи и т. д.

Отмечено уже, что изложенные выше результаты исследования рекомендуется принять лишь в качестве опыта такого рода построений. В дальнейшем его рамки должны быть расширены и качество самого материала в значительной мере улучшено.

Отмеченное выше состояние статистических и других материалов и самой организации плановой работы по социально-культурному строительству, какое мы констатируем к настоящему времени, обязывает к самым осторожным оговоркам по существу отдельных приведенных выше показателей.

В области социально-культурного строительства менее, чем в других областях, может быть использован опыт дореволюционной или современной капиталистической науки: мысль буржуазии не направлена ни в сторону плановых построений (хотя бы в пределах глубокого статистического учета), ни по пути широкого анализа сети социально-культурных мероприятий в единой их организации и системе. Вот почему дальнейшей работе по анализу цифр и других показателей нашего культурного развития должно предшествовать (и долго сопутствовать ей, аналитической работе) напряженная деятельность по определению самого метода собирания материала, его анализа и синтетики. Вместе с тем, разнообразная, охватывающая все стороны народной жизни, культурная деятельность представляет собою гораздо больше сложностей, чем это может показаться на первый взгляд.

Мы заканчиваем наш очерк существенным замечанием, приведенным в начале статьи: организация, способная обеспечить целесообразное развитие новой отрасли плановой работы, в настоящее время исключительно слаба.

Сосредоточение внимания на этой, организационной части вопроса, обеспечение рациональной плановой работы по социально-культурному строительству,— является ныне необходимым условием самого его развития.

Указатель литературы по плановым вопросам просветительного строительства и воспроизводства квалифицированной рабочей силы[1]

А. Литература на русском и украинском языках

1. „Об'яснительная записка к рабочим таблицам по контрольным цифрам и перспективному плану развития народного просвещения", составлена Секцией Труда Госплана СССР и разослана госпланам союзных республик (гектографир.).

2. „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.". Изд. „План. Хоз.", М., 1927 г. Раздел „Социально-культурное строительство" и относящиеся к нему таблицы.

3. „Тезисы докладов первого Всесоюзного совещания промышленности по профессионально-техническому образованию", М., 1927 г., стр. 58 (Потребности промышленности и вопросы системы и организации профтехнического образования).

4. Операционные и производственные планы, а также отчеты наркоматов социально-культурного сектора.

---

5. Бейлин, А. А. „Воспроизводство квалифицированной рабочей силы". М. и Л. ЦУП. ВСНХ СССР, 1926 г., стр. 232, ц. 2 р. 50 к. (Профобразование, как система воссоздания рабочей силы, постановка проблемы в капиталистических странах и в СССР).

6. Зайцев, В. „План воспроизводства рабочей силы в промышленности СССР". Изд. „Вопросы Труда". М., 1925 г., стр. 88, табл. 6 (Опыт исчисления рабочей силы, дифференцированной по специальности и характеру производства, потребной народному хозяйству в 1926/27 г.).

7. Струмилин, С., „Хоз. значение народного образования". М. „Эк. Жизнь", стр. 63, ц. 50 к. (Опыт изучения зависимости между образованием и квалификацией работников).

8. Вейкшан, В. и др. „Советская производственно-трудовая школа", т. I. М. Изд. „Работ. Просв.", стр. 174, ц. 1 р. 25 к. (Соц. эконом. обоснования трудовой школы. Цели и задачи советской системы образования и организационные принципы школы).

9. Вейкшан и др., „Советская производственно-трудовая школа", т. II, М. „Работ. Просв.", 1926 г., стр. 292, ц. 2 р.

10. Плюснин-Кронин, С., „Система народного образования РСФСР, М. „Работ. Просвещ.", 1926 г. стр. 168, ц. 1 р. 50 к.

11. Звигальський та Іванов, „Професійна освіта на Україні", Х., 1927 г., стр. 409, диагр. 60 (Динамика проф. образования в связи с развитием основных отраслей нар. хозяйства).

12. „Измерители расходов учреждений народного образования", М. Изд. Адminоргупр. НКП, 1926 г., стр. 436, ц. 5 р. (сборн. нормальных смет на учебное оборудование с указанием норм амортизации).

Материалы по высшему образованию в РСФСР

13. Вып. 1. Медицинское образование, М. Главпроф., 1927 г., стр. 138.

14. Вып. 2. Педагогическое образование, М. Главнаука, 1927 г., стр. 202.

15. Вып. 3. Сельскохозяйств. образование. М. Главнаука, 1927 г., стр. 61.

16. Вып. 6, 7, 8. Индустриально-техническое образование. М. Главнаука, 1927 г., стр. 35, 114, 60.

17. Ст. Ходоровского, „Итоги приема в вузы РСФСР в 1927 г.", в № 263, газ. „Правда" от 17 ноября 1927 г.

---

[1] Указатель составлен научным сотрудником Госплана СССР А. Д. Эпштейном. Отмечены новейшие труды, представляющие интерес, как материалы к построению планов по соц.-культ. строительству (преимущественно просветительному).

Среднее и низшее профтехнич. образование

18. Подготовка квалифицированного работника". Л. 1926 г., стр. 33, ц. 4 р. (Всеросс. ассоциация инженеров).

19. „Тезисы ЦИТа. Реконструкция производства, подготовка рабсилы", М., 1927 г., стр. 109.

20. Гуревич, Л. „Уточнення цілевої установки індустріяльно-техничної профшколи", ст. в №№ 43, 44 и 45 газеты „Народний Учитель" за 1927 г.

21. Шварц, Г. „О построении школ фабрично-заводского ученичества", статья в журн. „Жизнь рабочей школы", 1926 г., № 3 (определение ежегодной убыли рабочих разных профессий, на основании материалов переписи 1923 г.).

22. Панкевич, П. Основные вопросы фабзауча. М. „Новая Москва", 1926 г., стр. 232, ц. 2 р. (Экономические предпосылки. Цели и задачи фабр.-завод. ученичества, организ. вопросы).

23. Сборник организационных материалов по фабрично-заводскому ученичеству и профтехническим школам. М., Изд. отд. раб. образов. и низш. профшкол ГПО, 1926 г., стр. 208, ц. 1 р. 60 к.

24. Сборник материалов по профтехническому образованию. М., Изд. ЦК союза горнорабочих СССР, 1926 г., стр. 320.

25. Вихирев, Н., „Среднее профессиональное образование к десятилетию Октября", М., 1927 г., стр. 59, ц. 35 (Основные итоги НКП РСФСР).

26. Каплун М., Социалистическая рационализация и рабочее образование. С предисл. Н. Крупской. М. 1928, „Мол. Гв.", стр. 114, ц. 50 к.

Массовая школа

27. „Труды совещания промышленных губерний РСФСР по вопросам всеобщего обучения". М. 1926 г., НКП, Главсоцвос.

28. „Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в РСФСР", под ред. Ф. Моночиненкова, в.в. 1, 2, 3, М. НКП, Главсоцвос, 1925/26 г.

29. „Вопросы всеобщего обучения", под ред. М. Эпштейна, Чудинова. Первый (3-й), второй (4-й) и третий (5-й) выпуски. М. НКП. Главсоцвос 1926 г.

Б. Литература на иностранных языках

Советская система просвещения

1. Astermann Mich., Erziehungs und Bildungswesen in der U. S. R. R. mit einem Vorwort von G. Hrinko.

Общая характристика просвещения в основных государствах Запада

2. Edukation Jear-qook of the internat. institute of Teachers College, Columbia uniwersity. Edited by I. L. Kandel, 1924 г. То же 1925 г. (Сборник статей-очерков, характеризующих в основных статистических показателях состояние просветительных мероприятий, отдельные статьи посвящены С.-А.С.Ш., Франции, Германии, Англии).

3. Statistics of Public Education in England and Walles for the year, 1922/23 г.

4. Statistics of universities, colleges and professional schools for the year 1923/24 (U. of. St. N. Am.).

5. Statistique intellectuelle de la France par T. Beresowski-Schestow, année 1923/24.

6. Anderson, L. History of manual and industrial school education New-Jork.— Lond. Applaton, 1926, p. 251.

7. Birchenoyge, Ch., History of elementary education in England and Walles from 1800 to the present day Ed. Lond. Clive, 1925, p. 514.

8. Horn, J. L., The American public school, New-York. Lond. Century C°, 1926, p. XIX, 404.

9. Archer, R. Secondary Education in the nineteenth century. Cambridge University Press, 1921, p. 363.

10. Morrison, H. The practica of teaching in the secondary school, Chicago University Press 1927, p. VIII, 661.

11. Weill, G. Histoire d'enseignement secondaire en France (1802—1920).

12. Ziegler, Th., Geschichte der Pädagogik mit besonderer Rücksicht auf das höhere Unterrichtswesen. Aufl 5. Münch. Beck, 1923, p. VIII, 445.

13. Журнал „Revue international de travail". Окт. 1924 г., стр. 727 (освещение опыта руководства хозорганом подготовки фабр. ученичества).

14. Журнал „Maschienenbau", 1923, № 17. Ст. проф. Тоуссэна о методе определения убыли рабочей силы.

15. Журнал „Technik und Wirtschaft", 1918 г., № 9, ст. проф. Липпарта о состоянии дела подготовки квалифиц. рабочей силы в Германии.

15. Hambly, W. D. Origins of education among primitive peoples — With ill L. Macmillan, 1926, p. XX, 432.

16. Begabungsprüfung für d. Übergang von der Grundschule zu weiter führeden Schulen, 1926. Aufl. Bobertag und E. Hylla.

17. „Das deutche Schulwesen", Jahrb. 1925, Berb., 1926, ст. ст. „Bildungsziel und Bildungsziele"; „Vom französichem Unterrichtswesen" и др.

18. Ст. „Aufgaben der Erziehung und sinnfolle Sparpolitik im höheren Schulwesen" — в сборнике Luther-Mitzlaff-Stein. „Die Zukumftsaufgaben der deutschen Städte", 1926.

19. Zeitschrift für Betriebs und Fachschulwesen. Hefte 1—12, 1927, Langensalza.

20. Morenstecher H., „Die Praxis des Unterrichts in Lerufs, Lebens und Bürgerkunde. V. J. Boeltz, 1927 г., ч. I и II,

Движение контингентов

Приложение 1

Типы школ	Абс. (в тысячах)					В %% к предшеств. году				Прирост за 5 лет
	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. По воспроизводству рабочей силы низшей квалификации										
1) Школа всеобщего обуч. (1—4 г. обуч.)	9.976	10.564	11.164	11.706	12.389	105,9	105,7	104,9	105,8	24,2
2) Школа ликвид. безгр. и малограмотн.	1.799	1.919	2.113	2.307	2.518	106,7	110,1	109,2	109,1	40,0
3) Школа политграм. и самообраз.	215	235	259	285	311	109,3	110,2	110,0	109,1	44,7
4) Курсы	168	204	238	276	314	121,4	116,7	116,0	113,8	86,9
Итого	12.158	12.922	13.774	14.574	15.532	106,3	106,6	105,8	106,6	27,8
II. По воспроизводству рабсилы средней квалификации										
1) Сред. общеобр. шк. (5—7 год обуч.)	1.032	1.147	1.274	1.426	1.557	111,1	111,1	111,9	109,2	50,9
2) Школа повыш. типа (8—9 год обуч.)	212	219	227	235	243	103,3	103,7	103,5	103,4	14,6
3) Рабочие факультеты	42	42	43	44	44	100,0	102,4	102,3	100,0	4,8
4) Профшкола понижен. типа	63	67	70	74	77	106,3	104,5	105,7	104,1	22,2
5) Школа фабзавуча	86	89	91	97	103	103,5	102,2	106,6	106,2	20,0
6) Учебно-ремесл. мастерские	19	25	32	41	53	131,7	128,0	128,1	129,3	178,9
7) Школа крестьян. молодежи	19	24	30	36	45	126,3	125,0	120,0	125,0	136,8
8) Совпартшкола I и II ступ.	25	26	27	28	29	104,0	103,8	103,7	103,6	16,0
9) Профессиональные курсы	116	124	142	157	172	106,8	114,5	110,6	109,6	48,3
Итого	1.614	1.762	1.936	2.138	2.323	109,2	109,9	110,4	108,7	43,9
III. По воспроизводству рабочей силы выше средней квалификации										
1) Профшкола повыш. типа	48	54	57	58	60	112,5	105,6	101,8	103,4	25,0
2) Техникум	150	160	169	181	191	106,7	105,6	107,1	105,5	27,3
3) В том числе техник. повыш. типа [1]	27	28	29	29	30	105,7	103,6	100,0	103,4	11,1
Итого	198	214	226	239	251	108,1	105,6	105,8	105,0	26,8
IV. По воспроизводству рабочей силы высшей квалификации										
Высшие учебные заведения	3,0	153,0	153,3	153,7	154,2	100,0	100,2	100,3	100,3	0,8
Всего	14123,0	15051,0	16089,3	17104,7	18260,2	106,6	106,9	106,3	106,8	29,3

[1] На Украине.

Приложение II

Движение продукции

Типы школ \ Годы	Абс. (в тысячах)						В% к предыд. году				Прирост за 5 лет
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За 5 лет	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. По воспроизв. рабоч. силы низшей квалифик.											
1) Школа всеобщего обуч. (1—4 год обуч.).	1.288,8	1.437,3	1.629,4	1.701,2	1.798,0	7.854,7	111,5	113,4	104,4	105,7	39,5
2) Школа ликвидации безграм. и малогр.	899,7	959,5	1.056,5	1.155,5	1.258,9	5.330,1	106,6	110,2	109,4	108,9	39,9
3) Школа политгр. и самообразования	64,3	70,5	77,7	85,6	93,4	391,5	109,6	110,2	110,1	109,1	45,3
4) Курсы	41,5	56,2	65,8	81,4	92,9	337,8	135,1	117,1	123,7	114,1	123,9
Итого	2.294,3	2.523,5	2.829,4	3.023,7	3.243,2	13.914,1	110,0	112,1	106,9	107,3	41,4
II. По воспроизв. рабоч. силы средн. квалифик.											
1) Средняя общеобр. школа (5—7 год обучения)	223,0	262,7	288,0	341,2	379,6	1.494,5	117,8	109,6	118,5	111,3	70,2
2) Школа повыш. типа (8—9 год обучен.)	81,7	85,1	91,4	96,2	103,2	457,6	104,2	107,4	105,3	107,3	26,3
3) Рабочие факульт.	8,4	8,3	8,3	8,4	8,3	41,7	98,8	100,0	101,2	98,8	—1,2
4) Профшкола пониж. типа	17,6	19,2	20,2	21,1	22,1	100,2	109,1	105,2	104,5	104,7	25,6
5) Школа ФЗУ	20,5	21,2	21,9	22,9	24,0	110,5	103,4	103,3	104,6	104,8	17,1
6) Учебно-ремесл. мастерская	5,0	6,5	8,4	10,8	14,3	45,0	130,0	129,2	128,6	132,4	186,0
7) Школа крест. молод.	3,8	4,7	6,0	7,6	9,8	31,9	123,7	127,7	126,7	128,9	157,9
8) Совпартшкола I и II ступ.	8,8	9,4	9,7	10,1	10,1	48,1	106,8	103,2	104,1	100,0	14,8
9) Профкурсы	87,0	94,5	106,1	117,8	129,0	534,4	108,6	112,3	111,0	109,5	48,3
Итого	455,8	511,6	560,0	636,1	700,4	2.863,9	112,2	109,5	113,6	110,1	53,7
III. По воспроизв. рабоч. силы выше средн. квалификации											
1) Профшк. повышен. типа	7,6	12,2	12,3	11,6	11,1	54,8	160,5	100,8	94,3	95,7	46,1
2) Техникум	32,6	33,6	36,5	38,9	40,0	181,6	103,1	108,6	106,6	102,8	22,7
3) В том числе техн. повыш. типа[1]	4,3	4,7	5,3	5,4	5,6	25,3	109,3	112,8	101,9	103,7	30,2
Итого	40,2	45,8	48,8	50,5	51,5	236,4	113,9	106,6	103,5	101,2	27,1
IV. По воспроизв. рабоч. силы высшей квалифик.											
Высшие учебные заведения	21,61	22,44	23,07	22,41	23,35	112,9	103,8	102,8	97,1	104,2	8,1
Всего	2.811,9	3.103,3	3.461,6	3.732,7	4.018,1	17.127,3	110,4	111,5	107,8	107,6	42,9

[1] На Украине.

Приложение III

Бюджет социально-культурного строительства
(Сводный)

Расходы и источники покрытия	Абсолютно			Рост бюджета (отношение 1931/32 г. к 1927/28 г.)	Удельн. вес в бюдж. за 5 лет	
	1927/28 г.	1931/32 г.	За 5 лет		Общ. по соц.-культ. строит.	По каждому разделу
I. Народное просвещение						
а) по респ. бюджету	203,8	301,2	1.272,8	147,8	—	21,2
б) „ местн. „	526,2	789,3	3.248,1	150,0	—	54,1
в) „ Цутранпросу	46,4	66,5	282,1	143,3	—	4,7
г) „ ассигн. ведомств и хозорганов	51,2	79,7	324,9	155,7	—	5,4
д) „ расх. профсоюзов	67,8	95,8	410,1	141,3	—	6,8
е) „ проч. внебюдж. источн.	76,7	112,8	470,0	147,1	—	7,8
В общей сумме расходов на просвещение, фонд зарплаты:	427,0	661,0	2.704,0	159,8	—	—
В том числе:						
Отчисления по соцстраху	46,9	72,7	297,4	155,0	—	—
Строительство	75,0	131,0	495,0	173,3	—	—
Итого	972,1	1.445,3	6.008,0	148,7	61,3	100,0
II. Здравоохранение						
а) по респ. бюдж.	58,8	85,2	357,9	144,9	—	10,5
б) „ местн. бюдж.	268,7	431,2	1.739,4	160,5	—	51,2
в) фонд медпомощи	233,1	287,3	1.299,7	123,3	—	38,3
В общей сумме расходов на здравоохранение, фонд зарплаты	233,7	328,7	1.403,0	140,7	—	41,3
В том числе:						
Отчисления по соцстраху	25,7	36,1	154,3	140,4	—	—
Строительство	70,7	95,6	424,0	135,2	—	—
Итого	560,6	803,7	3.397,0	143,4	34,6	100,0
III. Социальное обеспечение						
В том числе:						
а) по респ. бюдж.	12,9	33,7	116,3	261,2	—	29,0
б) „ местн. бюдж.	44,5	71,5	285,0	160,7	—	71,0
Итого	57,4	105,2	401,3	183,3	4,1	100,0
Итого по народному просвещению, здравоохранению и собесу	1.590,1	2.354,2	9.806,3	148,1	100	—
а) по респ. бюджету	275,5	420,1	1.747,0	152,5	17,8	—
б) по местн. бюдж.	839,4	1.291,2	5.172,5	153,8	53,7	—
в) „ проч. источникам	475,2	642,1	2.786,8	135,1	28,5	—
В общей сумме расходов, фонд зарплаты	660,7	989,7	4.107,0	149,8	60,3	—
В том числе:						
Отчисления по соцстраху	72,6	108,8	451,7	—	—	—
IV. Социальное страхование						
Отчисления по фондам зарплаты работников просвещ. и здравоохран.	72,6	108,8	451,7	149,8	—	—
Фонд медпомощи	233,1	287,3	1299,7	—	—	—
Итого	674,8	958,3	4075,8	142,0	16,6	—
Всего по социально-культурному строительству	2.013,1	2.961,0	12.378,0	147,0	—	—

Приложение IV

Расходы на народное просвещение по основным статьям и источникам
(В миллионах рублей)

Статьи расхода	1927/28	1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.		1931/32 г.		За 5 лет	
	Абс.	Абс.	В %% к пред. г.	Абс.	В %% к пред. г.	Абс.	В %% к пред. г.	Абс.	В %% к пред. г.	Абс.	Возр. за 5 л. 1927/28 и 1931/32 г.
I. Социальное воспитание	486,6	522,9	107,5	576,9	110,3	635,1	110,1	696,3	109,6	2917,8	143,1
Из них:											
1) Бюджетн. ассигнов.	411,7	441,4	107,2	487,4	110,4	536,8	110,1	589,2	109,8	2466,5	—
2) По Цутранпросу	32,0	35,6	111,3	38,8	109,0	42,3	109,0	45,9	108,5	194,6	—
3) Внебюджетные	42,9	45,9	107,0	50,7	110,5	56,0	110,5	61,2	109,3	256,7	—
В том числе:											
а) Фонды помощи безпризорн.	8,2	8,8	107,3	9,7	110,2	10,8	111,3	11,7	108,3	49,2	—
б) Строит. фонды населения	18,5	19,8	107,0	21,9	110,6	24,1	110,0	26,4	109,5	110,7	—
в) Средства общест. инициативы	16,2	17,3	106,8	19,1	110,4	21,1	110,5	23,1	109,5	96,8	—
II. Професс. образование	240,2	270,6	112,7	300,9	111,2	344,8	114,6	371,0	107,6	1527,5	154,5
Из них:											
1) Бюджетн. ассигнов.	174,6	199,2	114,1	223,1	112,0	258,6	115,9	278,4	107,7	1133,9	—
2) По Цутранпросу	12,8	14 2	110,9	15,5	109,2	16,9	109,0	18,3	108,3	77,7	—
3) Ассигнов. хозорган.	29,3	30,6	104,4	32,6	106,5	35,1	107,7	37,7	107,4	165,3	—
4) Расходы профсоюз.	4,1	4 5	109,8	4,9	108,8	5,4	110,2	5,7	105,6	24,6	—
5) Спецсредства	19,4	22,1	113,9	24,8	112.2	28,8	111,1	30,9	107,3	126,0	—
III. Политич. просвещение	144,8	160,8	119,3	178,2	110,8	196,6	110,3	216,0	109,9	896,4	149,2
Из них:											
1) Бюджетн. ассигнов.	79,5	88,5	119,3	98,9	111,8	110,6	111,8	123,6	111,8	501,1	—
2) По Цутранпросу	1,6	1,8	112,5	2,0	111,1	2,1	105,0	2,3	109,5	9,8	—
3) Расходы профсоюз.	63,7	70,5	110,6	77,3	109,6	83,9	108,5	90,1	107,4	375,5	—
IV. Научн. учреждения	56,2	66,9	119,0	76,7	114,6	91,4	119,3	100,9	110,4	392,1	179,5
Из них:											
1) Бюджетн. ассигнов.	19,9	24,4	122,6	28,3	116,0	34,4	121,6	38,2	111,0	145,2	—
2) По всесоюзн. бюдж.	14,4	15,7	109,1	17,3	110,1	19,2	110,7	20,7	107,8	87,3	—
3) Расходы хозорганов и пр. центр. орган.	21,9	26,8	122,4	31,1	116,0	37,8	121,5	42,0	111,1	159,6	—
V. Прочие расходы (на раб. среди нацмен., админ. и пр.).	54,3	54,2	100,9	56,3	102,7	57,7	102,5	61,1	105,9	284,2	112,5
Итого	972,1	1076,0	110,7	1189,0	110,5	1325,6	111,5	1445,3	109,0	6008,0	148,7
Из них:											
1) По бюдж. источник.	800,8	875,6	109,3	967,6	110,5	1078,6	111,5	1177,7	109,1	4890,3	148,9
В том числе:											
а) Всесоюзн. бюджет	14,4	15,7	109,0	17,3	110,2	19,2	111,0	20,7	107,8	87,3	143,8
б) Государств. бюджет	203,8	233,4	114,5	254,1	108,9	280,3	110,3	301,2	107,5	1272,8	147,8
в) Местный бюджет	526,2	574,9	109,3	639,9	111,3	717,8	112,2	789,3	110,0	3248,1	150,0
г) Цутран просу	46,4	51,6	111,2	56,3	109,1	61,3	108,9	66,5	106,9	282,1	143,3
2) Средства профсоюз.	67,8	75,0	110,6	82,2	108,6	89,3	108,6	95,8	107,3	410,1	141,3
3) Ассигн. хозорган.	51,2	57,4	112,1	63,7	111,0	72,9	114,4	79,7	109,3	324,9	155,7
4) Спецсредства	19,4	22,1	113,9	24,8	112,2	28,8	116,1	30,9	107,3	126,0	159,3
5) Средства обществ. инициат. (проч. внебюджетн.)	42,9	45,9	107,0	50,7	110,5	56,0	110,5	61,2	109,3	256,7	142,7
В общей сумме расходов по бюджету и Цутранпросу:											
1) Фонд зарпл. абсол.	427,0	479,0	112,2	538,0	112,3	599,0	111,3	661,0	110,4	2704,0	154,8
в %% к общ. сумме	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	188,3
2) Строител.— абсол.	75,0	80,0	106,7	96,0	120,0	113,0	117,7	131,0	115,9	495,0	174,6

Е. М. Тарасов

Перспективы бюджета социального страхования в 1926/27—1931/32 гг.

Перспективы доходной части бюджета социального страхования определяются в основном динамикой трех показателей: численности застрахованных, их заработной платы и среднего страхового тарифа.

Первые два показателя связаны с общей численностью лиц наемного труда и их средней заработной платой и потому в бюджете социального страхования являются почти непосредственно заданными величинами. Что касается высоты страхового тарифа, то здесь мы располагаем относительно большей свободой проектирования в связи с широтой тех задач, которые поставим перед расходной частью и которые для своего выполнения будут требовать тех или иных ресурсов.

В 1926/27 г. при общей численности лиц наемного труда, равной 10.562 тыс. чел., численность застрахованных выражается в цифре 8.900 тыс. чел., или 84,4% от первой величины.[1] Расширение круга страхуемых в дальнейшем возможно лишь среди некоторых категорий наемного труда (кустарная промышленность, прислуга и лишь в малой мере сельское хозяйство), при чем как раз здесь увеличение охвата наталкивается на максимальные трудности в организационном отношении. Мы допускаем, что весь круг страхуемых возрастает почти тем же темпом (лишь с незначительным опережением), как и весь круг лиц наемного труда.

	1926/27	1931/32	1931/32 в %% к 1926/27
Численность лиц наемного труда (в тыс.)	10.562	13.212	125,1
Численность застрахованных (в тыс.)	8.900	11.245	126,5
То же в %% к общей численности.	84,4	5,0	—

Заработная плата по округу застрахованных в среднем выше, чем по всему кругу лиц наемного труда, что зависит от незначительности охвата социальным страхованием сельскохозяйственных

[1] Здесь, как и в дальнейшем, говоря о 1926/27 и 1927/28 гг., мы оперируем бюджетными предположениями Цустраха. Имеющиеся неполные отчетные данные вносят в них для 1926/27 г. некоторые изменения, полностью учесть которые, однако, не представляется возможным.

рабочих, т.-е. контингента с наиболее низкой заработной платой. Опираясь на данные соцстраха по 1926/27 г., мы дальше следуем динамике зарплаты, намеченной перспективным планом.

Страховой тариф на протяжении трех последних лет в среднем непрерывно снижался и достиг в 1926/27 г. 13,1% от зарплаты, в то время как в 1924/25 г. он равнялся 14,44%, а в 1925/26 г.— 13,4%. Это снижение зависело как от изменения удельного веса групп с различной высотой тарифа, так и от введения за это время частичных льгот по отдельным учреждениям и предприятиям. Как было указано выше, в оценке перспектив высоты страхового тарифа мы относительно свободнее, чем в области круга страхуемых и их заработной платы. Здесь возможны два решения. Учитывая то обстоятельство, что ныне действующие тарифы являются компромиссом между стройно задуманным планом и экономическими возможностями отдельных отраслей народного хозяйства, следовало бы перестроить эти тарифы, с учетом вредности и опасности отдельных отраслей, подлинно в систему тарифов, обеспечив их высотой надежное удовлетворение возрастающих потребностей трудящихся. В данном варианте это решение недосягаемо, так как работа над ним потребовала бы значительного количества времени и преодоления исторически сложившихся и весьма мощных традиций. Такую работу, однако, необходимо выдвинуть на очередь и завершить к следующему варианту перспективного плана. Второе решение, которое мы и принимаем, предполагает на основе существующих тарифов учет только тех новелл в этой области, которые в ближайшее время войдут в жизнь в качестве закона. Такой новеллой является только-что принятый ПК СНК законопроект о введении 7% страхового тарифа для всех строительных рабочих. Подсчет показывает, что в настоящее время средний тариф для строительных рабочих равен 12,67%. Ясно, что введение 7% тарифа для названной группы, удельный весь которой среди прочих групп наемного труда возрастет на протяжении пятилетнего плана, не только резко снижает средний тариф для 1927/28 г., но и ведет к дальнейшему его понижению. Так, в 1927/28 г. средний тариф снижается до 12,7% против 13,1% в 1926/27 г., в 1931/32 г. он достигает 12,5% от зарплаты.

Запроектировав таким образом динамику основных показателей, мы можем подсчитать основную массу приходной части бюджета, а именно взносы страхователей. Поступление этих взносов в кассу Цустраха, как правило, до сих пор не достигало 100% причитавшихся платежей, что влекло за собой накопление задолженности, в ряде случаев безнадежной. Однако, последний год дает значительное улучшение в этом отношении, и мы, следуя контрольным цифрам бюджета социального страхования на 1927/28 г., принимаем в перспективе стопроцентное поступление взносов. На том же основании общий размер пени и штрафов, принятый для 1927/28 г. в 1% от суммы взносов, мы к концу пятилетия снижаем до 0,5%. При этих условиях

погашение ликвидной задолженности должно итти убывающими дозами. Последним источником дохода для бюджета соцстраха являются проценты на капитал. Для бесперебойной работы органов социального страхования является, повидимому, необходимым располагать средствами в размере месячного расхода. Эти средства, хранящиеся в кассах Госбанка, приносят 7% годовых.

Таким образом, приходная часть бюджета социального страхования выразится в следующих цифрах (табл. 1):

Таблица 1

Приходная часть бюджета социального страхования на 1926/27 — 1931/32 г.

(В млн. руб.)

Статьи прихода	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Взносы страхователей.	851,5	910,8	1.004,7	1.102,4	1.209	1.305,1	5.532,1
Пеня и тарифы . . .	8,5	9,1	8,7	8,3	7,4	6,5	40,0
%% на капитал . . .	3,6	3,9	5,7	6,3	6,9	7,5	30,3
Ликвидац. задолженн.	(8,5)	9,0	8,0	7,0	6,0	5,0	35,0
Итого	872,1	932,8	1.027,0	1.124,0	1.229,4	1.324,1	5.637,3
То же в %% .	100,0	107,0	117,5	129,0	14,0	152,0	—

Расходные статьи бюджета социального страхования в основном определяются заранее данными показателями,—прежде всего высотой заработной платы, функцией которой является ряд страховых норм, коэфициентами рождаемости и смертности (в дополнительных видах обеспечения), инвалидизацией застрахованной массы и т. п. В меньшей мере высота расходных статей зависит от целевых установок, как, например, от охвата пособиями безработной массы, размер которого мы задаем себе сами, или от высоты норм обеспечения по тем или иным видам последнего.

Для определения расходов на пособия по временной нетрудоспособности, выдаваемые за дни болезни в размере, близком к 100% заработной платы, пользуются обычно коэфициентом, устанавливающим число оплаченных дней болезни на 100 застрахованных. На 1927/28 г. это число принимается равным 960. В связи с введением семичасового рабочего дня, общим оздоровлением условий работы и некоторым омоложением массы трудящихся, связанным с усиленным переходом на пенсию старших их возрастов,—мы допускаем, что число дней болезни понизится к концу пятилетия до 900 при одновременном росте размера среднего пособия, параллельном росту средней зарплаты.

Что касается дополнительных видов обеспечения, то здесь нами принято во внимание понижение рождаемости в темпе, запроектированном Госпланом РСФСР в его перспективном плане социального страхования, а также понижение смертности. Размер пособий оставлен один и тот же на все пятилетие.

Возвращаясь к группе строительных рабочих, для которых устанавливается семипроцентный тариф взносов, отметим, что закон

не предусматривает пока соответствующего понижения норм обеспечения этой группы или исключения для нее некоторых форм помощи, предоставляя разработать этот вопрос Союзному совету социального страхования. Возможный благодаря этому размер снижения расходной части бюджета пока не может быть учтен, и расходная часть тем самым заключает в себе некоторые резервы.

Общий расход на пособия по временной нетрудоспособности с 295,2 м. р. в 1926/27 г. возрастает до 400,3 м. р. в 1931/32 г.,или на 35,6%.

Интенсивный рост инвалидной массы и числа семей, потерявших кормильцев, наблюдающийся в ряде отчетных лет, не показывает тенденций к ослаблению. Стабильность коэфициента инвалидности достигается обычно после многих лет существования страхасс (по данным германской практики на 18 году), и самая высота коэфициента у нас достаточно низка: 41,5 инвалидов на 1000 застрахованных против значительно более высоких цифр германской практики. Поэтому в основу расчетов нами положено допущение, что охват инвалидной массы будет расширяться и к концу пятилетия будет обеспечиваться помощью около 59 инвалидов от общих причин на 1000 застрахованных. В соответствующих темпах запроектирован рост числа семей, потерявших кормильцев, инвалидов от профувечий и их семей. Нормы пособий оставлены в том же процентном отношении к средней заработной плате, какое имело место в 1926/27 г. Не останавливаясь здесь на более мелких статьях пособий по инвалидности, укажем, что общий размер пособий по этой статье в целом достигал в 1926/27 г. 158,7 млн. руб. и запроектирован для 1931/32 г. в сумме 342,9 млн. руб., что дает рост на 116%.

В 1927/28 г. круг безработных, получающих пособие, значительно расширяется по сравнению с предыдущим годом: 725 тыс. в среднем за год против 400 тыс. в 1926/27 г., но составляет все еще только 59% всего числа безработных, имеющих право на пособие. Учитывая запроектированное в перспективе снижение числа безработных, но в то же время повышая охват пособиями до 90% всех безработных, имеющих право на пособие, мы можем принять, что в 1931/32 г. вся помощь безработным потребует 143,5 млн. руб. против 66,6 млн. руб. в 1926/27 г., или на 114% больше.

Из остальных расходов собственно социального страхования наиболее крупными являются расходы на дома отдыха и санатории и орграсходы. Первые возрастают соответственно росту всего бюджета (несколько опережая его); при исчислении орграсходов учтено повышение зарплаты работников соцстраха в темпе, данном перспективным планом, и увеличение контингента застрахованных, при стабильности административно-хозяйственных расходов.

Накопление резерва может быть принято в сумме 6 млн. руб. ежегодно, так как эти суммы позволяют держать оборотные средства Цустраха на уровне месячного расхода.

Расходная часть бюджета представится в следующем виде:

Таблица 2

Расходная часть бюджета социального страхования в 1926/27—1931/32 гг.
(В млн. руб.)

Статьи расхода	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет	1931/32 в % к 1926/27
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Пособия по временной нетрудоспособности (с дополнит. видами)	295,2	307,2	329,9	353,6	378,7	400,3	1.769,7	135,6
2. Обеспечен. по инвалидности	158,7	182,8	221,5	259,4	300,6	342,9	1.307,2	216,6
3. Пособия по безработице и трудовая помощь	66,9	126,1	131,9	135,3	139,8	143,5	676,6	214,0
4. Дома отдыха и санатории	30,0	33,0	36,4	39,9	43,8	47,3	200,4	157,0
5. Орграсходы	26,2	23,5	25,0	26,3	27,3	29,0	131,1	110,0
6. Прочие расходы	3,9	5,2	5,9	6,5	7,2	7,6	32,4	195,0
7. Резерв	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	30,0	100,0
Итого 1—7	586,9	683,8	756,6	827,0	903,4	976,6	4.147,4	166,4
8. Отчисления в фонд раб. жилстроительства	37[1]	35,9	39,7	43,7	48,1	52,1	219,5	140,5
9. Отчисления в фонд медпомощи	228,1	233,1	245,9	259,8	273,6	287,3	1.299,7	126,0
То же в % к итогу	26,8	24,5	23,6	23,0	22,3	21,8	22,9	—
Всего 1—9	852,0	952,8	1.042,2	1.130,5	1.225,1	1.316,0	5.666,6	154,5

Сопоставление сумм доходов и расходов социального страхования намечает пределы возможного дефицита — около 30 млн. руб., или 0,5% всего бюджета. Эта величина, конечно, лежит в пределах точности настоящей проектировки; с другой стороны, как мы указывали выше, в расходной части имеется некоторый запас (возможность понижения норм обеспечения для строителей). В силу этих соображений можно отказаться от имеющей академическую ценность попытки свести бюджет социального страхования без дефицита, тем более, что весь приводимый нами расчет имеет целью лишь наметить основные масштабы и дать представление о возможном бюджете соцстраха, построенном на основе ряда заданных извне показателей и ряда условных допущений. В заключение приведем динамику структуры бюджета:

Таблица 3

Структура бюджета социального страхования в 1926/27 — 1931/32 гг.

Статьи расхода	1926/27	1931/32
Пособия по времени. нетрудоспособн.	50,3	41,0
Обеспечен. по инвалидности	27,0	35,1
Пособия по безработице	11,4	14,7
Дома отдыха и санатории	5,1	4,8
Орграсходы	4,5	3,0
Прочие ресходы	0,7	0,8
Резерв	1,0	0,6
Итого	100,0	100,0

[1] В том числе около 8 млн. руб. в счет предыдущего года.

Таблица 4

Основные показатели социального страхования в 1924/25 — 1931/32 гг.

Показатели	Единицы	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число застрахов. в средн. за год	тыс.	6.721	8.171	8.900	9.250	9.726	10.253	10.777	11.245
Заработная плата застрах. средн. годовая	руб.	515	652	730	776	816	853	892	926
Средний страховой тариф	% к зарпл.	14,43	13,4	13,1	12,7	12,7	12,6	12,6	12,5
Число дней, оплач. по врем. нетрудоспособн.	на 100 застр.	986	1.080	960	960	945	930	915	900
Число выдач на предм. ухода за новорож.	на 1000 застр.	128,1	126,8	(120)	113	111	108	106	104
Число месяцев кормления	„	907	943	(933)	924	913	902	891	881
Число выдач на погребение	„	49,2	48,6	47,5	41,6	41,2	40,7	40,3	39,8
Средн. размер пособия на предм. ухода	руб.	16,46	22,81	22,8	22,79	т о т	ж е		22,79
Средн. размер пособия на кормлен. в месяц	„	4,17	5,72	5,73	5,74	„	„		5,74
Средний разм. пособия на погребен.	„	18,85	29,97	17,81	17,81	„	„		17,81
Число инвалидов от общ. прич.	тыс.	225,3	294,0	366,7	427,5	485,5	543,5	601,5	659
Число семей, потеряв. кормильца	„	185,9	226,5	273,8	312,6	352,3	392,0	431,7	471
Нормы пособ. инвал. от общ. прич. в месяц	руб.	—	16,39	19,63	20,25	21,30	22,25	23,27	24,1
Нормы пособ. семьям, потеряв. кормильцев.	„	—	—	(15,40)	15,73	16,55	17,29	18,07	18,7
Средн. годовое число безработных на пособии	тыс.	299	345	400	725	725	715	710	705
Норма пособий в месяц.	руб.	7,71	11,54	14,68	15,15	15,94	16,65	17,41	18,07

Н. Н. Виноградский

Буржуазные гипотезы развития нашей внешней торговли и советская действительность[1]

Пути и темп восстановления и развития народного хозяйства Советского Союза не раз обсуждались в буржуазной экономической литературе. На ряду с злопыхательскими предсказаниями о грядущем нашем экономическом крушении, с более или менее точным указанием сроков крушения, мы нередко встречаемся с попытками серьезного анализа нашего хозяйственного восстановления.

Восстановительный процесс советского хозяйства представляет собой своего рода экономический феномен, содержание и внутренние пружины коего до конца не изучены и нами. Он ждет еще углубленного исследования. В совершенно исключительных и своеобразных условиях происходило восстановление нашей внешней торговли; в взаимозависимостях внешней торговли и прочих хозяйственных процессов произошли резкие сдвиги. Буржуазная экономическая мысль их не постигает, так же как фантастическими ей казались и кажутся наши планы восстановления и реконструкции народного хозяйства. К проблеме восстановления нашей внешней торговли подходили и буржуазные экономисты — конечно, под углом зрения определения нашего расчетного баланса, в качестве источника оплаты старых займов и мерила будущей нашей кредитоспособности. К числу вполне добросовестных и наиболее полных исследований в этой области мы относим труды проф. Гриневецкого и Пазвольского и Моултона.[1] Добросовестность упомянутых авторов не подлежит сомнению: Гриневецкий, большой знаток довоенной русской промышленности, безусловно искренне нащупывал пути ее восстановления — он их видел только в значительных вложениях иностранного капитала и вследствие этого вынужден был задуматься над платежным балансом страны. Добросовестность Моултона подтверждается его выводами — он писал свою книгу в тот период времени, когда буржуазии нужно было доказать, что Советская Россия может, но не хочет платить старые долги; этого удовольствия он ей не доставил.

Труды проф. Гриневецкого и Пазвольского и Моултона, широко распространенные в кругах наших экономистов и хозяйственников, в свое время получили общую критическую оценку в нашей экономической печати. Мы возвращаемся к этим трудам под специфическим углом зрения — их гипотезы в области развития нашей внешней торговли. Нам кажется, что это представляет интерес именно в настоящее время, ибо вся гипотеза нашей внешней торговли и платежного баланса, разработанная Моултоном, относится к периоду „восстановления довоенного экономического равновесия", т.-е. к концу восстановительного процесса в нашем хозяйстве, каковой падает на 1926/27 г.: поскольку мы располагаем данными о нашей внешней торговле за прошлый год, представляется возможным сопоставить их с „контрольными цифрами" американца Моултона. Мы полагаем такое сопоставление полезным потому, что оно с особой наглядностью и отчетливостью вскрывает отличие путей развития нашего хозяйства от того, как это мыслилось и мыслится даже лучшими буржуазными экономическими силами. И если в рассматриваемом вопросе мы имеем дело с периодом, уже завершенным, итоги которого целиком опрокинули всевозможные буржуазные прогнозы, то анализ и сопоставление этих итогов не бесполезны при проектировке будущего; они в еще большей степени укрепляют нас в том, что социалистическое хозяйство предоставляет колоссальные возможности и преимущества в использовании внутренних ресурсов страны.

Придавая громадное значение развитию экспорта, считая, что экспортное хозяйство у нас отстало, что экспорт должен быть расширен для соответственного увеличения импорта оборудования и недостающего сырья, мы увидим, что соотношение импорта и внутреннего производства складывается в пропорциях, отличных от тех, которые мыслились буржуазными экономистами; мы восстановили и развиваем производство при меньшем импорте (и экспорте), чем это казалось им необходимым.

Расширению экспорта мы в минувшие годы посвятили не мало внимания; в перспективных ориентировках экспортная проблема стоит в числе важнейших хозяйственных задач, ибо от ее разрешения зависит и усиление импорта, целиком направленное к тому, чтобы обеспечить намеченные темпы развертывания внутреннего производства и по возможности их превзойти. Мы при этом ориентируемся исключительно на внутренние ресурсы; заграничные кредитные операции не выходят за пределы обычных, вошедших в наш внешнеторговый обиход размеров. Мы строим платежные балансы на основе покрытия этих кредитов, носящих по преимуществу переходящий характер. Частичную уплату по старым долгам мы ставим в прямую связь с получением долгосрочных займов, которые позволили бы превзойти наши отправные перспективы хозяйственного развития.

Гриневецкий и Моултон также придают исключительное значение развитию нашего экспорта, но рассматривают его под определенным углом зрения — изыскания средств для покрытия внешних

[1] Проф. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности". Изд. II, 1922 г.

Л. Пазвольский и Г. Моултон, „Русский государственный долг и восстановление России". Изд. „План. Хоз"., М., 1925 г.

обязательств при минимально необходимом с их точки зрения импорте.

При внешнем сходстве поставленных обоими авторами целей, они по внутреннему содержанию отличаются: Гриневецкий ставит центральную задачу исследования возможных путей развития послевоенной промышленности; он анализирует прочие отрасли хозяйства в свете их влияния на развитие промышленности; связь промышленности с другими отраслями хозяйства, в частности с сельским хозяйством и внешней торговлей разработана у него сравнительно поверхностно. Моултон преследует специфическую цель — выявить возможный платежный баланс „будущей России" с точки зрения кредитоспособности России в отношении оплаты обязательств как дореволюционной России, так и „новой России" по займу, который для Моултона — condicio sine qua non восстановления „довоенного экономического равновесия".

Методы разрешения поставленной задачи у обоих авторов различны; это прежде всего об'ясняется различными условиями, в которых они работали: Гриневецкий писал свой труд в 1918 г., когда все будущее России ему представлялось неясным и неопределенным; советская экономика еще не существовала и, следовательно, не могла служить об'ектом для изучения ее Гриневецким. Моултон датирует свою книгу 1 апреля 1924 г., т.-е. в то время, когда мы уже начали восстанавливать свое хозяйство; он имел об'ект для изучения, но не хотел им заняться; он прямо говорит, что не ставит задачу „изучения настоящего экономического положения России".

И Гриневецкий и Моултон, понятно, связывают свою гипотезу внешней торговли и платежного баланса не только с темпом восстановления всего хозяйства России, но и с политическими условиями, признаваемыми ими для этого необходимыми.

Оба сходятся на том, что восстановление России мыслится не иначе, чем при буржуазно-демократическом строе, капитулирующем перед западно-европейским и американским империализмом.

1) Гриневецкий говорит о „дальновидном" правительстве, которое сумело бы получить за границей большую часть из 15—20 мрд. рублей золотом, необходимых для восстановления сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Для него весь вопрос сводится к тому, в какую итти экономическую кабалу и, так сказать, к „коэфициенту кабальности". Он пуще всего боится Германии, при том Германии — победительницы. Он чувствует опасность наводнения русского рынка конкурентными товарами, в первую очередь немецкими, понимает какую опасность это представляет для возрождающейся отечественной промышленности, но не дает исхода, ибо монополию внешней торговли он, конечно, отвергает: он говорит о таможенном барьере, о торговых договорах, не понимая, что „его" Россия, политически сведенная на-нет и экономически закабаленная (15 мрд.), была бы

лишена права и возможности вести самостоятельную таможенную и внешне-торговую политику; он не в состоянии разрешить противоречий, вытекающих из его концепции.

2) Моултон говорит гораздо отчетливее: он отвергает восстановление помещичьего землевладения; он вводит в свою программу полное аннулирование внутренних долгов; он предполагает основной капитал промышленности почти разрушенным: это означает, что русская буржуазия в восстановлении моултоновской России почти целиком сбрасывается со счетов в качестве активной силы; на смену ей приходит „самое разумное капиталистическое правительство, которое только можно себе представить", т.-е. правительство иностранного капитала. Вся задача этого правительства сводится к тому, чтобы обеспечить уплату процентов и погашения по новому „восстановительному" займу, а затем и старых долгов.

В формулировке исходных положений Гриневецкого нет отчетливости: это об'ясняется тем, что автору многое из политического будущего России представляется загадочным, что он не представляет себе, когда и как окончится война; он не знает, какие территории войдут в будущую Россию. Его гипотеза „возрождения" хозяйства, построенная, таким образом, до известной степени вне времени и пространства, предусматривает условия, необходимые для этого возрождения (15—20 мрд. руб., из коих большая часть должна быть получена из-за границы). Как же мыслится Гриневецкому внутренний рынок для сбыта продукции возрожденной промышленности и как рисуются ему торговые связи России с внешним миром. Гриневецкий на это не отвечает в цифровых выражениях, он дает качественную характеристику, которая сводится к следующему:

1) Скорее всего восстановится крестьянский рынок; емкость городского рынка сократится, примерно, вдвое, также сильно будет сжат внутрипромышленный оборот.

2) В отношении продукции сельского хозяйства внутреннее потребление, благодаря сжатию городов и сокращению промышленности, должно также сжаться и не сможет поглощать всех продуктов сельского хозяйства, которые с полной выгодой пойдут на экспорт.

3) Сокращение внутреннего потребления создает прочную экспортную базу, обеспеченную внешним спросом и благоприятной кон'юнктурой цен на большинство экспортных товаров.

4) При этих условиях Гриневецкий рисует „достаточно положительные" перспективы русского экспорта; лишь на первые годы он предвидит значительное сокращение хлебного экспорта, которое потом может быть компенсировано за счет экстенсивного хозяйства Сибири, Степного края и Юго-Востока: экспорт сахара временно прекращается, на развитие вывоза имеют шансы лен, все масличные, все продукты животноводства, лес; о промышленном экспорте он ничего не говорит. Развитие экспорта он ставит в связь с ожив-

лением (читай—капиталовложением) окраин—Сибири (хлеб, продукты животноводства) и Севера (лес). Центр тяжести хлебного экспорта перемещается с Украины в Сибирь и Казакстан.

5) При положительных перспективах экспорта импортная ситуация представляется Гриневецкому более сложной и неясной. В его концепции вопрос сводится к борьбе Западной Европы за русский рынок и исход этой борьбы он ставит в прямую связь с исходом войны. Он боится порабощения и заполонения русского рынка немецкими товарами; германская опасность, воплощенная в Бресте — вот кошмар Гриневецкого. С этой опасностью он хочет бороться путем заключения торгового договора, впадая в грубейшее противоречие, ибо несколькими строками выше говорит о политическом бессилии России.

6) Сумма ежегодных платежей в валюте по обязательствам России исчисляется Гриневецким значительно выше одного миллиарда золотых рублей. Отсюда возникает исключительно трудная задача поддержания активного расчетного баланса на уровне, втрое более высоком, чем до войны (довоенное активное сальдо по торговой части составляло в среднем 300 мрд. руб. в год в последнее пятилетие). Не видя возможности значительно сжать ввоз (благодаря политической слабости), Гриневецкий останавливается на двух методах разрешения задачи: он мыслит или значительное превышение экспорта над импортом или покрытие платежного дефицита ввозом иностранных капиталов, вливаемых в промышленность временно впредь до надлежащего развития экспорта (т.-е. становится на путь, практиковавшийся до войны).

Гипотеза Моултона отличается значительной конкретизацией, обусловливаемой поставленной специальной целью его исследования. Основная концепция Моултона сводится к следующему: для того, чтобы Россия достигла довоенного уровня производства, необходимы вложения иностранных капиталов в размере 1,4 мрд. золотых рублей (при наибольшем благоприятствовании, т.-е. при самом разумном и способном капиталистическом правительстве из когда-либо существовавших). Мысль Моултона, далее, получает следующее развитие: а) 1,4 мрд. золотых рублей, данных иностранцами (из 8%), вложены; б) производство достигло довоенного уровня; в) необходимы ресурсы для оплаты процентов и погашения по этому (1,4 мрд. руб.) займу и по всем довоенным и военным обязательствам императорского и временного правительства и коммуналов, ибо восстановительный заем может быть предоставлен только при условии полного и безоговорочного признания этих обязательств и при отрицании права России на возмещение убытков, причиненных войной и интервенцией (позиция империалистических держав 1922 г. в Каннах, Генуе и Гааге).

И вот, анализируя наш довоенный экспорт по крупнейшим его статьям и делая чисто механические прикидки для будущей России, достигшей довоенного уровня хозяйственного развития, Моултон приходит к следующим основным цифрам:

1. Экспорт: а) Исходя из убыли населения и сокращения территории, сельскохозяйственное производство исчисляется в 95% от довоенного уровня. б) Размер внутреннего потребления остается без изменения. Моултон сам признает, что размеры русского довоенного экспорта были обусловлены недоеданием („недоедим, а вывезем“) и дает крестьянству (только крестьянству) небольшую прибавку пайка; в итогах эта прибавка компенсируется сокращением населения, в отношении отдельных с.-х. продуктов (напр., яйца), внутреннее потребление коих было совершенно ничтожно (и просто поражает американца), он делает большую прикидку на рост внутреннего потребления; но, например, вывоз сахара принимает в довоенных размерах. При всех этих условиях экспорт продуктов питания в общем достигает 75% уровня 1913 г. в) Промышленный экспорт, за исключением готовых изделий, а также экспорт сельскохозяйственного сырья, сокращается на 10%, а вывоз готовых изделий, главным образом, благодаря отпадению Польши (текстиль) сводится всего к 10% довоенного. г) При всех этих условиях весь экспорт составит 1.150 млн. руб. (довоенных) против 1.520 млн. руб. 1913 г. (75%). В современных ценах (мировых) это составит 1.725 млн. руб. Эти цифры Моултон считает максимальными при довоенном уровне хозяйства страны.

2. Импорт. Исходной цифрой импорта принимается 1913 год (1.374 млн. руб.); с отдельных статей импорта делаются механически скидки от 15% (преимущественно промышленные группы) до 50% (предметы питания — здесь Моултон допускает большое сокращение за счет предметов роскоши, в виду исчезновения „класса богатых землевладельцев“). В конечном счете импорт составит 1.033 млн. руб. против 1.374 в 1913 г. (75%); в переводе на современные цены это дает 1.550 млн. руб.

3. Расчетный баланс. Сопоставление цифр экспорта (1.725 млн. руб.) и импорта (1.550 млн. руб.) дает активное сальдо в 175 млн. руб., исключая отсюда так называемую оплату услуг (сальдо по невидимым статьям баланса, как-то: траты иностранцев, административные расходы за границей, денежные переводы и т. д.) в размере 70 млн. руб.; остается на покрытие обязательств 105 млн. руб., т.-е. только сумма, достаточная для оплаты процентов по займу восстановления (1,4 мрд. руб.). В отношении довоенных и военных обязательств Россия оказывается некредитоспособной; обязательства эти остаются в силе до лучших времен (длительный мораторий), держатели же восстановительного займа имеют перед ними безусловный приоритет. Для того, чтобы покрыть необходимый ввоз, а также платить проценты по всем довоенным и военным обязательствам и покрывать проценты по займу восстановления в 3 мрд. руб. (о котором шла речь на Генуэзской конференции), Моултон определяет потребность в вывозе 2.580 млн. руб. (по современным мировым ценам), но признает эту цифру фантастичной и невыполнимой; он твердо останавливается на 1.725 млн. руб.

Отсюда переходим к сопоставлению гипотезы Моултона с нашим экспортом 1926/27 г.

Экспорт в млн. руб. по современным мировым ценам[1].

	Гипотеза Моултона		1926/27 г.	
	В млн. руб.	В %% к итогу	В млн. руб.	В %% к итогу
Предметы питания	929,0	53,9	345	44,8
Животные	26,0	1,5	—	—
Лес	223,0	12,9	80,0	10,4
Сырье, материалы и полуфабрикаты с.-х. происхождения	328,0	19,0	160,0	20,8
Проч. сырье, мат. и полуфабрикаты	207,0	12,0	152	19,7
Изделия пром. в готовом виде	12,0	0,7	33,5	4,3
Итого	1725	100,0	770,5	1,000

Мы уже говорили, что Моултон строил свою гипотезу чисто механическим путем: он взял довоенные (1913 г.) цифры и снизил их в отношении продуктов питания на 25%, животных — на 50%, сырых материалов и полуфабрикатов сельскохозяйственного и промышленного происхождения — на 10% и готовых изделий — на 90%. Он не учел следующих факторов, являющихся следствием социально-экономических сдвигов, происшедших в итоге гражданской войны и революции: а) необходимого накопления в крестьянском хозяйстве страховых запасов, истощенных во время войны и неурожая 1921 г. (хлеб), б) громадного роста внутреннего потребления, как прямое следствие повышения доходов населения и повышения общего жизненного уровня страны, в) реконструктивных начал, сопровождавших восстановительный процесс в сельском хозяйстве (увеличение доли посевных площадей технических культур), г) быстрого восстановления темпа некоторых отраслей нашей промышленности, потребовавших на ряду с развитием кустарной промышленности усиленного снабжения сырьем (напр., лен), д) наконец, известное влияние на сжатие экспорта имело неравномерное восстановление урожайности отдельных культур, давшее самые низкие показатели как раз в отношении экспортных культур (лен).

Из всех указанных причин первая и вторая оказывают наибольшее влияние на сжатие нашего сел.-хоз. экспорта. Моултон согласился немного увеличить крестьянский паек; однако, рост крестьянского потребления в стране, освобожденной от капиталистических отношений, естественно пошел гораздо дальше этого соизволения; принцип „недоедим, а вывезем" в советском государстве не существует. Но на ряду с этим громадные сдвиги произошли в потреблении рабочего класса: годовое потребление муки рабочего в 1925/26 г. по сравнению с 1908—1911 гг. выросло на 24%, мяса и сала — на 57%, коровьего масла — на 42%, сахара и конфект — на 28%.[1] Железнодорожные перевозки

[1] Номенклатура статей экспорта дана по Моултону; в виду неполного совпадения современной номенклатуры с довоенной, которой пользовался Моултон, во второстепенных статьях могут встретиться некоторые несовпадения.

[1] По данным бюджетных обследований, опубликованных С. Г. Струмилиным.

яиц (за исключением перевозок для экспорта) в 1926/27 г. по сравнению с 1913 г. удвоились.

В итоге действительный экспорт 1926/27 г. значительно отстает от предположений Моултона, достигая лишь 44,7% его „контрольной цифры". Он ошибся не только в общих размерах экспорта, но и в его структуре; продукты питания, составляющие, согласно довоенной мерке, 54% экспортного плана Моултона, у нас достигают в 1926/27 г. лишь 45%. Зато сырые материалы, полуфабрикаты промышленного происхождения и готовые изделия в нашем экспорте 1926/27 г. равняются 34,4%, а у Моултона всего 25,6%. Экспорт продуктов питания достиг в 1926/27 г. лишь одной трети предположений Моултона, зато экспорт готовых изделий превысил их почти в три раза. Экспорт нефтепродуктов превысил предположения американца в 2,5 раза; ему не снилось, что наша нефтяная промышленность перешагнет довоенный уровень. Об этом говорит следующая таблица.

	Гипотеза Моултона	Экспорт 1926/27 г.	В %% к гипотезе Моултона
Зернов. хлеба (млн. пуд.)	490	137	28,0
Мясо (тыс. пуд.)	976	459	47,0
Масло (тыс. пуд.)	3747	1849	49,3
Яйца (вагонов)	18640	5865	31,5
Лен (тыс. пуд.)	14969	2647	17,7
Нефтепродукты (тыс. пуд.)	52033	127343	244,0

Аналогичное расхождение мы имеем и по импорту. Общий импорт Моултоном предусмотрен в сумме 1.033 довоенных рублей, а при переводе на современные мировые цены — 1.550 млн. руб. — это, по его мнению, является минимумом, необходимым для страны по достижении ею довоенного уровня производства. Сопоставление его цифр с нашим импортом 1926/27 г.[1] дает следующую таблицу:

	Гипотеза Моултона		Импорт 1926/27 г.	
	В млн. руб.	В %%	В млн. руб.	В %%
Предметы питания	192,0	12,4	65,0	9,1
Руды, металл, машины	423,0	27,3	265,0	37,2
Топливо	183,0	11,8	5,0	0,7
Строит. матер. и пр.	42,0	2,8	—	—
Текстиль	401,0	25,8	210,0	29,5
Изделия животн. происхожд. и химич.	183,0	11,8	110,0	15,4
Изделия деревооб. пром. мелочн. товар и проч.	126,0	8,1	58,0	8,1
	1550	100,0	713	100,0

Если фактический экспорт составил лишь 44,7% контрольных цифр Моултона, то импорт поднялся несколько выше — 46%; разница получилась за счет того, что мы процентов по „восстановительному" займу не платим. Но необходимо обратить внимание на

[1] Благодаря несовпадению импортных номенклатур и неполных данных за 1926/27 г. разверстка импорта 1926/27 г. по группам прикинута довольно грубо с возможными колебаниями до 5 млн. руб.

различие структуры импорта: а) Моултону и в голову не приходило, что мы можем освободиться от импорта громадных количеств английского угля, несмотря на потерю Домбровского бассейна (почти 12% его плана), б) мы относительно еще сократили ввоз предметов питания (Моултон скинул со счетов только богатый класс землевладельцев, но оставил в числе потребителей предметов роскоши крупную буржуазию, в) зато оборудование и промышленное сырье в нашем импорте занимают 82% вместо 67% плана Моултона.

Если вся гипотеза Моултона (необходимость иностранного займа в полтора миллиарда рублей для восстановления довоенного уровня производства) оказалась битой советской действительностью, то точно также битой оказалась его гипотеза внешней торговли: при импортных ресурсах вдвое меньших, чем Моултоном намечено, мы уже перешагнули черту довоенного хозяйственного уровня.

Гриневецкий впал в те же ошибки, что и Моултон — он не учел сдвигов в сельском хозяйстве и в народном потреблении, которые неизбежно должны были произойти в итоге социальной революции. Но все же следует признать, что с точки зрения тенденций, которые имеют место в нашем экспорте (изменение долей хлеба и животноводческих продуктов) Гриневецкий в качественной своей характеристике оказался ближе к действительности, чем Моултон, хотя книжка последнего написана через 5 лет после монографии Гриневецкого. Тем не менее, характеристика емкости внутреннего рынка, данная Гриневецким, еще более далека от действительности. Моултон в конечном счете признал свой экспортный план предельным и на его основе отказался на ближайшее время от мысли получения возмещений по старым долгам. Гриневецкий, исчисляя сумму ежегодных платежей свыше миллиарда рублей, не отказывается от уплаты этой колоссальной дани иностранному капиталу, у него вопрос сводится к тому, платить ли за счет дальнейшего недоедания народных масс (сокращение емкости внутреннего рынка) или же за счет усиления кабалы (новые иностранные займы). Мы не ставим задачей исследование вопроса о том, в каком году и при каком уровне производства наш фактический экспорт достигнет контрольных цифр Моултона — такое исследование явилось бы беспредметным. Пути развития нашей внешней торговли, структура экспорта и импорта, а равно связь внешней торговли с внутренним производством и потреблением отличаются от тех, которые намечены американскими исследователями; при всей их добросовестности они не могли постичь, что все хозяйственное развитие Советского Союза будет протекать в формах и темпах, совершенно отличных от капиталистических стран. Сопоставление буржуазных гипотез внешней торговли с советской действительностью с особой наглядностью вскрывает эти различия.

Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР[1]

IV

Из неисчерпаемого арсенала гениальных методологических установок и приемов Маркса в предыдущих очерках мы использовали, главным образом, три могучих орудия марксистского экономического анализа, а именно: метод расчета на единицу живого общественного труда, метод расчета на сто единиц общественно-необходимого овеществленного труда и метод сопоставления динамики исследуемых экономических показателей с движением важнейшего и основного экономического показателя — с движением производительной силы общественного труда.[2]

Применение первых двух методов дало нам возможность вывести основную формулу динамики нормы прибыли на общественный капитал $p' = (1 - s_1)\frac{v_1 h}{s_1}$, где p' — годовая норма прибыли, 1 — единица стоимости, s_1 — стоимость издержек по рабсиле на единицу живого труда, v_1 — стоимость переменного капитала на среднюю сотню общественного капитала и h — число оборотов, которые совершает в течение года общественный переменный капитал. Пользуясь третьим методом, мы выявили (пока лишь исходя из предпосылок капиталистического развития) соотношение между направлением и темпом изменения всех этих показателей (s_1, v_1 и h), с одной стороны, и направлением и темпом изменения производительной силы общественного труда — с другой.

В настоящем очерке, пользуясь указанной формулой и теми же методами, мы анализируем динамику нормы прибыли на общественный капитал при капитализме и в современных советских условиях.

Динамика нормы прибыли при капитализме

Как видно из основной формулы, норма прибыли на общественный капитал может быть рассматриваема как произведение двух множителей $(1-s_1)$ и $\frac{v_1 h}{s_1}$. Первый из этих множителей $(1-s_1)$ есть

---

[1] Окончание. См. „План. Хоз.", №№ 7, 8 и 10 1927 г.

[2] Здесь и в предыдущих очерках мы оперируем с темпами роста производительной силы: 1) общественного труда в целом, 2) по отношению к производству средств производства и 3) по отношению к производству средств существования трудящихся. Необходимо отметить, что для длительных периодов все эти темпы можно считать, примерно, равными.

разность между единицей новой стоимости, которую создает единица общественного труда, и стоимостью издержек по рабсиле на ту же единицу; иными словами, $(1-з_1)$ есть прибавочная стоимость на единицу общественного труда. Числитель второго множителя $(v_1 h)$ представляет собой величину стоимости годовой рабочей силы на сотню общественного капитала, знаменатель $з_1$ — стоимость рабсилы на единицу живого общественного труда, а вся дробь в целом — годовое количество $ж_1$ — живого общественного труда на среднюю сотню стоимости всего общественного капитала.

Как изменяется абсолютная величина $(1-з_1)$ прибавочной стоимости на единицу общественного живого труда при капиталистических отношениях?

После всего изложенного в предыдущих очерках ответ на этот вопрос не представляет трудности.

Нами было установлено, что на заре капитализма, когда норма прибавочной стоимости ниже $100^0/_0$, стоимость рабсилы $з_1$ на единицу живого общественного труда должна быть выше 0,5, а абсолютная величина $(1-з_1)$ прибавочной стоимости на ту же единицу — напротив, менее 0,5.[1] Мы знаем также, что в период раннего капитализма стоимость $з_1$ рабсилы на единицу живого общественного труда снижается в том же темпе или даже быстрее, чем растет производительная сила общественного труда.[2] И, наконец, нам известно, что если $з_1$ менее 0,5, то $(1-з_1)$ увеличивается быстрее, чем уменьшается $з_1$.[3] Но раз в начале капиталистического развития стоимость рабсилы $з_1$ снижается в том же темпе или даже быстрее, чем растет производительная сила общественного труда, и при этом $(1-з_1)$ увеличивается быстрее, чем снижается $з_1$, стало быть, **абсолютная величина прибавочной стоимости на единицу живого труда на заре капитализма растет, как правило, быстрее, чем увеличивается производительная сила общественного труда.**

Усиливается ли или постепенно сглаживается и потухает расхождение этих темпов?

Не трудно показать, что уже с самого начала должна обнаруживаться прогрессивно усиливающаяся тенденция к их сближению. Такое постепенное выравнивание темпов процентного роста прибавочной стоимости на единицу живого труда и процентного роста производительной силы общественного труда происходит по двум причинам. Во-первых, стоимость рабочей силы $з_1$, постепенно уменьшаясь, все более и более приближается по своей величине к 0,5; вследствие чего темп изменения прибавочной стоимости $(1-з_1)$ все более сближается с темпом изменения $з_1$; во-вторых, процентный прирост производительной силы общественного труда все более и

[1] См. „План. Хоз.", 1927 г., № 8, стр. 164.
[2] См. „План. Хоз.", 1927 г., № 10, стр. 170.
[3] См. „План. Хоз.", 1927 г., № 8, стр. 165.

более догоняет и выравнивается с соответствующей процентной убылью стоимости $з_1$ рабсилы на единицу общественного труда, т.-е. с темпом изменения той же величины $з_1$. И, стало быть, по мере развития раннего капитализма, действительно, все отчетливей должна сказываться тенденция к выравниванию темпов процентного увеличения производительной силы общественного труда, с одной стороны, и абсолютной величины прибавочной стоимости $(1-з_1)$ на единицу живого общественного труда — с другой.

В период зрелого капитализма, когда норма прибавочной стоимости близка или переваливает за $100^0/_0$, когда соответственно этому, как то показано было в предыдущих очерках, стоимость $з_1$ рабочей силы на единицу живого труда близка или даже менее чем 0,5, вследствие чего темп изменения $(1-з_1)$ все более отстает от темпа изменения $з_1$, — и когда величина $з_1$ снижается либо в том же темпе, либо даже несколько медленнее, чем растет производительная сила общественного труда,[1] — **величина прибавочной стоимости $(1-з_1)$, как правило, увеличивается медленнее, чем растет производительная сила общественного труда.** И при этом отставание процентного прироста абсолютной величины прибавочной стоимости $(1-з_1)$ относительно соответственного процентного увеличения производительной силы общественного труда по мере развития капитализма все более усиливается. Такое постепенное **углубление различий в темпах прироста абсолютной величины прибавочной стоимости** $(1-з_1)$ и производительной силы общественного труда, имеющее место в период развитого капитализма, об'ясняется двумя причинами. Во-первых, стоимость $з_1$ рабочей силы, постепенно убывая, становится все более и более незначительной (менее 0,5) по своей величине по сравнению с соответствующей величиной прибавочной стоимости $(1-з_1)$, которая, напротив, все более и более превышает 0,5, вследствие чего темп изменения $(1-з_1)$ все более отстает от темпа изменения $з_1$; во-вторых, процентное увеличение производительной силы общественного труда до известного момента все заметнее обгоняет соответствующую процентную убыль величины $з_1$ стоимости рабсилы на единицу живого общественного труда. И стало быть, в период зрелого развивающегося капитализма все отчетливей обнаруживается тенденция к **прогрессивно возрастающему превышению** темпа процентного роста производительной силы общественного труда по сравнению с темпом соответствующего процентного увеличения абсолютной величины прибавочной стоимости на единицу живого общественного труда.

В период разлагающегося капитализма такое отставание процентного роста прибавочной стоимости $(1-з_1)$ от процентного роста производительной силы общественного труда также

[1] См. „План. Хоз.", 1927 г., № 8, стр. 164 и 165 и № 10, стр. 170.

сохраняется, хотя и несколько тормозится тем, что стоимость рабсилы $з_1$ снова начинает снижаться в том же темпе и даже быстрее чем растет производительная сила общественного труда.

Итак, абсолютная величина прибавочной стоимости на единицу живого общественного труда в период раннего капитализма растет быстрее, чем производительная сила общественного труда, при чем все отчетливей обнаруживается тенденция к снижению различий в темпах изменения указанных величин; в период зрелого и разлагающегося капитализма, напротив, обнаруживается и все сильнее сказывается тенденция к отставанию процентного увеличения абсолютной величины прибавочной стоимости на единицу живого труда по сравнению с соответствующим процентным ростом производительной силы общественного труда. Однако, хотя темп процентного роста абсолютной величины прибавочной стоимости, падающей на единицу живого общественного труда, все более и более снижается по сравнению с темпом соответствующего процентного роста производительной силы общественного труда, все же на всем протяжении капиталистического развития количество прибавочной стоимости, которое дает единица живого общественного труда, постепенно возрастает.

Посмотрим теперь, как изменяется при капитализме годовое количество живого труда на сотню общественного капитала, т.-е. как изменяется величина дроби $\frac{v_1 h}{з_1} = ж_1$.

Число оборотов h, которое делает в течение года общественный переменный капитал, с одной стороны, имеет тенденцию снижаться вследствие роста расстояний, увеличения удельного веса товарных масс, сбываемых и закупаемых на отдаленных рынках, непрерывно растущих затруднений в сбыте, увеличения размера товарных единиц и усложнения их конструкции, большего разнообразия ассортимента, увеличивающегося размера сделок и поставок и других причин, с другой,— напротив, имеет тенденцию расти вследствие сокращения времени производства и улучшения способов передвижения и связи. Несомненно, что в связи с этим в отдельные моменты (в особенности, в торговле)[1] число оборотов общественного переменного капитала может и увеличиваться и уменьшаться. Но, в общем и целом, при рассмотрении достаточно длительных периодов для всего народного хозяйства эти противоборствующие тенденции, повидимому, должны, по крайней мере, в основной части взаимно уравновеситься.

Поэтому при рассмотрении длительных периодов капиталистического развития h можно считать стабильным или почти стабильным, т.-е. весьма медленно изменяющимся.

[1] Указывая на полный переворот в средствах сношений, Энгельс приходит к выводу, что за пятьдесят лет „дееспособность занятого в ней (в мировой торговле. М. И.) капитала повысилась более чем вдвое или втрое“ (Капитал, т. III, стр. 40—41. ГИЗ, 1927 г.)

Каково преобладающее направление этих медленных изменений. Ответ на этот вопрос может быть получен лишь в результате ряда специальных исследований, основанных на изучении вполне конкретного материала.[1] Здесь же необходимо указать лишь следующее.

В тех случаях, когда h увеличивается, такое ускорение оборота, как правило, имеет своей причиной новые весьма крупные вложения в основной капитал и сопровождается чрезвычайно сильным ростом удельного веса той части постоянного капитала, которая приходится на основной капитал. Этим с огромным избытком компенсируется некоторое понижение удельного веса оборотной части постоянного капитала в связи с увеличением оборачиваемости переменного, а, стало быть, и всего оборотного капитала. Таким образом, и в случаях ускорения оборотов органический состав общественного капитала все же не понижается, а напротив, повышается особо ускоренно.[2]

Но если h в общем и целом можно считать стабильным или почти стабильным (напр., весьма медленно повышающимся), следовательно величина дроби $\frac{v_1 h}{з_1}$ для достаточно длительного периода наблюдения при капитализме изменяется лишь в зависимости от динамики величины отношения $v_1 : з_1$. Далее. Как было выяснено в предыдущем очерке,[3] первый член этого отношения (v_1) при капитализме, как правило, снижается быстрее, чем растет производительная сила общественного труда, при чем эта относительная скорость с развитием капитализма прогрессивно возрастает, так что процентная убыль v_1 все более и более превышает соответствующий процентный прирост производительной силы общественного труда. Мы знаем также, что второй член этого отношения ($з_1$) сначала изменяется несколько быстрей, чем растет производительная сила общественного труда, затем, примерно в том же темпе или даже не-

[1] Тов. Крицман, в своей, кстати сказать, чрезвычайно ценной и оригинальной работе „Капитализм и прогресс техники“ в качестве предпосылки исследования динамики нормы прибыли на общественный капитал в капиталистических условиях принимает, что „период оборота оборотного капитала по мере развития капитализма, падает, начиная, вероятно, с величины порядка 1 и достигая величины порядка, примерно, $^1/_4$.“ (Вестн. Комм. Акад., № 17, 1926 г., стр. 13). Однако, мы считаем, что в конкретной действительности пределы, в которых колеблется число годовых оборотов (не какого-либо специального, например, торгового, а всего общественного) оборотного капитала, должны быть значительно уже и что для одного и того же об'екта наблюдений (для одной и той же страны) темп таких колебаний должен быть во много раз медленней, чем то можно преположить по пределам, в которых h может колебаться по разным странам и отдельным отраслям производства и торговли, а также и по пределам, принятым тов. Крицманом (от 1 до 4 оборотов в год).

[2] Ср. „План. Хоз.“, 1927 г., № 10, стр. 166—169.

[3] См. „План. Хоз.“, 1927 г., № 10, стр. 164 и 166.

сколько медленней и, наконец, в период разлагающегося капитализма снова несколько быстрей, чем увеличивается производительная сила общественного труда.[1] Но если процентная убыль числителя v_1 все более и более превышает соответствующий процентный прирост производительной силы общественного труда, а соответствующая процентная убыль знаменателя $з_1$ все время остается достаточно близкой по величине к соответствующему процентному приросту той же производительной силы, то совершенно ясно, что величина отношения $v_1 : з_1$ должна с развитием капитализма постепенно убывать, а вместе с тем должна постепенно снижаться и величина всей дроби $\frac{v_1 h}{з_1}$

Какова скорость этого снижения?

Так как процентная убыль v_1 прогрессивно возрастает против соответствующей процентной убыли $з_1$, то неизбежно уже при относительно невысоком составе капитала должен наступить такой момент, когда процентная убыль v_1 делается больше, чем удвоенная процентная убыль $з_1$.[2] С этого момента (или даже несколько ранее) темп уменьшения дроби $\frac{v_1 h}{з_1}$, т.-е. темп снижения количества $ж_1$ годового живого труда на сотню общественного капитала, начинает все более и более обгонять темп соответствующего роста производительной силы общественного труда. И, стало быть, количество годового живого труда, приводящего в движение 100 единиц стоимости общественного капитала, с развитием капитализма постепенно убывает, при чем процентная величина этого снижения сначала догоняет и выравнивается, а затем уже при относительно невысоком составе капитала все более и более обгоняет величину соответствующего процентного прироста производительной силы общественного труда.

Итак, норма прибыли на общественный капитал есть произведение двух множителей, из которых первый $(1 - з_1)$ в капиталистических условиях, как правило, увеличивается с ростом производительной силы общественного труда; напротив, второй — $ж_1$, как правило, должен постепенно понижаться.

Но если из двух множителей один растет, а другой уменьшается с ростом производительной силы общественного труда, то преобладающее направление динамики произведения этих множителей, т.-е. динамики нормы прибыли на общественный капитал, очевидно, зависит от относительной скорости изменения каждого из этих множителей. Норма прибыли увеличивается или уменьшается в зависимости от того, что происходит быстрее, процентный ли рост абсолютного количества прибавочной стоимости на единицу живого общественного труда или процентная убыль годового количества этого живого труда на среднюю сотню стоимости общественного капитала. Таким образом, на первый взгляд норма прибыли с ростом производительной силы общественного труда при капитализме может и увеличиваться, и уменьшаться, и оставаться неизменной. Однако, в действительности она д о л ж н а постепенно понижаться. Почему? Маркс говорит об этом следующее: „По отношению к употребляемой рабочей силе (Капитал, т. III, ГИЗ, 1927 г., стр. 186) развитие производительной силы проявляется опять-таки двояким образом: во-первых, в увеличении прибавочного труда, т.-е. в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы; во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того, чтобы привести в движение данный капитал. Оба эти движения не только идут одно рядом с другим, но взаимно обусловливают друг друга и представляют явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем, они влияют на норму прибыли в противоположном направлении". И тем не менее, из этих двух противоборствующих влияний основным является второе, так как сокращение необходимого рабочего времени и соответствующий рост прибавочного труда наталкивается на известные пределы, которых нельзя перейти. „...В этом отношении, — продолжает Маркс (стр. 187), — компенсация сокращенного числа рабочих повышением степени эксплоатации труда встречает известные границы, которые невозможно переступить; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его". „Этот фактор (повышение нормы прибавочной стоимости. М. И.), — говорит Маркс в другом месте (стр. 175), — не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон обнаруживается скорее как тенденция, т.-е. как закон, абсолютное проявление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами".

Однако, в чем заключаются те границы, которые не позволяют повысить норму прибыли путем усиления эксплоатации?

К сожалению, на этот вопрос, кроме нескольких цифровых иллюстраций (напр., стр. 160, 176, 186, 187) в сжатом изложении Маркса

---

[1] Ibid., стр. 170.

[2] Если процентное увеличение производительной силы труда и, примерно, равную по величине соответствующую процентную убыль $з_1$ обозначить через y, а соответствующую процентную убыль v_1 и $ж_1$ через x и z, то коэфициент изменения $з_1$ выразится через $\left(1 - \frac{y}{100}\right)$, v_1 через $\left(1 - \frac{x}{100}\right)$, $ж_1$ через $\frac{\left(1 - \frac{x}{100}\right)}{\left(1 - \frac{y}{100}\right)} = 1 - \frac{z}{100}$.

Отсюда при $z = y$ имеем: $1 - \frac{x}{100} = \left(1 - \frac{y}{100}\right)^2$ или $x = 2y - \frac{y^2}{100}$, а при $z > y$ имеем $x > 2 - \frac{y^2}{100}$. В тексте в целях упрощения об $\frac{y^2}{100}$ мы не упоминаем.

ответа мы не находим.[1] И вовсе не потому, что Маркс придавал своим иллюстрациям большее значение, чем они того заслуживают. Вероятнее всего, причина этого заключается в том, что Маркс всячески избегал сколько-нибудь сложного затрудняющего понимание среднего читателя математического анализа. Повидимому, Маркс сознательно в целях упрощения предпочел в данной связи лишь формулировать и иллюстрировать, а не доказывать.

По этому поводу тов. Крицман (Вест. Комм., Акад. 1926 г., № 18, стр. 208) совершенно правильно отмечает, что „здесь мы наталкиваемся на необходимость дальнейшей детальной разработки вопроса."

Итак, в чем же эти границы? Наш предыдущий анализ дает возможность ответить на этот вопрос следующим образом: эти границы заключаются в соотношении темпов изменения, с одной стороны, величины $(1-з)$ прибавочной стоимости на единицу живого труда и величины $ж_1$ живого труда на сотню общественного капитала, с другой стороны, производительной силы общественного труда. И действительно. В то время как темп увеличения абсолютного количества прибавочной стоимости на единицу живого труда с развитием производительной силы общественного труда на базе капиталистических общественных отношений относительно все более замедляется и сначала выравнивается, а потом все более и более отстает от темпа увеличения производительной силы общественного труда,— темп снижения количества живого труда на сотню стоимости общественного капитала, напротив, относительно все более и более ускоряется и, относительно ускоряясь, с известного момента, который наступает уже при относительно невысоком составе капитала, все более обгоняет рост производительной силы общественного труда. И совершенно очевидно, что по меньшей мере с того момента, когда темп роста прибавочной стоимости на единицу живого труда, примерно, выравнивается с темпом роста производительной силы общественного труда (а в действительности даже значительно ранее), тенденция нормы прибыли к понижению должна сделаться преобладающей. А как до этого момента? До этого момента норма прибыли может все более и более замедленно повышаться. К какому периоду

[1] За недостатком места мы этих цифровых иллюстраций Маркса здесь не цитируем. Грубо говоря, их смысл сводится к следующему: человеко-год труда максимальной физиологически возможной продолжительности и интенсивности есть в то же время максимальный (и даже никогда недостижимый) предел количества прибавочной стоимости, которую может доставить в течение года один рабочий; а между тем, стоимость авансированного капитала может расти неограниченно и достигать 1, 3, 5, 10, 15, 25 и т. д. человеко-лет овеществленного труда на того же рабочего; значит, рано или поздно норма прибыли должна понижаться.

Тов. Крицман (Вест. Комм. Акад., № 18, 1926 г., см. стр. 206—208) с полной убедительностью показал безусловную недостаточность подобных иллюстративных арифметических прикидок для экономического обоснования тенденции нормы прибыли к понижению.

относится это прогрессивно замедляющееся повышение нормы прибыли на общественный капитал? Очевидно, к периоду самого раннего капитализма, ибо необходимым условием этого является, во-первых, весьма высо- кий уровень необходимого рабочего времени ($з_1$ значительно более 0,5), при котором прибавочное время $(1-з_1)$, как правило, растет значительно быстрее, чем производительная сила общественного труда, и, во-вторых, достаточно низкий уровень органического состава общественного капитала (примерно, $50c_1 + 50v_1$).

Таким образом, наш анализ, несмотря на совершенно иной подход к вопросу, привел нас к результату, весьма сходному с теми выводами, к которым пришел тов. Крицман.

„Подведем теперь,— говорит тов. Крицман,— итоги нашему рассмотрению (в котором движение нормы прибыли рассматривается исключительно под воздействием прогресса техники, и под прогрессом техники понимается только замена живого труда мертвым).[1]

Движение нормы прибыли носит колебательный характер: понижение и повышение нормы прибыли беспорядочно сменяют друг друга, в зависимости от конкретных особенностей каждого отдельного случая применения прогресса техники.

В движении нормы прибыли существуют, однако, преобладающие тенденции: для капитализма на низших ступенях его развития преобладающая тенденция — к повышению; для капитализма на высших ступенях его развития преобладающая тенденция нормы прибыли — к падению.

Таков закон движения нормы прибыли под воздействием прогресса техники".

Как видим, результаты нашего анализа в основном согласуются с выводами тов. Крицмана. Однако, мы считаем эти формулировки тов. Крицмана чересчур категорическими.

Правда, „движение нормы прибыли, взятое в целом,— как указывает тов. Крицман,— носит характер не просто понижающейся кривой, а кривой, состоящей из двух частей — повышающейся и понижающейся" (Вестн. Комм. Акад., № 18, 1926 г., стр. 205). Но все же Маркс совершенно правильно считал повышение нормы прибавочной стоимости[2] лишь добавочной тенденцией, которая не может изменить основного содержания закона тенденции нормы прибыли к понижению. И причины этому, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, повышение нормы прибыли могло иметь место только в период самого раннего капитализма, т.-е. в период, когда органический состав капитала был близок к $50c_1 + 50v_1$, а норма прибавоч-

[1] Необходимо отметить, что нам удалось избежать этих, а также и многих других принятых тов. Крицманом ограничений. Поэтому наши выводы не только согласуются с выводами тов. Крицмана, но и существенно их обобщают.

[2] Согласно изложению тов. Крицмана, рост нормы прибавочной стоимости является основной причиной преобладания тенденции нормы прибыли к повышению в период раннего капитализма.

ной стоимости значительно ниже 100%; во-вторых, и это главное, такое повышение нормы прибыли не характерно для капитализма, как такового, так как в конкретной действительности капиталистические формы общественных отношений получают преобладание и делаются господствующими много позднее, когда и состав капитала и норма прибавочной стоимости значительно повышаются, т.-е. когда преобладание получает тенденция нормы прибыли к понижению; в-третьих, тенденция нормы прибыли к повышению уже с самого начала была потухающей, а тенденция нормы прибыли к понижению, напротив, прогрессивно усиливающейся. Таким образом, обе части кривой динамики нормы прибыли (повышающаяся и понижающаяся) экономически вовсе не равновелики, как то можно было бы заключить, согласно, формулировкам тов. Крицмана.

Все это говорит за то, что формулировки тов. Крицмана следовало бы несколько изменить, ориентируясь на установку Маркса, который считал тенденцию нормы прибавочной стоимости к повышению лишь второстепенной, а тенденцию к снижению живого труда, а вместе с тем и прибавочного труда на сотню капитала, т.-е. нормы прибыли, — основной тенденцией капиталистического развития.

Такое уточнение мы считаем существенным, так как Маркс придавал огромное значение закону тенденции нормы прибыли к понижению и видел в этом законе глубочайшую причину целого ряда важнейших экономических явлений (например, предвестников неизбежной гибели капитализма — кризисов).[1]

Динамика нормы прибыли в советских условиях

Какие особенности представляет динамика нормы прибыли на общественный капитал в современных советских условиях?

Начнем с исходного положения. При капитализме с развитием производительной силы общественного труда стоимость (c) постоянного капитала увеличивается, а стоимость (v) переменного капитала уменьшается на единицу живого общественного труда. Присмотримся к тем изменениям, которые происходят в этом отправном пункте при советских условиях.

Средне-годовое наличие авансированного постоянного капитала, падающего на единицу живого общественного труде (например, на человеко-год, человеко-месяц, человеко-день или человеко-час), состоит из двух частей: из оборотного постоянного капитала c' и основного постоянного капитала c''. Стоимость (c') средне-годового наличия

[1] Мы здесь более не останавливаемся на этом вопросе, так как достаточно содержательная формулировка закона тенденции нормы прибыли к понижению может быть дана только после специального анализа причин, которые противодействуют понижению нормы прибыли и тем самым превращают закон понижения нормы прибыли только лишь в закон тенденции к ее понижению.

оборотного постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, определяется, во-первых, стоимостью c''' сырья, материалов и топлива, которые перерабатываются и производительно потребляются единицей живого труда, и, во-вторых, числом h оборотов, которое совершает в течение года общественный оборотный капитал ($c'=c''':h$).[1]

При свойственном капитализму стихийном развитии первая из этих величин c''' постоянно возрастает, так как при стихийном развитии производительная сила общественного труда развивается более быстро в отраслях, потребляющих первичные сырье, материалы и топливо, чем в отраслях, где они добываются, так что количество этого сырья, материалов и топлива, потребляемое единицей живого труда, растет быстрее, чем происходит процесс их удешевления. Поскольку дело касается сельскохозяйственного сырья, материалов и топлива, это, хотя и в ослабленной степени, сохраняет свою силу и в наших условиях. Но поскольку речь идет о сырье, материалах и топливе промышленного происхождения, эта тенденция в советских условиях, по крайней мере, в течение ближайших 10—15 лет должна встретить значительное противодействие в связи с курсом на индустриализацию и огромными капитальными вложениями в первую очередь именно в те отрасли, которые заняты производством средств производства. Такое направление основной массы капитальных затрат позволяет предвидеть, что стоимость общественного оборотного постоянного капитала, перерабатываемого единицей живого труда, должна при современных советских условиях расти медленнее, чем в условиях капиталистических. Но, как уже указывалось, средне-годовое наличие этой части постоянного капитала зависит также от числа оборотов. Чем отличается динамика числа оборотов оборотного капитала в советских условиях от динамики оборачиваемости оборотного капитала при капитализме? И при советских условиях, как и при капитализме, тут в противоположном направлении действует целый ряд факторов. Однако, в то время как в сторону ускорения оборотов в СССР форсированно действуют все те факторы, которые были нами отмечены при анализе динамики оборачиваемости на базе капиталистических общественных отношений, факторы, действующие в сторону замедления оборотов, напротив, сильно ослабляются, ибо устраняются все те затруднения в сбыте, которые возникали при капитализме вследствие конкуренции, перепроизводства, кризисов, неорганизованности предложения и спроса и т. д. Работа по плану и все в большей степени на заказ, уменьшение разнообразия ассортимента, ликвидация целого ряда спекулятивных звеньев товаропроводящей цепи, транзитная доставка грузов и т. п., — все это

[1] В первом и третьем очерках в целях упрощения мы этот момент оставили в стороне, так как при капиталистических условиях для длительных периодов h можно считать почти стабильным.

существенно ускоряет движение общественного оборотного капитала в советских условиях по сравнению с условиями капиталистическими.

Итак, первый из двух факторов, определяющих собой величину стоимости средне-годового наличия общественного авансированного оборотного постоянного капитала, приходящегося на единицу живого общественного труда, а именно стоимость c'' производительно-потребляемых единицей живого труда элементов оборотного постоянного капитала,— в советских условиях в течение первых 10—15 лет будет расти медленней, чем при капитализме. И при этом влияние этого замедленного роста уже с самого начала будет усиливаться в связи с тем, что второй фактор, определяющий размер необходимого авансирования оборотного постоянного капитала, а именно — продолжительность одного оборота этого капитала,— в советских условиях сокращается быстрее, чем при капитализме, и, стало быть, в гораздо большей степени, чем при капитализме, является тормозом, противодействующим увеличению стоимости общественного оборотного постоянного капитала на единицу живого общественного труда. И, таким образом, в конечном итоге величина c' стоимости авансированного на единицу живого труда оборотного постоянного капитала у нас в ближайшие 10—15 лет, повидимому, может (в противоположность тому, что имеет место при капитализме) не повышаться, а понижаться, хотя, вероятно, понижаться лишь весьма незначительно.

Как будет изменяться при этом остальная часть постоянного капитала—основной капитал?

Здесь мы встретимся с двойственным процессом. С одной стороны, быстрый рост производительности труда на основе усвоения американской и западно-европейской техники и усиленного железнодорожного, жилищного и прочего строительства, очевидно, повлечет за собой чрезвычайно быстрый рост основных капиталов, далеко обгоняющий по своему темпу рост трудящегося населения, т.-е. повлечет за собою быстрое увеличение стоимости основного капитала, приходящегося на единицу живого труда. С другой стороны, напротив, использование имеющейся у нас возможности в области более полной нагрузки и более длительной ежедневной работы наших основных капиталов по сравнению с тем, что мы наблюдаем в этом отношении в капиталистических странах, несомненно, будет влиять понижающе на количество и стоимость основного капитала, приходящегося на единицу живого общественного труда. При капитализме вследствие неустранимого противоречия между свойственным капитализму стремлением к неограниченному развитию производительных сил и той узкой базой, на которой в капиталистических странах покоится общественное потребление,— столь полное использование наличных основных капиталов, которое возможно у нас,— недостижимо. Тут мы имеем огромное и несомненное преимущество.

Благодаря более полному использованию основного капитала как по нагрузке, так и по продолжительности ежедневной работы, в нашем распоряжении окажется сильный рычаг, сдерживающий увеличение стоимости основного капитала на единицу общественного живого труда. И все же, если учесть, что действие этого рычага будет иметь место, главным образом, в нашей промышленности, почти не распространяясь на остальную массу общественного основного капитала, то станет совершенно очевидным, что даже при возрастающей сменности и полном переходе на сокращенный рабочий день материальный размер и стоимость основного капитала и у нас будут довольно быстро повышаться в расчете на единицу живого труда (грубо, на рабочего или трудящегося).

Совершенно ясным нам представляется также и то, что этот рост стоимости основного капитала на единицу живого труда будет достаточно велик, чтобы с большим избытком компенсировать то небольшое снижение постоянного оборотного капитала на ту же единицу, возможность которого была констатирована нами выше. Таким образом, мы приходим к выводу, что и в советских условиях стоимость c средне-годового наличия постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, должна возрастать, хотя темп этого увеличения относительно темпа соответствующего роста производительной силы общественного труда будет у нас значительно более медленным, чем в капиталистических странах при прочих равных условиях.

Перейдем теперь к величине стоимости v общественного переменного капитала на единицу общественного труда, т.-е. говоря грубо, на одного рабочего или трудящегося.

Если принять за единицу живого труда один человеко-год, или, что то же,— годовой труд одного трудящегося,— средне-годовое наличие переменного капитала на трудящегося можно выразить дробью, где числитель есть стоимость v' годовых издержек трудящегося, а знаменатель—число оборотов h общественного переменного капитала в течение года ($v=v':h$).

Совершенно очевидно, что числитель этой дроби будет при советских условиях изменяться в зависимости от того, каков будет, с одной стороны, относительный темп роста жизненного уровня трудящихся масс, и каков будет, с другой стороны, соответствующий темп роста производительной силы общественного труда.[1] Каково будет соотношение этих темпов? Уже в настоящее время плановое начало является у нас преобладающим. В дальнейшем оно

[1] Стоимость годовых издержек на трудящегося непосредственно определяется, во-первых, стоимостью одного бюджетного набора среднего состава, т.-е. величиной обратно-пропорциональной производительной силе общественного труда по отношению к производству средств существования трудящихся, и, во-вторых, числом таких бюджетных наборов на один человеко-год, т.-е. жизненным уровнем трудящихся.

будет усиливаться, все более полно подчиняя себе экономическое развитие СССР. Таким образом, в значительной мере от нас самих, от установки наших планирующих органов, будет зависеть соотношение между процентным приростом жизненного уровня трудящихся масс и соответствующим процентным увеличением производительной силы общественного труда.

Будет ли у нас, как и при капитализме, относительная величина необходимого рабочего времени постепенно понижаться, а относительная величина прибавочного времени, напротив, соответственно увеличиваться? Или мы будем проводить политику, обусловливающую обратное движение этих величин, т.-е. относительное снижение прибавочного труда при относительном росте труда необходимого? Или, быть может, мы будем стремиться стабилизовать отношение между прибавочным и необходимым трудом на каком-либо определенном уровне?

Разумеется, темп роста жизненного уровня широких масс трудящихся будет в советских условиях протекать несравненно быстрее, чем то имело бы место при прочих равных условиях при капитализме. Но указание на это обстоятельство все же оставляет поставленный нами вопрос открытым, так как жизненный уровень трудящихся масс в капиталистических странах повышается настолько медленно, что дать более быстрый темп можно при любом из указанных соотношений динамики относительных величин необходимого и прибавочного труда.

Не имея возможности обратиться в настоящем теоретическом очерке к фактическому материалу и цифровым расчетам, которые могли бы обосновать ту или иную конкретную линию в этом центральном вопросе нашей экономической политики, мы в данной связи считаем методологически целесообразным[1] условно принять, что соотношение между прибавочным и необходимым трудом, т.-е. норма прибавочной стоимости, в течение ближайших 10—15 лет останется в СССР стабильной на достигнутом уровне. Иными словами, мы предполагаем, что средний уровень жизни трудящихся будет в течение ближайших 10—15 лет расти, примерно, в том же темпе, как повышается производительная сила всего народного труда в целом.

Это предположение, конечно, не означает, что и в городе и в деревне жизненный уровень будет расти с равной скоростью. В зависимости от тех или иных конкретных экономических и политических обстоятельств жизненный уровень можно, не нарушая нашей

[1] Методологическая целесообразность этого допущения основывается на том, что оно позволяет наметить некоторый устойчивый уровень, существенно облегчающий анализ и наблюдение. В то же время мы считаем, что эта предпосылка достаточно близко соответствует и той специфической обстановке, в которой будет протекать наше хозяйственное развитие в ближайшие 10—15 лет: с одной стороны, относительно низкий уровень реальной зарплаты в исходный момент, с другой—необходимость максимально форсировать темп производительного накопления.

предпосылки, повышать для отдельных групп населения и быстрей и медленней, чем в среднем растет производительная сила всего общественного труда. Однако, не устраняя возможности этих необходимых отклонений, наше допущение (стабильность средней нормы прибавочной стоимости) все же ставит им известные границы, так как предполагает, что эти отклонения для разных групп трудящихся имеют противоположное направление и в конечном итоге взаимно компенсируются.

Итак, мы предполагаем, что стоимость z_1 издержек по рабсиле на единицу живого труда, т.-е. необходимое время, останется в течение ближайших 10—15 лет неизменным на достигнутом уровне, и, тем самым, принимаем, что прибавочное время $(1-z_1)$ и норма прибавочной стоимости в стране $m' = \frac{1-z_1}{z_1} \cdot 100$ останутся в течение этого периода стабильными.

Но при этих условиях, т.-е. при неизменной величине стоимости z_1 издержек по рабсиле на единицу живого труда, величина стоимости v' годовых издержек по рабсиле на один человеко-год, очевидно, также окажется постоянной величиной.

Значит ли это, однако, что будет стабильной и стоимость $(v = v' : h)$ авансированного общественного переменного капитала, приходящегося на единицу живого труда? Нет, не значит. Ибо свойственное (на ближайшие 10—15 лет) советскому хозяйственному развитию увеличение числа оборотов h общественного оборотного капитала должно все же (хотя и значительно медленнее, чем при капитализме, вследствие стабильности v') понижать среднее наличие v общественного переменного капитала на единицу живого труда.

Но если в советских условиях стоимость (c) постоянного капитала на единицу живого общественного труда увеличивается (хотя и более медленно, чем при капитализме), а стоимость (v) переменного капитала на ту же единицу уменьшается (также значительно медленней, чем при капитализме), то совершенно очевидно, что и в советских условиях органический состав общественного капитала необходимо должен повышаться.[1] Вполне ясно отсюда также и то, что при одном и том же росте производительной силы общественного труда повышение состава капитала в советских условиях должно выразиться значительно меньшим коэфициентом, чем при капитализме. А отсюда, в свою очередь, следует, что в советских условиях в ближайшие 10—15 лет величина v_1 нашей формулы, т.-е. процентное отношение переменного капитала ко всему общественному капиталу, хотя и понижается, но значительно медленней, чем это имело бы место в капиталистических странах при таком же исходном техническом уровне и таком же последующем его изменении.

[1] См. „План. Хоз.“, 1927 г., № 10, стр. 159—160.

После сказанного можно, наконец, исходя из предпосылок современных советских отношений, непосредственно перейти к анализу всей нашей формулы в целом.

Поскольку норму прибавочной стоимости, т.-е. дробь $\frac{1-z_1}{z_1}$ на ближайшие 10—15 лет мы предполагаем стабильной, постольку устраняется и то противодействие, которое при капитализме тенденция нормы прибыли к понижению встречала со стороны постепенно (хотя и в потухающем темпе) растущей нормы прибавочной стоимости. Далее. Раз $\frac{1-z_1}{z_1}$ не изменяется, значит, движение нормы прибыли целиком определяется динамикой произведения $v_1 h$, где v_1 снижается быстрее, а h увеличивается медленнее, чем растет производительная сила общественного труда. Отсюда ясно, что рост числа оборотов общественного переменного капитала может лишь несколько замедлить, но не может приостановить снижение нормы прибыли на общественный капитал, проистекающее из постоянного уменьшения процентного отношения (v_1) общественного переменного капитала ко всему общественному капиталу в целом. И, стало быть, тенденция нормы прибыли к понижению остается преобладающей и при советских условиях.

Какова относительная скорость такого снижения нормы прибыли? Где оно будет протекать быстрее — у нас или в капиталистических странах?

При капитализме снижение нормы прибыли сдерживается повышением нормы эксплоатации трудящихся капиталом. Однако, в период высоко развитого или разлагающегося капитализма этот тормоз действует уже довольно слабо, так как норма прибавочной стоимости в этот период повышается уже значительно медленнее, чем растет производительная сила общественного труда. Правда, в современных советских условиях вполне возможно даже и полное устранение противодействующего влияния со стороны нормы самоограничения трудящихся (в стране строящегося социализма эксплоатация в капиталистическом смысле этого слова относится лишь к частнокапиталистическому сектору и представляет исключение, а самоограничение трудящихся в пользу социалистического накопления является правилом; поэтому мы говорим по отношению к СССР в целом не о норме эксплоатации, а о норме самоограничения трудящихся). Эта норма может оказаться в СССР на протяжении ближайших 10—15 лет не повышающейся, как при капитализме, а стабильной. И все же мы считаем, что норма прибыли у нас будет выше, чем в капиталистических странах при том же техническом уровне. Причиной этому будет значительно более низкий (при том же техническом уровне) органический состав капитала и большая скорость оборотов общественного оборотного капитала в советских условиях по сравнению с капиталистическими.

Итак, мы приходим к следующим выводам.

Пока техническая база хозяйства СССР будет по своему уровню ниже, чем в передовых капиталистических странах, норма прибыли, несомненно, будет в СССР, несмотря на тенденцию к понижению, значительно выше, чем в этих капиталистических странах. Но и в тот момент, когда техническая отсталость СССР будет целиком преодолена, норма прибыли на общественный капитал, попрежнему, останется в СССР выше капиталистической, несмотря на значительно более низкую норму прибавочной стоимости, т.-е. несмотря на более высокий (к тому времени) по сравнению с капиталистическими странами жизненный уровень широких трудящихся масс. Залогом этих достижений социалистического строительства — более высокая норма прибыли при значительно более высоком жизненном уровне трудящихся — будет служить свойственный СССР сильно замедленный по сравнению с капиталистическими странами (при одинаковом техническом уровне) темп роста органического состава общественного капитала и сравнительно ускоренный темп оборачиваемости общественного оборотного капитала.

В заключение необходимо отметить еще три существенных обстоятельства.

Первое. В нашем изложении преобладание тенденции нормы прибыли к понижению получило несколько более резкое выражение, чем у Маркса. Это об'ясняется следующими причинами.

Во-первых, Маркс не принимал в расчет крупные акционерные и некоторые другие крупные капиталы (например, железнодорожные), поскольку они не участвуют в уравнении общей нормы прибыли (Капитал, т. III, стр. 180 — 181, ГИЗ, 1927 г.). Это обстоятельсто имеет определяющее значение при анализе конкретной кон'юнктуры капиталистического хозяйства, но при нашем подходе к вопросу оно не является существенным. Поэтому мы учитываем весь общественный капитал целиком и тем понижаем норму прибыли. Во-вторых, мы оставили в стороне влияние внешней торговли, которая действует в сторону повышения нормы прибыли на общественный капитал (Капитал, т. III, стр. 178—180). В-третьих, мы специально не останавливались на удешевлении элементов постоянного капитала, препятствующем тому, чтобы при новых капитальных вложениях стоимость постоянного капитала возрастала в таком же отношении, как его материальный размер и тем повышала норму прибыли (Капитал, т. III, стр. 176 — 177). В-четвертых, специально не анализировали мы и того повышения нормы прибыли, которое вызывает обесценение уже имеющегося капитала (т.-е. его материальных элементов), происходящее с развитием производительной силы труда и обнаруживающееся особенно явственно во время кризисов или переоценок (Капитал, т. III, стр. 177 и др.). В-пятых, мы специально не рассматривали того повышающего влияния, которое оказывают на норму прибыли интенсификация труда, удлинение рабочего дня, массо-

вое применение женского и детского труда, применение новых изобретений, их широкого распространения, устранение всякого рода пут и ограничений, улучшение методов без новых капитальных вложений (Капитал, т. III, стр. 174—176) и все виды экономии в применении постоянного капитала (например, экономия на условиях труда, экономия при получении двигательной силы, на передаче силы и на постройках, утилизация отбросов и экскрементов и прочее) (Капитал, т. III, стр. 45—99). И, наконец, в-шестых, мы не подвергли специальному рассмотрению того действия, которое оказывают относительное перенаселение и организация новых, еще немеханизированных отраслей производства (в особенности, предметов роскоши) (Капитал, т. III, стр. 177—178), а также расширение производства на основе старых методов (Капитал, т. III, стр. 200).

Второе. Маркс различает норму прибыли от нормы накопления.[1] Норма прибыли есть максимальный предел для нормы накопления за счет внутренних ресурсов страны. Но размер нормы прибыли сам по себе еще не определяет размера нормы накопления. Разница между той или другой нормой зависит от того, какая часть прибыли будет израсходована производительно и какая часть непроизводительно. При капитализме огромная часть прибыли расходовалась непроизводительно (например, доход капиталиста, церкви, армия, убытки от кризисов и т. п.). В советских условиях эти непроизводительные расходы сильно сокращаются, ибо средства производства у нас в подавляющей своей части находятся в руках трудящихся, кризисов с их огромным обесценением и разрушением общественного капитала при плановом хозяйстве не должно быть, на церковь населением тратятся теперь сравнительно минимальные суммы, на армию также относительно много меньше. И, таким образом, при равной или даже более низкой норме прибыли мы имеем возможность расходовать на расширение своего производства большие суммы, чем при капитализме, при прочих равных условиях.

Третье. В то время как для капиталистического мира норма прибыли, т.-е. темп прироста стоимости капитала, это — все, для нас решающим является не столько стоимость, сколько физический об'ем как капитала, так и продукции. Что же касается темпа, в котором растет физический об'ем капитала и продукции, то он равен произведению показателя роста капитала и продукции по стоимости на показатель одновременного роста производительной силы общественного труда. А эта последняя в СССР идет вперед такими шагами, за которыми не угнаться дряхлеющему капиталистическому миру.

---

[1] Капитал, т. III, стр. 181 и др.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Я. Виленкин

Проблема передвижения крупной промышленности в южные штаты Америки

В Соед. Штатах Сев. Америки происходило и происходит постоянное передвижение промышленных и сельскохозяйственных предприятий из одной части страны в другую.

До гражданской войны (1861—1865 гг.), когда южные плантаторы стояли у руля правления, страна была разделена на три района: южные штаты разводили преимущественно хлопок, северные атлантические штаты занимались, главным образом, промышленным производством, а северо-западные штаты отдались вначале всецело сельскохозяйственному производству. Но незадолго до об'явления гражданской войны замечалась уже некоторая перегруппировка в хозяйственной жизни страны: на западе стала развиваться тяжелая индустрия, в особенности стальная и железная, а в ново-английских и средне-атлантических штатах промышленное производство хотя абсолютно и не уменьшилось (наоборот даже увеличилось), но пропорционально развитию промышленности всей страны заметно упало. В 1859 г. промышленное производство ново-английских штатов, согласно правительственной переписи 1860 года, составляло 24,8%, а средне-атлантических штатов — 42,5% всего производства страны. В 1899 г. картина изменилась: промышленное производство ново-атлантических штатов составляло лишь 14,4%, а средне-атлантических штатов — 38%. Промышленное производство южных штатов в 1859 г. составляло 10,3% и, по всей вероятности, росло бы, если бы не подоспела гражданская война 1861 — 1865 гг., окончательно разрушившая все хозяйство южных штатов, где, кстати сказать, до гражданской войны преобладало рабство.

Гражданская война не могла не отразиться на экономическом развитии южных штатов: плантаторы потеряли кредит и все свои средства, труд был дезорганизован; кроме того, недостаток в железных дорогах препятствовал развитию природных богатств юга Соед. Штатов. Поэтому неудивительно, что промышленное производство этого района отнюдь не улучшалось, но, наоборот, стало падать, составляя в 1869 г. лишь 6,6% всей промышленности страны, в 1879 г.— 6,3%. В 1889 г. промышленность (как и все хозяйство) южных штатов начинает поправляться, достигая 7,5% всей страны, а в 1899 г.— даже 9,1%.

Таким образом, южные штаты в конце прошлого столетия не достигли того уровня в промышленном производстве, на котором они стояли до гражданской войны. Но это не значит, что южные штаты не развивались в промышленном отношении после войны. Пропорционально с другими районами страны они отставали, ибо промышленность северных и западных штатов за время и после гражданской войны неимоверно вы-

росла: с 1859 по 1869 гг.— на 124,4%. Южные же штаты в течение этого десятилетия страдали от хозяйственного хаоса.

В общем, после гражданской войны больше всего замечался рост производства в западных штатах. С ростом агрикультуры на западе там увеличилось производство сельскохозяйственных орудий. До гражданской войны последние производились, главным образом, в штатах Нью-Йорке и Огайо. После нее эти штаты в производстве земледельческих орудий перестали играть значительную роль, а предприниматели западных штатов захватывали это производство все больше и больше в свои руки. С 1889 по 1899 гг. земледельческие машины больше всего производились в штате Иллинойсе. В 1859 г. самые главные мукомольни находились в следующих штатах (по нисходящей линии): Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Иллинойс, Виргиния и Индиана. В 1899 г. мукомольни были разбросаны по всей стране, но во главе этого производства находился уже не восточный штат (Нью-Йорк), а западный Минезота, который в 1899 г. молол больше муки, нежели Нью-Йорк и Огайо, вместе взятые, в 1859 г. Шестью главными мукомольными штатами являлись: Минезота (переработка пшеницы (в муку) и других сельскохозяйственных продуктов на сумму свыше 83.877 тыс. долл.), Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Иллинойс и Индиана (стоимость производства в каждом из этих штатов равнялась 30.150 тыс. долл.). Штат Виргиния (один из южных штатов), стоявший в 1859 г. по мукомольному производству на пятом месте, произвел в 1899 г. мукомольных продуктов на сумму лишь в 12.687 тыс. долл. и стоял в тот период на пятнадцатом месте по своей важности в этом производстве. Бойни и консервные фабрики, подобно мукомольным предприятиям, постепенно передвигались на запад, устремляясь туда, где быстро росло скотоводство. В 1818 году центром этого производства являлся город Цинцинати, а в 1861 г. этот центр уже передвинулся в Чикаго. Кожевенная промышленность также передвигалась из одного штата в другой — из Массачузетса в Нью-Йорк, а отсюда в Пенсильванию; когда же к 1879 г. сырье стало истощаться, кожевенная промышленность начала постепенно передвигаться в центральные и западные штаты.

Мы уже отметили, что южные штаты, больше всего пострадавшие от гражданской войны и применявшие до этого периода рабский труд, сильно отстали в экономическом отношении, а потому после эмансипации негров предпринимателям южных штатов трудно было развертывать промышленность на юге таким же темпом, каким она развивалась в северных и западных штатах, даже несмотря на то, что южане обладали крупными природными богатствами. Тем не менее, в некоторых весьма важных крупных отраслях промышленности южные штаты оказывали довольно значительные успехи, особенно после того, как южные предприниматели прекратили свою борьбу против северных промышленников и при содействии последних принялись за восстановление своего хозяйства.

В прошлом главными отраслями промышленности южных штатов являлись: хлопкоочистительное производство (ginning), перемол пшеницы, кукурузы и риса, перегонка терпентина, лесная промышленность и плавка железной руды. Эти отрасли промышленности не требовали большой квалификации от рабочих и были тесно связаны с сельским хозяйством. За последнее десятилетие прошлого столетия все эти отрасли, к которым еще прибавилось производство патоки и рафинированного сахара, сильно

выросли. К этим отраслям прибавились еще четыре быстро развивавшихся производства — табачное, деревообделочное, хлопковое маслоделие и хлопчатобумажное. В 1899 г. стоимость произведенного на юге табака составляла 78.091.650 долл., а в 1879 г.— всего 25.938.212 долл., т.-е. увеличение табачного производства на 201,1%, или иначе говоря, табачное производство на юге выросло в шесть раз больше, чем во всей Америке. Самыми главными производителями являлись следующие штаты (по нисходящей линии): Кентукки, Виргиния, Сев. Каролина и Флорида. Лесные и деревообделочные отрасли промышленности также сильно выросли к концу прошлого столетия в южных штатах и в гораздо большей степени, чем в других районах Соед. Штатов. В 1869 г. стоимость этих продуктов составляла в упомянутых штатах 28.156.671 долл., а в 1899 г.— 185.727.890 долл., т.-е. увеличение этих отраслей промышленности на 559,6%; в течение же последнего десятилетия прошлого столетия $^3/_4$ всего роста упомянутых производств шли за счет южных штатов. Штат Арканзас шел впереди всех в лесном и в деревообделочном производствах. Другие штаты, игравшие крупную роль в этом отношении были: Теннесси, Луизиана, Техсас и Миссисипи. Из всех 369 заведений, занимающихся производством хлопкового масла, 363 находилось в южных штатах, так что в этом производстве юг был монополистом. В 1899 г. стоимость хлопкового масла во всей стране составляла 58.726.632 долл., а в 1889 г. лишь 12.808.996 долл., т.-е. мы имеем увеличение на 203,7%.

Развитие промышленности на юге замечается больше всего в росте хлопчатобумажного производства. Хотя штат Массачузетс в 1899 г., как и со дня установления этого производства, играл первенствующую роль в этой отрасли промышленности, но пропорция его производства в сравнении со всей страной постепенно падала и в 1899 г. достигла 32,8%; между тем, производство хлопчатобумажных изделий в южных штатах постепенно росло (в особенности в Сев. Каролине, в Южной Каролине и в Георгии) с 6,2% всего производства страны в 1879 г. до 11,7% в 1889 г. и до 22,6% в 1899 г. Главными факторами, содействовавшими быстрому росту хлопчатобумажного производства в этих районах являлись близость сырья (ибо исключительно в южных штатах находятся все хлопчатобумажные плантации), избыток водной энергии (34,8% этой водной энергии использовывалось в тот период в этом производстве), а самое главное—дешевизна жизни и дешевый труд. Кроме того, женский и детский труд не ограничен никакими законодательными мерами, к чему мы еще вернемся ниже. Насколько быстро происходил рост хлопчатобумажной промышленности в южных штатах, можно видеть из того, что в 1879 г. производство в южных штатах увеличилось на 43,8% в сравнении с 1869 г., в 1889 г.— на 153,8% в сравнении с 1879 г., а в 1899 г.— на 128% в сравнении с 1889 г. В других штатах пропорция роста хлопчатобумажного производства составляла в 1879 г. всего 5,8%, в 1889 г.— 28,9%, а в 1899 г.— 7,8%

В южных штатах количество веретен в 1899 г. увеличилось гораздо больше, чем в северных штатах, составляя 56,5% всего роста страны. Каждое веретено в течение дня съедало больше сырого хлопка в южных, чем в северных, а именно в первых — 164,4 амер. фунтов (фунт равняется 0,5 кило), а в последних — всего 72,9 фунта. Стоимость этого продукта на каждое веретено в день составляла в южных штатах

22,09 долл., а в Новой Англии — 14,91 долл. Южные производства ценились в среднем в тот период 13,4 цента за ярд (ибо состояли из более грубого материала), а производства Новой Англии ценились в среднем 20,4 цента. В Сев. и Южной Каролине и в Георгии преобладал одиннадцатичасовой день, в то время как в Массачузетсе десятичасовой день для взрослых, а для женщин и подростков существовали еще и другие ограничения. Удлинение рабочего дня на юге содействовало тому, что производство каждого веретена на юге еще более усиливалось.

Текстильная промышленность в XX столетии продолжала сильно развиваться и стала на второе место после производства железа и стали (с последним конкурировало лишь продовольственное производство). В самой текстильной промышленности самую крупную роль в этом периоде, как и раньше, играет хлопчатобумажное производство, стоимость которого в 1919 г. составляла 2.100.000.000 долл. Об'ясняется это, конечно, изобилием сырья, т.-е. хлопка. Беспрерывному же росту этого сырья содействовало то, что из него добывалось хлопковое масло и его продукты. Кроме того, хлопчатобумажная промышленность росла благодаря тому, что потребности внутреннего рынка очень велики. Американские предприниматели никогда не боялись европейской конкуренции, несмотря на то, что труд им дороже обходился, ибо хлопок—сырье обходился очень дешево, применялись самые усовершенствованные машины, организация производства была и есть самой образцовой, а энергия при обилии топлива обходилась очень дешево. До 1879 г., как уже указано, ново-английские штаты являлись центром хлопчатобумажного производства, но с этого момента развитие этой промышленности в южных штатах пошло быстрыми шагами. В 1879 г. Сев. Каролина, Южная Каролина и Георгия (южные штаты) произвели свыше 6% всей хлопчатобумажной промышленности, в 1909 г. — около 30%, а 1919 г. — почти что 35%. Во всех, этих трех штатах хлопчато-бумажное производство являлось самым важным производством.

Новая Англия до недавнего времени, хотя и потеряла хлопчатобумажную промышленность, переходившую постепенно к южным штатам, все еще держала в своих руках эту отрасль, ибо упомянутые северные штаты сосредоточивали в своих пределах большую часть квалифицированных рабочих, которые производили самые высокие сорта мануфактуры. Кроме того, на севере легче добыть капитал в кредит. Помимо всего этого, ж.-д. и водный тарифы были гораздо дешевле на севере, чем на юге. Юг, в свою очередь, имел свои преимущества, содействовавшие развитию хлопчатобумажного производства: близость к хлопковым плантациям, дешевый труд, неимоверное развитие электрической силы благодаря существованию на юге многих водопадов, применение самых усовершенствованных машин и приспособлений, полное беззаконие по отношению к рабочему классу, злоупотребление неограниченным использованием женского и детского труда и очень низкие налоги. До недавнего времени полное развитие хлопчатобумажного производства на юге задерживалось благодаря тому, что замечался недостаток в предприятиях, которые могли бы заканчивать сотканные продукты: например, недоставало красилен и печатных станков, а потому южные штаты вынуждены были посылать полуфабрикаты мануфактуры на север для завершения процесса производства, а это, понятно, повышало стоимость продукции. Но в последнее время в южных штатах, как в Тенесси и в Алабаме, развиваются химические фабрики, которые построены по последнему слову науки, а потому способствуют открытию красилен. Открываются на юге также и печатные станки для мануфактуры.

С 1919 г. хлопчатобумажное производство южных штатов начало развиваться более быстрым темпом, чем производство Новой Англии (север). В мартовской (1927 г.) книжке ежемесячного журнала „The National City Bank of New-York“ приведен ряд интересных данных, указывающих на то, что хлопчатобумажное производство довольно стремительно расширяется в южных штатах, при неизменном падении удельного веса его в северных штатах. Это положение можно проверить хотя бы на приводимой ниже таблице индексов средней стоимости акций хлопчатобумажных фабрик.

Индекс средней стоимости акций хлопчатобумажных фабрик

	Южных штатов	Нью-Бедфорда (север)
Февраль 1923 г.	145	162
„ 1924 „	154	146
„ 1925 „	138	138
„ 1926 „	137	118
„ 1927 „	126	82

Из только-что приведенных цифр видно, что акции хлопчатобумажных предприятий южных штатов, очевидно, стояли на более твердой почве, чем акции северных фабрик, ибо акции южных фабрик упали незначительно, а акции ново-английских фабрик понизились почти на 50%. Это указывает на то, что южное хлопчатобумажное производство вытесняет северное (многие предприниматели Новой Англии открывают отделения на юге или совершенно перебираются туда); это ясно указывает на то, что в данный момент на юге производится больше хлопчатобумажных изделий, чем на севере, ибо в противном случае акции южных текстильных предприятий не стояли бы выше северных предприятий. Кроме того, можно представить массу фактов, указывающих на то, что текстильные фабриканты северных штатов банкротируются или перебираются на юг. Южные фабрики устраиваются, как указано, по новейшей системе, вводя самые усовершенствованные машины. Все это содействует тому, что южные текстильные предприниматели вытесняют северных.

И не только хлопчатобумажное производство перебирается в южные штаты. То же самое мы имеем в других текстильных отраслях (шерсть, шелк, искусственный шелк).

Другой важной промышленностью, которая перебирается в южные штаты, является уголь, а именно смолистый уголь.

Битуминозный (смолистый) уголь в начале XIX столетия был разбросан по всей стране, но антрацитовый уголь сосредоточен и до сих пор, по преимуществу, в штате Пенсильвании. Битуминозный уголь стал применяться в Америке приблизительно в 1800 г. Для добычи газа смолистый уголь начал использовываться в 1834 г. В этот период битуминозный уголь добывался в штатах Иллинойсе, Кентукки и Тенесси. Но в общем и целом в течение всего XIX столетия и в течение двад-

цати двух лет XX столетия смолистый уголь добывался, главным образом, в следующих четырех северных штатах: Иллинойсе, Индиане, Огайо и Западной Пенсильвании. Эти штаты до 1922 года снабжали все отрасли промышленности и их шахты были настолько разработаны, что их невыгодно стало теперь использовывать в сравнении с вновь открытыми копями в западной Виргинии и в восточной части Кентукки, где добыча угля обходилась гораздо дешевле, а потому старые шахты не в состоянии были конкурировать с новыми.

Новые шахты, находящиеся на незначительной глубине, изобилуют углем, так что добыча его обходится шахтовладельцам гораздо дешевле Множество толстых глыб угля находится на холмах вблизи берегов реки и это облегчает добычу и транспортировку угля. Многие копи лежат так близко к поверхности земли, что если приходится устанавливать спуск, то при очень ничтожных расходах. Кроме того, новые копи содержат очень высокий процент так называемого полубитуминозного, полусмолистого угля, т.-е. некурящегося, из которого газы испаряются в незначительной степени. А потому спрос на этот уголь велик не только для добычи пара, но и для домашних целей.

До мировой войны эти новые угольные шахты оставались на заднем плане благодаря тому, что все взоры предпринимателей Соед. Штатов были направлены на запад, куда переселялась огромная часть населения страны и где сильным темпом до мировой войны развивались все отрасли промышленности и земледелия. Первые железнодорожные магистрали также направились на запад вплоть до Скалистых гор (The Rocky Mountains) и Тихого океана, игнорируя совершенно южные штаты, в особенности штаты, в которых изобилует упомянутый уголь, а именно, Западная Виргиния, Кентукки, Тенесси и Алабама. Но мировая война стимулировала увеличение железных дорог: в 1900 г. длина железных дорог в Соед. Штатах составляла 198.964 англ. миль, в 1917 г.—266.059 миль, а в 1922 г. понизилась до 261.984 миль. В общем замечается значительный рост в железнодорожном деле, ибо в 1923—1924 гг. дорог было построено еще больше, так что в 1925 г. длина американских дорог составляла 263.000 миль. С 1920 г. множество железнодорожных веток и магистралей достигло и пересекало упомянутые южные штаты, в которых находились новые угольные шахты, изобилующие углем высокого качества. Это содействовало усилению добычи угля в новых копях, приблизив их к внутренним рынкам, к месту сбыта. Кроме того, Междуштатная коммерческая комиссия, под контролем которой находятся железные дороги, регулирует товарные тарифы в интересах шахт южных штатов, ибо последние находятся в руках таких финансовых тузов, как Морган.

Все эти обстоятельства фактически произвели революцию в Соед. Штатах, подобно тому, как в свое время — перемещение американского хозяйства на запад. До 1921 г. Иллинойс, Индиана, Огайо и Западная Пенсильвания, эксплоатировали $^2/_5$ рабочих, занятых в битуминозных копях, в которых добывалось 38% всего угля страны. В 1921 году Западная Виргиния, восточная часть Кентукки, Алабама и Тенесси лишь начали конкурировать на внутреннем рынке, чтобы захватить его в свои руки. Во время крупной забастовки 1922 г. обнаружилось, что эти районы, шахты которых обрабатывались неорганизованными рабочими, не примкнули к забастовке и в состоянии были добыть до 60% всего

добываемого смолистого угля в стране. Шахтовладельцы упомянутых штатов убедились в том, что массовое перенесение угольного производства вполне мыслимая вещь, это им поддало духу и они стали усиленным темпом развивать угольное дело в южных штатах: в 1923 г., после упомянутой угольной забастовки, в южном районе было уже добыто 34% всего смолистого угля в стране, в 1924 г.—38,5%, а в 1925 г.—65%.

К этому времени в Соед. Штатах усилилась концентрация капитала, стали развиваться вертикальные концерны, синдикаты, тресты. Одна крупная промышленность за другой всеми силами стремилась контролировать нужное ей сырье. Это движение совпало как раз с тем моментом, когда новые угольные копи развивались быстрым темпом и когда шахтеры этих копей были совершенно неорганизованы. Естественно, все это привлекало крупные концерны скупать шахты в новых районах, где, во-первых, довольно дешева земля и, во-вторых, налоги не так высоки, как в старых районах. В результате шахты, владельцами которых являлись потребители угля, как, например, электрические или газовые компании, могли эксплоатироваться непрерывно, а потому с меньшими расходами, чем „независимые“ шахты, т.-е. шахты, находящиеся во владении компаний, независимых от трестов, обычно ориентирующиеся на колеблющийся рынок. Кроме того, крупные концерны, владеющие такими шахтами, могут довольствоваться меньшей прибылью, ибо они сами являются основными потребителями добытого угля в их копях.

Эти вертикальные концерны, находящиеся в руках новейшего типа директоров механизированных производств, являлись инициаторами введения механизации в битуминозных шахтах, в которых эта механизация при старых шахтовладельцах проводилась в жизнь очень медленно. И эта быстрая рационализация битуминозных копей осуществлялась не только потому, что директоры крупных трестов имели большой опыт в применении технических приспособлений в промышленности, но и потому, что упомянутые крупные концерны владеют огромным капиталом, дающим им возможность вводить новейшие усовершенствованные машины гораздо скорее, чем это могут сделать независимые шахтовладельцы битуминозных копей со скудными средствами.

Кроме того, введение технических усовершенствований в новых шахтах гораздо легче провести в жизнь. Установка новых машин на девственной почве обычно обходится дешевле, так как в старых шахтах приходится делать затраты на удаление старых машин. Таким образом, изобретения и финансовая сила вертикальных концернов способствовали процессу перемещения добычи угля в южные штаты и всячески ускоряли его.

Еще одна крупная тяжелая промышленность перемещается с северо-востока и северо-запада на юг — железное и стальное производство. О размерах этих двух производств в конце XIX в. можно судить по следующим цифрам: в 1899 г. стоимость продукции 35 отраслей производства железа и стали (13.896 предприятий) составляла 1.793.490.908 долл., или 13,8% стоимости всей промышленной продукции страны.

Соед. Штаты в 1900 г., несомненно, производили больше железа и стали, чем все другие страны. В этом году производство железа и стали было сосредоточено в трех районах: во-первых, в Пенсильвании и Огайо, затем в Иллинойсе и, наконец, — в Алабаме и Тенесси. Первый район

т.-е. Пенсильвания и Огайо, производил $^2/_3$ всего производства железа и стали во всей стране, ибо этот район изобиловал дешевым углем. Кроме того, железную руду можно было очень легко транспортировать сюда по воде из районов, расположенных вблизи берегов Верхнего озера.

В XX столетии Пенсильвания, хотя и продолжает занимать первое место по выработке железа и стали, но на рынке появился ряд конкурентов. В штате Иллинойсе Чикаго является крупным центром производства стали, а в Гэри (штат Индиана) возникло одно из крупнейших в мире заводских предприятий, производящих сталь. Кроме того, за это же время возникли сталелитейные заводы в Дулюте, Кливлэнде, Буффало и других городах.

Но самыми крупными конкурентами являются два южных штата Алабама и Тенесси. Вблизи города Бирмингама, (штат Алабама) сосредоточены три главных вида сырья—железная руда, уголь и известь, необходимые для производста железа и стали и находящиеся друг от друга на близком расстоянии. Нет ни одного района ни в Соед. Штатах, ни на всем земном шаре, где бы три таких важных вида сырья были сосредоточены в одном месте, в особенности известь, необходимая для плавки. Это обстоятельсто и стимулирует необычайный рост железо- и сталелитейного производства в Бирмингаме. Но помимо этого, Бирмингамский район находится в исключительных географических условиях: будучи расположен вблизи Панамского канала, он, таким образом, связан не только со всеми частями Соед. Штатов, но со всем миром. Это также нашло свое отражение в росте производства Бирмингамского района, оно растет, снабжая этими продуктами северные и восточные, равно как и южные районы, при посредстве железных дорог и водных сообщений, приближающих этот район не только ко всем частям Соед. Штатов, но и ко всем частям света, находясь вблизи Панамского канала.

Насколько велик темп роста производства железа и стали в Бирмингаме можно судить по цифрам роста производства железа (мы берем эти данные из „Statistical Abstract“ за 1924 год, издаваемого американским министерством торговли) в этом городе. Так, в 1900 г. было произведено 1.184.000 длинных тонн железа, в 1905 г. — 1.604.000 тонн, в 1910 г. — 1.939.000 тонн, в 1915 — 2.049.000 тонн, в 1920 г. — 2.393.000 тонн, в 1921 г. — 1.207.000 тонн, в 1922 г. — 2.231.000 тонн, в 1923 г. — 2.797.000 тонн, в 1924 г. — 2.774.000 тонн. Бирмингам в последние годы производит больше железа, чем штат Иллинойс, выпустивший в 1924 году 2.601.000 тонн, и уступает лишь Пенсильвании и Огайо. Мы, к сожалению, не располагаем данными за последующие годы, но судя по отдельным сообщениям (например, предпринимательский еженедельник „Iron Age“ от 2/VI 1927 г.), можно сказать, что производство Бирмингама в 1927 г. вряд ли уступит 1924 г.

Нужно сказать, что дальнейшее усиление темпа производства железа и стали в Бирмингаме и Тенесси стало невозможным, потому что весь аппарат производства этих продуктов был ориентирован на добыче железной руды в районе Верхнего озера. Эти рудники сильно истощились и некоторые геологи утверждают, что если их будут продолжать эксплоатировать таким же темпом, как и до сих пор, то их хватит не больше, как на 10 — 20 лет. Поэтому стальной трест Соед. Штатов, устремлявшийся до сих пор на запад, теперь усиливает добычу

угля, железной руды и извести на юге, где он расширяет железное и сталелитейное дело.

Таким образом, мы видим, что в Соед. Штатах наступает новая эра. Большая часть крупной и тяжелой промышленности стремительно передвигается на юг. Кроме вышеуказанных перемещений производства в южные штаты, мы должны обратить внимание на усиление производства химических веществ в этом районе. Генерация электричества производится в больших размерах именно в штате Алабаме: там находится самая сильная в мире электрическая станция „Мосл Шоул“ (Myscle Shoal). Словом, будущее в развитии американской промышленности и сельского хозяйства принадлежит южным штатам.

Промышленность направилась на юг, потому что там находятся месторождения сырья, до сих пор очень мало эксплоатировавшегося, и еще потому, что там усилилось железнодорожное сообщение. Там же находятся хорошие порты в Балтиморе, Новом Орлеане и Галвестоне. В южных штатах также имеются хорошие речные сообщения. Кроме того, тяжелая промышленность направляется на юг потому, что старые источники сырья и топлива на севере истощаются. Но еще одно важное обстоятельство побуждает предпринимателей перебираться на юг. Как известно, американский рабочий класс получает в общем более высокую заработную плату, чем в европейских странах. В южных же штатах зарплата гораздо ниже, чем в северных штатах, при чем на юге возможна эксплоатация низко оплачиваемого труда негров и белых (потребности которых в этих штатах стоят отнюдь не выше потребностей чернокожих рабочих), но и женского и детского труда, использование которого в южных штатах в большинстве не ограничено никакими законами.

Отчеты „Monthly Labor Review“ — органа американского министерства труда — за сентябрь месяц 1926 года подтверждают, что труд даже квалифицированных рабочих в южных штатах оплачивается гораздо меньше, чем в северных: например, каменщик в городе Чикаго (на севере) получал в 1926 г. за час работы 1,5 долл., а в городе Чарлстоне, в штате Южной Каролины (южный штат) на $33^1/_2\%$ меньше, в городе Нью-Орлеане (в южном штате)—1,25 долл., а в Нью-Йорке—1,75 долл.; наборщик в Чикаго в 1926 г. получал 1,15 долл. в час, а в Чарльстоне—0,84 долл., в Нью-Йорке—1,22 долл., а в Нью-Орлеане—0,78 долл.

Еще хуже обстоит дело с чернорабочими: в ново-английских штатах, согласно тому же ежемесячнику „Monthly Labor Review“ за март 1927 года, чернорабочий зарабатывает не меньше 31 цента в час, в средне-атлантических и центральных северо-восточных штатах не меньше 30 центов, в центральных северо-западных — не менее 27 центов, а в южно-атлантических и в центральных юго-восточных штатах — не менее 15 центов, а в центральных юго-западных — не менее 20 центов, т.-е. между зарплатой южных штатов и зарплатой северных штатов замечается разница во многих случаях на 50%. Отнюдь не лучше обстоит дело с женским и детским трудом. Южные штаты в этом отношении являются злейшими эксплоататорами детского труда.

Перенесение центра тяжести американской крупной промышленности в южные штаты, безусловно, уже сильно отразилось (а в будущем еще больше отразится) на рабочем движении Соед. Штатов, ибо дешевый

труд чернокожих и белокожих рабочих, а также подростков на юге, дает возможность крупной американской буржуазии наступать на пролетариат в целях сокрушения единственной опоры американского рабочего класса — профсоюзов.

Больше всего замечаются подобного рода тенденции в текстильном производстве, где трудно было до сих пор организовать текстильных рабочих. В данный момент на юге, как уже указано, перерабатывается больше хлопка, чем на севере; в то время как на юге в текстильном производстве занято 400.000 рабочих, на севере насчитывается всего 300.000 рабочих в этой отрасли промышленности.

Текстильные рабочие южных штатов совершенно не организованы. Это побуждает фабрикантов наступать против рабочих севера, с целью низвести их зарплату до уровня, установленного для рабочих юга.

То же самое явление, что и в текстильной промышленности, наблюдается и в угольной промышленности. С увеличением добычи угля в южных штатах — в Кентукки, Виргинии, Западной Виргинии, Тенесси и Алабаме, — число неорганизованных рабочих в этой промышленности увеличивается. Около 70% всего угля страны добывается в данный момент неорганизованными рабочими, и эта тенденция безусловно будет продолжаться, ибо предприниматели, которые являлись шахтовладельцами в северных штатах, теперь захватили в свои руки шахты южных штатов. Они, несомненно, усиливают развитие угольных копей упомянутых районов с тем, чтобы платить 4,50 долл. в день неорганизованным рабочим вместо 7,50 долл., которые они платят организованным.

Благодаря перенесению и усилению угольной промышленности на юг в среде организованных рабочих замечается сильная деморализация: об'единенный союз шахтеров, когда-то самый сильный в Американской федерации труда и насчитывавший около 600.000 членов, теперь насчитывает свыше 250.000 членов. Несомненно, вожди профсоюзов типа Льюиса еще больше содействуют этому бегству из профсоюзов. Эта деморализация еще яснее видна и отражается на происходящей теперь забастовке углекопов, добывающих смолистый уголь. Эта стачка, вне всякого сомнения, обречена на поражение, ибо никогда в истории Америки классовая борьба между углекопами и шахтовладельцами не происходила при таких условиях: без всякого под'ема, без всякого энтузиазма. До этого времени борьба всегда была обостренная и доходила очень часто до вооруженного восстания, как это имело место в Колорадо и Западной Виргинии. И подобное разложение когда-то мощного профсоюза шахтеров будет продолжаться до тех пор, пока об'единенный союз шахтеров совместно с левым крылом американского профсоюза шахтеров, и американскими коммунистами, вопреки всем трудностям, серьезно не примутся за организацию углекопов, занятых в копях южных штатов.

В железной и стальной промышленности, в металлической промышленности в общем мы имеем гораздо худшее положение. До 1892 года в этой промышленности существовал довольно сильный союз металлических рабочих. С введением усовершенствованных машин в этой промышленности в тот период борьба между предпринимателями и рабочими усилилась. Организованные пролетарии того времени потерпели поражение, ибо квалифицированные рабочие не поняли духа времени и не организовали чернорабочих. Металлическая промышленность и до сих пор все еще не организована. Все попытки организовать их не увенчались успехом. Нам кажется что теперь настал момент приступить к организации рабочих в железной и стальной промышленности и именно в южных штатах, на девственной почве, где многие чернокожие и белые рабочие, покинувшие земледельческий труд и перешедшие на фабричную работу, несомненно, вынуждены работать более интенсивно, нежели в деревне, что первое время вызывает недовольство. Это как раз и нужно использовать в целях организации рабочих для борьбы с капиталистическим классом.

Не нужно забывать, что перемещение промышленности на юг оказало влияние не только на те промышленности, которые постепенно переселяются в южные штаты, но и на те промышленности, которые процветают в северных штатах, например, на швейную промышленность. Предприниматели этой промышленности наступают на профсоюзы швейников и пытаются сокрушить их при содействии профсоюзных вождей типа Грина, Вола, Сигмана и других. Если им эта попытка удастся, то они попытаются наступать и на другие оставшиеся крупные профсоюзы.

Словом, перенесение промышленности в южные штаты приводит к дезорганизации профсоюзов в северных штатах.

Поэтому в данный момент все внимание должно быть обращено на организацию профсоюзов в крупной—как легкой, так и тяжелой промышленности—в южных штатах, под лозунгом приравнения положения рабочих южных штатов к положению рабочих северных, приравнения зарплаты рабочих южных штатов к зарплате северных, сокращения рабочего дня в южных штатах до уровня северных, приравнения женского и детского труда в южных штатах к условиям их труда на севере.

Какое же влияние может оказать передвижение американской крупной промышленности в южные штаты?

В первую очередь необходимо отметить следующее: при постройке новых железных дорог южные штаты Америки в старые годы оставались без внимания. Все движение направлялось на запад и на юго-запад. Железнодорожное сообщение между Нью-Йорком и Калифорнией, протяжением в 3.000 миль, находилось в гораздо лучшем состоянии, чем сообщение между Нью-Йорком и Флоридой, протяжением в 1.400 миль. Долгое время до Флориды без пересадок нельзя было добраться. В последнее же время в этом отношении условия начинают улучшаться. При постройке новых железнодорожных магистралей теперь считаются с югом, при чем в данный момент создается новая магистраль „Nickel Plate Railrood". Первоначальный пункт этой железной дороги, главным акционером и главным вдохновителем которой является Морган, находится в Чикаго. Эта магистраль явится крупнейшей в стране ж. д. (ее протяженность 14.000 миль) и одновременно первой крупной дорогой, берущей свое начало в Чикаго, а своим конечным пунктом — южные штаты. Улучшение путей сообщения в Южной Америке не ограничивается только ж.-д. сообщением; оно коснулось речных, побережно океанских и океанских путей сообщения. Так, уже сейчас увеличивается прямое сообщение между Европой и Галвестаном и другими гаванями южных штатов, при чем рост водно-морских путей сообщения наиболее сказался в усилении связи между югом Соед. Штатов и Южной Америкой.

Экспорт Соед. Штатов направляется теперь, главным образом, в Южную Америку, ибо Соед. Штаты вывозят теперь больше всего готовые фабрично-заводские продукты, а не сырье и сырые сельскохозяйственные производства. В прошлом столетии Соед. Штаты экспортировали по преимуществу сырье, а потому экспорт направлялся в Европу, в котором последняя нуждалась. Теперь же Соед. Штаты, как указано, экспортируют продукты обрабатывающей промышленности, которые эта страна должна вывозить в Южную Америку, где промышленность находится в состоянии организации и где нужда в фабрично-заводских продуктах очень сильна.

Южным Штатам, находящимся близко от Южной Америки, очень выгодно входить в сношения с этой частью Западного полушария. Близость упомянутых штатов дает им возможность войти в контакт скорее с народами Латинской Америки, чем с северными штатами. Последнее позволяет удешевить перевозку товаров, а это, в свою очередь, ведет к удешевлению товаров. Словом, развитие промышленности в южных штатах Америки даст промышленникам этой страны большую возможность конкурировать с европейскими странами. Развитие промышленности в южных штатах, несомненно, приведет к более оживленной торговле с Азией, в особенности с Китаем, по тем же причинам, по которым оживились и оживляются сношения с Южной Америкой. Торговля же с Азией, в свою очередь, вызовет необходимость проведения нового канала между Атлантическим и Тихим океанами через Никарагуа.

Как известно, по вопросу о проведении канала через Никарагуа уже давно идут состязания между различными капиталистическими группами Соед. Штатов. Этот канал должен был быть проведен еще до сооружения Панамского канала. Но намеченные работы были отложены потому, что в проведении Панамского канала в первую очередь была заинтересована американская верхушка, в том числе и тогдашний президент Рузевельт. Никарагский канал имел и имеет много преимуществ: во-первых, почва той части Никарагуа, где этот канал предполагается провести, является более скалистой, чем та часть местности, где Панамский канал проведен. Это обеспечивает его в большей степени, чем Панамский, от обвалов. Кроме того, канал через Никарагуа уменьшит расстояние между Соед. Штатами и Азией и между некоторыми частями Центральной Америки и Мексики на западном тихоокеанском побережье. Точно также он приблизит западные тихоокеанские берега Соед. Штатов к восточным атлантическим берегам и тем самым оживит и усилит сношения между Нью-Йорком и Лос-Анжелосом, Сан-Франциско и другими гаванями.

В стратегическом отношении Никарагский канал имеет многие преимущества перед Панамским каналом в том отношении, что первый будет более защищен от Англии, чем последний, ибо Никарагский канал находится на более близком расстоянии от Соед. Штатов, а потому в случае военной опасности Америке легче будет защищать этот канал, чем Панамский от английских нападений.

В общем и целом развитие промышленности южных штатов может привести к оживлению и усилению внешней торговли Соед. Штатов с Южной Америкой и Азией и к еще большему обострению конкуренции между Америкой и Европой.

Л. Хейфец и И. Гинзбург

Проблема картелирования на рынке цветных металлов

Проблема рынка цветных металлов — это в значительной мере вопрос об экспансии тех крупных капиталов, которые вложены в добычу, производство и распределение цветных металлов. Процесс техники в мировом хозяйстве выдвигает повышающийся спрос на цветные металлы, без которых невозможно ни мирное, ни военное строительство. Тот же прогресс техники, использовывающей в своем производственном арсенале последние достижения, приводит в механизации добычи и обработки руд, к чрезвычайно высокому использованию в производстве сырья и механической силы; отсюда, как результат рационализации производства,—возможность снижения себестоимости продукции. Однако, капиталистические методы ведения хозяйства и постоянные конфликты с рабочими организациями держат капитал все время под угрозой снижения этой части его суммарной ренты. Из этого проистекает перенесение процесса извлечения основной части ренты из производства в торговлю, из каналов производственных в каналы торговые, где при современной структуре рынка эта задача наиболее выполнима. Здесь борьба за увеличение доходов построена капиталом по линии регулирования размеров товарной продукции и уровня цен. Осуществление этих задач оказывается возможным только при создании для капиталистических групп, работающих на рынке цветных металлов, монопольного положения. Как результат этого, наблюдается стремление к образованию международных соглашений, об'единяющих производственные и торговые капиталы и осуществляющих их фактическую монополию по цветным металлам.

Как всякое мощное капиталистическое об'единение международного характера, такие картели, утрачивая национальное лицо, скрывают в себе сложнейшие противоречия интересов национальных капиталистических групп, в полной мере поддерживаемых правительствами их стран. Международные картели, как высшая форма проявления современной стадии империализма, скрывают в себе для капиталистической экономики огромную взрывчатую силу. Имея целью ближайшим образом увязать предложение и спрос, картели вынуждены проводить очень жесткую политику контингентирования продукции и раздела рынков, что само по себе построено на ущемлении интересов одних национальных групп в пользу сильнейших.

Мировой рынок цветных металлов после войны оказался в положении чрезвычайного повышения производственных возможностей промышленности и сжатия спроса, из чего, как результат, получалось недостаточное использование производственных возможностей, повышение себестоимости и падение ренты; к тому же потребление значительно отставало от производства. Соотношение размеров производства и потребления в Америке и Европе создавало неизбежность крупнейших столкновений на рынке цветных металлов и делало обязательной постановку вопроса о соглашении капиталистических групп Старого и Нового Света.

В производстве и потреблении цветных металлов наблюдается картина устойчивого преимущественного значения Америки:

Наименование металлов	Производство в % %						Потребление в % %					
	Европа			Америка			Европа			Америка		
	1913	1925	1926	1913	1925	1926	1913	1925	1926	1913	1925	1926
Медь	19	8	8	69	80	79	61	44	42	33	49	50
Свинец	48	23	24	40	62	61	60	48	47	36	46	47
Цинк	68	49	45	31	46	50	70	54	52	28	41	42
Олово	27	30	29	—	—	—	54	41	40	37	53	53
Алюминий . .	58	61	53,4	42	39	46,6	52	50	44	48	48	53

Таблица показывает, что в области потребления всех видов цветных металлов имеется рост значения Америки за счет падения значения Европы. Падение доли Европы на мировом рынке цветных металлов иллюстрируется следующим сравнением участия Европы в мировой добыче руды, выплавке и потреблении цветных металлов за 1913 и 1925 гг.[1]

	1913 год		1925 год		1925 год
	В тыс. тонн	В % % к мировому итогу	В тыс. тонн	В % % к мировому итогу	в % % к 1913 году
Добыча руды[2]					
Европа	916	26,35	659	15,27	71
Прочие страны . .	2.560	73,65	3.656	84,73	142
Мировой итог . .	3.476	100	4.315	100	124
Выплавка металла[3]					
Европа	1.521	44,33	1.125	25,77	73
Прочие страны . .	1.910	55,67	3.241	74,23	169
Мировой итог . .	3.431	100	4.366	100	127
Потребление металла					
Европа	2.171	62,96	2.167	48,0	99
Прочие страны . .	1.277	37,04	2 348	52,0	183
Мировой итог . .	3.448	100	4.515	100	130

Европа не только утратила свою прежнюю роль в мировой промышленности цветных металлов, но по абсолютной величине ее продукция и потребление в 1925 г. не достигают цифр 1913 г., в то время как остальные страны повысили свою долю по добыче руд на 42%, по выплавке металла — на 69% и по потреблению — на 83%, при чем подавляющая часть нарастания относится за счет Америки. Что касается 1926 года, то доля участия Европы в выплавке этих металлов продолжает падать и Соед. Штатов — повышаться.

[1] По данным II Всесоюзного совещания по цветным металлам.

[2] Суммарная для руд медных, свинцовых, цинковых и оловянных в пересчете на металл.

[3] Суммарная для меди, свинца, цинка, олова и алюминия.

Выплавку 1926 г. можно характеризовать такими данными (в % %):

Страны	Металлы		
	Медь	Свинец	Цинк
Европа	6,9	16,6	34,9
Остальные страны	93,1	83,4	65,1
В их числе Америка	81,3	65,6	51,0

Эти данные отражают лишь географию промышленности, оставляя в стороне вопросы политики и финансового контроля американского капитала, распространяющегося далеко за пределы границ Америки. Экспансия американского капитала, ставшая особенно энергичной после войны, продолжалась и в 1925 и 1926 гг. Иллюстрацией этой экспансии может служить проникновение американского капитала в медную промышленность Африки путем покупки акций крупнейших обществ, захват американской капиталистической группой Гарримана силезской цинковой промышленности путем образования Силезско-американской корпорации, к которой переходят крупнейшие предприятия. Сюда же следует отнести и появившиеся в последнее время в иностранной печати сведения о проекте постройки группой американских капиталистов в Англии электролитического завода для переработки чилийской и африканской меди, предназначенной для снабжения европейского рынка (чем достигается сокращение лишних расходов по перевозке руды в Америку для переработки и обратной доставки ее из Америки в Европу).

Более подробно об экспансии американского капитала на мировом рынке цветных металлов будет указано в дальнейшем. Небезынтересно будет специально отметить изменения, происшедшие на европейском рынке цветных металлов. Если сравнить душевое потребление меди в основных странах Европы в настоящее время с довоенным, получим следующую картину:

Страны	Потребление в *кг* на душу		1925 г. в % % к 1913 г.	Суммарное потребление страны в 1913 г. тыс. тонн
	1913 г.	1926 г.		
Франция	2,6	2,9	112,8	86,0
Англия	3,8	3,4	89,6	169,4
Германия	4,3	4,1	95,1	150,0
Италия	0,8	1,7	197,9	24,0

Падение потребления в главных странах Европы не могло не отразиться на мировом рынке цветных металлов. Снижение спроса создавало тем более своеобразную картину, что из года в год наблюдался рост выплавки цветных металлов и расширение его предложения. Выплавка цветных металлов за 1926 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в среднем почти в полтора раза:[1]

Наименование металлов	1913 г.	1926 г.	
	Производство в тыс. метр. тонн.	Производство в тыс. метр. тонн.	В % % к 1913 г.
Медь	926,7	1652	178,3
Цинк	1000,6	1200	120
Свинец	1209,0	1520	125,7
Олово	132,5	143	108
Алюминий	63,2	180	284,6

[1] „Bureau of metal statistic", 5/III и „Metallbörse", 4/VI 1927".

Что касается мирового потребления, то на ряду с уменьшением европейского спроса Америка его увеличила и поэтому сокращение суммарного мирового спроса оказывалось небольшим. Все же расхождение между спросом и предложением составляет весьма значительную величину. Об'ясняется это отмеченными выше обстоятельствами, а также огромным ростом переработки лома цветных металлов за последние годы.

Цветные металлы, как более дорогие и имеющие специальное применение, вновь возвращаются через известный промежуток времени на плавильные заводы в виде лома и утилизируются для переработки на так называемый „вторичный" металл. Лом и отбросы в современном производстве становятся все более ценными продуктами, а удельный вес их в промышленности цветных металлов неизменно возрастает. В особенности количество лома и отбросов увеличилось после войны, когда военные снаряжения, вышедшие из употребления и строя, отправлялись в переплавку на „вторичный" металл. В С.-А. С. Ш. стоимость всех „вторичных" цветных металлов из года в год возрастает и по сравнению с 1913 г. составляет:[1]

Годы	Стоимость вторичных цветных металлов (в тыс. долл.)	Годы	Стоимость вторичных цветных металлов (в тыс. долл.)
1913	73.500	1922	143.891
1914	58.000	1923	205.418
1919	181.841	1924	200.578
1920	188.507	1925	243.570
1921	89.140		

Если рассмотреть состав вторичной переработки по отдельным видам цветных металлов, то медь оказывается на первом месте. Отношение всего производства „вторичной" меди к потреблению новой с 30% в довоенное время поднялось до 50% в 1925 г. Аналогичную картину можем наблюдать и по другим видам цветных металлов; например, „вторичный" свинец до войны составлял от 15 до 18%, а в 1925 г.—32—35% от выработки нового металла, алюминий в 1913 г.— 9,6% и в 1925 г.— 19,9%. Для переработки одного алюминиевого лома еще в 1922 г. в С.-А. С. Ш. существовало 2.500 литейных заводов, которые производили одновременно специальные работы по переработке алюминиевых отбросов. Соотношение между производством „вторичных" цветных металлов и суммарным потреблением определяется такими данными (тонны):

Наименование цветных металлов	1914 г.			1925 г.		
	Потребл.	Произв. вторичн.	Процент. отнош.	Потребл.	Произв. вторичн.	Процент отнош.
Медь	310.222	127.882	41,0	813.355	420.210	51,7
Свинец	451.264	61.062	13,5	658.143	226 880	34,5
Цинк	299.125	84.607	28,3	527.554	156.000	29,6
Олово	47.530	12.447	26,2	85.630	30.950	36,1
Алюминий	53.120	4.522	8,5	85.000	44.000	51,7

На ряду с быстрым ростом выплавки „вторичного" металла в С.-А. С. Ш. растет и его потребление, при чем потребление это внутри

[1] II Всесоюзное совещание.

страны растет быстрее нового. Если принять потребление цветных металлов С.-А. С. Ш. в 1913 г. за 100, то в 1925 г. их потребление выразится такой таблицей:

Наименование металлов	Вторичный металл	Новый металл
Медь	295	204
Цинк	171	150
Олово	210	144
Свинец	308	156
Алюминий	580	246

Увеличение выплавки „вторичного" металла имеет место также в Европе, где после войны имеются весьма внушительные количества лома и отбросов. Характер и темп развития рынков по отдельным цветным металлам совершенно различны, как это видно из дальнейшего изложения.

Медь. Мировая продукция меди за последние годы по сравнению с довоенным значительно возросла, при значительном несоответствии с размерами ее потребления:[1]

Годы	Новый металл. Производство (в тыс. тонн)	В %% к 1913 г.	Суммарное потребление (в тыс. тонн)	В %% к 1913 г.
1913	1073	100	1025	100
1924	1523	1419	1366	133,2
1925	1587	144,9	1497	146,0
1926	1652	153,9	1500	146,3

Продукция меди в 1926 г. на 54% выше, чем в 1913 г., в то время как потребление по сравнению с 1913 г. возросло всего на 46%. И если в 1913 году между производством и потреблением были „ножницы", то в 1926 г. они крайне усилились. При этом не следует забывать роста выплавки „вторичного" металла, не вошедшего в эти расчеты.

Рассматривая продукцию меди по отдельным производящим центрам, приходится констатировать, что основная доля мирового производства остается за С.-А. С. Ш. В то время как производство меди возросло в Европе весьма незначительно по сравнению с 1913 г., в Америке мы видим рост более чем в полтора раза:

Годы	Европа		Америка	
	Абсол.	В %% к 1913 г.	Абсол.	В %% к 1913 г.
1913	109,4	100	678,1	100
1921	69,6	63,6	359,9	53,1
1922	78,9	72.1	701,3	103,4
1923	104,8	95,8	1024,6	151,1
1924	109,4	100	1085,1	160,0
1925	118,8	108,6	1127,0	166,2
1926	113,0	103,2	1100,0	162,2

В общем мировом производстве доля Европы к 1926 г. падает с 11,6% до 8,1%, а доля Америки повышается с 73% до 80%. Из прочих стран наиболее быстрый рост отмечается в продукции меди в Бель-

[1] „Metallbörse", 4/1 1927 и Бюллетень Торгпредства в Берлине, № 19.

гийском Конго (Катанга): она поднялась с 7 тыс. тонн в 1913 году до 96 тыс. тонн в 1925 г. Производство 1926 г. вследствие транспортных затруднений и низкой кон'юнктуры рынка несколько упало, составив 88 тыс. тонн; однако, в ближайшие годы следует вновь ожидать увеличения продукции Катанга в связи с постройкой железнодорожной линии, дающей дешевый транспорт меди. Угрожающее усиление значения Бельгийского Конго, с одной стороны, и пониженные настроения потребительских рынков — с другой, — заставили северо-американский капитал, заинтересованный в меди, вступить на путь переговоров с европейскими группами как производителей, так и потребителей, в целях регулирования рынка. Переговоры эти начались еще в 1924 г. К этому времени цены на медь, из года в год падая, держались достаточно низко. По данным „Frankf. Zeitung" от 23/II 1927 г. цена на медь, по сравнению с 1913 г., составляла в фунт стерл. за тонну:

1913	68.5.9	1923	65.18.7
1919	90.9.4	1924	63.4.2
1921	69.8.7	1926	58.1.4
1922	62.3.6		

К этому времени во многие сферы применения меди стал проникать и частично вытеснять ее алюминий: угроза для медной ренты усилилась. Наибольшее распространение алюминия имело место в бурнорастущем авто- и авиотранспорте и в электротехнике.

Все это по совокупности — борьба за рынки, угроза экспансии капитала и ренте — побудило главного производителя и потребителя меди — С.-А.С.Ш.—вступить, как указано, в переговоры об образовании консорциума экспортеров меди, могущего диктовать рынку свою волю. Окончательное оформление этой организации под названием „Copper Exporters Incorprated" произошло в 1926 г. Об'единение это представляет картель мирового значения во главе с американской группой Анаконда.[1] В него входят все крупные американские компании (кроме одной, с годовой производительностью около 25.000 тонн), все компании, входящие в состав бельгийского общ. „Union Minier Haut-Katanga" (что особенно важно, так как эти производители ревниво оберегали себя от захвата американским капиталом), „Chile Copper C⁰", Перуанские продуценты, „South-American Products C⁰", „Pio Finto Metal Corporation", „British Metal C⁰", основные производители Франции, Бельгии и др. Образование „Copper Exporters Incorporated" является яркой иллюстрацией стремлений крупного капитала поднять ренту и противопоставить неустойчивости рынка об'единенный фронт как в области производства, так и в торговле. Что касается структуры картеля, то она весьма жестка для европейских его членов. Предполагалось, что картель будет устанавливать определенные лимиты цен. Фактически же под влиянием северо-американских концернов, играющих в картеле решающую роль, последние самостоятельно осуществляют функции по распределению контингентов, фиксируемых к тому же на крайне короткий срок. В связи с этой фактической диктатурой американского капитала медный картель был использован последними в качестве средства для удержания высоких экспортных цен. В результате такой политики европейская медная продукция теряла свою конкурентоспособность в отношении северо-американской. Важным противоречием между интересами отдельных групп капитала внутри этого картеля явилось фиксирование квот продукции помимо воли европейских членов синдиката. В то же время, если до организации картеля в 1924 году

[1] „Kartell-Rundschau", № 8—9.

цены за тонну составляли 63 ф. стерл. 4 шилл. и 1 пен., то в 1925 г. цена была 61.19.7, а в 1926 г.—60.9.5: стабилизация не была достигнута.

В итоге Брюссельская конференция картеля, состоявшаяся 15 ноября 1926 г., выявила наличие внутри него острых противоречий. Особенно резкую позицию к картелю заняла „British Metal C⁰", заявившая о своем окончательном разрыве с картелем; выход из картеля английской группы произошел не без вмешательства и влияния английского правительства (см. „Kartell Rundschau"; № 3, 1927 г.). Под влиянием этих признаков разложения и возникшей опасности конкуренции картель был вынужден в январе 1927 г. произвести снижение цен: европейских — на 13,50 центов за фунт и американских — 13,25 цент., при этом несмотря на низкие рыночные цены продуценты — благодаря низкой себестоимости — все же получали колоссальные доходы; так что и при низких ценах чистый доход компаний за 1926 год все еще весьма значителен, вследствие чего выплавка меди не сокращалась. Нужно сказать, что благодаря громадным успехам техники выплавки меди цены, в случае дальнейшего падения их, все же не слишком чувствительно отразятся на ренте производственного капитала и не вызовут немедленного значительного сокращения растущего производства.

При этом нужно отметить, что себестоимость меди находится в зависимости от кон'юнктуры рынка. Об'ясняется это в основном тем, что в период высоких цен заводам выгодно перерабатывать руды с меньшим содержанием металла, при падающих же ценах, наоборот, плавится более богатая руда. В 1907 году в момент наивысших цен, издержки производства также достигают максимальных размеров; при современной кон'юнктуре издержки производства резко понизились. Можно высказать положение, что нет достаточных оснований говорить о сокращении в скором времени производства меди при наличии достаточно высокой ренты, а следовательно, нельзя ожидать в ближайшем будущем заметного повышения цен.

Свинец. Если до войны мировое производство свинца в общем находилось в устойчивом состоянии и колебалось от 1.150 тыс. тонн до 1.200 тыс. тонн, то за последние 3 года производство показывает значительный рост и в 1926 году достигает 125% довоенного. По данным „The Mineral Industry" производство свинца определяется тем, что в 1913 г. оно составляло 1.209 тыс. тонн, 1921 г.— 857 тыс. тонн, 1924 г.— 1.291 тыс. тонн, 1925 г.— 1.498 тыс. тонн и в 1926 г.—1.520 тыс. тонн (125,7% к 1913 г.).

Рассматривая продукцию свинца по центрам производства, можно констатировать, что основная доля его, так же как и по меди, падает на Америку, продукция которой неизменно растет. Европа же в 1925 г. достигла всего 60% своей довоенной продукции, а в 1926 г.—62,4%. Выплавка свинца в Америке и Европе по годам составляет:[1]

Годы	Европа		Америка	
	В тыс. тонн	В % к 1913 г.	В тыс. тонн	В % к 1913 г.
1913	576,6	100	483,0	100
1921	261,1	45,3	461,4	95,5
1925	344,6	59,8	929,1	192,4
1926	360,0	62,4	950,2	196,6

Что касается потребления, то здесь картина несколько иная: колоссальный рост потребления в Америке на ряду с энергичным ростом

[1] „Institut International de statistique".

в Европе, обгоняющим по темпу производство. Потребление свинца в Европе в 1925 году достигло почти довоенного уровня:[1]

Годы	Европа		Америка		Мировое	
	В тыс. тонн.	В % к 1913 г.	В тыс. тонн.	В % к 1913 г.	В тыс. тонн.	В % к 1913 г.
1913	725,6	100	434,5	100	1.201,3	100
1921	339,3	46,8	433,3	99,7	833,0	69,0
1923	489,5	67,5	594,0	136,7	1.166,2	97,1
1925	717,5	98,9	694,2	159,8	1.506,7	125,4
1926	698,0	96,2	715,5	164,6	1.400,0	116,5

Если в 1913 г. расхождения между мировым производством (1.209 тыс. метр. тонн) и потреблением (1.201,3) практически почти не было, то в 1926 г. оно достигает 120 тыс. тонн, которые являются запасным фондом. Такой рост запаса свинца следует отнести за счет Америки, которая более интенсивно увеличила свое производство, опережающее внутреннее потребление, с одной стороны, и с другой — Австралии, Бирмы и Мексики, которые развили свою продукцию больше, чем вдвое по сравнению с довоенным временем. В 1927 г. мировой запасный фонд еще больше увеличился. В Соед. Штатах запасы свинца на февраль месяц составляли 38.600 тонн, в марте — 41.080 тонн, а в апреле возросли еще на 3.200 тонн: на ряду с ростом вывоза еще более энергично увеличиваются запасы. Рост мировых запасов и замедленный темп спроса со стороны главных потребительских стран — Англии и Германии — накладывает свой отпечаток на кон'юнктуру мирового рынка. За 1926 год Англия сократила ввоз свинца на 14.000 тонн по сравнению с 1925 г.[2] (в 1925 г. ввезла 129.936, а в 1926 г.—144.077 тонн), а Германия сократила ввоз на 46.000 тонн (в 1925 г. ввезла 122.000, а в 1926 г.—76.000 тонн).

Перепроизводство свинца столь велико, что без существенного сокращения выплавки металла улучшение мирового рынка вряд ли мыслимо.

Никакого впечатления не произвело и заявление некоторых кругов производителей, что якобы крупные мексиканские и американские компании решили понизить свою выплавку на 15%. В то же время правительство Испании намерено санировать свинцовое дело путем государственного кредита и декретированием принудительного синдицирования. Ожидать скорого сокращения выплавки вряд ли приходится. Движение цен за последние годы таково (за англо-фунт):[3]

В среднем за 1925 г.	9,10	В январе 1927 г.	7,65
В августе 1926 г.	8,90	„ мае 1927 г.	6,50
„ октябре 1926 г.	8,75	„ июне 1927 г.	6,25
„ декабре 1926 г.	8,50		

Несмотря на снижение цен и вообще на неблагоприятное положение в связи с перепроизводством, чистый доход свинцовых компаний все еще чрезвычайно высок и составляет до 50%, в виду чего пока нет достаточных оснований рассчитывать на интенсивное сокращение выплавки свинца, которая является все еще очень рентабельной.

Понижение мировой выплавки свинца вряд ли будет иметь место в ближайшее время еще и потому, что рынок свинца менее, чем какой-

[1] Торговый бюллетень Торгпредства СССР Германии, №№ 21, 23 за 1927 г. и 42 за 1926 г.

[2] Торговый бюллетень торгпредства СССР в Берлине, №№ 5 и 7, 1927 г.

[3] „Deutsche Allgemeine Zeitung", 4/I 1927, а также Бюллетень торгпредства СССР в Берлине за март, май, июнь месяцы.

либо другой поддается регулированию со стороны производителей, до тех пор пока борьба за повышение ренты не приведет к об'единению капитала (картелированию) и установлению соответствия между спросом и предложением.

Цинк. Мировой рынок цинка дает некоторое опережение роста потребления над производством, при чем характеризуется передвижкой центра производства и потребления из Европы в Америку.

Сравнивая участие Европы и Америки в общемировом потреблении, легко видеть, что потребление Европы с 1913 по 1926 гг. упало на 111,4 тыс. тонн, в то время как С.-А. С. Ш. повысили потребление на 230,4 тыс. тонн:[1]

Годы	Производство в тыс. метр. тонн	Мировое потребление в тыс. метр. тонн	В том числе: Европа		Соед. Штаты	
			в тыс. метр. тонн	в % к 1913 г.	в тыс. метр. тонн	в % к 1913 г.
1913	1000,6	1001,0	696,6	69,6	279,6	27,9
1919	649,0	701,2	339,8	—	315,8	—
1920	707,6	683,3	368,9	—	296,4	—
1921	437,4	473,9	252,9	—	185,7	—
1922	709,1	790,6	387,3	—	341,1	—
1923	942,9	940,5	472,2	—	401,4	—
1924	1005,7	1035,2	543,0	—	418,0	—
1925	1129,0	1179,6	635,3	—	460,4	—
1926	1200,0	1240,0	585,2	47,2	510,0	50,9

Для удовлетворения потребностей в цинке Европа ввозила его в 1913 г. в количестве 16,6 тыс. тонн (потребление Европы 696,6 тыс. тонн, при производстве 680 тыс. тонн), а в 1926 г.—в количестве свыше 100 тыс. тонн. Нужно отметить, что ввоз цинка в Европу фактически определялся еще большей цифрой, так как выплавка в Бельгии базировалась на импортной руде. Несмотря на колоссальный рост производства цинка в Соед. Штатах и усиление доли Соед. Штатов на мировом цинковом рынке, американский капитал принимает ряд новых мер, направленных к дальнейшему своему усилению и расширению своей сырьевой базы. Динамика цен, соотношение спроса и предложения и проблема ренты поставили вопрос о создании производителями цинка цинкового картеля. Одновременно велась усиленная подготовка выхода американского капитала на европейский рынок путем переговоров американской фирмы Гарриман с крупнейшим европейским об'единением — Верхне-Силезской фирмой „Oilsche". В организации европейского картеля принимали участие производители Бельгии, Франции, Польши и Верхней Силезии, Германии, Голландии и Англии. Исходя из расчета годовой потребности Европы в 600 тыс. тонн цинка были намечены следующие квоты для отдельных стран:[2] Бельгия — 210 тыс. тонн, Польша и Верхняя Силезия — 140 тыс. тонн, Франция — 82 тыс. тонн, Германия — 75 тыс. тонн, Голландия — 27 тыс. тонн и Англия — 60 тыс. тонн (в связи с забастовкой — падение производства в Англии).

Переговоры о создании европейского картеля ни к чему не привели, так как финансовое положение германских и польских производителей

[1] Бюллетень Сектора мирового хозяйства № 2(22), 1927 г. и „Institut Internationale de statistique".

[2] „Frankf. Zeitung".

было крайне тяжелым и последние предпочли союз с американской компанией, обладающей огромным свободным капиталом, от которой можно было ожидать получения средств для упрочения своего положения. Несмотря на старания германского правительства предохранить свой концерн с его чрезвычайно важным производством от кризиса и подчинения американскому капиталу, соглашение состоялось. И хотя Прусский государственный банк выдал этой Силезской компании 18 млн. марок в виде краткосрочной ссуды, эта ссуда дала концерну возможность продержаться лишь в течение нескольких месяцев, пока, наконец, компания не была вынуждена принять проект консолидации с группой Гарримана. Согласно договору, польские владения компании, большинство акций которой передается группе Гарримана, переходят в заново организуемый американский консорциум, при чем компания получает под залог своих германских владений заем в 10 млн. долларов из 10% годовых, сроком на $1^1/_2$ года. Помимо этого, новый консорциум предоставляет компании кредит в 10 млн. марок на 3 года для организации добычи руд на германской территории.

За последнее время этот консорциум уже дал повышение выплавки. В Германии и Польше она составляла в среднем в месяц в 1924 г.— 3.450 тыс. тонн и 7.753 тыс. тонн в 1926 г.—5.692 тыс. тонн и 10.312 тыс. тонн, а к марту 1927 г. увеличилась по Германии до 7.024 тыс. тонн и по Польше — до 11.991 тыс. тонн.[1]

В дальнейшем можно ожидать еще некоторого роста производства. Названная Силезская компания располагает огромными, единственными в Германии, еще не введенными в эксплоатацию месторождениями цинковой руды, которые, согласно отчетам английской прессы, дадут об'единенным предприятиям возможность повысить в самом ближайшем будущем свое производство от 3,5% мирового производства до 17%.

На ряду с ростом продукции в Германии и Польше она растет и в Бельгии; динамика продукции Бельгии характеризуется тем, что в 1926 г. она составляла в месяц в среднем 15.851 тыс. тонн, тогда как в марте 1927 г. она дошла до 17.620 тыс. тонн при средней продукции за 1924 г. в 13.582 тыс. тонн.

Рост продукции в Европе, а также имеющиеся налицо дальнейшие перспективы расширения производства отразились на ценах.

Падение цен определялось такими данными:[2]

1913 г.	22.14.13		1926 г.	34. 2.1
1924 „	33.12.0	Март	1927 „	30.13.0
1925 „	36. 5.0	Апрель	1927 „	29.11.7

В итоге можно прийти к выводу, что значительного перепроизводства на цинковом рынке не имеется, что нужно ожидать в скором времени известного насыщения мирового рынка в силу опережения производством потребления. В таком случае рента цинкового капитала окажется под угрозой и выдвинет с новой актуальностью вопрос об об'единении капитала и усилении регулирования капиталом производства и распределения.

Олово. Мировой рынок олова отличается от рынка других цветных металлов в первую очередь темпом роста производства. В то время как продукция меди выросла в 1926 г. по сравнению с 1913 г. на 78,3%, алюминия — на 184,6%, цинка и свинца — на 20%, производство олова увеличилось всего на 8%.

[1] „Institut International de statistique" за май 1927 г.
[2] „Institut International de statistique" за май 1927 г.

Процентное соотношение добычи всех металлов выражается такими данными:[1]

Годы	Алюминий	Свинец	Медь	Цинк	Олово	Всего
1909—1913	1,57	36,51	29,82	28,27	3,83	100
1913	1,91	35,12	29,91	29,29	3,87	100
1914—1918	3,41	32,62	35,37	25.06	3,54	100
1919—1923	4,02	34,41	32,70	24 60	4,27	100
1924 - 1926	4,28	34,08	32,39	25,97	3,28	100
1924	4,27	32,78	32,78	25,40	3,44	100
1925	4,26	34,77	34,77	25,82	3,31	100
1926	4,31	34,55	34,55	26,59	3,10	100

Рост потребления несколько опережал добычу и в процентах к 1913 г. составлял в 1924 г.— 105,3, 1925 г.— 117,7, 1926 г.— 123[2].

Опережение потреблением производства вызвало уменьшение запасов олова в каналах рынка и повышение цен. К концу 1923 года мировые запасы олова составляли 28 тыс. метр. тонн, в 1924 г.—23 тыс. метр. тонн, в 1925 г.—17 тыс. метр. тонн, в 1926 г.—15 тыс. метр. тонн и к концу первой половины 1927 года—14 тыс. метр. тонн. На ряду с таким фактором, как соотношение спроса и предложения на мировые цены, имел косвенное влияние и следующий фактор. Производство олова концентрируется территориально в английских и голландских колониях и — что более важно — находится почти целиком в руках мощных выступающих совместно английских и голландских финансовых групп. Однако, гегемония английского капитала на рынке олова постепенно укрепляется в силу специальных торгово-политических мероприятий английского правительства, выражающихся в первую очередь в том, что при вывозе оловянных руд из английских колоний взимается пошлина в размере 40%, если сырье предназначается не для английских металлургических заводов. Такие мероприятия, а также давление капитала и существующие договоры с голландскими выплавщиками сырого металла дают в результате, что почти 75% выплавки проходит через английские металлургические заводы. Благодаря такой концентрации продукции промышленникам удалось предупредить перепроизводство и добиться высокой рентабельности.

Последний отчет общ. „Ropp C°" указывает, с какой огромной прибылью работают предприятия по производству олова. При цене в среднем в 292 фунт. стерл. за англ. тонну, Обществом была реализована прибыль в 78 ф. стерл. за англ. тонну. Другая компания „Patino Mines & Interprices Consolid.", занимающаяся добычей оловянных руд в Боливии, при продаже по средней цене в 30.95 центов за англо-фунт получила прибыли свыше 100%.[3] Вследствие столь высокой рентабельности производства олова со стороны главных компаний и в особенности двух указанных, принимаются энергичные меры к привлечению нового капитала для расширения добычи и извлечения повышенной ренты. В последнее время в Лондоне ведутся соответствующие переговоры; есть основания ожидать, что они приведут к положительным результатам. На ряду с переговорами в Лондоне американский капитал, в свою очередь, предпринимает шаги к обеспечению сырьевыми фондами и освобождению от зависимости Англии. Зависимость эта станет вполне ясной, если принять во внимание, что Америка потребляет до 50% всей мировой добычи олова, не считая старого металла, потребление которого для 1926 г. выразилось в 28 тыс. тонн.[4] Главным потребителем олова является производство белой жести (35 тыс.

[1] „Chemisch metallurg. Zeitschr." и „Metallbörse", 14/IX, 1927.
[2] „Die Metallbörse".
[3] Торговый бюллетень Берлинского Торгпредства, № 17 от 23/IV, 1927 г.
[4] „Die Metallbörse", 17/IX, 1927 г., № 75.

тонн, или 38% всего потребляемого олова); автомобильная промышленность стоит на втором месте, при чем считается, что каждый автомобиль поглощает до 7,5 англ. фунтов, паяльная промышленность — 28 тыс. тонн, тяжелая индустрия—22 тыс. тонн, производство латуни и др.— 16,7 тыс. тонн, керамическая промышленность—15 тыс. тонн. Такое огромное потребление олова при большом экспорте готовых изделий ставит Америку в невыгодное положение, тем более, что по существующим английским законам при вывозе олова взимается высокая пошлина. В целях устранения такой зависимости один из крупнейших американских концернов приобрел 1/3 пакета акций компании „Comp. Aramago de Mines“ в Боливии[1], в результате чего в виду притока новых капиталов выработка последней должна увеличиться. Цены на олово показали тенденцию к падению, при чем падение с каждым месяцем становится более заметным. Динамика цен на олово на английском рынке такова:[2]

Годы	В фунтах стерл. за тонну	Месяцы 1927 г.	В фунтах стелинг. за тонну
1913	201.13.17		
1921	165.8.2	Январь	297.18.5
1922	159.10.9	Февраль	306.5.1
1925	261.1.8	Март	313.9.5
1926	291.4.0	Июнь	295.2.0
		Сентябрь	255.10.0

Рынок очень живо реагировал на приобретение американским концерном акций боливийской компании по добыче олова. С апреля месяца до сентября цены на английском рынке понизились почти на 28 фунтов стерлингов на тонну. По некоторым данным можно судить, что падение будет иметь место и в дальнейшем, тем более, что в С.-А.С.Ш. уменьшилась интенсивность выработки белой жести. Промышленность эта работает с нагрузкой в 85%, и в дальнейшем можно ожидать нового ухудшения конъюнктуры. Предпосылки для картелирования тем самым будут весьма активизированы и проблема увязки продукции с потреблением станет крайне острой.

Алюминий. Из всех цветных металлов алюминий по сравнению с 1913 г. наиболее резко вырос по добыче и потреблению. Как уже было указано, значение алюминия весьма возросло с тех пор, как он стал применяться в электричестве, при чем что особенно заметно в тех странах, где развита электропромышленность (в Италии, например, потребление алюминия возросло с 1 тыс. тонн в 1913 г. до 8,4 тыс. тонн в 1925 г.[3]

Во Франции, где электропровода изготовляются из алюминия, потребление возросло еще в большей степени: в 1913 г.—7 тыс. тонн и в 1926 г.—21,3 тыс. тонн.

Рост потребления алюминия не может быть приписан исключительно электропромышленности, о чем уже сказано выше, но все же основную массу его потребляет именно эта отрасль, в особенности в Европе.

Производство и потребление алюминия по отдельным странам определяется такими данными (в тыс. метр-тонн, см. стр. 215).[4]

Наибольший относительный рост продукции в 1926 г. показала Канада, а из европейских производителей на первом месте стоит Германия с продукцией, равной 14% мировой. Что касается потребления, то С.-Ш.С.А. составляют 48% мирового. Таким образом, С.-А.С.Ш. играют

[1] Торговый бюллетень Берлинского Торгпредства, № 16 от 25/III 1927 г.
[2] „Institut International de statistique“ за VII 1927 г.
[3] „Die Metallbörse“. 14 и 21/IX. 1927.
[4] Торговый бюллетень Торгпредства Германии, № 14, 1927 г.

Страны	1913 г. Произв.	1913 г. Потреб.	1925 г. Произв.	1925 г. Потреб.	1926 г. Произв.	1926 г. Потреб.
Франция	14,5	7,0	20,0	19,3	20,5	19,0
Швейцария	12,0	20,7	20,0	7,5	19,6	7,7
Германия			26,2	23,0	29,5	32,6
Австрия			3,0		2,7	
Англия	7,6	5,0	15,0	17,0	7,2	17,5
Норвегия	1,5	1,0	22,0	—	21,5	—
Италия	0,8	1,0	1,8	4,4	1,8	8,3
Итого Европа	36,4	33,7	108,0	78,2	102,8	95,1
С.-А.С.Ш.	20,8	31,7	70,0	86,5	89,1	85,9
Канада	5,9		8,0		17,9	
Мировое	63,1	65,4	186,0	164,7	209,8	181,0

доминирующую роль как в мировой продукции, так и в потреблении алюминия, однако С.-А.С.Ш. не обладают достаточной сырьевой базой и добываемые ими бокситы не покрывают потребностей алюминиевой промышленности С.-А.С.Ш. „Alluminium C⁰ of America“, контролирующая 95% американской продукции, вынуждена ввозить значительные количества бокситов из Франции, Британской и Нидерландской Гвинеи и др. На ряду со стремлениями названного американского общества обеспечить себе сырьевую базу вне Соед. Штатов проявляет значительную активность и германский алюминиевый капитал. Последний заключил соглашение с Швейцарско-Венгерской бокситовой группой относительно поставки германским алюминиевым заводом венгерских бокситов. Далее, германские группы ведут переговоры с югославским правительством о концессии на разработку государственных бокситовых месторождений в Герцоговине. Сверх того, германская алюминиевая промышленность владеет 45% капитала в ряде румынских предприятий.

Германская алюминиевая промышленность выдвинулась на первое место в Европе только в послевоенный период, в виду чего резко изменилось соотношение сил основных производящих стран. Конкуренция между отдельными промышленными предприятиями и группами приняла весьма острый характер; однако, в конце концов проблема алюминиевой ренты наметила тенденцию и пути к соглашению. В конце 1926 г. было заключено международное соглашение. В европейский алюминиевый синдикат вошли следующие производители:[1] Швейцария—„Alluminium Industrie“, Франция—„Alluminium Française“, Англия—„British Alluminium C⁰“, Германия—„Vereinigte Alluminiumwerke“, группа Металлбанка и др. Срок действия соглашения—2 года. Главная цель синдиката извлечение повышенной ренты под видом стабилизации цен. Еще до вступления в силу этого соглашения цена на алюминий была снижена приблизительно на 13 фунтов стерл. на тонну.

С образованием европейского картеля мировая алюминиевая промышленность распадается на 2 противостоящих друг другу группы: европейский картель и „American Alluminium C⁰“, силы которых почти равны, так как картель контролирует 47% мировой продукции алюминия. Возможность полумирного сотрудничества двух групп мыслима лишь постольку, поскольку американский алюминий не поступает на иностранные рынки и пока экспансия американского капитала не вышла за пределы

[1]) Торговый бюллетень Берлинского Торгпредства, № 48, 1926 г.

С.-А.С.Ш. Однако, тенденция американской компании увеличить в ближайшем году свою продукцию (а тенденция выражается в том, что компания реализует заем в 60 млн. долл. на цели расширения производства в Канаде) будет иметь неизбежным последствием обострение конкуренции на мировом рынке.

Цены на алюминий на европейском континенте и в Северной Америке не одинаковы; об'ясняется это тем, что в С.-А.С.Ш. существуют пошлины, при помощи которых цены удерживаются на повышенном уровне. Если сравнить цены в Германии и С.-А.С.Ш., то обнаруживается, что уровень их различен, при чем в 1926 г. американские цены начинают приближаться к ценам европейского континента (в долл. за тонну):

	1913 г.	1919 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Германия . . .	404.97	771.02	394.39	—	522.65	564.29	555.15
С.-А.С.Ш. . .	521.17	708.56	411.83	560.10	595 91	599 00	597.12

Позволительно будет выразить уверенность, что развертывание алюминиевой добычи СССР вместе с увеличением бокситовой продукции нынешних продуцентов может послужить причиной кризиса сбыта, выходом из которого для капиталистических групп, заинтересованных в алюминии, будет картелирование. Оно будет тем более необходимо в свете проблемы удешевляющейся себестоимости и падающей ренты.

Мировое производство цветных металлов перед войной и в начале войны, как уже отмечалось, быстро возросло, производственная способность рудников и заводов расширилась, давая энергично притекавшему капиталу очень высокую ренту и собирая вокруг себя огромный контингент рабочих. Но война кончилась, потребление упало, расстроенное войной хозяйство не могло поглотить даже тех количеств, которые требовались ему в мирное время, а не только тех, которые дополнительно расходовались участниками войны. Продукция оказалась без потребителя и превышавшее спрос предложение вызвало снижение цен. Одновременно, необходимость сокращения производства обусловила непроизводительное простаивание основного капитала промышленности и привела к чрезвычайному снижению ренты. Таковы были общие предпосылки кризиса. Отсюда следующая сводная таблица динамики цен: [1]

Годы	Медь		Свинец		Цинк		Олово		Алюминий	
	Амер.	Англ.	Амер.	Англ.	Амер.	Англ.	Амер.	Англ.	Амер.	Англ.
1913	15.70	68.5.9	4.40	18.6.2	5.80	22.14.3	44.90	201.13.7	23.60	87 3
1921	12.60	69.8.7	4.60	22.14.7	5.10	26.4.0	29.80	165 8.2	21.50	—
1922	13.40	62.3.6	5.80	23.14.7	6.10	29.14.2	32.50	159.10.9	18.70	—
1925	14.10	61.19.8	9.10	35.17.3	8.00	36.5.0	57.87	261.1.8	27.20	—
1926	13.81	58.1.4	8.46	31.1.9	7.73	34.2.1	65.34	291.4.0	26.97	—
1927										
Март . .	13.10	55.19.11	7.50	27.16.11	7.10	30.13.0	69.30	313.9.5	25.70	109.10.0
Май . .	12.60	54.11.10	6.60	25.1.1	6.40	29.0.8	67.40	295.0.12	25.50	107.5.0
Июль . .	12.50	54.11.8	6.30	23.9.10	6.60	28.5.7	63.90	288.16.3	25.40	105.0.0

Под влиянием указанных в нашем изложении факторов кон'юнктура мирового рынка цветных металлов в 1926—1927 гг. в основном определялась неравномерным развитием продукции и потребления, непрерывным падением цен, определившим усиление борьбы капиталистических групп за рынки, обострением борьбы за ренту, приведшем к организации капиталом международных соглашений, нормирующих продукцию и ее сбыт и регулирующих цены.

[1] Амер.— в долларах за 100 фунтов; англ.— в фунтах стерлингов за тонну.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Две промышленности по одному пути

Прежде чем приступить к обсуждению интересующего нас вопроса о координации интересов двух видов промышленности,— автомобильной и авиационной, которые на наш взгляд представляются состоящими друг с другом в некотором родстве, мы считаем совершенно необходимым выяснить в коротких чертах современное положение автомобильного вопроса в нашей стране.[1] Не так давно этот вопрос был снова с большой убедительностью освещен в „Правде“ тов. В. В. Осинским, но мы считаем нелишним присовокупить несколько цифр к приведенным уже этим автором и сделать свои выводы из этих цифр.[2] Для этого нам придется несколько злоупотребить данными заграничной статистики, особенно северо-американской, и не раз обратиться к примеру пресловутого автомобильного короля Генри Форда. Мы не собираемся проповедывать фордизм как спасение для нашего собственного хозяйства, но в некоторых случаях цифры говорят убедительнее всяких проповедей, и в таких случаях мы не имеем никакого права отметать содержащийся в них глубокий практический смысл, крайне поучительный и для нас.

В обстановке сегодняшнего дня автомобиль приковывает к себе исключительное внимание, как средство нерельсового транспорта, занимающее первенствующее положение в ряду всех остальных средств передвижения. При этом совершенно не представляется возможным разграничить вопрос и сказать, где кончаются хозяйственные интересы страны и где начинаются интересы армии, поскольку речь идет об автомобиле. Вероятно ни в одной отрасли народного хозяйства, обслуживающей мирные нужды населения, нельзя найти столько корней для заинтересованности военного ведомства, как в автомобильном транспорте.

Ошибочно было бы думать, что говоря об автомобиле, хозяйственно полезном, мы в какой бы то ни было мере намерены выделять в эту категорию только грузовую машину. Если на первый взгляд это положение и кажется верным, то анализ американской практики, наиболее для нас показательный, его опрокидывает. Не легковая машина идет за грузовиком, а наоборот. Лучше всего это можно видеть на примере американских фермеров, народе, проникнутом духом утилитаризма и в процессе своего хозяйственного обрастания, руководствующимся прежде всего соображениями чисто хозяйственного порядка.

---

[1] Вопрос этот не раз поднимался уже нами на страницах этого же журнала (см. ст. Я. М. Шатуновского, „План. Хоз.“, № 12, 1925 г., ст. Н. Н. Шпанова, „План. Хоз.“, № 5, 1926 г.).

[2] Опубликованное в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК“ от 7 сентября 1927 г. решение Совнаркома РСФСР, касающееся автомобильного треста, только убеждает нас в необходимости еще раз широко обсудить вопрос.

Как видно из таблицы 1, число грузовиков, содержимых американскими фермерами, все время держится ниже 10% от числа содержимых ими легковых автомобилей. Это лишний раз свидетельствует о недопустимой ошибочности господствовавшего у нас до сих пор взгляда на легковой автомобиль, как на предмет роскоши, и о неправильности, вытекающей из такого взгляда автомобильной политики.

Таблица 1

Автомобили в сельском хозяйстве С.-А. С. Ш.

	Легковых машин	Грузовиков
	(в тысячах)	
1920 г.	3.000	200
1924 „	4.500	356

Что касается автомобиля с точки зрения военной, то нужно с полной определенностью сказать, что совершенно ошибочно измерять „автомобильную мощь" государства, исходя лишь из численности наличного парка машин. В силу того обстоятельства, что значительное большинство действительно хозяйственных (с экономической точки зрения) машин, относящихся к категории слабосильных и мало приспособленных к полевой работе, не пригодны для надобностей армии, это последняя и не может строить своих расчетов на имеющемся в стране парке готовых автомобилей. Расчеты военного ведомства могут строиться, главным образом, на активности и развитости отечественной автомобильной промышленности. Поэтому военное ведомство заинтересовано не только в том, какое количество автомобилей имеется в стране, но и в том, каким образом пополняется парк, путем ли постройки новых машин на заводах внутри страны, путем ли ввоза из-за границы, или путем восстановления выходящих в тираж старых машин. В первом случае для военного ведомства является существенно интересной самая природа нашей автомобильной индустрии, ее производственные возможности и методы производства, во втором случае — военное ведомство кровно заинтересовано в спецификации машин, ввозимых в страну из-за рубежа, и в стандартизации списка ввозимых автомобилей.

Что касается плана пополнения отечественного автомобильного парка путем импорта иностранных машин, то о нем уже настолько много говорилось, что едва ли нужно тратить здесь много места на повторение доказательств того, что этот план (если он вообще существует) требует немедленного пересмотра.

Укажем только, что погоня за роскошными (в наших условиях и по нашим понятиям) марками автомобилей не единственная беда нашего импорта. Ничуть не менее печально дает себя знать погоня за все новыми и новыми моделями. Эта погоня создает из нашего автомобильного парка небывалую кунсткамеру, в которой представлены редчайшие марки, иногда в одном—двух экземплярах. Легко себе представить, как это отражается на ремонте парка. Именно этими обстоятельствами и об'ясняются такие потрясающие цифры, как 78% ремонта машин от общего числа машинодней, или 60% дней простоя.

Впрочем, мы останавливаемся здесь на вопросе о ввозе лишь постольку, поскольку он с необычайной яркостью выявляет все отрицательные стороны постановки автомобильного хозяйства, наблюдаемые

у нас, и дает прекрасный урок на будущее время при попытках к построению правильного автохозяйства в стране. Лучше чем кто бы то ни было, мы знаем теперь весь вред разношерстности автопарка и поэтому, вероятно, в среде наших автомобильных работников найдется не слишком много таких, которые будут спорить против необходимости введения возможного стандарта в нашем автомобильном хозяйстве и особенно в будущем собственном автомобильном производстве. К счастью, мы можем здесь ограничиться примером чужой промышленности, не проделывая тяжкого опыта на своей собственной шкуре, а о том, насколько тяжел опыт, понуждающий итти к сокращению числа марок автомобилей, содержимых в эксплоатации, можно судить по табл. 2.

Таблица 2

Сокращение числа марок автомобилей в С.-А. С. Ш.

	Число марок	% сокращения
Maxim	565	
1925 г.	77	87
1927 „	54	31

При построении плана создания нашего автомобильного хозяйства, строго говоря, следует считать, что мы такового вовсе еще не имеем, так как те крохи, которыми мы располагаем, вовсе не приходится принимать во внимание. Если даже считать, что приписываемые нам 12 тысяч автомобилей являются не списочными, а действительными единицами, в чем мы имеем основание сомневаться, то и тогда по сравнению с нашими потребностями-минимум — это такая капля, что ею можно совершенно пренебречь.

Какое же действительное количество машин нам надо иметь, чтобы можно было считать, что наш автомобильный транспорт является сколько-нибудь реальным фактором в советском хозяйстве? Не задаваясь ориентировочными цифрами перспективных планов и базируя расчет исключительно на реальной потребности сегодняшнего дня, мы можем считать, что нехватка в одних только грузовых автомобилях исчисляется у нас примерно, в 170 тысяч трехтонных машин. Это та нехватка, которая обусловливается наличными перевозками наших железных дорог и речного транспорта и может быть рассматриваема лишь как нехватка в обслуживании транзита. Если же принять во вимание действительные нужды строго местного транспорта, то, вероятно, это число при самых скромных расчетах должно быть удвоено.

Итак мы сегодня недосчитываем почти 350 тысяч грузовых автомобилей. Если, далее, считать правильным соотношение численности грузовых и легковых машин в мировом хозяйстве и если считать, что те же расчеты могут быть приложены и к нашему автомобильному хозяйству, а это так и есть, то можно более или менее приближенно сказать, что в данный момент наша реальная потребность выражается, примерно, в 3.500 тысяч легковых автомобилей. Если даже мы в эту теоретическую нехватку внесем поправочный коэфициент на наше экономическое положение и дорожные условия и понизим полученную цифру в 2 и даже в 3 раза, то и тогда она остается все же достаточно внушительной.

Та и другая цифры имеют в виду лишь современное состояние нашего грузооборота. В действительности же можно сказать, что при условии

наличия в нашем хозяйстве только что приведенных количеств автомобилей темп хозяйственной жизни и грузооборот настолько резко изменят свою физиономию, что не приходится и мечтать об удовлетворении насущных нужд исчисленным количеством машин. Особенно резко изменение грузооборота в сторону повышения и еще резче людские перевозки в ту же сторону изменяются при проникновении автомобилей в сельские местности, в крестьянские хозяйства. И может быть это покажется странным, но анализ развития того же американского автомобильного хозяйства говорит, что товарные перевозки сельскохозяйственных грузов растут не пропорционально развитию сельскохозяйственного грузового автомобильного транспорта, а почти прямо пропорционально росту крестьянского легкового автомобильного транспорта.

Нужно же заметить, что при исчислении приведенных выше цифр потребности нашей в автомашинах мы не принимали во внимание крестьянские нужды, между тем мы совершенно не склонны соглашаться с большинством наших авторов, утверждающих, что еще очень долго легковой автомобиль не сможет сделаться предметом потребления крестьянина. Это в корне неверно. Не только коллектив или кооператив, как утверждает тот же тов. Осинский, сделается в ближайшие пять лет держателем легкового автомобиля, но именно индивидуальный сельский хозяин. Во всяком случае, скорее чем городской рабочий. Конечно, все это при условии получения машин действительно по „фордовской“ цене и на „фордовских“ условиях.

Именно то обстоятельство, что мы не в состоянии определить емкости нашего индивидуального рынка и вправе с более или менее гарантированной ошибкой говорить лишь о государственно-кооперативном рынке, мы и не можем сейчас, до появления у нас подходящего типа машины, предугадать размеры потребности в автомобилях на ближайшие годы.

Теперь несколько слов о тех ресурсах, которыми мы можем пользоваться для построения нашего автомобильного хозяйства. Прежде всего, отбросим совершенно мысль о возможности „восстановления“, излюбленнейшем нашем методе „пополнения“ автомобильного парка. Для тех, кому не знаком этот термин, мы можем пояснить, что восстановлением у нас называется создание из кладбищенского автомобильного хлама, пригодного только на то, чтобы итти в переплавку так называемых „новых“ машин. Эти машины представляют собою величайшее зло нашего автомобильного хозяйства, так как являются наименее экономичным средством механического транспорта, могущим существовать только у нас благодаря крайнему транспортному голоду, несмотря на то, что эксплоатационные расходы, связанные с содержанием подобного рода драбантов, обычно в три и четыре раза превышают нормальные эксплоатационные расходы на содержание современных автомобилей.

Итак, отбросим совершенно разговоры о восстановлении. В настоящих условиях нам открываются лишь три возможности: ввоз готовых автомобилей из-за границы; автомобильная концессия, с производством за счет иностранного капитала автомобилей внутри страны; совершенный отказ от зарубежной помощи и создание собственной автомобильной промышленности исключительно собственными силами.

Который из этих способов может быть признан реальным? Сразу нужно отбросить мысль о том, чтобы впредь пополняться и расширяться целиком за счет импорта, так как на это нехватит наших фондов, даже при условии отказа от всех других первоочередных надобностей. Если мы определили потребность сегодняшнего дня цифрой, близкой к 4.000 тыс. машин, или хотя бы с уменьшением втрое в 1.200—1.300 тыс. машин, и если считать, что мы впредь не будем ввозить к себе машин дороже чем Форд, то все же нам только на основную потребность, не считая прироста и пополнения убыли, потребуется затратить около двух с половиной миллиардов золотых рублей, о чем, конечно, не приходится говорить. Да и нет никакого смысла создавать за свой счет иностранную промышленность, даже если это дает нам наименее хлопотный и быстрый способ пополнения своего автомобильного парка.

Теперь о возможности привлечения к нам иностранного капитала для создания автомобильного производства внутри страны. Может ли Европа дать нам необходимые средства, для создания производства того масштаба, который единственно может нас удовлетворить? В этом приходится усомниться. Чтобы пересадить к себе европейское автомобильное производство, пришлось бы пойти именно по тому пути, от которого нужно сразу же и категорически отказаться — по пути создания ряда разнотипных производств, строящих машины различных марок, так как мы не знаем в Европе ни одного такого автомобильного об'единения, которое могло бы взять на свои плечи задачу в целом в качестве дополнительного дела к своему основному производству, поставленному в той стране, где эта фирма работает.

Даже если бы европейская автомобильная промышленность могла выделить средства, необходимые для создания у нас производства, на сегодня удовлетворяющего нас количественно, то все же мы не можем этим производством удовлетвориться завтра, так как европейские методы производства нас ни в коей мере не удовлетворяют. Мы должны твердо заявить, что через европейские методы производства автомобилей мы должны перешагнуть. Даже такие первоклассные заводы, как Рено или Фиат, всемерно массирующие свое производство, нас не должны удовлетворять. Что же касается близкого к удовлетворительным результатам по численности своего производства Ситроена, то он ни в коей мере не может претендовать на господство в смысле качества. Да, в конце концов, уже сейчас европейский автомобильный рынок начинает наводняться американской продукцией. Та незначительная доля продукции европейских заводов, которая вывозится за границу, относится к маркам не дешевым и не массовым. Автомобильная же промышленность, производящая дешевую машину, работает на внутренне-европейский рынок и не стоит перед опасностью близкого кризиса, так как емкость этого рынка в отношении спроса на дешевую машину еще достаточно велика.

Одним словом, на наш взгляд, только американская автомобильная промышленность в состоянии выделить необходимые средства для создания удовлетворяющего нас масштаба автомобильного производства.

Емкость американского рынка неизменно сокращается и к началу тридцатых годов американская автомобильная промышленность должна будет работать только на пополнение убыли в своем автомобильном парке, так как прирост машин в С.-А. С. Ш. должен будет естествен-

ным порядком прекратиться. Это обстоятельство уже сейчас заставляет американских автомобильных промышленников призадуматься над вопросом реализации своей продукции. Они идут к решению этой задачи путем рассредоточения своего производства и переброски своих производственных филиалов за пределы страны, не только на своем континенте и в страны культурно-отсталые, но даже в Европу.

Наконец, еще одно соображение, которое говорит в пользу американского автомобильного производства: оно перешагнуло через европейские методы производства и стоит сейчас на том уровне производственного совершенства, который должен быть признан для нас единственно удовлетворительным и приемлемым.

Только американская автомобильная промышленность с ее методами производства способна претендовать на удовлетворение такого гигантского рынка, каким является наша страна. Это нам важно установить раз навсегда не только с точки зрения масштабов необходимого капитала, но в смысле привлечения таких именно фирм, которые могут гарантировать постройку необходимых нам дешевых машин типа Форд, Додж, Шевроле. Нужно сказать, что в той же Америке свыше 60% всех производимых машин принадлежит к числу именно этих типов.

Остановимся теперь вкратце на третьей и, несомненно, наиболее интересующей всех нас возможности — пополнения автомобильного парка СССР собственным производством. Здесь не приходится даже и говорить о возможности отрицательного отношения к принципиальной постановке вопроса: СССР необходимо иметь отечественную автомобильную промышленность. Приходится только говорить о возможностях, которыми мы располагаем для осуществления этого. Здесь нужно еще раз со всей твердостью подтвердить решение, принятое уже нами в предыдущем пункте, — полный отказ от всякой кустарщины и нерационального разнобоя: только массовое стандартное строительство. Исходя из такой основной предпосылки, и следует рассматривать свои возможности.

Можем ли мы считать, что основание нашей автомобильной промышленности в трактуемом нами смысле уже заложено в виде тех заводов, которыми мы располагаем в настоящее время? Вероятнее всего, что на этот вопрос мы должны будем ответить отрицательно, т.-е. ни автомобильный трест, ни какая бы то ни было другая производственная организация не обладает ячейкой, могущей развернуться в современный автомобильный завод, или вернее, в группу современных автомобильных заводов. Следовательно, нужно говорить о строительстве с азов, от фундамента до последнего станка. Располагаем ли мы возможностью внутри страны построить оборудование, необходимое для современного автомобильного завода, с нужной нам продукцией? Ни в какой мере. Следовательно, сразу же нужно отметить, что первоначальное оборудование должно быть полностью закуплено за границей. Трудно в данный момент говорить о точной стоимости этого оборудования, особенно, если учитывать, что в подавляющей доле оно должно быть изготовлено по специальному заказу, по твердым стандартам, соответствующим производственной схеме данного завода.

Если мы поставим себе задачей к концу ближайшего пятилетия закончить оборудование заводов и начать полным ходом производство

автомобилей и в течение следующего пятилетия дать стране необходимое ей минимальное количество машин, то, основываясь на прежнем подсчете, мы получим к периоду начала производства нехватку в 3.800 тыс. машин, к которой нужно прибавить минимальный десятипроцентный годовой прирост за пять лет строительства — это даст нам колоссальную цифру в 6.116 тыс. машин. Для удовлетворения этой нужды и последующего поддержания парка нам нужно производить в год 1.220 тыс. автомобилей. Даже если мы и здесь допустим уменьшение втрое, то получим годовую продукцию в 400 тыс. машин.

Оборудование, потребное для такого производства, исчисляется, примерно, в 25 тыс. наиболее совершенных станков, а во втором случае в 10 тыс. станков при абсолютно рациональном использовании машин орудий и безукоризненной постановке всего дела вообще. Стоимость его исчисляется сотнями миллионов рублей.

Стоит ли дальше производить подсчеты. Для нас совершенно ясно, что собственными силами, без поддержки извне, мы не можем создать автомобильной промышленности нужного нам масштаба, пусть даже не только тов. Осинский, но и все, кому сие ведать надлежит, признают эту промышленность делом первостатейной важности. Нужно еще иметь в виду, что мы остановились на подсчете готового оборудования, без расходов строительных, на заготовку сырья, закупку полуфабрикатов, предметов оборудования готовых машин и всяких иных, которые в итоге в несколько раз превысят стоимость оборудования. И притом начальными вложениями не ограничивается потребность в средствах автомобильной промышленности. Пройдет не больше пяти—десяти лет, и мы будем снова стоять перед необходимостью вложить в нее средства на усовершенствование производства. В качестве иллюстрации, показывающей масштаб подобного рода финансовых вложений на „подновление“ производства, сошлемся на примеры текущих двух лет из американской автомобильной практики.

Некоторое усовершенствование модели, выпускаемой Фордом, потребовало от него переоборудования мастерских на сумму около 40 млн. руб.

Обновление оборудования заводов Шевроле в связи с расширением производства потребовало новых затрат в 20 млн. руб.

Оборудование новой литейной на заводе Бюик потребовало нового вложения в 10 млн. руб.

Такие же суммы были израсходованы в течение последних двух лет на усовершенствование и расширение производства заводами: Додж, Паккард, Студебекер, Виллис-Найт, Дженерал Мотор, Понтиак, Рио, Отокар, Мак, Уайт, Интернешенал Харвестер.

Общая сумма средств, вложенных в автомобильную промышленность американцами, в последние два года составляет около 135 млн. руб.

При этом под термином „обновление оборудования“ вовсе не следует подразумевать замену износившихся станков, вышедших в тираж за выслугой лет, нет, это просто переоборудование, требуемое усовершенствованием производства ими изменениями, вносимыми в конструкцию выпускаемых заводом автомобилей.

Итак, при неподлежащем для нас сомнению положении о необходимости создания отечественной автомобильной промышленности мы все же вынуждены притти к выводу, что создание ее собственными си-

лами с полным отказом от пути промышленной концессии для нас не под силу. Стремление итти по этому пути во чтобы то ни стало грозит завести нас в дебри автомобильной отсталости.

Само собою разумеется, что создавать свою автопромышленность мы должны и будем, но, чтобы не сделать здесь больших ошибок, уже проделанных Америкой и проделываемых Европой, мы должны искать какого-то компромиссного пути. Иначе мы никогда не выберемся из нарастающей год за годом транспортной отсталости страны.

Для нас совершенно ясно, что основным условием создания отечественного автопроизводства является путь максимальной рационализации этого производства с точки зрения укрупнения всех видов исходных и вспомогательных производств, обслуживающих автомобильную индустрию. Укрупнять же и выводить на путь „работы с наименьшими потерями" вспомогательные виды промышленности, когда само-то автостроение еще находится в эмбриональном состоянии, мы, конечно, не можем. Поэтому и представляется совершенно необходимым отыскание какого-либо другого вида промышленности, родственного автомобильной, для того, чтобы либо истоки автостроения могли пойти по его руслу, либо наоборот, приняв в себя истоки того или другого производства, само автостроение могло добиться нужного укрупнения и массовости производства.

Нам пришлось несколько задержаться на вопросе о положении автомобильного дела в нашей стране для того, чтобы подчеркнуть то значение, которое принимает автовопрос, и показать огромные по масштабу задачи, стоящие перед производством автомобилей в нашей стране. Именно эти два положения — огромное хозяйственное значение автомобильной проблемы, с одной стороны, и огромная трудность ее решения — с другой, и заставляют нас искать пути для предоставления необходимых автомобильной индустрии огромных количеств полуфабрикатов, так как именно этот пункт, включающий в себя громадную и трудную металлургическую задачу, представляется нам наиболее существенным.

* * *

Прежде чем перейти к вопросу о том, по какому пути, по нашему мнению, должно итти создание автомобильной промышленности Союза, остановимся на одном пункте, который на первый взгляд не имеет прямого отношения к трактуемому вопросу. Но именно только на первый взгляд. Речь идет о промышленности авиационной.

В настоящее время мы вынуждены рассматривать авиационную промышленность, прежде всего, как один из основных ресурсов обороны страны. Гражданское самолетостроение не только у нас, но и в большинстве зарубежных стран, еще не вышло на путь самостоятельного существования и не может рассматриваться как отдельный вид индустрии. Раз навсегда мы должны установить, что кажущееся развитие гражданской авиации за границей является не чем иным, как наиболее рациональным способом поддержания и совершенствования военно-авиационной промышленности. Даже Франция, претендующая на мировое, или, по крайней мере, европейское господство в воздухе, не в состоянии поддерживать за счет своих военных кредитов авиационную промышленность на том уровне, на котором это ей нужно для наличия уверенности в превосходстве своего воздушного флота. Для правильного существования и

прогресса авиационной промышленности необходимо, чтобы ее заводы постоянно находились в действии, стимулирующем их развитие как производственных единиц и толкающем по пути совершенствования конструирование и постройку новых типов машин. Если предоставить заводам хотя бы сокращенным темпом работать на военно-авиационное производство, то они забьют все склады такими количествами машин, которые в мирное время не удастся использовать за отсутствием средств и кадров, а в военное время не удастся использовать потому, что половина из них окажется значительно устаревшими. Тем не менее, жить заводам нужно, и вот как один из способов оживления авиационно-промышленной деятельности и применяется гражданское самолетостроение, нерентабельное само по себе, но все же более рациональное, нежели производство боевых машин на склад для прямого гниения.

Здесь нужно подчеркнуть основное свойство воздушного флота как оружия. Мощь его заключается не в численности готовых машин, имеющихся на складах военного ведомства данной страны, а в том, с какой скоростью может быть в нужный момент это число доведено до максимального предела. Это возможно достигнуть лишь двумя способами: либо покупкой готовых машин для увеличения численности воздушных сил и пополнения чрезвычайно большой убыли от боев, либо путем постройки у себя. По понятным причинам первое средство в условиях военной обстановки является для нас совершенно недоступным и остается лишь средство второе — пополнение и расширение за счет ресурсов своей промышленности. Быть может, здесь нужно еще пояснить, что такое положение воздушного оружия, отличающее его от большинства других технических средств борьбы, является результатом самой природы современных самолетов и авиационных моторов, представляющих собою аппараты, не только чрезвычайно недолговечные и хрупкие, но и крайне быстро стареющие в конструктивном отношении. Если мы до настоящего времени можем с успехом вооружаться винтовкой образца, выработанного больше чем 35 лет тому назад, то, будучи вооружены самолетами в десять раз менее устаревшими, мы не можем быть ни минуты уверены в своем техническом превосходстве над любым противником.

Следовательно, отечественная авиационная промышленность является решающим фактором в деле воздушной обороны страны. Мы эту промышленность только еще начинаем строить. Мы только еще выходим на путь создания самостоятельных методов производства, приспособленных к нашим собственным об'ектам производства. Поэтому для нас особенно важно теперь же выбрать правильный путь, такой путь, который, обеспечивая нам качественное соответствие продукции современным требованиям, мог привести нас и к количественно удовлетворяющим нас результатам.

При настоящем состоянии авиационной техники еще не приходится говорить об истинной массовости производства и возможности полной стандартизации в нем, но необходимость приближения к стандарту авиационных изделий признается всеми и нужно думать, что не за горами тот день, когда в известных областях производства стандарты найдут свое место.

Для нас чрезвычайно существенно при построении нашей авиационной промышленности вести ее по такому пути, который обеспечивал бы наилучшим образом именно эти возможности, так как только в них заложен успех авиационного строительства.

Мы не в состоянии здесь, по понятным читателям причинам, привести цифры, характеризующие наше авиационное производство, также трудно дать сколько-нибудь достоверные цифры, рисующие картину современного состояния авиационного производства в зарубежных странах. Но можно все же сказать, что как в абсолютном смысле, так и в сравнении с авиационной промышленностью Америки и Западной Европы, мы стоим еще на достаточно низкой ступени. Мы не имеем права говорить здесь о том, что наше авиационное производство при построении современной авиационной промышленности не должно быть принято во внимание, как это было говорено по отношению к промышленности автомобильной, так как, во-первых, авиационная промышленность наша далеко обогнала автомобильную и, во-вторых, потому еще, что самые принципы построения авиационного производства не могут быть вполне уравнены с принципами построения автомобильного производства. Различные трудности стоят на их путях. Но все же мы должны сказать, что для наибольшего усовершенствования нашего авиационного производства в будущем, мы теперь же должны внедрять в него все наиболее совершенные методы производства, которые только нам доступны, избегая повторения всех ошибок уже проделанных за границей. Через эти ошибки и недочеты мы должны перешагнуть. А это возможно лишь при условии наибольшей рационализации нашего авиапроизводства и применения к нему в наибольшей возможной степени стандартизации.

* * *

Теперь мы хотим в кратких чертах разобрать вопрос о родстве двух важнейших отраслей промышленности, родстве, которому не уделяется надлежащего внимания. С выяснением этого положения для нас станут ясными и те пути, по которым должно у нас итти развитие автомобильной промышленности. Как видно будет из последующего изложения, родство это основано на тесном конструктивном сходстве об'ектов производства этих отраслей промышленности и на самой технической природе производимых ими аппаратов — моторов автомобильных и авиационных и до известной степени автомобилей и самих самолетов.

Вся история развития авиационного мотора говорит об его близком родстве с автомобильным мотором, даже если пренебречь основными конструктивными чертами того и другого, которые до настоящего времени в основе своей остаются настолько близкими, что, строго говоря, их даже нельзя рассматривать как различные предметы, лишь сходные между собой, а скорее как разновидность одного и того же рода двигателя.

Если мы просмотрим список заводов, приведенный в табл. 3, то увидим в нем значительное большинство заводов-пионеров автомобильного дела, которые оказались и пионерами авиационного дела, по крайней мере, в моторной его части, наиболее трудно налаживаемой. Обстоятельство это отнюдь не является случайным и как нельзя лучше подчеркивает то, что автомобильное производство даже в ранней стадии своего развития представляло наиболее подготовленную базу для развития авиационного производства. Никак нельзя приписать случайности, что пятьдесят первоклассных авиационных заводов Западной Европы и Америки развились из автомобильных заводов. При чем этот переход отнюдь нельзя приписать тому, что за невозможностью, скажем, заниматься

производством автомобилей тот или иной завод обратился к постройке авиационных моторов или самолетов; ничуть не бывало, такие имена, как Испано-Сюиза, Рено, Панар, Лоррен, отнюдь не принадлежат заводам неудачникам в автомобильном деле, так же как английские Роллс-Ройс, Нэпир, Сидлей-Армстронг на ряду с первоклассными авиационными конструкциями продолжают снабжать мир не менее высококачественными автомобилями. Далее можно привести такие примеры, как Майбах, Баварские заводы и др. в Германии, Фиат и Изотта-Фраскини в Италии, Форд, Линкольн, Паккар и т. д. в С.-А. С. Ш. Все это вовсе не случайное метание фирм от одного об'екта производства к другому, все это глубоко продуманное и логически последовательное развитие своего производства в сторону наиболее интересную и близкую в техническом отношении основному их производству.

Если мы на выдержку возьмем несколько заводов из приведенного в табл. 3 списка, то увидим следующее:

Таблица 3

Страна и завод	Заводы, совмещающие производство [1]: Автомобили	Тракторы	Мотоциклы	Самолеты	Моторы
Германия					
Даймлер	*	—	—	*	*
Ганза	*	—	—	*	—
Румплер	*	—	—	*	*
Прометей	*	—	—	*	—
Аргус	*	—	—	—	*
Бенц	*	—	*	—	*
Баварские заводы	*	—	—	—	*
Майбах	*	—	—	—	*
Адлер	*	—	—	—	*
Басс и Сельве	*	—	—	—	*
Англия					
Армстронг	*	—	—	*	*
Остин	*	—	—	*	—
Ковентри	*	—	—	—	*
Нэпир	*	—	—	—	*
Роллс Ройс	*	—	—	—	*
Сэнбим	*	—	—	—	*
Вольслей	*	—	—	—	*
Франция					
Анзани	*	—	*	—	*
Даррак	*	—	—	—	*
Испано-Сюиза	*	—	—	—	*
Лоррен-Дитрих	*	—	—	—	*
Панар-Левассер	*	—	—	—	*
Пежо	*	*	—	—	*
Рено	*	—	—	*	*
Сальмсон	—	—	*	—	*
Вазлен	*	—	—	*	—
Вуазен	*	—	—	*	—
Шнейдер	*	—	—	*	*
Тампье	*	—	—	—	*
Клеман-Байяр					
Италия					
Фиат	—	*	—	*	—
Бреда	*	*	—	—	*
Изотта-Фраскина	*	*	—	—	*
С. П. А.					
Австрия					
Австро-Даймлер	*	—	—	—	*
Швейцария					
Винтертурские заводы	*	—	—	—	*
Чехо-Словакия					
Шкода	*	*	—	—	—
Феникс	*	—	—	*	—
Вальтер	*	—	—	—	*
С-А.С.Ш.					
Холл-Скотт	*	—	—	—	*
Лауренс	*	—	—	—	*
Линкольн	*	—	—	*	*
Галлодэ	*	—	—	—	—
Томас-Морз	*	—	—	*	—
Юз	*	—	—	—	—
Стюртеван	*	—	—	—	*
Паккард	*	*	—	*	*
Форд	*	—	—	—	*
Юнион					
Россия (до революции)					
Русско-Балтийский завод	*	—	—	*	*

[1] Звездочками обозначается производство данного завода.

В Германии ряд заводов: Бенц, Мерседес, Аргус безболезненно пошли на постройку на ряду с автомобилями и авиационных моторов. Во время войны на их производстве строилась значительная доля благополучия военных воздушных сил Германии. С наступлением кризиса в жизни германской авиации эти заводы, не ломая своего производства, снова устремили все свое внимание на постройку автомобилей, и насколько нам известно в производстве моторов для этих машин применяют весь опыт, извлеченный из дела постройки авиационных двигателей. Что же касается такой фирмы, как Баварские заводы, то, построив свое авиационное производство на базе фабрикации мотоциклов и лодочных моторов, она дает теперь первоклассную продукцию, сделавшуюся для нее основной.

В Англии первоклассные автомобильные фирмы, вроде Роллс-Ройса и Нэпира, берутся за производство авиационных моторов и, перенеся весь свой опыт в постройке автомобильных двигателей в новое дело, быстро завоевывают мировой рынок и получают авиационную продукцию высокого качества. На ряду с такими удачными опытами некоторые заводы, как, например, Сэнбим или Вольслей терпят неудачи на авиационном поприще, но и это не только не разрушает их как производственные единицы, а напротив делает их уже совершенно подготовленным резервом авиационно-моторной промышленности, который, не будучи в состоянии удовлетворить повышенным требованиям рынка мирного времени, при внесении некоторых коррективов или просто при постановке на производство других, уже зарекомендованных образцов машин, принесет огромную пользу в военное время.

Еще более яркую картину теснейшего сближения автомобильной промышленности с авиационной мы можем наблюдать во Франции. Про эту страну можно сказать, что авиационное и автомобильное производство там мирно ужились под одной кровлей и, как известно, это сожительство не дает плохих результатов. Напротив, большинству даже непосвященных достаточно хорошо известна репутация машин, производимых заводами Испано-Сюиза, Лоррен-Дитрих, Рено. Именно во Франции можно наблюдать и картину обратного перехода от авиационного производства к автомобильному в трудные для авиационного дела времена. Примером могут служить заводы Фарман, Вуазен. Большое же число автомобильных заводов, сослужив свою авиационную службу во время войны, снова совершенно безболезненно возвращается к своей постоянной автомобильной деятельности.

Наконец, чрезвычайно характерно, что даже страна с такой развитой и разветвленной индустрией, как С.-А. С. Ш., только благодаря содействию автомобильных заводов быстро справилась с задачей постройки авиационных моторов в нужном ей количестве в период войны. При этом рекордная выработка мотора Либерти произведена именно автомобильным заводом Линкольн. Это чрезвычайно характерно, автомобильный завод никогда ранее не занимавшийся авиационным делом, в очень короткий срок поставил у себя постройку в высшей степени сложного в производственном отношении авиационного двигателя, при чем вовсе не потребовалось для этого разрушать основного производства этого завода — автомобильного.

Чтобы можно было себе ясно представить близость автомобильного и авиационного производств, необходимо проследить всю последовательность постройки машин в двух параллельных рядах: авиационного и автомобильного моторов, с одной стороны, и автомобильных шасси и кузовов с корпусами и крыльями аэропланов, с другой стороны. Конечно, в этой статье нет никакой возможности сколько-нибудь детально остановиться на этом вопросе, но некоторые наиболее яркие черты этих производств мы все же отметим. Но не только при анализе производственных процессов автомобильного и авиационного производств становится ясной возможная тесная связь между ними, столь же интересный результат дает и анализ всего огромного цикла всех вспомогательных производств, обслуживающих обе эти отрасли индустрии.

Мы можем начать именно с последнего пункта — со вспомогательных производств и, как наиболее важного и обширного из них, с производства металлов и сплавов потребных авиационному и автомобильному производствам. С полной отчетливостью можно здесь видеть, что производство металлов и сплавов для автомобильных моторов содержит в основе все те же элементы, что и производство металлов и сплавов для авиационных моторов, разница сводится к тому, что для автомобильного производства требования к металлам и сплавам могут быть несколько понижены по сравнению с требованиями авиационной промышленности и даны несколько большие допуска, так как автомобильный мотор, в силу своих конструктивных особенностей, является несколько менее требовательным и к сырью и к полуфабрикату, нежели мотор авиационный, как машина менее нагруженная. Все сказанное остается в силе и по отношению к полуфабрикатам, идущим на удовлетворение потребности авиационного и автомобильного производств, как-то: поковки, отливки, штампованные детали и пр., в большом количестве и весьма разнообразном ассортименте потребляемые ими.

Отрицательной стороной современного металлургического производства, обслуживающего нужды нашей моторной и аэропланостроительной промышленности, является его переходный масштаб. Выйдя из об'ема лабораторной работы, когда можно удовлетворить спрос минимальными количествами материалов, эта отрасль работ не может быть еще поставлена на массовый выход материалов, так как спрос авиапромышленности на ее продукцию недостаточно велик. Между тем, сплавы, потребляемые теперь уже не только в авиационном, но и автомобильном моторостроении, настолько сложны, требуют такой точной постановки производства, что отсутствие постоянства в их изготовлении, невозможность получить необходимые производственные навыки, представляет огромный тормоз на пути успешного удовлетворения всех запросов не только конструкторского бюро автомобильного и авиационного завода, но даже и серийного производства. Еще более резко выступает эта неналаженность нашего металлургического производства, когда появляется на сцену калькуляция — продукт отечественной металлургической промышленности оказывается более дорогим, нежели заграничный, именно в силу отсутствия постоянства производства и невозможности правильной его постановки.

И это относится не только к наименее привычным для нас и наиболее трудно поддающимся быстрой постановке в производстве легким сплавам, представляющим в настоящее время одну из основ, на которых зиждется не только автомобильное и авиационное моторостроение, но и производство самих аэропланов и автомобилей; в неменьшей степени

относится все сказанное и к значительному большинству специальных сталей. При всем стремлении конструктора к уменьшению ассортимента металлов, идущих на создание автомобильных и особенно авиационных конструкций, этот ассортимент продолжает оставаться достаточно большим для того, чтобы доставлять массу неприятностей не только конструкторам, но производственникам всех степеней, так, например, в модель Форда, представляющую собою образец суженного до предела стандарта, входит 72 различных металла и сплава, из них 40 сортов стали, 5 сортов чугуна, 12 бронзовых сплавов, 8 латунных сплавов, 4 алюминиевых сплава и 3 вида баббитов, не считая чистой меди и свинца.

При существующем же у нас положении чрезвычайной размельченности заказов, когда автомобильная промышленность направляет свои требования по одному руслу, а авиационная подчас по другому, при значительном сходстве их по существу своему, нет возможности правильно поставить производство ни в отношении выработки рецептуры, ни в отношении точного соблюдения всех рецептурных требований в каждом отдельном мелком заказе, ни, наконец, в отношении налаживания своевременного выхода необходимых материалов. Когда завод попеременно работает то на производство часов, то на производство швейных машин, то на производство аэропланов и моторов, приспособливаясь каждый раз к новым очень узким и специальным требованиям, тогда, конечно, не может быть и речи о совершенстве его металлургической продукции.

Можно с большой долей уверенности сказать, что при существующем у нас положении в авиационной и автомобильной промышленностях, когда темп их развития в отдельности не открывает еще сколько-нибудь широких перспектив перед вспомогательным металлургическим производством для каждой из них, мы еще долго будем находиться в состоянии постоянного металлического голода, главным образом, конечно, по части сложных сплавов как в отношении количественном, так и в отношении качественном, а также, наконец, в отношении постоянной нерентабельности этой отрасли металлургического дела.

Подобное положение может толкать на опасный путь постановки мелких производств сплавов, применяющихся к надобностям всех отдельных заводов или об'единений автомобильной и авиационной промышленности на самых этих заводах, со всеми вытекающими из подобного дробления плачевными последствиями.

Переходя к следующему пункту — полуфабрикатам для автомобильной и авиационной промышленности, следует предварительно сказать несколько слов о трудностях, возникающих на пути получения в нужном количестве и соответственно доброкачественной подделки для автомобильного и авиационного завода.

Конструктивные свойства современного авиационного и автомобильного мотора заставляют соблюдать в производстве отдельных его деталей, в буквальном смысле слова, прецизионную точность, допуска в налаженном производстве колеблются в пределах тысячных долей дюйма в некоторых частях, а иногда и десятитысячных. Если мы при сегодняшнем состоянии нашей промышленности, получая в монтажную мастерскую готовые детали, имеем возможность заниматься их индивидуальной пригонкой не только в авиационно-моторном, но даже и в автомобильно-моторном производстве, то это вовсе не значит, что мы сможем этим

заниматься и завтра. Недалек тот день, когда массовое производство пред'явит такие требования к точности изготовления деталей, что ни о какой пригонке их и даже проверке в монтажной мастерской нельзя будет и говорить. Современное развитие автомобильного производства не только в Америке, но и на многих заводах Западной Европы (Фиат, Рено, Ситроен) было бы совершенно немыслимо, если бы они шли по такому пути. И для нас задача заключается в том, чтобы не итти по такому пути. И для нас задача заключается в том, чтобы поставить производство по пути окольного приспособления, а сразу поставить производство на правильную базу. Можно с уверенностью сказать, что такая постановка для нас будет совершенно неосуществима до тех пор, пока истоки нашего автомобильного и авиационного производств будут итти самостоятельными путями. Опять-таки только в координации их интересов заключается возможность достижения успеха с наименьшими потерями и в наикратчайший срок.

Установлением параллельности производства полуфабрикатов мы только и можем добиться правильной специализации заводов на изготовлении деталей, трудно поддающихся обработке и требующих наличия у завода больших производственных навыков. Именно такого рода специализацию, устремленную на удовлетворение какой-то определенной потребности автомобильной и авиационной промышленности, мы наблюдаем и за границей. Здесь совершенно немыслимо достижение сколько-нибудь удовлетворительных результатов без введения принципов массового производства, так как только в нем возможно неуклонное удовлетворение стандарта. В свою же очередь это возможно лишь в том случае, если путем координирования известной части требований авиа- и автопроизводства мы создадим эти стандарты. Только так мы сможем избавиться и от совершенно непомерного расхода материалов на некоторые основные детали в процессе их изготовления. Нельзя же, в самом деле, признать в какой бы то ни было мере удовлетворительным то, что мы в настоящее время на коленчатый вал, весящий в чистом виде 43,5 *кг* тратим 105 *кг* ценного металла, а не так давно 250 и даже 350 *кг* металла; или на цилиндр весом в 3,6 *кг* до настоящего времени расходуем 35 *кг*, а не так давно расходовали и все 100 *кг*. Или вот обобщающие примеры: до настоящего времени лишь по специальной группе металлов, идущих на изготовление авиационного мотора, весящего 375 *кг*, мы тратим 885 *кг*. Все эти металлы высокой ценности в виде отходов производства теряют до 75% своей начальной стоимости.

Если же теперь мы возьмем на выдержку хотя бы картер, то увидим, что авиационные заводы, как таковые, в подавляющем своем большинстве, могут быть совершенно избавлены от необходимости ставить у себя на-ново это производство, так как они могут получить высококачественную отливку с того же завода, который производит картеры для мотоциклетных, автомобильных и моторно-лодочных заводов и обладает в этом деле большим опытом и широкими возможностями к разворачиванию производства. Рано или поздно мы должны будем притти к тому, что производство стандартных деталей в такой же мере не дело автомобильного или авиационного завода, как не является теперь его делом изготовление магнето, карбюратора, шарикового или роликового подшипника. К сожалению, у нас до настоящего времени существует совершенно неверный взгляд на этот вопрос, и заводы считают возможным зани-

маться у себя производством, хотя бы таких приборов, как карбюраторы. Само собою разумеется, что качество прибора как такового должно страдать от отсутствия налаженности, мыслимой только в узко специализированном производстве. Нет сомнения в том, что авиационный карбюратор любых данных может быть с бóльшим успехом изготовлен тем заводом, который изготовляет карбюраторы для мотоциклов, автомобилей, моторных лодок и занят исключительно этим делом, только на нем специализируется и на нем сосредоточивает весь свой опыт и производственные навыки. За границей давным-давно пройден этап рассредоточивания производства вспомогательных аггрегатов по самим авиационным и автомобильным заводам. Подобно тому как совершенно специальные заводы заняты изготовлением магнето, свечей, подшипников, точно также специальные заводы заняты производством карбюраторов, помп, радиаторов. И даже больше: все чаще и чаще мы можем наблюдать, что даже таких деталей как клапанные пружины или поршневые кольца авиационно и автомобильномоторные заводы не хотят делать у себя и передают это дело в руки производств специализирующихся в этом деле. Когда делаются попытки сломать этот метод и перенести производство таких приборов и деталей на самый завод, результат неизбежно получается отрицательным.

Не служат исключением из этого правила и такие производства, как Форд, так как по самому существу своему они не являются скоплением в одной массе разнохарактерных производств, а лишь логической цепью увязанных между собой, отдельно построенных специальных мастерских, использующих у себя все общее, что только может быть для них создано стандартом.

Все сказанное относится к моторам, но обратившись к производству аэропланов и автомобильных корпусов и шасси мы можем установить, что правильность приведенных положений сохранится и здесь. Само собою разумеется, что правильность всего сказанного выпятится с особенной четкостью, если мы обратимся к производству металлических самолетов. Стандарт, шаблон и штамп царят здесь безраздельно как в одном, так и в другом производстве. Основными материалами для постройки как автомобильного шасси и корпуса, так и металлического аэроплана служат все те же легкие сплавы алюминия или специальные сорта стали. Таким образом, мы и здесь можем установить некоторый ряд последовательности производства полуфабриката и разгрузки основных заводов авиационной и автомобильной промышленности от забивания их производства изготовлением деталей, могущих быть в массе производимыми подсобными предприятиями об'единенного характера. Где-то, конечно, эти параллельные линии должны будут расходиться для удовлетворения специфических требований автомобилестроения и аэропланостроения, но в некоторой части они остаются общими. Конечно, это верно лишь при условии настойчивого желания найти общую нить в работе и добиться установления некоторых исходных стандартов удовлетворяющих тех и других.

Стремление к стандартизации заложено в самой идее металлического аэроплана. Уже сделаны значительные шаги в этом направлении на аэропланостроительных заводах за границей, некоторые из них встали даже уже на путь постепенной фордизации своего производства. Само собою

разумеется, что в настоящее время еще не может быть речи о той полной автоматизации, какой добилось автомобильное производство, но все же первые результаты опытов, произведенных в этом отношении хотя бы таким известным аэропланостроительным заводом Франции, как Луи Бреге, дали отличный результат. В целях введения у себя на заводе конвейерного способа сборки ему пришлось пересмотреть всю конструкцию с целью установления строгой стандартизации деталей и доведения их числа до возможного минимума. Так, например, с этой целью пришлось выработать один образец соединительной муфты для всех креплений дюралюминиевых труб, имеющих место в корпусе аэроплана. Вся постройка самолета была разбита на ряд отдельных операций по подготовке основных частей до поступления их на сборочный конвейер, при чем самая сборка основных крупных частей, как крылья и фюзеляж, также проходит в порядке полной последовательности с точки зрения автоматизации работы.

Вот пример того, как производится здесь сборка крыла: лонжероны кладутся вместе; лонжероны соединяются распорками (траверсами); устанавливаются нервюры (поперечные ребрышки); закрепляется кромка крыла и т. д., и т. д. вплоть до покрытия крыла обтяжкой и ее лакировки. Всего 11 последовательных операций.

Сборка фюзеляжа производится следующим порядком: 1) монтаж моторной рамы; 2) установка шпангоутов и наложение на них лонжеронов; 3) сбалчивание поперечных и продольных креплений; 4) установка всех растяжек; 5) укрепление растяжек; 6) регулировка растяжек и всего фюзеляжа; 7) окраска фюзеляжа.

Далее, следуя по главному конвейеру, фюзеляж принимает на себя сверху мотор и снизу шасси. Далее, происходит установка оборудования: устанавливаются баки; устанавливаются патронные ящики; устанавливается верхний кабан; устанавливается управление; устанавливаются малые бомбодержатели; устанавливаются радиатор и сиденье пилота; устанавливаются огнетушитель, стартер и турель; устанавливаются система водяного охлаждения, фотографический аппарат, кислородный аппарат, пулемет для стрельбы назад и сиденье наблюдателя; устанавливаются передние пулеметы и электрооборудование; устанавливаются механизм для под'ема радиатора и большой бомбодержатель; устанавливаются доски с контрольными приборами; производится электрическая проводка; производится окраска; сушка, при прохождении через сушильню; установка верхнего крыла; установка нижних крыльев; соединение крыльев; регулировка крыльев; установка стабилизатора и костыля; обшивка фюзеляжа дюралюминием; подкраска; контроль.

Самолет готов и выкатывается из сборочной мастерской на аэродром для полетного испытания.

Весь этот процесс мы привели только для того, чтобы наглядным образом, на живом примере, предупредить те возражения, которые неизбежно должны будут последовать на предложение ввести стандарт и автоматизацию в дело аэропланостроения. К сожалению, мы не располагаем точными данными о том, как поставил у себя производство металлических самолетов Форд, но нет сомнений в том, что он не пренебрег у себя ни одной возможностью, открываемой стандартом. Об этом он достаточно ясно и говорит, как об обстоятельстве, позволяющем ему без труда заняться самолетостроением на ряду с основным производством.

Последний вопрос — вопрос об оборудовании. Нельзя не подчеркнуть выгоды, которые проистекают совершенно неизбежно из координации всех усилий авиационной и автомобильной промышленности в части постановки отечественного производства вспомогательных оборудований и приборов как для аэроплана и его мотора, так и для автомобиля. Нет сомнений в том, что постановка таких трудных отраслей производства, как изготовление магнето, карбюраторов, стартеров, всех контрольных приборов и т. д. может только выиграть от концентрации средств обоих этих видов промышленности в данном вопросе. Для нас в настоящее время этот вопрос, даже при наличии самостоятельного производства целых аггрегатов, создает положение значительной зависимости от иностранного рынка, и говорить об эмансипации отечественной авиационной и автомобильной промышленности мы сможем только тогда, когда он будет разрешен на сто процентов. Поэтому на об'единение в данном направлении всех усилий должно быть обращено особенное внимание.

При современном состоянии техники самолетостроения мы не можем поставить вопроса об об'единении производств авиационного и автомобильного, но все, что говорилось выше, относительно моторостроения авиационного и автомобильного, кажется нам достаточным основанием, чтобы поставить вопрос о необходимости координации интересов этих двух видов производства в части, касающейся изготовления необходимых этим производствам металлов и специальных предметов оборудования в роде магнето, карбюраторов и т. п. Основным моментом, заслуживающим в настоящее время, по нашему мнению, внимания как авиационного строительства, так и автомобильного, является металлургическое дело. Необходимое нам быстрое продвижение по пути совершенствования специального металлургического производства нашей страны представляется возможным лишь при условии, что авиационная и автомобильная промышленности сосредоточат совместные усилия на нем. Не только производство металлов в сыром виде, но и производство целого ряда полуфабрикатов могло бы пойти общим путем.

Без того что наша автомобильная и авиационная индустрии совместными усилиями продвинут вперед этот вопрос, нам не мыслится возможным решение нависшей над нами огромной автомобильной проблемы. И в настоящее время, когда автомобильное дело только еще ставится на повестку общественного внимания страны, когда постановлением правительственных органов лишь подтверждается мнение о том, что существующая автомобильная промышленность не может рассматриваться иначе как ресурс местного характера, не носящий еще общегосударственного масштаба, именно теперь надо принять меры к тому, чтобы металлургический вопрос, являющийся не только основным для нас, но и наиболее больным, получил правильное решение.

Путь к автомобильной мощи страны лежит через металлургию так же, как путь к авиационной мощи; и в той части, где эти пути сходятся, не нужно создавать двух отдельных параллельных дорожек, а пойти одной общей широкой дорогой.

Быть может в будущем, в развитие этой связи, мы сможем поставить вопрос и о более тесном сближении между автомобильным и авиационным производством на дальнейших путях его развития. Но это много позже.

И. М. Гурфинкель

Нефть из угля и возможный кризис нефтеэкспорта [1]

(Ответ на статью С. Д. Богдановского „Вокруг промышленного синтеза нефти")

Помещенная в № 5 „Планового Хозяйства" наша статья „Нефть из угля и возможный кризис нефтеэкспорта" вызвала критику со стороны С. Д. Богдановского. [2] Мы вынуждены ответить С. Д. Богдановскому, ибо, к сожалению, его критика содержит ряд неточностей, чтобы не сказать более, как в цифровом материале, так и в выводах.

Оставляя совершенно в стороне полемические выпады С. Д. Богдановского, как несоответствующие серьезности обсуждаемой темы, мы все же считаем необходимым указать, что „неизменно благожелательное отношение к нефтяной промышленности" и в равной мере „неблагожелательное" не в силах изменить об'ективных данных в вопросе о синтезе нефти.

Достижения науки и техники до С. Д. Богдановского никто и никогда не расценивал в аспекте „благожелательных" или „неблагожелательных" отношений к фактам.

В нашей статье мы именно и стремились, по мере сил и возможности, дать об'ективную картину, при чем целью статьи было—подробным анализом цифр выявить возможность и степень конкуренции между синтетической и природной нефтью. В нашем анализе вопроса мы нигде не брали цифр на пределе, стараясь выбирать не очень низкие и не слишком высокие цены, но всегда оставаясь в пределах котировок, которыми мы и подкрепляли наши выводы. Конечно, мы могли кое-где и ошибиться и были бы весьма благодарны всякому, кто авторитетно указал бы нам на наши ошибки, но в статье С. Д. Богдановского мы таких указаний не нашли.

Статья С. Д. Богдановского содержит 5 разделов, на каждый из которых мы постараемся ответить только по существу.

Раздел первый. Этот раздел оспаривает высказанное С. А. Ф. мнение, что нынешнее падение цен на нефть вызвано грядущим появлением синтетической нефти и об'ясняет таковое падение резким повышением добычи на производительных площадях Оклахомы. При этом С. Д. Богдановский говорит, что на остальных площадях добыча при нынешнем уровне цен не может расти, обо эти цены убыточны для нефтяной промышленности. Такое положение вещей С. Д. Богдановский признает временным.

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] См. „План. Хоз.", № 9, 1927.

Мы совершенно согласны с этой оценкой переживаемого нефтяным рынком кризиса цен и считаем нужным обратить особое внимание на „убыточные цены“ и „кризис временный“. Это надлежит сделать потому, что дальнейшее изложение статьи С. Д. Богдановского плохо или совсем не увязывается с этими его совершенно правильными, с нашей точки зрения, положениями.

Раздел второй. Этот раздел содержит указание на то, что в Германии строится помимо Мерзебургского завода второй завод в Дюисбурге и уверения, что этот завод должен быть малой производительности, так как момент для постройки такого завода крайне неблагоприятен, вследствие переживаемого нефтяным рынком кризиса цен.

Здесь невязка с первым утверждением С. Д. Богдановского, что кризис цен — явление проходящее и посему никакой опасностью синтетическому производству не угрожает. Если же признать, что кризис явление не временное, т.-е. признать правильным мнение С. А. Ф., то, не зная фактической себестоимости синтетической нефти, нельзя утверждать, что существующие цены для нее не рентабельны, в то время как эти же цены безусловно убыточны для природной нефти.

Дальше идет попытка сделать калькуляцию стоимости природной нефти. В основу своей калькуляции С. Д. Богдановский кладет цены начала 1927 года сиф Гамбург без пошлины.

Бензин	180 марок	1 тонна
Смазочн. масла	200 „	1 „

Эти цены лежат целиком на ответственности С. Д. Богдановского и, к сожалению, не будучи подкреплены ссылкой на их источник, не могли быть нами проверены, тем не менее, мы решили проверить еще раз наши цены, и результаты проверки приводим ниже.

Так как цены на бензин колеблются в зависимости от его удельного веса и от мест вывоза, то мы взяли стоимость бензина разных удельных весов и из разных местностей. При этом мы принимали, что 1 тонна бензина содержит:

385 галл. удел. веса	0,680—0,700
370 „ „ „	0,715 – 0,725
355 „ „ „	0,735—0,745

Тогда цены на бензин франко—Гамбург, не включая расходов портовых, складочных, по перегрузке и разных местных сборов, но включая пошлину, будут (см. табл. на 239 стр.).

Эти цены взяты по котировке от 11 января 1927 г., опубликованной в „La Rèvue Petrolifere“ от 15 января 1927 г., № 202.

В этой котировке указан фрахт до Руана, каковые ставки мы несколько повысили, принимая во внимание увеличение расстояния от Руана до Гамбурга.

Пошлина нами взята ориентировочно, ибо по нашим сведениям она равна 3—4 фунт. стерл. на тонну. Получить точную цифру нам не удалось и посему мы приняли низшую цифру: 3 фунта стерл.= 60 марок.

Таким образом, цены сиф Гамбург в $1^1/_2$—2 раза выше цен, приводимых С. Д. Богдановским.

Но ведь цена сиф порт—назначения не есть оптовая цена на внутреннем рынке. Последняя слагается из цены сиф плюс пошлина, портовые,

Таблица 1

Цены на американский бензин и смазочныя масла в Гамбурге (с очисткой пошлины)

Род нефтепродукта	Удельный вес	Место отправления (порт погрузки)	Цена фоб 1 галлон, центы	Цена фоб 1 тонна, марки	Расход на 1 тонну (марки): Фрахт	Испарение и сборы	Пошлина	Итого цена 1 тонны в Гамбурге (марки)
Бензин	0,680—0,700	Сев. Амер.	$15^1/_2$	248	44	6	60	358
	0,710—0,715	„ „	14	216	44	6	60	326
	0,715 – 0,725	Мексик. зал.	$12^7/_8$	200	50	6	60	316
	0,730—0,740	Сев. Амер.	$12^1/_4$	180	44	6	60	290
	0,735—0,745	Мексик. зал.	$11^1/_4$	168	50	6	60	284
Смазочн. масло	Вязкостью по Энглеру 5,7	Сев. Амер.	$24^1/_2$	380	41	—	—	—
	2,3	„ „	$16^1/_2$	200	41	—	—	—
Красн. цилиндровое	8,7	„ „	20	296	41	—	—	—
	5,0	„ „	$23^1/_2$	288	41	—	—	—

стиводорные, складочные, гербовые и проч. расходы, не считая ж.-д. фрахта от приморского порта до города внутри страны.

Сравнивать цены синтетической и природной нефти нужно по месту потребления таковых и приводить цены сиф (да еще неверные) для сравнения с ценами внутри страны, значит либо безнадежно не понимать сути дела, либо умышленно подменивать одни цифры другими.

Потребителя мало интересует, какова цена бензина в цистерне парохода, плывущего в Атлантическом океане.

По данным, приведенным в №№ 5, 6, и 7 (1927 года) журнала „International Bergwirtschaft“, оптовые цены на бензин в Гамбурге были (в марках):

		28/III	4/IV	19/IV	9/V	20/VI
За	100 кг	36—37	39—40	38—36	33—36	33—36
За тонну	(1000 кг)	360—370	390—400	380—360	330—360	330—360

Итак, стоимость бензина в Германии франко—оптовый склад составляла в начале 1927 г. по данным (в марках):

1) International Bergwirtschaft, №№ 5, 6 и 7 (1927 г.)	375
2) Revue Petrolifère от 15 янв. 1927 г. (в среднем)	325
3) По нашим подсчетам, приведенным в № 5 „План. Хоз.“	300
4) По цифрам С. Д. Богдановского (ничем не подтвержденным) . .	180

Не делая из этого никаких выводов, предлагаем читателям самим сделать таковые и установить, какие цифры ближе к действительности?!

Однако, поскольку цифры С. Д. Богдановското не подтверждены какими-либо авторитетными источниками, они должны быть признаны „персональными“ цифрами С. Д. Богдановского и посему мы отказываемся разбирать приведенную им калькуляцию (табличку), при помощи которой он пытается убедить Мерзебургский завод, что производство

синтетической нефти невыгодно, так как цена на бензин внутри Германии равна не 350 мар., а в океане она стоит на уровне 180 мар.[1]

Еще интереснее будет, если мы приведем оптовые цены (Wholesale prieces), существовавшие в Германии на 6 января 1927 года и по которым торговало Акц. Общ. Deutsche Petroleum Aktiengeselschaft. Цены помещены в номере The Petroleum Times от 8 января 1927 года, № 417 и они таковы:

Моторный бензин (при 1370 литрах в 1 тонне из уличного распределителя за 1 литр).
В Гамбурге 0,3 мар. 1 литр . . . . . за 1 тонну 414 мар.
„ Берлине 0,31 „ 1 „ . . . . . „ 1 „ 428 „
Керосин (франко—вагон цистерна, при стоимости 100 кг 28,95 мар.) . . . . . „ 1 „ 289,5 „[2]
Цилиндровое масло (франко—завод, включая упаковку за 100 кг 64 мар.) . . . . . „ 1 „ 640 „
Газойл (франко—склад за 100 кг 14 мар.) . . . „ 1 „ 140 „

Таким образом, при стоимости 1 тонны бензина фоб американский порт в 200 марок этот бензин доходит до покупателя в Германии с надбавкой 214—228 марок.

Если нынешние цены в Америке держатся на уровне около 7,5 цента вместо бывших 12,5 центов за галлон фоб американский порт, т.-е. упали на 40%, то цена 1 тонны в американском порту будет в среднем около 120—125 марок, а так как фрахты и пошлина остались прежние, то до потребителя эта тонна дойдет с той же надбавкой в 200—230 марок и современные цены в Германии на бензин должны стоять на уровне 325—350 марок за тонну, т.-е. при падении цен в Америке на 40% цены на месте потребления в Европе понижаются всего на 17,5%. (Это подтверждается приведенной котировкой Internat. Bergwirtschaft. См. цены 20/VI = =330—360 марок).

Если даже при современных убыточных ценах на природную нефть дериваты ее (бензин) сохраняют свою цену в 300—350 мар., то приведенная нами калькуляция[3] сохраняет свою силу даже для низких цен, а это доказывает, что наша таблица составлена с явным преуменьшением цен, а не с преувеличением, как это старается доказать в дальнейшем С. Д. Богдановский.

Правда, против цен, приводимых С. Д. Богдановским, таблица явно преувеличена, при чем она была бы еще более преувеличенной, если бы он привел еще более низкие цены. Однако, все приводимые им без источников цены вряд ли более достоверны, чем приводимые нами авторитетные котировки.

Затем идет следующее утверждение: „Если бы синтетическая нефть появилась бы на рынке в 1922 году (когда цены на природную нефть были высоки), тогда,—по мнению С. Д. Богдановского,—еще можно было бы рассчитывать на успех ее проникновения". Но сейчас „шансы на промышленное воплощение синтеза нефти незначительны, ибо синтетическое производство не может базироваться на будущем повышении цен". И хотя современные низкие цены на природную нефть явление временное, тем не менее это обстоятельство для синтетического производства „приобретает исключительное значение".

[1] Даже эти 180 марок неверная цифра (см. табл. № 1)

[2] См. „План. Хоз.", № 5 за 1927 г., стр. 208.

[3] Цифра, полностью совпадающая с ценой, даваемой Гаагским международным институтом статистики.

Эту часть статьи С. Д. Богдановского мы отказываемся понимать. Выходит, что расчеты фабрикантов синтетической нефти о том, что ненормальные, убыточные для природной нефти цены повысятся—неправильны. Нормальным, по мысли С. Д. Богдановского, нужно признать современное состояние нефтяного рынка с убыточными для производителя ценами, при чем ни природная, ни синтетическая нефть на восстановление в ближайшее время безубыточных цен рассчитывать не должны.

Выше мы указали, что значительное падение цен в Америке отражается значительно меньшим падением цен в Европе. Но пусть все наши выводы ошибочны. Тогда, принимая за истину утверждение С. Д. Богдановского, что на повышение цен на нефть в ближайшее время нельзя рассчитывать, нужно сделать логический вывод, а именно: нужно в кратчайший срок покрыть Америку и Европу заводами синтетической нефти, ибо если современные убыточные для природной нефти цены будут держаться продолжительное время, то все нефтяные компании вылетят в трубу и добыча природной нефти прекратится.

Преимущества в пользу синтетической нефти получаются на том основании, что убыточность современных цен на нефтепродукты синтетического производства не доказана.

Однако, мы не думаем, что вышеприведенный парадоксальный способ решения нефтяного вопроса был бы рационален.

Мы готовы скорее допустить, что ошибается С. Д. Богдановский.

Раздел третий. а) Раздел третий статьи, очевидно, в подтверждение необходимости решения нефтяного вопроса по приведенному парадоксальному методу С. Д. Богдановского начинается с повторения того, что в Германии помимо Мерзебургского завода строится еще завод в Дюисбурге. (Может быть этот завод строится не как следствие вышеприведенного вывода, а просто потому, что германские промышленники считают добычу нефти на дешевом угле (угольная мелочь) делом выгодным и в этом расходятся с мнением и вычислениями С. Д. Богдановского.)

б) После этого приводится сообщение о спорах по поводу размера дивиденда I. G. Farbenindustrie; сообщение о том, что директор Мерзебургского завода д-р Бош довел до сведения акционеров I. G. Farbenindustrie о благоприятных результатах, достигнутых Мерзебургским заводом в производстве синтетической нефти; сообщение о том, что завод окончен постройкой; что некий д-р Краух[1] говорил о катализаторах при получении синтетической нефти (но что именно он говорил—не приводится); что Детердинг говорил о пошлинах в Германии на бензин; что профессор Карро выступал в защиту широкой интенсификации германского сельского, хозяйства и что журналист Пиннер говорил „о наступлении химической промышленности по всему фронту".

в) Кончается этот раздел суждением С. Д. Богдановского о том, что германское государство не будет специально ограждать интересы

[1] Один из директоров Мерзебургского завода I. G. Farben.

производства синтетической нефти какими-либо премиями (очевидно, в этом нет никакой надобности. И. Г).

По поводу этого раздела, как почти не относящегося к существу затронутого вопроса, мы можем лишь сказать, что его можно было бы дополнить парламентским отчетом о прениях по поводу бергенизации углей, происходивших в Английском парламенте в мае с. г., и многими другими газетными сообщениями, рискуя при этом обратить статью в бюро газетных вырезок.

Раздел четвертый. Этот раздел целиком посвящен успокоительным заверениям, что снижение цен на нефтяные продукты под влиянием появления синтетической нефти не произойдет (о каких ценах говорит С. Д. Богдановский? о современных, убыточных для природной нефти, или о нормальных, которые, по его мнению, не скоро придут?), что до конкуренции между природной и синтетической нефтью дело не дойдет. Конкуренты сговорятся между собою, и в доказательство приводится сообщение из Berliner Tageblat, в котором говорится, что Standart Oil ведет переговоры с I. G. Farben об „урегулировании конкуренции между синтетическими и природными нефтепродуктами".

Здесь опять какая-то невязка.

Если правильны выводы С. Д. Богдановского, „что все работы по промышленному синтезу нефти, производимые в настоящее время, не означают еще начала производства, а должны скорее рассматриваться как предварительные"; если правильны цены и калькуляции, приводимые С. Д. Богдановским; если правильно его положение, что „шансы на промышленное воплощение синтетического производства не велики"; что „обстановка крайне не благоприятствует этому производству",—то это газетное сообщение должно быть признано газетной уткой. Зачем делить рынки между двумя организациями, из которых одна чрезвычайно мощна, а другая quantité négligeable? И совершенно непонятно, зачем С. Д. Богдановский приводит эту выдержку. Мы думаем, что делить рынки еще преждевременно, но появление такой заметки очень знаменательно, ибо если в ней есть доля правды, то это только подтверждает сделанные нами выводы, что при известных условиях и в определенных странах синтетическая нефть, очевидно, явится сильным конкурентом природной нефти. По существу же, сидя в Москве, трудно решать и предвидеть, как сговорятся между собою директора крупных нефтяных и химических трестов, и утверждать, что они сговорятся (когда неизвестно, будут ли вообще разговаривать между собою)—это гадать на кофейной гуще.

Нам кажется, что если исходить из нормальных соотношений, то с появлением на рынке синтетической нефти цены на природную нефть должны упасть, ибо подсчитанные нами, допустимые при этих ценах накладные расходы будут, очевидно, больше фактических расходов производства, и, таким образом, синтетическая нефть окажется слишком рентабельным делом, высокие прибыли которого не смогут долго удержаться. Чем рентабельнее дело, тем больше оно привлекает к себе капиталы и тем ожесточеннее становится конкуренция, в результате которой цены должны снизиться. Конечно, сговор между конкурентами не исключается, но такой сговор, происходящий за счет потребителя, не может считаться нормальным явлением и никогда еще в условиях капиталистической конкуренции не мог способствовать удержанию цен на одном уровне в течение продолжительного времени. Когда цены находятся на пределе убыточности, то сговор бывает необходим, чтобы предотвратить реальный убыток, и цены держатся долгое время на установленном уровне. Если же производство рентабельно, то оно, как мы уже указывали выше, привлекает к себе капиталы, из коих те или иные неминуемо нарушат монопольность синдикатских цен.

Производство же синтетической нефти, по всей видимости, будет рентабельным. Конечно, на первых порах ему суждено будет пережить чисто технические, детские болезни, но дешевизна низких сортов угля, которые в настоящее время почти совершенно не используются, служит гарантией тому, что синтетическая нефть легко пробьет себе дорогу.

Резюмируя все вышесказанное, мы полагаем, что независимо от того понизятся ли цены на природную нефть или останутся на нормальном уровне, синтетическая нефть явится серьезным конкурентом природной. Если цены снизятся, то от этого пострадает природная нефть, для которой теперешние цены уже убыточны, в то время как для синтетической они, по всей вероятности, далеки от критических. Если цены будут высокие, то прибыли синтетического производства будут выше природного и это заставит развиваться усиленным темпом производство нефти из угля.

Все вышесказанное, по нашему мнению, относится только к странам, импортирующим нефть и имеющим широко развитую угольную промышленность, т.-е., главным образом, к Англии и Германии.

Раздел пятый. а) Этот раздел целиком посвящен разбору нашей статьи. Начинается он с того, что автор считает „неприемлемыми" приведенные нами котировки на стр. 208, № 5 „План. Хоз.", так как думает, что „для вычисления конкурентоспособности синтетических нефтепродуктов на европейском рынке нужно исходить из себестоимости природных нефтепродуктов сиф английский или какой-нибудь другой „европейский порт". Затем он говорит, что английские цены вообще не годятся, потому что там царит монополия; говорит, что взятые нами цены „мелкооптовые" и говорит, что принятый нами выход бензина 5,6% от угля (1:18) неправилен „так как Бергиус в своем кратком описании указывает меньшее соотношение". В конце С. Д. Богдановский огульно утверждает, что если бы сделать подсчет по другим цифрам (очевидно, по его „персональным" цифрам), то стоимость набора нефтепродуктов, выходящих из 18 тонн угля, будет 300 марок.

Последняя цифра является сугубо „персональной" и никакими авторитетными источниками не подкреплена.

Совершенно иначе нужно квалифицировать утверждение С. Д. Богдановского, что приводимый нами выход бензина из одной тонны угля (5,6%) больше того, который дает сам Бергиус.

В действительности Бергиус указывает на следующие выходы „моторного спирта" (бензина) из 100 частей угля:

Уголь битуминозный 15,0%
„ смолистый 16,5%

Введя в эти цифры Бергиуса поправку на водяной газ, мы получили выход бензина в три раза меньший, чем привел в своем докладе Бергиус (Питсбургский с'езд) и, таким образом,

упрек в том, что мы преувеличили выходы, даваемые Бергиусом, обнаруживает, что либо С. Д. Богдановский никогда не читал доклада Бергиуса, либо, что самое худшее, голословно ссылается на цифры, которых Бергиус никогда не сообщал. Очевидно, С. Д. Богдановский рассчитывает, что в пылу полемики такой прием пройдет незамеченным.

Чтобы установить истину, мы подсчитаем стоимость набора нефтепродуктов, выходящих из 18 тонн угля сиф европейский порт—Руан.

Таблица 2

		В франках	В франках
1	тонна бензина . . .	à 1500	1500
0,4	„ см. масел . .	„ 2000	800
0,55	„ мазута . . .	„ 540	300
1	„ газойля . . .	„ 680	680
		Итого	3.280
		или	27 фунт. стер. (540 шилл.)

Цены взяты по котировке от 11 января 1927 года, приведенной в La Revue Petrolifére от 15 января 1927 года № 202, все цены сиф Руан при курсе франко 1 фунт стерлингов равняется 122,46 франка.

Итак, мы взяли не английский рынок, а цены сиф французский порт и получили стоимость набора в 540 шилл.

Эта стоимость не является сравнимой со стоимостью синтетической нефти,[1] но зато ее можно сравнить с персональными цифрами С. Д. Богдановского, выражающимися 300 шилл.

Мы не думаем, чтобы такое расхождение цифр могло быть следствием ошибки или описки...

Ниже мы приводим котировки на нефтепродукты на главнейших европейских рынках, существовавшие в начале 1927 года. По этим котировкам интересующиеся смогут сами подсчитать и определить, во что обойдется тот или иной набор нефтепродуктов.

б) Затем С. Д. Богдановский снова возвращается к вопросу о возможном снижении цен, о котором мы уже говорили выше и к которому мы теперь возвращаться не будем. Отметим только, что в части, касающейся рентабельности советского экспорта, при существующих низких ценах, он безнадежно смешивает понятия рентабельности и коммерческой целесообразности.

в) Затем С. Д. Богдановскому не нравится, что мы предлагаем обратить внимание на наш внутренний рынок; точно также он против способа транспорта нефти по трубопроводу, предпочитая способ транспорта водой, который, по его утверждению, не более дорог, чем по нефтепроводу.

После этого следуют советы нефтяной промышленности не итти по тому пути, по которому мы рекомендуем, хотя мы ничего никому не рекомендовали и не собирались давать советы руководителям советской нефтепромышленности — общепризнанным специалистам своего дела.

[1] Несравнимой потому, что цены взяты „сиф", а не оптовые внутреннего рынка.

В своей статье мы намечали только те новые горизонты, которые открываются в связи с производством нефти из угля.

Вопрос о рациональном транспорте нефти от нефтеносных полей к промышленным центрам не может быть решен журнальными статьями, а требует серьезной технической проработки. Может быть эта проработка покажет, что нефтепровод на большое расстояние невыгоден, а может быть покажет, что выгоден.

Говоря о нефтепроводе, мы исходили из американской практики, где считают выгодным качать нефть из Оклахомы и Тексаса в Нью-Йорк по нефтепроводам длиною в тысячи километров. Может-быть мы ошибаемся в своих суждениях, но возражения С. Д. Богдановского не выявили наших ошибок.

г) Затем С. Д. Богдановскому не нравится наш анализ возможности организации производства нефти из угля во Франции и наш вывод, что Франция еще довольно продолжительное время вынуждена будет импортировать нефтепродукты.

Исходя из того соображения, что на 1 тонну годовой добычи каменного угля нужны капитальные затраты в 1[1] фунт стерл., а на 1 тонну синтетической нефти (здесь С. Д. Богдановский подставляет вместо нефти бензин) нужно 60[1] фунтов стерл., С. Д. Богдановский приходит к выводу, что „деньги найдутся" и что наши выводы неправильны.

Такого рода рассуждения страдают двумя недостатками — несерьезностью и некомпетентностью.

Развитие добычи французской углепромышленности возможно только за счет добывного резерва каменоугольных копей, а за счет открытия новых копей очень трудно, что видно из того, что в течение свыше 20 лет Франция ввозит уголь, но не увеличивает собственной добычи. Так, ввоз во Франции угля был:[2]

Таблица 3

Годы	В тоннах
1903	14.000.000
1913	24.000.000
1924	30.000.000
1925	27.000.000
1926	24.000.000

в то время как собственная добыча была следующая (в тысячах тонн):

Таблица 4

	1913	1919	1925
Центр и юг	13.455	12.047	14.060
Север и Па-де-Кале . . .	27.389	7.883	28.716
Лотарингия	3.796	2.511	5.279
	44.640	22.441	38.055

Таким образом, французские углепромышленники, вопреки мнению С. Д. Богдановского, почему то не увеличивают своего производства, и тут выступают на сцену те причины, которые ускользают от С. Д. Богдановского. Причины эти таковы.

Все каменноугольные месторождения Франции относятся к трудно разрабатываемым месторождениям, ибо: 1) падение пластов круто на-

[1] ? (И. Г.).

[2] Conférence économique internationale. Mémorandum sur le charbon. Volume II, p. 40.

клонное, иной раз вертикальное, что требует проведения глубоких шахт и сложных работ по подготовке и нарезке поля; 2) разработка пластов мало экономична, вследствие большого соотношения между толщиной пустой породы к незначительной толщине прослоек в ней угольных пластов; 3) условия залегания нередко малонадежны в смысле слабости висячего и лежачего бока; 4) очень обильный приток воды.

Все вышеизложенные обстоятельства, чисто технического порядка, затрудняют развитие и проведение новых шахт; и посему мы позволим себе остаться при наших выводах и не согласиться с мнением С. Д. Богдановского, что решающим фактором служит показатель капитальных затрат на одну тонну годовой продукции.

(Нас интересует вопрос, к каким бы выводам пришел С. Д. Богдановский, если бы ему пришлось сосчитать капитальные затраты, приходящиеся на одну тонну (!) гелия, добываемого из природного газа?!)

Заканчивает свою „критику" С. Д. Богдановский тем, что не одобряет высказанного нами предположения, что глубокое бурение, быть может, есть один из тех путей, которым можно вызвать к жизни получение природной нефти из глубин земли — искусственным путем.

С. Д. Богдановский расходится с нами в оценке грядущих путей развития нефтяного дела, а всемирно известный профессор Франц Фишер на собрании Германского химического общества, происходившем 7 июня с. г. в г. Эссене, закончил свой доклад следующими словами:

„Почему не допустить, что техника глубокого бурения не сделает возможным в ближайшие десятилетия проникновение воды в земную толщу по скважинам глубиною в 10 километров. Эта вода посредством земной теплоты сможет быть обращена в пар любого давления. К тому времени, когда бурение таких скважин станет возможным, химия, несомненно, будет в состоянии перерабатывать любые количества угля не только на нефть, но посредством водяного газа и алдегидов сможет получать сырье для текстильной и каучуковой промышленностей".[1]

Если бы не то, что эта речь была произнесена 7 июня с. г. и мы узнали о ней только из номера „Stahl und Eisen" от 16 июня с. г., то нас, наверное, можно было бы заподозрить в плагиате идей проф. Ф. Фишера. Однако, наша статья появилась до того, как проф. Фишер высказал это свое мнение, и не скроем, что нам было чрезвычайно лестно и приятно узнать, что наша „утопия" совпадает с прогнозами мюльгаймского ученого, как не скроем того, что расхождение с нашими взглядами С. Д. Богдановского нас не огорчило.

На этом мы заканчиваем наш ответ на статью С. Д. Богдановского, но считаем полезным дополнить и уточнить то, что мы раньше сообщали о синтетической нефти еще несколькими строками.

В нашей первой статье мы упустили из виду два обстоятельства в оценке возможной организации производства синтетической нефти во Франции, каковые обстоятельства следующие:

[1] „Stahl und Eisen", 16/VI 1927, стр. 101, № 24.

1) При добыче во Франции 48.000.000 тонн каменного угля в год получается значительное количество дешевой угольной мелочи. Эта мелочь по своим физическим свойствам представляет хороший материал для бергенизации, что было учтено французскими углепромышленниками, которые 5 марта с. г. учредили общество под названием „Carburants et Produits de Synthése" с капиталом в 25.000.000 франков (200.000 фунт. стерл.). Общество имеет целью фабрикацию синтетических нефтепродуктов и об'единяет следующие главнейшие угольные копи Франции: Blanzy, Star et Mosel, Petitte Rossells, Carnaux, Charbonages des bouches du Rhone и друг.

2) Вторым обстоятельством, не учтенным нами, были французские лигниты, которые должны служить хорошим материалом для бергенизации и разработка коих не трудна. В департаменте Гард близ буроугольных копей Saint Julien de Peyrolas в местности Saint Pollet de Saisson уже в настоящее время строится завод для получения синтетической нефти из угля, производительностью в 80 тонн суточной переработки угля. Однако, этот завод, по некоторым данным, должен быть скорее отнесен к типу заводов, работающих по методу „Low grade carbonisation", хотя указывается, что он будто бы должен работать по методу Бергиуса.

В Англии все время ведутся усиленные работы по испытанию метода Бергиуса в применении к английским углям. Британский „Research Board" закончил лабораторные испытания в этом направлении, которые дали для некоторых углей выход нефти в 60—70%.

В настоящее время Research Board приобрел у английских держателей патента Бергиуса право на постройку маленькой, полупромышленной испытательной установки и приступает к работе на ней.

Вообще же в Англии с нетерпением ждут результатов работы Мерзебургского завода.

В заключение мы приводим пересчет нашей таблицы на стр. 208 „План. Хоз.", подсчитанный на случай применения не хорошего кускового угля, а угольной мелочи (slacks) (см. прилож. на стр. 248).

P. S. Эта статья была уже написана, когда в газете „Правда" от 26 октября с. г. в отделе „Разные известия" появилась следующая краткая заметка:

„На автомобильных гонках, состоявшихся близ Франкфурта (Германия) победителем вышел автомобиль, пользовавшийся искусственной нефтью, вырабатываемой „Германским трестом красок".

Итак, бензин из угля не только появился на рынке, но конкурирует с лучшими сортами бензина, применяющимися при автомобильных гонках, и выходит из этого соревнования победителем.

На ряду с R. O. P., Schell, и Standart Oil на нефтяном рынке появился I. G. Farbenindustrie. Достаточно привести некоторые данные о заводе I. G., вырабатывающем нефть из угля (Leuna-Werke), чтобы стала ясна серьезность дела. Эти данные таковы: Leuna-Werke прилегает к месторождению бурого угля Gieseltal с запасом в 1010 миллионов тонн угля при мощности залежи от 20 до 100 м. сплошной буроугольной массы. Уголь разрабатывается открытыми разработками в количестве 10 миллионов тонн в год.

Из этого количества 30% потребляют Leuna-Werke, суточное потребление которых колеблется от 9.000 до 10.000 тонн угля.

Теперь можно с полным правом обратиться к нефтяной промышленности со словами Caveant Cousules!

Приложение I

Нормальные оптовые цены (Wholesale prices) на нефтепродукты на главнейших внутренних рынках Зап. Европы

	Германия (цена в марках)		Франция (цена во франках)		Англия (цена в шилл.)	
	1	2	1	2	1	2
Бензин (0,730) уд. вес .	(414)	375	(2.345)	2.100	(330)	300
Смаз. масло (вязкость 6,6).	(320)	290	(3.026)	2.700	(217)	200
Газойл (легк. масла, 0,845).	(140)	125	(702)	630	(148)	135
Мазут (0,900).	(90)	80	(557)	500	(90)	80

Цифры столбца 1 — взяты по котировкам
„ „ 2 — „ на 10% ниже и положены в основу калькуляции (исключена прибыль)

Котировки взяты:

для Германии: цены Deutsche Petroleum Aktienqeselschaft по котировке 6/I 1927 г., приведенной в журнале The Petroleum Times от 8/I 1927 г., № 417.

для Франции: цены на складе в Руане, по котировке от 11/I 1927 г., приведенной в La Revue Petrolifére, № 202, 15/II 1927 г.;

для Англии: по данным The Petroleum Times от 8/I 1927 г., при чем для бензина взята котировка R. O. P. ф-ко Лондонская гавань, для газойля цены R. O. P. ф-ко Лондонская гавань, для мазута цена British Petroleum C°. Ltd, а для смаз. масел (Lubricatinq Oils) цены Samuel Banner C° Ltd — Ливерпуль.

Приложение II

Цены на угольную мелочь (slacks) в различных государствах Зап. Европы (цены ф-ко—рудник)

Англия [1] (1 тонн. в шилл.)	Франция (1 тонн. в франк.)	Германия (1 тонн. в марк.)
Округ Шеффильд 1 тонна 3—6	Каменноуг. мелочь 1 тонн — 40 франк.	Каменноуг. мелочь — 7—9
„ Нотингемшайр 1 тонна 3—5		Бурый уголь — 5—8
„ Ланкашайр 1 тонна хорошей мелочи 10—15		Буроугольная мелочь — 3—5
„ Лидс мелочь 1/2 тонна 8—10		

[1] Цены для Англии взяты из The Iron and Ceal Trade Review от 17 июня 1927 г., а для Германии для каменного угля взяты цены Rheinisch-Westfälischen Kohlen-Syndikats 1/X 1926 г.

Приложение III

Стоимость нефтепродуктов, получаемых из 18 тонн угольной мелочи

Из 18 тонн угля получается нефтепродуктов		Англия (цены в шилл.)		Франция (цены в франк.)		Германия (цены в марках)	
Род продуктов	Тонн	Цена 1 тонны	Итого	Цена 1 тонны	Итого	Цена 1 тонны	Итого
Бензин	1,0	300	300	2.100	2.100	375	375
Смазочн. масло	0,4	200	80	2.700	1.080	290	116
Мазут	0,55	80	44	500	275	80	44
Газойл	1,0	135	135	630	630	125	125
Итого набор в	3		559 Ф. ст. = 28		4085 Ф. ст. = 33.10.0		660 Ф. ст. = 33

Приложение IV

Сравнительная стоимость сырья (угля) и конечного продукта и допустимые для рентабельного сбыта издержки производства (накладной расход) в % от стоимости сырья (угля)

Страны	Стоимость 3 тонн нефтепродуктов по прил. III	Стоимость угля (мелочь clacks)		Остается на расходы производства		Примечание
		1 тонна	18 тонн	В денежных единицах	В % от стоим. угля	
Англия (шилл.) . . .	559	5	90	469	520%	
Франция (франк.) . .	4085	40	720	3365	467%	
Германия (марки) (бурый уголь)	660	5 [1]	90	570	632%	Самое выгодное соотношение [1]

[1] В действительности это соотношение еще выгоднее, ибо средне-германский бурый уголь, добываемый открытыми работами, расценивается у рудника в 3 м.30 пф. за 1 тонну, по каковой цене и нужно считать уголь Greltal'я, идущий по Leuna-Werke для бергенизации.

А. Соколов

Гидрография и вопросы народного хозяйства

(100 лет русской гидрографии)

В октябре этого года исполнилось сто лет существования Гидрографического управления. Юбилей этот является не только формальной датой, но действительно крупным событием, заставляющим внимательно остановиться на значении гидрографической службы в общем плане развития народного хозяйства.

Самое слово „гидрография" имеет на русском языке несколько значений. Неудивительно поэтому, что, не говоря уже о широких кругах, даже среди весьма осведомленных людей далеко не всегда можно встретить правильное представление о задачах и значении гидрографической службы.

Прямой смысл этого слова „мореизображение" определяет достаточно точно основное ее содержание.

Общее назначение гидрографической службы — обеспечение безопасности кораблеплавания в морях, омывающих берега СССР. И, конечно, „мореизображение", т.-е. гидрографические (описные) работы, необходимые для получения морских карт, составляют основную задачу в достижении этой цели. Можно легко представить себе, что человек способен передвигаться по суше, не имея карты. Наличие же морских карт определяет самую возможность пользования морскими путями сообщения, т.-е. самую возможность плавания судов. И если сухопутные карты являются необходимым условием развития любой из отраслей народного хозяйства, то еще более это справедливо в отношении морских карт.

Однако, гидрографические работы, каково бы ни было их значение, далеко не исчерпывают всего содержания гидрографической службы. Мореплавателю недостаточно морской карты, хотя бы составленной наиболее точными способами и наиболее современной. Точнее сказать, ему недостаточно геометрического изображения частей земной поверхности и данных подводного рельефа. Для того чтобы правильно расположить плавание судна, мореплаватель должен иметь ряд руководств (Лоций и др.), непосредственно дополняющих морские карты. В этих руководствах, помимо описания береговой полосы и приметных мест, должны находиться сведения о ветрах, туманах, течениях, о приливо-отливных колебаниях уровня моря и т. п. Получение всех этих сведений определяет необходимость изучения физического режима моря. Связанные с этим гидро-метеорологические работы составляют вторую отрасль гидрографической службы в целом. Самое выполнение их, помимо исследований экспедиционного характера, требует наличия на побережьях хорошо развитой сети гидро-метеорологических станций и обсерваторий, которые,

таким образом, являются частью метеорологической сети всего государства.

Но и морских карт и руководств для пользования ими все еще недостаточно мореплавателю. Подходя к берегу и идя вдоль него, он нуждается в особых приметных сооружениях, которые позволяют ему сразу определять свое место на карте, а в иных случаях — избегать опасностей и вести судно по хорошо обставленному фарватеру. Содержание сети таких сооружений и знаков как на берегу, так и на воде, составляет третью отрасль гидрографической службы в целом, называемую службой ограждения морей. Самые способы ограждения и отдельные виды подобных сооружений весьма разнообразны. На берегу — маяки, башни, сирены, освещаемые и неосвещаемые знаки и т. п. На воде — плавучие маяки, бакана, вехи и т. д. В последнее время в качестве средств ограждения большое значение получили радио-пеленгаторные станции и многочисленные способы подводной туманной сигнализации.

Наконец, для плавания судов необходимы мореходные инструменты: компасы, секстаны, лаги, лоты, бинокли и т. д. Изготовление всех этих приборов в специальных мастерских составляет четвертую отрасль в деятельности Гидрографического управления.

Этот беглый очерк основных задач гидрографической службы в целом позволяет видеть, насколько она является обширной и разносторонней, захватывающей различные отрасли научных знаний и различные области народного хозяйства.

Столетний юбилей Гидрографического управления отмечает именно тот момент, когда в прежней России было создано специальное учреждение, об'единившее в своей деятельности выполнение всех перечисленных задач гидрографической службы. Сами по себе эти отдельные отрасли существовали, конечно, гораздо раньше, и возникновение их, правда, в самой примитивной форме, надо отнести ко временам появления первых русских военных судов, т.-е. к концу XVII или к самому началу XVIII столетия.

Русские военные суда появились раньше судов морского торгового флота. Гидрография прежде всего стала обслуживать военный флот.

Учреждение, созданное в 1827 году, было оставлено в составе Министерства морских сил. Гидрографическое управление находится и сейчас в составе Народного комиссариата по военным и морским делам. Однако, можно видеть, что, будучи, направлена прежде всего к удовлетворению нужд военного флота, деятельность этого учреждения имеет гораздо более широкое и в некоторых отношениях международное значение.

Но ни одна область народного хозяйства не затрагивается этой деятельностью так близко, как область торгового мореплавания, или, иначе сказать, область морского транспорта в самом широком смысле этого слова.

На самом деле, от условий плавания в морях, омывающих берега СССР, от условий плавания на подходах к морским портам зависит в конце концов стоимость морской торговли и возможности развития грузооборота портов. Стоимость морской торговли особенно сказывается у нас, благодаря отсутствию мощного торгового флота и необходимости использования иностранного тоннажа. Совершенно очевидно, что при различных условиях плавания у берегов страны, ведущей мор-

скую торговлю, условия фрахта судов, т.-е., в конечном итоге, стоимость этой торговли будет совершенно различна. Чем хуже состояние морских карт, чем хуже обследованы берега страны, чем слабее и реже сеть ограждения,—тем, конечно, дороже стоит государству развиваемая им морская торговля.

По справедливости надо сказать, что лучше истратить деньги на обследование опасных районов, на установку лишнего огня или знака, чем терять на морских торговых операциях. Как уже сказано, эта опасность плавания неизбежно учитывается при условиях фрахтования иностранных судов. Но эта опасность поведет к еще более резким последствиям и для иностранных судов, и для судов данной страны, т.-е. для той же морской торговли, когда вследствие недостаточно развитого гидрографического обслуживания данного района будут иметь место аварии судов.

Что же касается морских портов, совершенно также очевидно, что независимо от качеств самого порта, состояния его технических средств, возможность развития его грузооборота, непосредственно связанная с его посещаемостью, зависит в значительной степени от условий плавания на подходах к этому порту, т.-е. опять-таки от состояния морских карт и обслуживания ведущих к нему фарватеров.

Развитие экономической жизни страны, особенно находящейся в таких же географических условиях, как наш Союз, увеличивает значение новых, окраинных районов, определяемое возможностью использования их естественных богатств и необходимостью удовлетворения нужд населения. Однако, никакое использование подобных районов, для которых море часто представляет единственные пути сообщения, не возможно при отсутствии морских карт и иных средств, определяющих самую возможность проникновения в эти районы.

Все сказанное приводит к определенному выводу, что, оставляя за гидрографической службой все значение ее по выполнению заданий военного флота, службу эту нельзя рассматривать обособленно от других вопросов развития народного хозяйства, и в первую очередь — от вопросов торгового мореплавания. В конечном итоге, и вопросы развития морских торговых портов, и программы морского торгового судостроения, и гидрографическая служба в целом образуют некоторый комплекс задач, связанных между собою внутренним единством. Программы развития морских торговых портов и морского судостроения нельзя рассматривать, оставляя в стороне перспективы развития гидрографической службы.

В этом именно смысле дата столетнего юбилея привлекает особенное внимание. Она позволяет дать оценку гидрографической службы за весь минувший период, уяснить современное ее положение и определить характер задач, лежащих перед ней на предстоящие годы.

При построении планов развития различных отраслей народного хозяйства очень часто в качестве нормального, исходного положения принимается положение довоенного времени. Ближайшее ознакомление с ходом развития гидрографической службы заставляет признать, что период довоенного времени был действительно периодом наибольшего ее расцвета.

Гидрографические работы широко развивались во всех морях. Конечно, уже и тогда весьма давала себя знать неоднородность картографического материала для отдельных морей и их районов. Для одних имелись вполне современные точные карты. Карты других могли быть названы первым приближением, требовавшим повторных исследований. Наконец, имелись районы, для которых вовсе не было карт и в которых надо было ставить гидрографические работы. Как бы то ни было, Гидрографическое управление располагало к тому времени богатым, хотя и разнородным материалом по картографии наших морей. Обстоятельство это позволило в 1909 г. необыкновенно тщательно разработать вопрос о мерах для приведения карт русских морей в состояние, удовлетворяющее требованиям мореплавания. Короче, была разработана программа гидрографических работ, рассчитанная на тридцатилетний период. При разработке этой программы было установлено, что соответствие морских карт запросам мореплавания требует соблюдения следующих основных положений: 1) гидрографические работы должны выполняться систематически и планомерно; 2) для каждого моря должна существовать твердая система опорных точек; 3) полученные морские карты должны всегда поддерживаться на уровне современности.

При точном соблюдении всех этих положений гидрографические работы начали широко развиваться во всех морях. Особенное внимание было уделено Дальневосточным и Северным побережьям. Продолжавшиеся в течение нескольких лет подряд работы Гидрографической экспедиции Сев.-Лед. океана завершились в 1914 г. плаванием судов экспедиции из Владивостока в Архангельск, вдоль всего побережья Сибири.

Гидрографические работы выполнялись на строго научных основаниях, при чем в отношении методов их был даже сделан шаг вперед по сравнению с Западом.

Изучение физических свойств морей развивалось также в широких размерах, параллельно с этими работами.

Служба ограждения морей находилась в очень хорошем состоянии и с каждым годом продолжала развиваться дальше, охватывая новые районы. Развитие это относится как к самому росту сети маяков, знаков, баканов и пр., так и к качествам средств ограждения. В 1910 г. был разработан общий план маячных работ на десятилетний период. По этому плану начали широко развиваться как работы по новому маячному строительству, так и работы по переоборудованию существовавших маяков, значительная часть которых имела аппараты старых систем, давно вышедших из употребления за границей.

В отношении переоборудования сети ограждения можно иллюстрировать сказанное следующими примерами.

В 1909—10 гг., одновременно с за границей, получило самое широкое распространение применение ацетиленового газа, главным образом, в освещении шхерных и створных огней и буев. Применение этого способа освещения и автоматических аппаратов, позволивших оставлять их без просмотра на долгое время, в самое короткое время расширило сеть ограждения.

С 1911 г. было решено постепенно вводить ацетиленовое освещение и на больших маяках.

В том же году из Франции были выписаны новые маячные аппараты без линз с золоченными рефлекторами. Аппараты этой системы, при сравнительной дешевизне, были много легче применявшихся до того

френелевских аппаратов и гораздо проще в обращении, не уступая последним по силе света. Вместе с тем, они не имели легко бьющихся линз, и части их свободно могли заменяться новыми.

Очень много внимания уделялось способам подводной сигнализации.

Наконец, большие успехи были достигнуты в деле изготовления мореходных инструментов. Высокие качества наших компасов и других приборов были признаны далеко за пределами России.

Все это позволяет сказать, что гидрографическая служба находилась в хорошем состоянии. Способы и средства обеспечения безопасности кораблевождения находились на европейском уровне, в полной мере удовлетворяя потребностям мореплавания.

С началом мировой войны прекратилось плановое развитие гидрографической службы, и все усилия были направлены исключительно на удовлетворение нужд военного флота, связанных с оперативными его действиями.

В 1917 году война завершилась великой Октябрьской революцией.

Годы гражданской войны, естественным образом, не только приостановили какое бы то ни было развитие гидрографической службы, но во многих отношениях вовсе прекратили деятельность ее местных органов.

За исключением Финского залива, все остальные морские пространства оказались отрезанными от руководящего учреждения. Во многих местах фронты гражданской войны выходили непосредственно на побережья. Гидрографические работы, за немногими исключениями, почти не производились. Маяки не освещались, и во многих местах оказались разрушенными.

С окончанием гражданской войны началось медленное „собирание" гидрографической службы, постепенное восстановление разрушенного.

В годы гражданской войны некогда, а может быть, и не к чему было думать о гидрографии. Были вопросы более значительные и более насущные. Деятельность Гидрографического управления на местах ограничивалась, главным образом, обслуживанием речных флотилий. Но как только война окончилась и блокада Советского государства была снята, государство это потребовало от гидрографической службы величайшего напряжения и немедленного применения всего накопленного в прошлом опыта.

Сразу же, помимо задач восстановительного характера, которые возникли во всех морях, перед гидрографией были поставлены задачи совершенно иного порядка, определявшиеся новыми условиями развития торгового мореплавания.

Так, например, уже в конце 1920 г. встал вопрос о необходимости создания, по возможности, нормальных условий плавания в Финском заливе для свободного прохода судов в Ленинградский порт, т.-е. для возможности осуществления морской торговли. Сложность этой задачи заключалась в том, что почти весь Финский залив в восточной своей части был заминирован. Для очистки обычного пути с моря потребовались бы весьма длительные работы по очищению от мин громадного района. Между тем, задача безопасного прохода судов в Ленинград требовала немедленного разрешения. Она и была разрешена в точно поставленный срок, благодаря тому, что Гидрографическим управлением были осуществлены работы по проложению нового фарватера, пролегавшего в наименее засоренных минами районах.

Другим районом, потребовавшим большего напряжения, является район Карского моря и устоев рек Оби и Енисея. Необходимость выполнения экспортно-импортных операций путем ежегодного осуществления Карских экспедиций вызвала усиленное развитие гидрографических работ в этом районе, который раньше не привлекал к себе такого острого внимания.

Сказанным может быть охарактеризовано все положение гидрографической службы после окончания гражданской войны. С одной стороны, процесс восстановительной работы, протекавший в очень трудных условиях, с другой, на ряду с этим — разрешение отдельных, совершенно новых задач, которые ставило новое государство. Восстановительная работа, главным образом, отвечала запросам растущей морской торговли. Выполнение отдельных задач преследовало еще более широкие, иногда важные политические цели.

К этим последним надо отнести:

1) Выполненную по инициативе Госплана СССР в 1923/24 г. установку радиостанции на Новой Земле в проливе Маточкин Шар у выхода его в Карское море. Станция эта была развернута затем в постоянную Полярную геофизическую обсерваторию. Установкой ее закреплялось действительное наше владение Северным островом, разрешился ряд вопросов по его колонизации и ряд вопросов чисто-научного значения.

2) Плавание экспедиции на о. Врангеля в 1924 г., выполненное в очень тяжелых условиях, но достигшее полного успеха. На острове был поднят флаг СССР и попутно были произведены различные работы. В результате, были пресечены всякие попытки отрицать права СССР на этот остров, а в 1926 г. уже осуществлена попытка его колонизации.

Таковы отдельные примеры, которые позволят судить о самом характере задач, выполнявшихся гидрографической службой, доказавшей, таким образом, все свое значение в создавшейся обстановке.

Что же касается восстановительной работы, она, как уже было сказано, протекала в очень трудных условиях, об'яснявшихся трудностями материального положения, а также тем обстоятельством, что в силу этой трудности, находясь в составе военно-морских учреждений, гидрографическая служба могла получать средств ровно столько, сколько оставалось после удовлетворения прямых военных нужд, связанных с обороной Союза.

В конечном итоге, по наиболее существенным отраслям гидрографической службы положение представляется в следующем виде.

Служба ограждения морей постепенно восстанавливалась во всех морях. Темп этого восстановления далеко не всегда отвечал темпу экономического развития отдельных районов и запросам торгового мореплавания. Особенно тяжелым было положение вещей до 1923 г. После этого восстановление идет более быстрыми шагами, и к настоящему моменту характеризуется следующими цифрами:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1927 г.
Буи	105	206	242	250
Вехи	1.016	1.595	1.583	1.980
Плавучие маяки	3	9	10	10
Береговые маяки	107	110	125	365
Маячные огни	78	86	119	
Створные огни	58	84	103	
Сирены	16	16	20	20
Светящиеся баканы	25	35	60	85

Если сравнить все количество знаков ограждения, т.-е. наличие сети маяков, знаков и пр., в настоящее время с количеством ограждения в довоенное время, исключив районы отошедших территорий и добавив новые районы, которые не обслуживались раньше, можно увидеть, что об'ем задач гидрографической службы в этой ее отрасли теперь нисколько не меньше довоенного времени. Самое же содержание этих задач значительно больше и сложнее.

Если в части восстановления задачу можно считать в значительной мере выполненной, то все остальное, чего требуют нужды народного хозяйства, и в первую очередь торгового мореплавания, ставит перед службой ограждения чрезвычайно обширную задачу.

Для уяснения этой задачи надо, прежде всего, вспомнить все сказанное выше об устарелости некоторых наших маячных аппаратов, отмеченной еще в 1911 г. Следовательно, вопросы переоборудования сети полностью сохраняют свое значение.

С другой стороны, техника ограждения быстрыми шагами идет вперед. Иностранные суда, приходя в наши воды, часто снабжены такими приборами, которыми они не могут здесь пользоваться и которые широко применяются за границей.

Наконец, новая система народного хозяйства вызвала к жизни новые райны, которые почти не обслуживались раньше, и которые требуют теперь большого значения.

Для примера можно привести наши Дальневосточные побережья.

В 1913 г. мы имеем там: 13 маяков, 10 огней и 7 сирен. Количество это в настоящее время осталось почти без изменения.

Между тем, на противоположном побережье Аляски за 10 лет была проделана следующая работа:

	1915 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Маяки и огни . . .	112	196	206	210	227	244
Туманные сигналы.	9	10	11	11	11	12

Совершенно очевидно, что густота сети ограждения в значительной степени будет определять самую возможность обслуживания этих доступных окраин и использования их естественных ресурсов.

Такова работа, выполненная службой ограждения, и таковы огромные задачи, лежащие перед ней на дальнейший период времени.

Еще острее стоит вопрос о гидрографических и сопряженных с ними исследовательских работах в морях СССР.

В 1922 г., в силу финансовых затруднений, плановые гидрографические работы во всех морях, кроме района рек Оби и Енисея, были прекращены.

В ближайшие за этим годы представляются средства только на выполнение отдельных, крупных заданий, о которых было сказано выше.

И только с 1925 г. появляется возможность возобновления гидрографических работ в различных морях СССР. Работы эти и развиваются сейчас далеко неравномерно и не везде, обеспечивая прежде всего нужды военного флота.

Если вспомнить сказанное о разнородности картографического материала для наших морей, отмеченной еще в 1909 г., а также о необходимости систематического и планомерного выполнения работ, можно видеть,

что многолетний перерыв в выполнении их значительно усложнил задачи, стоявшие в этом отношении в довоенное время.

В качестве примеров укажем, что карты северной части Каспийского моря не отвечают действительности, о чем и имеется соответствующая пометка на них. То же можно сказать и о картах многих других районов, настоятельно требующих вполне современного и точного материала.

Следовательно, и в отношении гидрографических работ возникают большие и сложные задачи, разрешения которых требуют нужды народного хозяйства.

Таким образом, этот общий очерк позволяет прежде всего притти к выводу о несомненном значении всей гидрографической службы в целом для различных отраслей народного хозяйства и в первую очередь, конечно, для развития торгового мореплавания в водах, омывающих берега СССР.

Дата столетнего юбилея позволила оценить положение этой службы за весь минувший период, установить ее современное состояние и определить самый характер задач, лежащих перед ней на ближайшие годы.

Развитие народного хозяйства в различных его областях в значительной степени зависит от состояния гидрографической службы и ясного понимания ее значения.

Не подлежит сомнению, что в результате оценки всей деятельности Гидрографического управления, связанной с его 100-летним юбилеем, вопросы гидрографической службы займут подобающее им место при разработке планов переустройства народного хозяйства.

Необходимым условием для того, чтобы гидрографическая служба в дальнейшем отвечала всем запросам последнего, является установление такого порядка финансирования, при котором она рассматривалась бы не только как отрасль военно-морского дела, связанная лишь с обороной страны, но как некоторая специальная служба, необходимая и для развития народного хозяйства.

В этом смысле особенного внимания заслуживает постановление Совнаркома СССР от 21 сентября этого года, отделяющее в смете НКВоенмор расходы по военной обороне Союза от расходов на содержание гидрографической службы в целом.

Интересы народного хозяйства требуют, чтобы постановление это было выполнено со всей последовательностью. Это позволит совершенно определенно ставить вопрос об ее нуждах и о возможностях их удовлетворения в общих планах развития народного хозяйства.

ОТДЕЛ IV

По районам

Е. С. Полюта

Проблема аграрного перенаселения в ЦЧО

Проблема аграрного перенаселения может быть рассматриваема с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения размеров избыточных трудовых сил и выяснения места их приложения и, во-вторых, с точки зрения влияния явления перенаселенности на различные стороны народного хозяйства.

Можно сказать, несколько условно, что первая точка зрения освещает вопрос перенаселения в количественном отношении, вторая — в качественном.

В первом случае задача сводится к статистико-экономическому описанию, во втором — к анализу экономики различных отраслей народного хозяйства с точки зрения влияния на них явления перенаселенности.

В первом случае „перенаселенность" рассматривается, как следствие каких-то причин, вызвавших это перенаселение. Во втором случае она рассматривается, как причина возникновения тех или иных явлений в различных областях народного хозяйства.

В настоящей статье мы сделаем попытку осветить вопрос об аграрном перенаселении ЦЧО с двух точек зрения, при чем освещение этого вопроса со второй точки зрения делается нами в виде примера, по которому можно судить больше о значении такой постановки вопроса, чем составить достаточно полное представление по данному вопросу.

I

ЦЧО является одной из самых уплотненных областей республики. По переписи 1926 г. в ЦЧО приходится на 1 кв. километр 49,5 чел.

По отдельным губерниям области плотность населения на 1 кв. километр составляет: Воронежская — 49,5 чел., Курская — 64,9 чел., Орловская — 63,6 чел. и Тамбовская — 59,8 чел.

По остальным областям РСФСР плотность населения на 1 кв. километр выражается в следующих размерах: Центрально-Промышленная — 45,6 чел., Северо-Западная — 12,8 чел., Нижне-Волжская — 17,0 чел., Средне-Волжская — 30,8 чел., Уральская — 38,8 чел., Северо-Кавказская — 28,4 чел., РСФСР (Европ. часть) — 23,1 чел., РСФСР в целом — 4,9 чел.

По плотности населения ЦЧО из всех областей РСФСР приближается лишь к Центрально-Промышленной области. На юге по плотности населения близко к ЦЧО стоит Украина.

При такой густоте населения особое значение приобретает вопрос о темпе естественного роста его (см. табл. на стр. 262).

Из этих данных видно, что темп роста населения в ЦЧО превышает средний темп роста населения по всей стране. Превышение это наблюдалось как в довоенное время, так и в послереволюционное.

Прирост населения на 1000 душ обоего пола

Годы	Воронежская губ.	Курская губ.	Орловская губ.	Тамбовская губ.	В среднем по 50 губ.
1900	24,9	19,0	18,7	23,4	18,3
1903	28,8	20,9	20,5	23,8	18,1
1906	24,4	19,5	20,4	23,5	19,1
1909	11,8	17,2	14,2	19,3	13,2
1911—13 (в средн.)	21,3	18,0	19,2	19,0	16,9
1923—26	22,5	23,9	22,6	20,5	19,3
1924	26,6	23,3	20,4	18,5	—
1925/26	по ЦЧО 22				
1926/27					
1927/28[1]					

Необходимо отметить, что при усиленном росте населения, в ЦЧО наиболее быстро растет сельское население.

Естественный прирост на 1000 жителей

Губернии	В городск. местн.		В сельск. местн.	
	1923	1924	1923	1924
Воронежская	10,7	15,6	22,6	27,2
Орловская	10,9	14,6	25,7	20,8
Тамбовская	11,0	12,5	21,2	18,9

По всей области население возрастало в последние годы следующим образом:

Годы	Городское		Сельское		Всего	
	Количество в тыс. чел.	Проц. отн. к предш. году	Количество в тыс. чел.	Проц. отн. к предш. году	Количество в тыс. чел.	Проц. отн. к предш. году
1924/25	1.000,4	—	9.429,3	—	10.429,7	—
1925/26	1.011,4	101,1	9.651,2	102,4	10.662,7	102,2
1926/27	1.022,4	101,1	9.873,2	101,3	10.896,7	102,2
1927/28	1.034,7	101,2	10.095,0	102,2	11.130,1	102,2

В виду более быстрого роста сельского населения удельный вес его из года в год возрастает. Так, процентное отношение городского и сельского населения к общему числу населения представляется в следующем виде:

Годы	Городское население	Сельское население
1924/25	9,6	90,4
1925/26	9,5	90,5
1926/27	9,4	90,6
1927/28	9,3	90,7

[1] Как здесь, так и в дальнейшем, 1927/28 г. принят по данным контрольных цифр.

Во многих городских поселениях области городское население падало не только по удельному весу, но и в абсолютных величинах. Это видно из следующей таблицы:[1]

Города	1897	1920	1923	Прирост (+) или падение (—) в 1923 г. сравнительно с 1897 г.
Воронеж	72.861	74.058	79.810	+6.949
Задонск	7.507	6.028	5.106	— 2.401
Нижнедевицк	2.409	1.999	2.135	— 274
Острогорск	6.551	7.974	6.375	— 176
Алексеевка	12.334	12.792	9.501	— 2.833
Валуйки	3.919	6.155	4.278	+359
Россошь	8.772	9.029	8.015	— 757
Калач	16.543	19 417	15.182	— 1.361
Бутурлиновка	23.443	27.688	21.352	— 2.094
Болхов	21.446	15.060	16.695	— 4.751
Елец	46.956	42.235	39.519	— 7.437
Маловархангельск	7.785	6.176	7.642	— 143

Эти данные указывают на чрезвычайно слабое развитие городской жизни в ЦЧО.

Несколько иная картина динамики населения городов получается при сравнении данных за 1897 г. с данными переписи 1926 г.

В период с 1923 по 1926 гг. приток населения в городские центры значительно усилился в связи с изменением общих экономических условий. Увеличение населения за этот период произошло и по городам ЦЧО. Приводим данные о росте городов в Воронежской губернии с 1897 по 1926 гг.:

	1926 г. в % к 1897 г.		1926 г. в % к 1897 г.
Бобров	131	Россошь	117
Богучар	120	Бутурлиновка	117
Валуйки	153	Задонск	82
Воронеж	142	Нижнедевицк	94
Новохоперск	125	Павловск	87
Острогорск	110	Всего...	126

Эти данные, так же, как и ранее приведенные, свидетельствуют о том же, а именно, о слабом развитии городской жизни в ЦЧО и даже об упадке мелких городских поселений.

Таковы главнейшие черты, характеризующие население ЦЧО и его динамику. Они сводятся к следующему: 1) Центрально-Черноземная область является чрезмерно уплотненной, 2) население ее растет более быстрым темпом, чем в других областях, 3) сельское население области растет быстрее, чем городское, 4) города области частью находятся в состоянии застоя, а частью развиваются чрезвычайно медленно.

Будучи одной из наиболее уплотненных областей в СССР, ЦЧО имеет огромное количество избыточных трудовых сил.

Комиссия, организованная Государственным исследовательским институтом землеустройства и перенаселения, при норме в 4 дес. используемой с.-х. площади на одного полного работника, определила степень использованности труда в Центрально-Земледельческом районе в 66,2%, а при норме в 5 дес. — 52,9%.

[1] Татарчуков, Об „избыточном" населении ЦЧО. Труды плановой комиссии ЦЧО. 1926 г., стр. 22.

При наличии в области в 1926/27 г. (на 1 апреля) 4.820 тыс. самостоятельного сельского населения, избыточное население составит 1.630 тыс. при норме в 4 дес. и 2.271 тыс. чел. при норме в 5 дес. на одного работника.

Н. П. Огановский в статье, посвященной анализу материалов налоговой статистики, определяя количество избыточного труда в сельском хозяйстве Союза, принял за норму полной использованности рабочей силы использование ее хозяйствами в 8—15 дес. и выше облагаемой земли на хозяйство. При этой норме хозяйства малоземельные и с средней земельной обеспеченностью, имеющие значительно меньшую земельную площадь на 1 работника, оказываются имеющими избыточную рабочую силу, определенную им для всего сельского хозяйства Союза в 43% общего числа работников.

Применяя этот метод исчисления, т.-е. считая в пределах ЦЧО в малоземельной группе 582 тыс. работников, а в среднеземельной — 2.613 тыс. раб. и беря за норму полной использованности 3,83 дес. на 1 работника, приходящихся в многоземельной группе (8 дес. и выше), А. Н. Татарчуков получил около 1 миллиона условно-свободных работников в области.

Н. А. Меркулов по материалам с.-х. секции Облплана ЦЧО сделал попытку подсчета избыточного труда по месяцам, употребив для исчисления потребности в труде метод распространения на все пространство области норм трудовых затрат, взятых им из бюджетных данных об одном среднем крестьянском хозяйстве. Подсчет велся самостоятельно по отдельным отраслям земледелия, животноводства и по промыслам и дал следующие общие цифры условно свободного труда (в переводе на мужские рабочие дни): летом — 30,3%, осенью — 65,6%, весною — 70,2% и зимою — 77,5%.

Применяя эти коэфициенты к данным о с.-х. рабочем населении, определенным автором по материалам текущей с.-х. статистики со включением подростков в 5.708.714 чел., Н. А. Меркулов получил для 1924 г. от 2 до 3,5 млн. условно-незанятых работников.

В связи с составлением перспективных планов переселения, Курское ГУБЗУ определило размер избыточного с.-х. населения в 175 тыс. чел., Орловское ГУБЗУ, считая одного человека на одно хозяйство, определило размер избыточного населения в 320 тыс. чел., Тамбовское ГУБЗУ, установив оптимальную норму землеобеспечения от 1,5 дес. до 2 дес. на едока, а в среднем по губернии 0,73 дес. на едока и 9,16 дес. на хозяйство, определило недостаток земли и избыточное население в 458 тыс. человек.

Эти подсчеты с присоединением Воронежской губернии и с исключением детей и стариков дают количество избыточного труда в области около 1 миллиона человек.

Куда же могут направляться избыточные трудовые ресурсы ЦЧО? Могут ли они найти себе место в крупной промышленности области?

К сожалению, на этот вопрос приходится ответить решительно отрицательно. Промышленность области в своих главнейших отраслях основана на переработке сельскохозяйственного сырья. Особенностью же этого рода промышленности является малая ее трудоемкость.

Кроме того, с.-х. промышленность является промышленностью сезонной, поглощающей рабочую силу не в продолжение всего года, а лишь в течение нескольких месяцев в году. Сезонный характер промышленности области легко усматривается из сопоставления количества сезонных рабочих по всему Союзу и отдельным губерниям ЦЧО. Так, например, в 1924/25 г. в государственной промышленности, подчиненной

ВСНХ СССР, числилось 1.457 тыс. рабочих постоянных и 163 тыс.— на сезонных производствах, что составляет 10% к общему числу рабочих. В Воронежской же губернии в 1924/25 г. при 2.787 постоянных рабочих в цензовой промышленности 3.688 находилось в сезонных производствах, что составляет 57% всех рабочих.

Далее, состав рабочих в промышленности является недостаточно устойчивым.

Состав рабочих и служащих в крупной и мелкой промышленности ЦЧО

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
В крупной промышл. . .	33.664	45.838	40.635	43.872
Проц. отн. к предш. году.	—	136,6	88,6	120,3
В том числе рабочие . .	25.124	36.246	31.448	39.955
Проц. отн. к предш. году.	—	144,3	127,1	127,1
В мелкой пром.	15.231	17.173	16.475	16.804
Проц. отн. к предш. году.	—	112.8	96,9	102,0
Всего в крупн. и мелкой пром.	48.785	63.011	57.110	65.676
Проц. отн. к предш. году.	—	129,2	90,6	115,0

Из этих немноголетних данных можно уже усмотреть неустойчивость количества рабочих в ЦЧО. В то время как в 1925/26 г. общее количество рабочих увеличилось сравнительно с 1924/25 г. на 29,2%, в следующем 1926/27 г. количество рабочих понижается на 9,4% по отношению к предшествующему году, а для крупной промышленности это понижение составляет даже 11,4%. Лишь в 1927/28 г. по контрольным цифрам ожидается прирост общего числа рабочих на 15%.

Многолетние довоенные данные показывают чрезвычайно медленный темп роста числа рабочих в ЦЧО, что видно из следующей таблицы:

Губернии	1903	1904	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Воронежская . .	9.050	9.510	9.942	9.884	8.838	7.864	7.638	8.459	9.208	9.850	9.890
Курская .	19.115	17.959	20.212	19.865	20.211	19.514	20.750	21.964	22.987	23.707	23.390
Орловская . .	15.578	22.234	22.625	23.186	22.147	21.377	24.070	25.995	29.050	31.850	31.738
Тамбовская . .	16.781	18.198	16.306	16.402	17.508	17.778	17.395	18.775	18.702	20.107	19.809
Итого .	60.524	67.901	69.085	69.337	68.704	66.533	69.853	75.193	79.947	85.514	84.827
Без Орловской	44.946	45.667	46.460	46.151	46.557	45.156	45.783	49.198	50.897	53.664	53.089

За 12 лет число рабочих по всей области увеличилось с 60,5 тыс. чел. до 84,8 тыс., т.-е. на 40%, а по трем губерниям области, без Орловской губ.— на 18%. Последние данные являются более характерными для ЦЧО, так как в приведенной таблице Орловская губ. взята в старых границах, в которые входила развитая промышленность, перешедшая в настоящее время в Брянскую губернию.

Особенно медленный темп роста числа рабочих обнаруживается в Воронежской губ.: за 12 лет число рабочих в этой губернии увеличилось всего на 9,3%.

При этом в отдельные годы число рабочих в ЦЧО не только не повышалось, но даже понижалось. Так, например, в 1908 году число рабочих понизилось сравнительно с предшествующим годом на 0,6%, в 1910 г. понижение числа рабочих составило 2,9%. По Воронежской губ. число рабочих систематически понижалось с 1907 г. по 1911 г. Лишь в 1912 г. обнаружился рост числа рабочих сравнительно с предшествующим годом на 10%; однако, и в этом году число рабочих не превзошло количество их в 1907 г. По этой губернии число рабочих в 1907 г. оказалось максимальным за весь рассматриваемый период.

После систематического понижения числа рабочих в течение четырех лет уровень 1907 г. не был достигнут во все последующие годы, вплоть до империалистической войны. Медленный темп роста числа рабочих в ЦЧО, а иногда и понижение количества их об'ясняется общим характером промышленности области. Промышленность области, перерабатывающая, преимущественно, сельскохозяйственное сырье, является мало трудоемкой; продукция этой промышленности определяется, главным образом, не количеством рабочей силы, а количеством поступающего и перерабатываемого на предприятиях сырья. Этим об'ясняется и повышенная выработка на одного рабочего по ЦЧО сравнительно с среднереспубликанским уровнем.

Выработка на 1 рабочего в среднем за год

По РСФСР	4.150 руб.
„ РСФСР без Ленинградской обл. и ЦПО	4.000 „
„ Центр.-Черноз. обл.	7.992 „

Выработка одного рабочего в ЦЧО превышает выработку в РСФСР в среднем за год почти вдвое.

На ряду с высокой выработкой на одного рабочего в ЦЧО по расчету на 10.000 жителей приходится значительно меньше рабочих, чем по республике.

Количество рабочих на 10 тыс. жителей:

РСФСР	165 чел.
РСФСР без Ленинградской обл. и ЦПО	73 „
Центр.-Черноз. обл.	25 „

Размер валовой продукции на 1 жителя также в ЦЧО значительно меньше, чем в республике.

Валовая продукция промышленности на 1 жителя в 1925/26 г.:

РСФСР	71,8 руб.
РСФСР без Ленинградской обл. и ЦПО	31,6 „
Центр.-Черноз. обл.	23,1 „
Воронежская губ.	18,5 „

Приведенные данные указывают на то, что ЦЧО является чрезвычайно бедной областью по количеству пролетариата, что об'ясняется как слабым развитием в области промышленности, так и малой трудоемкостью той промышленности, которая в области имеется.

Несколько большее применение трудовых сил сельское население ЦЧО находит в мелкой кустарной промышленности. Общее число лиц, занятых в кустарной промышленности в области, составляет 141.166 чел. Между отдельными отраслями они распределяются следующим образом:

Число занятых в мелкой сельской промышленности лиц [1]

Производство	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	Всего
Обработ. минер.	525	1.163	652	639	2.979
„ металлов	3.939	4.427	2.290	3.599	14.255
„ дерева	2.481	5.668	1.558	2.629	12.336
„ раст. вол.	139	537	23.859	3.302	27.837
„ шерсти	1.459	1.714	1.925	7.914	13.012
„ кожи	4.964	8.622	3.194	5.692	22.472
Муком.-круп. произ.	11.724	10.154	5.098	5.252	32.228
Маслобойн.	1.593	1.691	1.424	737	5.445
Портн. промыш.	2.203	2.999	1.835	2.596	9.633
Прочие производства	302	296	55	316	969
Итого	29.329	37.271	41.890	32.676	141.166

Приведенные цифры указывают на слабое развитие кустарной промышленности в ЦЧО. На 10.000 жителей в области приходится 129 кустарей, а с присоединением городских ремесленников, каковых насчитывается в области 12.102 чел., на 10.000 жителей придется 140 кустарей и ремесленников. По всей же РСФСР кустарей и ремесленников на 10.000 жителей приходится 190 чел.

При этом необходимо иметь в виду, что кустарная промышленность ЦЧО, так же как и крупная цензовая промышленность, является сезонной. Поэтому она поглощает рабочую силу лишь в течение нескольких недель в году. Так, например, в кирпичной промышленности работники заняты 8 недель в году, в гончарной — 12,8 недель, на водяных и ветряных мельницах — 16,5 недель, в маслобойной промышленности — 15,1 недели в году.

В довоенное время по старым земским материалам число лиц, занятых в сельской кустарной и ремесленной промышленности, было несколько больше. В Воронежской губ. насчитывалось около 50 тыс. кустарей, в Курской губ.—62 тыс., в Орловской губ.—62 тыс., и в Тамбовской губ.—28 тыс., а всего по области — 203 тыс. человек.

Следующим значительным источником приложения рабочей силы являются отхожие промыслы.

К сожалению, мы располагаем весьма ограниченными и недостаточно полными данными о размерах отхода на заработки в другие местности.

По данным о количестве выбранных кратковременных билетов и паспортов, отход на заработки выражался в следующих цифрах (в тыс. чел. в средн. за год по периодам):

Губернии	1861—70	1871—80	1881—90	1891—1900	1902	1906—10
Воронежская	24,3	127,7	155,8	214,4	222,5	252,4
Курская	32,1	110,1	165,0	245,4	272,7	240,0
Орловская	35,5	85,3	122,7	193,3	221,6	267,3
Тамбовская	34,9	88,9	115,3	167,3	235,9	251,3
Итого по обл.	126,8	412,0	558,8	820,4	952,7	1.011,6

Принимая во внимание рост лиц, уходящих на заработки, в среднем за год за последнее перед войной время в количестве около 25 тыс. чел., можно допустить, что общее число уходящих на заработки накануне войны достигло около 1.100 тыс. чел.

В послереволюционный период количество лиц, уходящих на заработки, резко понизилось. По произведенному по распоряжению НКТруда

[1] Татарчуков, „Мелкая промышленность ЦЧО", 1927 г., стр. 143.

обследованию ухода за период с 1 марта 1923 г. по 1 марта 1924 г. общее число уходящих на заработки за этот период оказалось по большинству волостей около 72 тыс. чел.

Развернутые на все пространство области эти данные получают следующее выражение:

Губернии	С 1 марта 1923 г. по 1 марта 1924 г.		С 1 марта 1924 г. по 1 августа 1924 г.	
	Общее число ушедш. на заработки	На 1000 жителей	Общее число ушедш. на заработки	На 1000 жителей
Воронежская	22.781	7,7	19.822	6,7
Курская	38.683	13,8	44.289	15,8
Орловская	8.829	5,6	14.023	8 9
Тамбовская	24.236	9,6	23.478	9,3
Всего по обл.	94.523	9,3	101.612	9,6

Избыточное население направляется, преимущественно, в следующие районы: Сев. Кавказ, Донецкий район, Екатеринославский, Харьковский и другие округа Украины, в Московскую губернию.

В последующие годы количество уходящих на заработки значительно возросло. В настоящее время можно считать, что количество уходящих по ЦЧО достигает 350 тыс. чел.

Помимо приложения своих сил к тому или иному виду труда, сельское население ЦЧО в большом количестве переселялось в другие районы. С 1886 по 1909 гг. переселилось из ЦЧО следующее количество лиц: из Курской губ. 234 чел., из Воронежской губ. 199 чел., из Тамбовской губ. 158 и из Орловской 152.

По количеству переселенцев эти губернии занимали в ряду отпускавших переселенцев губерний соответственно 3, 5, 8 и 10 место.

В настоящее время переселение по области выражается в следующих величинах:

	1924/25	1925/26		1926/27		1927/28	
	Колич.	Колич.	В %% к пр. году	Колич.	В %% к пр. году	Колич.	В %% к пр. году
Дворов	1.957	6.148	814	5.884	95,5	13.650	232
Душ	9.788	38.273	392	28.859	75,5	74.800	260
С площ. га.	20.798	57.981	278	55.585	96	92.875	167

Незначительное количество переселенцев в 1926/27 г. (28,8 тыс. чел.) об'ясняется неудовлетворением всех заявок на переселение. По одной Воронежской губ. поступает ежегодно около 35 тыс. заявок на переселение. Однако, ограниченная норма переселения, предоставление часто недостаточно удобных для переселения мест, материальные затруднения, не дают возможности развернуться переселенческому делу с такой полнотой, какая соответствовала бы потребностям населения области в переселении.

Если мы произведем ориентировочный подсчет количества „избыточного“ населения и количества работников, находящих приложение своих сил в той или иной отрасли хозяйства, то получим следующий баланс трудового населения. Баланс этот мы составим за довоенное время и за один из последних годов. Количество избыточного населения мы примем как в довоенное, так и в настоящее время, одинаковым, равным около 1,5 млн. чел.

Количество занятых лиц (в тыс. чел.)

	В довоенное время	В настоящее время
В кустарной промышл.	203	141
Переселенцев	70	28
Уходящих на заработки в другие районы	1.200	350
Занятых в местной крупной промышл.	50	31
Всего...	1.523	550

Мы не учитываем в этом балансе целого ряда производств, в которых трудовые силы сельского населения находят приложение, как, например, транспорт, связь и др. Однако, и эти данные с достаточной ясностью указывают на те изменения, которые произошли в послереволюционный период.

В настоящее время количество используемого труда сельского населения вне сельского хозяйства понизилось с 1.523 трудовых единиц до 550 единиц, т.-е. на 64%. В довоенное время избыточное население почти полностью находило себе выход преимущественно в уходе на заработки в другие районы. В настоящее же время около 1 млн. работников не находит места для приложения своих сил.

Разумеется, наличие целого ряда условий хозяйственной жизни послереволюционного времени ослабляет значение этих величин. Передача всей земли в трудовое пользование крестьянства, освобождение крестьянства от арендной платы, понижение земельных сборов, происшедшее после революции,— все это, с одной стороны, повысило доходы сельского населения и, с другой стороны, потребовало большего вложения труда в собственное хозяйство.

Однако, все эти ослабляющие моменты не изменяют, по существу, значения проблемы перенаселенности области: как в довоенное, так и послереволюционное время область насыщена избыточной трудовой силой, ищущей места своего приложения.

II

Для освещения вопроса аграрного перенаселения в ЦЧО со второй точки зрения, т.-е. с точки зрения влияния этого явления на различные стороны народного хозяйства, мы остановимся на выяснении влияния перенаселенности на направление сельского хозяйства в области.

В довоенное время, в 1912/13 г., из общего количества посевной площади в области в 8.679 тыс. га, на рожь приходилось 3.376 тыс. га, т.-е. 38,9% всей площади. Далее следует овес, площадь которого составляла 21,9%, и просо, с площадью в 8,5%. Площадь же под всеми техническими культурами, включая картофель, занимала всего 10,8% общей посевной площади, при чем под картофелем было всего 4,0%, под подсолнухом —3,6% и под сахарной свеклой —1,2% всей площади.

Устойчивость соотношения отдельных сельскохозяйственных культур, т.-е. устойчивость системы сельского хозяйства, сохранялась в ЦЧО на протяжении нескольких десятков лет. Если мы сравним размеры по-

севных площадей главнейших культур в 1893 г. и в 1912 г., т.-е. на протяжении двадцати лет, то увидим, что за этот период в системе сельского хозяйства области не произошло существенных изменений.

Культуры	1893 г.		1912 г.		Проц. отн. 1912 г. к 1893 г.
	Тыс. десят.	Проц. отн. к итогу	Тыс. десят.	Проц. отн. к итогу	
Рожь озимая . . .	3.184	45,8	3.427	46,3	107,7
Пшеница „ . . .	169	2,4	147	1,9	86,9
„ яровая .	435	6,2	656	8,8	158
Овес	1.744	25,0	1.848	24,9	105,9
Просо	819	13,2	730	9,8	89,1
Ячмень	243	3,4	309	4,1	127,1
Гречиха	358	5,1	285	3,8	79,6
Всего зернов . . .	6.953	100	7.405	100	106,5
Картофеля	287	—	402	—	140,0

Из этих данных видно, что площадь ржи и овса осталась почти без изменения: площадь под рожью даже увеличилась в удельном весе с 45,8% до 46,3%; площадь же под овсом сократилась всего с 25,0% до 24,9%. В повышении оказались площади под яровой пшеницей (с 6,2% до 8,8% по удельному весу) и под ячменем, площадь которого увеличилась в удельном весе с 3,4% до 4,1%.

Совершенно иной была эволюция сельскохозяйственных площадей по всей б. Евр. России (по 50 губерниям). [1]

Процентное отношение площадей отдельных культур к общей посевной площади под зерновыми хлебами

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
1893—1895	19,9	37,8	9,7	20,5
1896—1900	21,3	36,3	10,0	20,9
1901—1905	23,7	31,9	10,3	20,3
1906—1910	25,2	33,6	11,1	20,0
1911	26,8	32,6	11,7	19,5
1912	25,7	33,5	12,0	19,3
1913	25,6	33,4	12,4	19,1

За двадцать лет площадь под пшеницей возросла в удельном весе с 19,9% до 25,6%, а площадь под рожью понизилась с 37,8% до 33,4%.

Причиной изменения в России системы сельского хозяйства на протяжении рассматриваемого периода является понижение кон'юнктуры овсяно-ржаного хозяйства и одновременно повышение кон'юнктуры пшенично-ячменного хозяйства.

Изменение кон'юнктуры сельского хозяйства произошло в связи с размерами экспорта хлебных продуктов из России за границу.

[1] П. Лященко, „Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением", 1915 г., стр. 3.

Годы	Вывоз (в млн. пуд.)				
	Пшеницы	Ржи	Овса	Ячменя	Всех хлебов
1886—1890	162,8	82,5	61,1	61,5	413,7
1913	203,2	39,4	36,6	239,7	650,8
в %% 1913 к 1886—1890	125,4	47,7	59,9	389,7	157,5

Наиболее резко понизились размеры экспорта ржи (на 52,3%), далее следует овес, экспорт которого понизился на 40,1%. Что касается пшеницы и ячменя, то экспорт их за 20 лет значительно возрос: экспорт пшеницы — на 25,4% и ячменя — на 289,7%.

Вместе с этим, понижалась и рентабельность овсяно-ржаного хозяйства. В то время как себестоимость производства одного пуда ржи в ЦЧО за период с 1908 по 1912 гг. составляла 90 коп. и овса — 75 коп., при ценах ржи — 79 коп. за пуд и овса 58 коп. за пуд, себестоимость одного пуда пшеницы составляла 95 коп., при цене 1 р. 08 коп. за пуд.[1]

Если мы на основании этих данных составим индекс рентабельности сельскохозяйственных культур, приняв себестоимость за 100, то получим следующие довоенные индексы рентабельности для ЦЧО:

Индекс рентабельности

Ржи	87
Овса	77
Пшеницы	113

В послереволюционный период существенных изменений в соотношениях рентабельности с.-х. культур в ЦЧО не произошло.

Если мы возьмем имеющиеся у нас средние данные по Воронежской губ. за четырехлетие (1923—26 гг.) и за этот период построим таким же способом индекс рентабельности, то увидим то же самое явление:

Индекс рентабельности

Картофеля	169	Ржи	67
Пшеницы	78	Овса	63
Подсолнуха	72	Проса	43

Наиболее рентабельными культурами оказываются те, которые имеют наименьшее распространение в ЦЧО, наименее же рентабельными оказываются культуры ржи, овса, проса, т.-е. те культуры, которые господствуют в области.

В целом ряде областей б. России хозяйство постепенно перестраивалось и приспособлялось к изменениям сельскохозяйственной кон'юнктуры путем распространения посевов пшеницы и ячменя.

ЦЧО на этот путь не стала. В течение нескольких десятков лет в области сохранялась система сельского хозяйства с явно понижающейся кон'юнктурой.

Чем же об'ясняется такая устойчивость малорентабельной системы сельского хозяйства в ЦЧО? Разумеется, в числе причин, об'ясняющих это явление, имеются причины, относящиеся к области естественно-исторических и агротехнических условий. Однако, полностью указанное явление этими причинами об'яснить нельзя. Может-быть, эти причины, с развитием агрономической техники, становятся даже наиболее легко устранимыми.

[1] Стоимость производства главнейших хлебов. 1915 г. Изд. М. З.

Гораздо труднее преодолимыми препятствиями к изменению системы хозяйства являются причины социально-экономического порядка.

Система сельского хозяйства в ЦЧО, основанная, преимущественно, на культуре ржи, останется продолжительное время неизменной потому, что препятствием к этому служит значительная плотность населения в области, не поддающаяся легкому и свободному изменению.

Огромная населенность области требует возделывания, прежде всего, продовольственных культур, а затем уже рыночных. Под влиянием перенаселенности сельское хозяйство области имеет, прежде всего, продовольственное значение. Крестьяне должны сеять такие хлеба, которые наиболее обеспечивают их питание при самых неблагоприятных метеорологических условиях и лишь остатки этих культур обращаются ими в продажу. Наиболее удобной культурой питания в ЦЧО является рожь. Поэтому она и имеет наибольшее распространение в области и поэтому она является наиболее устойчивой культурой, несмотря на все колебания конъюнктурного порядка.

Таким образом, главнейшая проблема ЦЧО, проблема направления сельского хозяйства, наталкивается на другую, еще более глубокую проблему — проблему перенаселенности области.

III

Сделанное нами беглое изложение положения вопроса о перенаселенности в ЦЧО приводит нас к следующему заключению.

ЦЧО имеет значительное количество „избыточных" трудовых сил. В довоенное время значительная масса сельского населения уходила на заработки в другие районы и таким способом частично разрешала проблему перенаселенности. В настоящее же время уход на заработки резко сократился сравнительно с довоенным временем, и значительная масса избыточного сельского населения остается в сельском хозяйстве.

На ряду с уменьшением количества уходящих на заработки сократились и другие источники приложения труда. Уменьшилось число кустарей и ремесленников, число рабочих в промышленности. Сократилось также и число переселенцев. В виду этого необходимо признать, что проблема перенаселенности в настоящее время получает еще более актуальное значение, чем это было в последние перед войной годы. Значение этой проблемы усиливается тем, что в ЦЧО наблюдается рост удельного веса сельского населения, т.-е. процесс аграризации области.

Аграрное перенаселение представляет собой сложное явление, которое может быть рассматриваемо с двух точек зрения: с точки зрения нахождения места приложения избыточного труда и с точки зрения влияния этого явления на различные стороны народного хозяйства области. Рассматривая проблему перенаселенности со второй точки зрения, необходимо признать, что характер динамики сельского населения, заключающийся в быстром росте населения области и в росте удельного веса сельского населения, в значительной степени определяет направление сельского хозяйства на будущее время.

Если вопрос о перенаселенности получил достаточное освещение с первой точки зрения, то со второй точки зрения—с точки зрения влияния перенаселения области на различные стороны народного хозяйства и в особенности на сельское хозяйство,—этот вопрос остается мало освещенным. Между тем, выяснение вопроса аграрного перенаселения в области с точки зрения влияния его на направление отдельных отраслей хозяйства имеет огромное значение для составления перспективных планов в хозяйстве области.

М. Соловов

Проблемы развития черной металлургии на Урале[1]

I

Урал является одним из старейших металлургических районов России. Выплавка меди на Урале возникла одновременно с началом русской колонизации этого края. Производство кричного железа отмечено весьма отдаленными историческими датами, относящимися к 1631 году. Кровельное и колотушечное железо, пробитые вручную (тогда катать еще не умели) имело добрую славу далеко за пределами России и отправлялось на заграничный рынок в значительных для того времени количествах.

В начале XIX века годовая выплавка чугуна достигала 10 миллионов пудов и значительно превышала производительность Германии, Бельгии, Франции и Америки. Около четырех миллионов пудов чугуна вывозилось с Урала за границу.

К середине прошлого столетия (1841—1850) средняя годовая выплавка чугуна в России равнялась 11 млн. пуд., а в 1860 году всего было выплавлено 16,3 млн. пудов, из которых 14,5 млн. пуд. падало на долю Урала. В последующие периоды удельный вес Урала в этом отношении продолжает оставаться значительным, достигая, например, в 1884 г. 20,9 млн. пуд. из 31,1 млн. пуд. чугуна, выплавленного во всей России, а в 1889 г. — 24,7 млн. пуд. из 45,2 млн. пуд. по всей России; в дальнейшем доминирующая роль переходит к югу России, но Урал все же занимает второе место. Так, в 1904 г. Урал дал 39,7 млн. пуд. выплавленного чугуна (юг России — 110,6 млн. пуд. из 181,5 млн. пуд. по всей России), а в 1913 г. — 55,8 млн. пуд. (юг России — 189,7 млн. пуд., а по всей России — 283 млн. пуд.).

Приведенные выше цифры дают достаточно яркую характеристику темпа развития выплавки чугуна за 50 лет на Урале и на южных заводах. Пятилетие с 1889 по 1894 гг. было решающим периодом, определившим дальнейший бурный рост металлической промышленности на южных заводах, и медленное развитие ее на Урале. С этого времени Урал из основного металлургического района превращается во второстепенный. И только последнее пятилетие перед войной — с 1909 по 1913 гг. — явившееся рассветом русской металлопромышленности, дало вновь некоторое оживление и для Урала: в этом случае большое положительное значение имело акционирование уральской металлопромышленности, начавшееся в конце XIX и начале XX столетий и, несмотря на сравнительно скромные размеры, давшее значительные результаты и имевшее своим следствием появление на Урале нескольких крупных предприятий — заводов Надеждинского, Белорецкого, Лысьвенского, Чусовского, Аша-Балашевского.

---

[1] Печатается в порядке обсуждения проблем генерального плана народного хозяйства СССР по районам. Ред.

Каковы же причины того, что Урал отстал в своем промышленном развитии вообще и в металлопромышленности в частности.

Принято думать, что Урал остановился в своем развитии в области металлической промышленности вследствие истощения древесного горючего, основной его топливной базы, и в известной мере благодаря выработке чистых бессернистых руд. Это верно в отношении ряда старых уральских заводов, проработавших от 100 до 200 лет на одних и тех же лесных площадях и рудниках, но совершенно неверно в отношении всего Урала.

Достаточно указать хотя бы на то, что вся лесная площадь его, определяемая в 72 млн. десятин, обследована и устроена всего на 8%, поверхностно обследована, но не устроена на 22% и совершенно не обследована на 70%, чтобы понять, как далек еще этот край от предела в отношении использования промышленной древесины и древесного топлива.

Что же касается запасов сырья и минерального горючего, то результаты последних изысканий недель и дней говорят за то, что прежние цифры, определявшие запасы ископаемых на Урале, являются не только неполными, но и почти ни в какой мере не отвечающими действительности. Если по последним данным запасы железной бессернистой руды и только в одном Алапаевском округе (по данным инж. Н. С. Михеева) должны быть учтены в 26—30 мрд. пудов, т.-е. в количестве, равном полному запасу руд на Урале, определяемому по прежним данным, то можно ли говорить об истощении сырьевых источников, при чем такие, несомненно, очень большие рудные залегания, как Синарские и Вишерские, остаются п о ч т и необследованными.

Минеральное топливо — каменный уголь и торф, — совершенно не интересовавшие старых уральских промышленников, ныне, в связи с возможностью коксовать кизеловский уголь, а за последнее время и в связи с открытием больших запасов прекрасного коксующегося угля в районе Алапаевска, приобретает исключительное значение и дает возможность строить дальнейшее развитие уральской металлопромышленности на новых началах и в об'емах, далеко превосходящих до сего времени существовавшие.

Урал до конца прошлого века являлся далекой и почти оторванной окраиной. Здоровая промышленная мысль в построении уральской металлопромышленности вплоть до начала XX века отсутствовала. Большинство старых заводов Урала оборудовано машинами, изготовленными полукустарным способом на самих заводах. Таким образом, все благополучие уральского хозяйства строилось не на технических улучшениях производства, а на дешевом труде и почти даровом сырье и топливе; такая постановка дела исключала всякую возможность эксплоатировать отдаленные лесные массивы и рудные месторождения. Древесноугольный чугун в 1913 г. стоил на Урале от 36 до 44 коп. за пуд; 50% стоимости падало на древесное топливо, до 25% на сырье — руду и флюсы — и 25% стоил передел.

Таким образом, пуд древесного угля на колошнике домны должен был стоить не дороже 18—22 коп., пуд руды — не более 4 коп. В переводе на дрова это означало, что куб дров на заводе должен был обходиться в 7 руб.—7 р. 50 к., а руды на руднике не дороже 1,5—2 копеек за пуд; только при такой стоимости топлива и сырья возможно было получить чугун по цене 36—44 коп. за пуд, а это было достижимо при одном условии, — когда топливо и руда были около завода. Но такая постановка дела в корень изнашивала как лесные, так и рудные запасы в районах заводов. Вот почему многие старые уральские заводы оказались без

сырья и топлива. Этому в значительной степени способствовало и бессистемное наделение рабочего населения землей. В результате, такие богатые лесные районы, как Тагильский, Невьянский и др. превратились в лесостепи. Старый уральский промышленник брал только то, что было под рукой и снимали сливки, не вкладывая в дело ни одной копейки денег. До конца прошлого столетия, вернее, до первых лет текущего, когда на Урале начали появляться акционерные общества, в уральскую металлопромышленность со стороны не было вложено ни одного рубля.

Таким образом, основные причины отставания и захирения уральской металлической промышленности имеют не органическую, а организационную природу. В этом было несчастье прошлого Урала, в этом же заключается его благополучие для будущего: его богатства остаются огромными, а в условиях новых форм хозяйства они могут быть использованы шире и рациональнее.

II

Прежде чем перейти к вопросу развития уральской металлургии, остановимся несколько на общих экономических предпосылках, обосновывающих развитие уральского хозяйства в целом, и в частности одной из основных его отраслей — металлической промышленности.

Даже при нынешней, далеко неполной изученности основных богатств Урала — его ископаемых и лесных запасов — и в связи с этим совершенно недостаточной развернутости его производственных возможностей, он является одним из главнейших и наиболее ответственных хозяйственных районов Союза.

Добывая свыше 30% общесоюзной добычи руды, производя около 25% стали, прокатных и чугунных изделий, выпуская свыше 80% кровельного железа и около 65% меди, Урал является первой после Юга металлической базой Союза. Юг и Урал — два основных союзных центра черной металлургии, тяжелой индустрии и производства средств производства.

Крайнее разнообразие и во многих случаях исключительное качество и ценность ископаемых Урала дают ему право относить себя к районам, имеющим всесоюзное и даже мировое значение. Он дает в настоящее время ряд монопольных, либо почти монопольных продуктов (древесноугольный чугун и изделия из него, платина, азбест, магнезит, калий, хром, вольфрам, тальк и др.) и в будущем имеет бесспорные возможности увеличить их производство. Громадные и исключительные по разнообразию сырьевые источники дают Уралу широкие перспективы особо рационального комбинирования производств и возможности производства особо трудоемкой и высокоценной продукции, могущей вполне рентабельно преодолеть обширные сухопутные пространства Союза, особенно в связи с центральным географическим положением Урала.

Производство древесноугольной металлургии в дальнейших установках должно быть одним из существенных факторов общего комплексного производственного процесса — лесобумажного, лесохимического и металлургического. Медная промышленность открывает огромнейшие горизонты для основной химической промышленности (производство серной кислоты из отходящих сернистых газов из медеплавильных печей), в свою очередь, долженствующей сделаться базой для производства туков; наличие больших запасов фосфоритов (вятских) обеспечивает этот вид промышленности и со стороны с ы р ь я.

Из шести основных индустриальных районов: 1) Центрально-Промышленного, 2) Южного Горнопромышленного, 3) Северо-Западного, 4) Юго-Западного (Киевский), 5) Уральского и 6) Кавказского, — У р а л,

даже и при современном, недостаточном использовании его производительных сил, уступает только Центрально-Промышленному, Южному Горнопромышленному и Северо-Западному.

В то же время Урал, как уже указано выше, один из двух (в будущем, с развитием сибирской металлургии один из трех) основных металлургических районов Союза, производящих средства производства от исходного до конечного продукта, одна из важнейших сырьевых баз Союза и один из четырех районов, обеспеченных значительными, а с открытием коксующихся углей в Алапаевском округе и очень большими запасами минерального топлива и массовым промышленным потреблением его на месте (Подмосковный район, Донбасс, Кузбасс и Урал).

Урал от начала до конца создает свой продукт и его товарная продукция представляет сгусток, почти исключительно, труда уральского рабочего. Так, например, 72% себестоимости пуда кровельного железа падает на зарплату, которая, в условиях замкнутого уральского производства, выплачена, начиная с добычи руды и заготовки дров.

Ниже мы приводим некоторые натуральные показатели удельного веса наиболее важных частей уральского хозяйства в союзном хозяйстве.

	1925/26 год		
	СССР	Урал	Процентное отношение
Территория (тыс. кв. км)	21.210	1.660	7,8
Население (млн. чел.)	141,4	6,3	4,7
а) городское	23,7	1,4	5,6
б) пролетариат	9,8	0,5	4,9
в) индустриальн. пролетариат	3,1	0,1	6,7
Посевная площадь (млн. дес.)	98,6	4,6	4,7
Скот (в перев. на крупный) млн. гол.	79,0	5,2	6,6
Валовой сбор хлебов (млн. пуд.)	4.400	264	6,0
Валов. сел.-хоз. продукция (млн. руб.)	13.987	804,9	5,8
Валов. пром. продукция (млн. руб.)	12.271	456,8	3,7
Продукция жел.-рудн. (тыс. тонн)	3.129	920	29,6
„ чугуна „ „	2.217	491	22,2
„ стали „ „	2.891	766	26,5
„ проката „ „	2.156	586	27,2
„ кров. железа „ „	252	212	84,2
„ меди „ „	13	8,3	64,7
„ асбеста „ „	18,3	18,3	100
„ магнезита „ „	103	103	100
„ хромист. руды (тыс. тонн)	3,3	3,3	100
„ сод.-щелочн. прод. (тыс. тонн)	190	51,6	26,9

Продукция асбеста, магнезита, платины, хромистых руд имеет не только союзное, но и экспортное значение. Из других индустриальных производств Урала общесоюзное или широкое внеобластное значение имеют производство инструментальной стали, инструментов, производство электротехнического железа (до последних лет исключительно импортный товар и только теперь изготовляемый на Урале), производство посуды, производство с.-х. машин и орудий, в частности, сепараторов, кос и пр., производство стальной проволоки и канатов, белой жести, производство пиломатериалов, ряд химических производств и др.

Темп роста индустриализации Урала виден из следующих данных:

	1924/25	1925/26	1926/27
Доля пролетариата ко всему населению:			
а) всего пролетариата	6,4	7,9	7,91
б) индустриального	2,3	2,7	2,8
Доля индустриального пролетариата ко всему пролетарскому населению	36,7	35,4	34,5
Доля строительного пролетариата во всем пролетарском населении	3,3	4,5	5,2

	1924/25	1925/26	1926/27
Доля индустриальной продукции во всей продукции нар. хоз.:			
а) в черв. руб.	36,6	36,2	42,1
б) в довоенных	28,2	37,4	41,1
Доля товарной индустр. продукц. во всей товарной прод.:			
а) в черв. руб.	75,4	76,3	80,7
б) в довоенных	73,3	73,2	75,6
Доля производства средств производства в промышл. продукц.:			
а) в черв. руб.	57,4	60,5	61,3
б) в довоенных	64,8	66,8	67,6
Доля металлообр. и машиностроит. продукции во всей промышл. продукции	7,6	10,4	10,8

Вышеприведенные цифры определенно говорят об интенсивном темпе индустриализации, при чем доля валовой индустриальной продукции приближается к половине всей продукции капитала, а $^3/_4$ всей товарной продукции Урала падает на долю индустриальной товарной продукции. Производство средств производства составляет $^2/_3$ уральской промышленной продукции и это характеризует Урал, как индустриальный район с ярко выраженным характером производителя средств производства.

Слабый рост индустриализации состава населения об'ясняется в известной мере рационализацией производственных процессов, а также и тем, что в начале восстановительного периода кадры рабочих были избыточно развернуты.

Урал, как экономический район, выполняющий весьма важную организующую всесоюзную хозяйственную функцию, находится в соседстве с областями, развивающими свое хозяйство (Зап. Сибирь, Казакстан, Башреспублика и др.) и нуждающимися во всех видах промышленной продукции и, в первую очередь, в металлических изделиях. Его роль в этом случае, как организующего центра, мало до сих пор оценивалась.

Великий путь перемещения экономических центров с запада на восток намечен, и Уралу в этом случае предстоит историческая неизбежность быть тем районом который одним из первых должен пойти по пути интенсивного развития своего хозяйства и, в первую очередь, отрасли, имеющей на Урале огромнейшие и ценнейшие запасы сырья и топлива — металлургии.

III

Исторически неправильно сложившиеся формы уральского хозяйства, построенного на дешевом труде и на недопустимой эксплоатации недр и лесных богатств, отсутствие капитальных вложений и тот узкий и односторонний путь, по которому шла довоенная уральская промышленность, привели, в конце концов, черную металлургию — доминирующую отрасль промышленности Урала — в тупик, выход из которого возможен лишь по линии полной реконструкции всего промышленного комплекса.

Дальнейшее развитие уральской промышленности должно пойти новыми путями. Металлопромышленность, оставаясь крупнейшей составной частью общего промышленного комплекса, займет свое место в ряду других отраслей промышленности, которые имеют все основания вырасти до очень больших размеров — химической, медной и лесобумажной.

Надо ли говорить, что наша страна, стоящая на пути широчайших программ индустриализации хозяйства, производства средств производства, потребует огромного количества черного металла.

В сравнении с тем количеством металла, которое получает наш рынок теперь, его потребности в будущем можно считать почти неограниченными. Душевое потребление металла в 1,3 или даже в 1,6 пуда недо-

пустимо для страны, желающей жить культурной жизнью. А если принять, что через 15—20, наконец, 25 лет душевое потребление в металле достигнет у нас в Союзе американского размера, т. е. 14—15 пудов на душу, то при 200 миллионах, к тому времени, жителей, мы должны будем производить до 3 миллиардов пудов черного металла.[1] Вопрос, разумеется, во времени, но что эта цифра для будущего реальна, в этом едва ли можно сомневаться.

Вот почему мы и считаем, что даже на ближайшее будущее, оценивая его двумя — тремя десятками лет, рынок потребления металла, в сравнении с настоящим, в наших современных условиях производства, можно считать неограниченно большим. Правда, сто двадцать миллионов пудов чугуна и три миллиарда — дистанция колоссального размера.

По перспективным наметкам Госплана потребление металла к 1941 г. определяется по всему Союзу в 700 млн. пуд. Допуская, что к этому времени заводы Юга расширят свою производительность до 450 млн. пуд., на долю остальных металлургических районов — Центрального, Сибири и Урала — мы должны будем отнести 250 млн. пуд. Допустив также, что Тельбесский завод (Сибирь) сумеет к тому времени развернуть свое производство до намеченного об'ема — 40—50 млн. пуд.,[2] и что Центральный район доведет выплавку до 20 млн. пуд. — цифра оптимальная для этого района, — мы получим на долю Урала остающееся количество в 170 млн. пуд.

Поскольку цифра 700 млн., намеченная Госпланом по производству чугуна к 1941 г., является безусловно минимальной (душевое потребление черного металла предусмотрено всего лишь в три с небольшим пуда), мы должны принять для Урала на ближайшие 15 лет выплавку чугуна в 170 млн. пуд. не только как конкретное задание, но и как задание минимальное.

Каковы же действительные возможности Урала в отношении развертывания производства черного металла? Будет ли он в состоянии довести выплавку чугуна до указанного количества? Является ли это количество (170 млн. пуд.) для него предельным или оно может быть соответственно увеличено в связи с необходимыми капитальными вложениями и реконструкцией его промышленного хозяйства?

Исчерпывающие ответы на эти вопросы могут дать цифры, определяющие сырьевые и топливные запасы Урала.

Общий запас железных руд на Урале, на основании итогов, подведенных на I уральском с'езде деятелей железорудной промышленности, составляет (без запасов Белорецкого округа Башреспублики) 631,5 млн. тонн (около 38,5 мрд. пуд.), из которых на долю района горы Магнитной приходится 225,4 млн. тонн.

Выявленные запасы железных руд Урала могут быть охарактеризованы следующими данными (в млн. тонн; см. табл. на стр. 279).

В действительности, имеющиеся запасы железных руд на Урале значительно выше исчисленных, так как по мере усиления разведок несомненно можно ожидать как увеличения запасов многих из известных месторождений, так равно и открытых. Последние данные инж. В. С. Михеева по Алапаевскому району увеличивают вдвое общий запас руд на Урале, по этим данным Алапаевское рудное месторождение оценивается в 26—30 мрд. пуд. Мы в своих расчетах принимаем для этого района

[1] Приводимые, как здесь, так и в дальнейшем, цифры будущего производства и потребления черного металла редакция считает мало обоснованными экономическими доказательствами, и потому оставляет их на ответственности автора.

[2] Большее количество чугуна на Тельбесском заводе не обеспечено сырьем, по крайней мере, по данным, имеющимся в настоящее время.

Категории руд	Содержан. железа (средн.) в руде в %	Действит. и вероятн. запасы жел. руды	Общий запас (действ. вероятн. и возмож.)	
			Руд	Мет. жел.
Магнитные железняки, мартиты и полумартиты	60,0	196,2	342,5	206,0
Титано-магнезиты	44,0	3,0	42,0	18,5
Бурые железняки	49,0	134,4	279,5	137,0
Шпатовые „	48,0	4,5	13,1	6,3
Красные „	51,0	6,7	12,5	6.4
Всего по Уралу (с Белорецк. окр.)	54,3	344,8	689,6	374,2

только 6 мрд. пуд., так как цифра, выявленная инж. Михеевым, пока не санкционирована Геолкомом, но для нас несомненно, что эти данные будут подтверждены.

К числу запасов руд наибольшего промышленного значения должны быть отнесены следующие месторождения, начиная с севера: 1) Надеждинского комбината, 2) г. Благодати с Валуевским месторождением, 3) г. Высокой и Лебяжки, 4) Алапаевского района, 5) Свердловского района, 6) Бакальского и Южно-Уральского трестов и 7) г. Магнитной.

Данные о размерах запасов вышеуказанных групп железорудных месторождений и характере возможного использования их действительных и вероятных запасов (в млн. тонн) приводятся в нижеследующей таблице:[1]

Металлург. районы и центры	Наименование месторожден.	Общие запасы	Действ. и вероятн.	Характ. возмож. использ.		
				Чист. руд годн. для плавки	Требующ. простого обогащ.	Требующ. сложн. обогащения
Надеждинский	Ближняя группа: Руд. Ауэрбаховск., Покровский, Самский и др.	18,8	14,8	8,7	5,2	0,9
	Дальняя группа	.				
Гороблагодатский (Кушва)	г. Благодать с Валуевск. месторожден.	37,9	20,9	2,4	9,0	9,5
Среднеуральский (Н. Тагил)	г. Высокая и Лебяжка	60,8	43,0	13,0	12,8	17,2
Алапаевский	Синячихин., Зыряновск., Алапаевск.	103,3	66,1	16,1	50,0	—
Свердловский	—	39,2	17,8	3,0	14,8	—
Южно-Уральский	Бакальск. и Златоуст.	80,0	32,5	7,0	23,2	2,3
Магнитогорский	г. Магнитная	225.4	122,2	23,0	3,2	96,0
Всего по Уралу руд наибольшего промышленного значения	—	563,4	317,3	73,2	118,2	125,9

[1] По материалам генерального плана хозяйства Урала.

Итоги этой таблицы дают возможность сделать следующие выводы: 1) общие запасы руд наибольшего промышленного значения обеспечивают равномерную выплавку чугуна в течение 100 лет — в количестве 175 млн. пуд. и 2) только действительные и вероятные запасы, без учета возможных (в частности Алапаевских) в семи поименованных районах твердо гарантируют выплавку этого количества чугуна. При этом 23% действительных и вероятных запасов руд могут итти непосредственно в плавку, 37,2% нуждаются в простых методах обогащения, а 39,7% могут быть использованы при применении более сложных способов обогащения (агломерация и магнитное обогащение).

Лучший знаток Урала, проф. Грум-Гржимайло принимает максимальную выплавку чугуна на Урале в 325 млн. пуд. Если учесть запас Алапаевских руд в количестве 26—30 мрд. пуд., что, повидимому, проф. Грум-Гржимайло и считает для этого района, то максимальное количество чугуна по данным сырьевых запасов на сегодняшний день будет отвечать намеченной цифре, так как в этом случае один Алапаевский район увеличит выплавку чугуна на 120—140 млн. пуд. в год.

Если же принять срок эксплоатации недр не в 100 лет, а в 85 и увеличить ежегодную добычу руды до 450 млн. пуд., что при концентрации рудного хозяйства и усилении механизации рудников вполне осуществимо, то ежегодная выплавка чугуна может быть доведена до 225 млн. пуд., как минимум, и до 325 млн. пуд. максимально (с учетом запасов Алапаевского месторождения в 26—30 мрд. пуд.). Таким образом, со стороны запасов сырья — железной руды — нет предела к развитию уральской черной металлургии до ежегодной выплавки чугуна в 225 млн. пуд. (минимально) и 325 млн. пуд. (оптимальный вариант). Вопрос, следовательно, за металлургическим топливом.

Каковы же возможности уральской черной металлургии в отношении запасов металлургического топлива?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны установить, как незыблемое решение, что дальнейший рост уральской металлопромышленности будет итти двумя путями — по линии всемерного использования древесного топлива для доменного производства, освобождая по возможности дрова во всех технологических переделах и других случаях хозяйственного процесса и заменяя их минеральным горючим (углем и торфом), а также по пути возможного развития выплавки чугуна на каменном угле и коксе.

Вопрос выплавки чугуна на древесном топливе — чисто уральский вопрос,—и в этом случае развитие металлопромышленности целиком зависит от тех возможностей, которые представляют запасы уральской древесины.

Выплавка же чугуна на минеральном топливе базируется не только на своих уральских запасах металлургического минерального горючего, но и на привозном топливе (сибирском).

Поскольку эти два процесса (выплавка чугуна на древесном и минеральном горючем) как по характеру топлива, так и по качеству выпускаемого продукта, являются самостоятельными и, в большинстве случаев, даже территориально обособленными, мы считаем удобным остановиться на каждом из них в отдельности.

IV

Свободная лесосечная площадь Урала, за удовлетворением древесиной населения, определяется в 13 млн. дес., без лесов Тобольского округа, эксплоатация которых в течение ближайших 15—20 лет, вследствие их необследованности и отдаленности, нами не предусмотрена.

Принимая для лесов северной полосы Урала средний оборот рубки в 100 лет, мы, таким образом, сумеем использовать для промышленных целей ежегодно всего лишь 130.000 десятин, с которых при среднем запасе в старших классах возраста дров в 19 куб. саж. на десятину возможно взять 2,4 млн. куб. саженей.

Считая, что минерализация топлива, т.-е. замена древесного горючего минеральным, достигнет значительных размеров, можно допустить, что 75% всего древесного промышленного топлива пойдет на доменную плавку и, таким образом, для древесноугольного производства можно более или менее твердо гарантировать 1,5 млн. куб. саженей.

При средней выплавке чугуна на одну куб. сажень дров в 55 пудов и при неизбежных потерях в топливе при перевозке и случаях, когда в тех или других местах заготовки дров, либо их выплавка будут невозможны, мы уверенно можем принять обеспеченную древесным горючим выплавку чугуна лишь до 75 млн. пудов. Проф. Грум Гржимайло оценивает возможности выплавки древесноугольного чугуна на Урале значительно большей цифрой — до 175 млн. пудов. При условии использования древесного топлива в огромных лесных массивах Северного Урала и Тобольского округа и при наличии очень больших запасов чистых и легкоплавких руд Алапаевского месторождения (около 26—30 мрд. пуд.), Бакальского и Вишерских (последние мало разведаны), представляющих по качеству и чистоте редчайший образец богатых и легковосстановимых руд, намечаемая выплавка чугуна на древесном топливе в 175 млн. пуд. не представляет неосуществимого задания; но реальное выполнение его — дело, конечно, большого отрезка времени. 175 млн. пуд. чугуна потребуют около 3,5 млн. куб. саж. дров; этого количества ни в эксплоатируемых районах, ни в районах, вновь включаемых в эксплоатацию в течение ближайших 15—20 лет, мы заготовить не сумеем. Эксплоатация лесов Уральского Севера и Тобольского округа связана с двумя факторами— колонизацией этих великих пустырей и проведением северной железнодорожной магистрали. То и другое несомненно придет, но когда—сказать трудно, а потому и учитывать реально все представляемые этими богатейшими лесными районами возможности мы не считаем себя в праве.

Итак, 75 млн. пудов чугуна на древесноугольном топливе нами принимаются, как реальная и вполне осуществимая программа на ближайшие 15 – 20 лет.

Ниже приведены отдельные районы с указанием наличия древесного топлива, которым обеспечивается выплавка соответствующего количества чугуна:

Районы и об'единения	Выплавка чугуна на древесном топливе	Налич. лесосека в тыс. куб. саженей	Потребление дров для металлопромышленности		
			Доменн. производство	Прочие производства	Всего
Надеждинский	16,5	600	297	88	385
Алапаевский	12	545	237	88	318
Тавдинский	6	390	165	68	233
Чусовской	10	270	180	20	200
Камский	16	1220	333	112	445
Свердловский	3,5	450	67	23	90
Южно-Уральский и Симский	11	225	200	20	220
Всего	75	3400	1479	419	1891

Ныне действующие доменные заводы северного района Урала выплавляют до 17 млн. пуд. древесноугольного чугуна; если внести в действие все домны, включая и консервируемые, и переоборудовать их на сосуды большей емкости — до 200 куб. метров, то максимальная выплавка чугуна может быть достигнута 25—26 млн. пуд., тогда как по наличию древесного топлива и руды этот район может дать до 55 млн. пуд.

Очередной задачей развития древесноугольной плавки чугуна является включение в эксплоатацию новых лесных массивов и создание комбинированного хозяйства, могущего дать наибольший эффект использования древесины; создание металлургических, лесобумажных и лесохимических комбинатов должно явиться наиболее законченной и целесообразной формой построения уральского хозяйства.

Такими районами, в первую очередь, являются лесные массивы рр. Тавды и Камы. Сочетание водных путей с существующими железнодорожными линиями и намечаемыми подъездными путями ставит эти районы в исключительно благоприятные условия для развития крупной комбинированной промышленности. Запасы древесины в ней таковы:

	Тавда	Кама
Общ. площ. в тыс. га	5.030	8.660
Покрытая лесом	1.700	7.170
Свободн. остаток древесины (исключ. местн. потребл.) в тыс. куб. саж.		
а) пиловочного леса	874	2.428
б) дровяника	2.797	6.546
в) строевой древесины	417	1.787
	4.089	10.762
Из них: а) сосны	40%	22%
б) ели	36%	50%
в) листв. пород	24%	28%

В настоящее время возможная для эксплоатации площадь определяется в 60—70%.

Ближайшими мощными месторождениями железных руд являются: для Тавды — Алапаевское, для Камского района — Вишерское и гг. Благодати и Высокой. Подача руды в тот и другой районы обеспечена имеющимися жел.-дор. линиями. По существующим в настоящее время тарифам стоимость перевозки пуда руды составит: до Тавды от Алапаевска — 3.83 к. и до Камского завода от Н. Тагила — 4.23 к. При стоимости одного куб. метра дров для Тавды в 1 р. 60 к. и для Камы в 2 р. 27 к., цена одного куб. метра древесного угля франко - домна определяется: для Тавды — 2 р. 68 к., для Камы — 3 р. 57 к. При стоимости одного пуда руды в Алапаевске 6,5 к. — 7 к. и в Тагиле — 8 к.—8,5 к., себестоимость пуда чугуна на этих заводах будет следующая (в коп.):

	Тавда	Кама
Стоимость руды	15,4[1]	14.5
Перевозка руды	8,4	7,2
Стоимость древ. угля	33,0	44,0
Стоимость флюсов	1,5	1,5
Производственные расходы (включая амортизацию)	10,0	10,0
Всего . . .	68,3	77,0

[1] Расход руды на пуд чугуна принят для алапаевских руд в 2 пуда на 1 пуд и для тагильских в 1,7 пуда на пуд; расход древесного горючего принят в 1 пуд на пуд чугуна.

При использовании доменного газа стоимость пуда чугуна может быть снижена по крайней мере на 2,5 к., и таким образом окончательная стоимость может быть принята — для Тавды в 65,8 к., для Камы — в 74,5 к.

В случае если бы заводы были построены не в местах расположения топлива, а на рудных месторождениях соответствующие подсчеты дают стоимость пуда чугуна более высокую, а именно: для Алапаевска — в 79,8 к. и для Н. Тагила в 92,8 к.

Если же принять во внимание создание крупных комбинированных промышленных центров в этих районах и учесть возможность наиболее полного и рационального использования древесины и всех ее отбросов, то экономическая целесообразность такого решения станет еще очевиднее.

Совершенно бессернистые руды Алапаевска с содержанием фосфора от 0,01 до 0,07 дадут прекрасный чугун как для переработки в соответствующие высокоценные сорта железа и стали, так и для отливок ответственных машинных частей. Руды Н. Тагила после их обогащения агломерацией будут совершенно бессернисты и переплавленные на древесном топливе дадут бессернистый древесноугольный чугун, который может пойти на самые ответственные изделия как в области машиностроения, так и для целей специальных производств.

Из существующих заводов, имеющих вполне обоснованные данные к развитию производства древесноугольного чугуна, следует в первую очередь отнести Надеждинский завод.

Годичная лесосека дач, входящих в Надеждинский округ и тяготеющих к нему при механизации лесозаготовок и лесотранспорта, обеспечивает 350 тыс. куб. саженей дров; это количество древесного горючего гарантирует выплавку 17 млн. пудов чугуна.

Одним из крупных производителей древесноугольного чугуна в течение ближайших же лет должен явиться Чусовской район (б. Пермский металлургический трест). Мы рассчитываем, что к 1933/34 операционному году выплавка чугуна на заводах этого района (Чусовском, Пашийском и Теплогорском) будет доведена до 10 млн. пудов в год. Хорошо развитая система сплавных рек, перерезавших богатейший лесной массив р. Чусовой, дает возможность сосредоточить углежжение вблизи самого завода и возможно полно использовать наличие древесины.

Значительных запасов своей руды этот район не имеет и в большой степени будет снабжаться агломерированными рудами г. Благодати и чистыми рудами алапаевской группы.

Особо должен быть отмечен Алапаевский район. Потенциальные возможности его в отношении запасов железной руды, а по последним данным и прекрасного коксующегося угля (с содержанием золы до 5% и летучих от 25 до 30) дают основание возлагать на этот район большие надежды, как на один из крупнейших металлургических центров Союза. В разрезе ближайших лет мы его оцениваем, исходя из скромных данных о запасах руды (6 миллиардов пудов) и в связи с этим намечаем выплавку чугуна на древесном топливе в 12 млн. пудов в год, при чем выплавка намеченного количества чугуна обеспечивается как древесиной своих приписных и тяготеющих к заводу дач, так и древесным топливом лесных площадей Гороблагодатского округа и Верхней Туры.

Лесные массивы Южного Урала, не считая лесов Башреспублики (Белорецкий округ), ни по площади, ни по своему состоянию не позволяют строить реальных перспектив более, чем на 11-миллионную выплавку древесноугольного чугуна. И этот объем производства выполним только при 60—70-летнем обороте рубки и при условии использования Инзерской лесной дачи (Башреспублика) для домен Симского округа.

Для заводов Свердловского района выплавка древесноугольного чугуна стабилизуется на 3,5 млн. пуд.; это количество по наличию древесины в лесных дачах района следует признать предельным.

Перечисленные нами районы являются основными по выплавке древесноугольного чугуна и, как выше указано, в состоянии развернуть это производство до предельной, по нашему мнению, цифры — 75 млн. пудов — в течение ближайших 2—3 десятилетий.

V

Значение Урала, как производителя внеконкурентного древесноугольного чугуна и высококачественных изделий из него для всех районов Союза (и даже для за границы) совершенно бесспорно.

В то же время Урал может и должен явиться металлической базой Союза и не только по производству высококачественного древесноугольного чугуна, но и по массовому и крупному производству коксового чугуна.

Зона потребления уральского коксового чугуна, при цене его на месте производства, равной цене южного чугуна, охватывает на западе Самарскую, Ульяновскую и часть Нижегородской губернии, на востоке граница потребления уральского коксового чугуна идет от Омска на Акмолинск и Пишпек, включая около 35 млн. населения, которое даже теперь, по полуголодной норме в 2 пуд. на душу, может поглотить до 70 млн. пуд. чугуна, а через 15 — 20 лет (по самым скромным расчетам) до 115 — 120 млн. пуд.

При цене чугуна, более низкой, чем южная, уральский коксовый чугун будет иметь доступ до Ленинграда включительно. А с окончанием постройки Троицк — Орской ж. д. и с выходом ее через Актюбинск на Ташкентскую и с соединением железнодорожными линиями Кустаная — Атбасара — Акмолинска, — район потребления уральского чугуна должен еще более расшириться.

Наличие сырья руды, как уже сказано выше, позволяет довести выплавку чугуна до 225 млн. пудов даже без учета тех больших рудных запасов, которые определяются по последним данным в Алапаевске.

Таким образом, основным фактором, долженствующим решить вопрос о дальнейшем развитии черной металлургии на Урале, является металлургическое минеральное топливо. В этом случае вопрос должен быть разрешен как в направлении использования местного (уральского) минерального горючего, так и по линии экономически целесообразного снабжения уральской металлургии сибирским топливом.

Запасы подготовленного для эксплоатации уральского минерального топлива по данным неполных разведок (без учета алапаевского угля) определены в 1,2 миллиарда тонн, из которых 590 млн. тонн кизеловского коксующегося угля.

Эти запасы достаточны для того, чтобы строить обоснованно план развития уральской промышленности, учитывая участие этого вида топлива в общем топливном балансе в размере 50%. А это коренным образом меняет характер хозяйственного процесса, перестраивает ряды существующих предприятий, иначе определяет их производственную физиономию и дает возможность максимально использовать древесное топливо для наиболее ценного процесса — выплавки чугуна.

Но этим роль и значение местного минерального топлива в деле развития уральской металлической промышленности не исчерпывается.

590 млн. тонн коксующегося кизеловского угля (только разведанных, а в действительности это количество больше и должно быть во много раз увеличено за счет северо-западных пластов), находясь на расстоянии 328 верст от богатейших рудных месторождений гг. Высокой, Благодати и Алапаевска, дает полное основание и обязывает поставить выплавку чугуна в этом рудном узле на минеральном топливе.

Общие запасы подготовленной к эксплоатации руды в этом районе определяются в 280 млн. тонн (без учета новых данных по Алапаевскому месторождению). Следовательно, ежегодная добыча при столетней эксплоатации месторождения может быть доведена до 170 млн. пуд. Пятьдесят миллионов пудов чистых и обогащенных руд (агломерированных) будет переплавлено на древесном угле в домнах Тавдинского, Камского и частично Чусовского района и около 120 млн. пуд. могут быть переплавлены (без более тщательного обогащения) на минеральном горючем — кизеловском коксе. Такая постановка дела тем более целесообразна, что в этом случае явится возможность произвести самую тщательную отсортировку руд — чистые (бессернистые) отправить на древесноугольные домны, а менее чистые руды — на коксовые.

Проблема развития черной металлургии на минеральном топливе в этом районе ни в какой мере не терпит ущерба даже и в том случае, если бы запасы коксующегося угля в Алапаевском районе, ныне обнаруженные, оказались настолько большими, что их промышленное значение в доменном производстве превалировало бы перед кизеловским углем. Так как и в этом случае рудные месторождения остаются те же, а следовательно, и район создания нового крупного металлургического центра был бы тот же с тою лишь разницей, что топливным источником для металлургического процесса явился бы, по преимуществу, алапаевский уголь, как ближе расположенный к руде и как наиболее чистый по химическому составу, а кизеловский уголь и кокс из него был бы использован для энергетических целей, технологических процессов и для цветной металлургии.

Запасы кизеловского угля, определяемые, как было уже указано, в 590 млн. тонн, обеспечивают ежегодную добычу этого угля к концу третьего пятилетия до 300 млн. пуд. Сто миллионов пудов его, превращенные в кокс, дадут возможность выплавить те 70 млн. пуд. чугуна, которые обеспечены в районе Среднего Урала (гг. Благодать, Высокая и Алапаевск) рудой.

Ныне работающие на минеральном топливе (кузнецком) домны Среднего Урала — Н.-Тагильская, Н.-Салдинская, Кушвинская и Турьинская — при соответствующем переустройстве доменных печей доведут выплавку чугуна до 20 млн. пуд. Это количество чугуна для названных заводов явится предельным.

Таким образом, для выплавки остальных пятидесяти миллионов пудов (из намеченных семидесяти) должен быть построен новый металлургический завод — Средне-Уральский.

Генеральным планом хозяйства Урала окончание постройки этого завода намечено к концу третьего пятилетия и общая стоимость его грубо определена в 70 млн. руб. (без жилищного строительства и затрат по рудному хозяйству); годовая продукция этого завода предварительно оценена в 60 млн. руб.

Совершенно особняком находятся большие запасы богатой по содержанию железа (до 63%) руды г. Магнитной, расположенной в степном районе южного Предуралья. Этот район лишен как древесного, так и сколько-нибудь значительных запасов разведанного металлургического минерального топлива.

Запасы руды г. Магнитной исчисляются в 11,5 мрд. пуд. Из них около 400 млн. пуд. совершенно чистых руд (валунчатых) и до 3,5 мрд., не нуждающихся в обогащении.

Удобное залегание руд (открытый способ добычи), богатое содержание железа и значительный процент чистой руды обеспечивают получение дешевой руды, стоимость которой по подсчетам Уралгипромеза не превысит 2,5—3 коп. на колошнике доменной печи. При одновременном использовании и обогащенных руд стоимость пуда руды повышается до 4—4,5 коп.

Топливными источниками, могущими обеспечить выплавку чугуна из магнитогорской руды, являются два каменноугольных района—Кузнецкий и Кизеловский (в будущем, может быть, и Алапаевский). Но кизеловский кокс имеет свое назначение—обслужить средне-уральское рудное месторождение, а с развитием медного дела и цветную металлургию. Расстояние кизеловских копей до г. Магнитной около 900 верст; при более низком качестве кокса, чем кузнецкий, и при диференциальных тарифах, кизеловский кокс не имеет больших преимуществ перед кузнецким, хотя расстояние от Кузбасса до г. Магнитной почти вдвое больше, чем до Кизела. Следовательно, основным источником топлива для г. Магнитной остается Кузбасс.

Расстояние между г. Магнитной и Кузнецким угольным районом, равное 1900 верстам, являлось всегда одним из основных камней преткновения к созданию металлургического центра у г. Магнитной. Тем не менее, еще в довоенное время, в 1912—13 гг., возникал вопрос о создании крупного комбината—г. Магнитная и Кузнецкий бассейн. С началом постройки Троицк—Орской ж. д. эта мысль получила практическое обоснование.

Выход Троицк—Орской ж. д. на Ташкентскую, сокращающий расстояние от Челябинска до Ташкента почти на 1000 верст, создает исключительно благоприятное положение для ряда крупнейших областей и районов, ныне оторванных друг от друга: Ср. Азия получает кратчайшим путем металл и лесные материалы с Урала, направляя обратным маршрутом хлопок; Зап. Сибирь будет связана со Ср. Азией через ту же Троицк—Орскую и Ташкентскую линии. Надо знать нетронутые естественные богатства тех районов, которые благодаря проведению Троицк-Орской ж. д. вызываются к жизни, чтобы оценить масштаб и значение того хозяйственного комплекса, составною частью которого является Урало-Кузнецкий комбинат. Постройка Магнитогорского завода имеет огромнейшее всесоюзное значение не только как крупный металлургический центр, увеличивающий баланс черного металла в стране, но и как крупнейший экономический фактор, долженствующий вызвать к жизни те районы, естественные богатства которых бесспорны.

Урало-Кузнецкий комбинат—не узко замкнутая проблема: это лишь часть того огромного экономического процесса, в котором Уралу исторически суждено сделаться первым этапом перемещения крупных промышленных центров с запада на восток. Занимая выгоднейшее географическое положение, этот крупный центр металлической промышленности явится надежным пунктом независимо от мира и войны.

Производственная программа Магнитогорского завода рассчитана таким образом, что к 1934/35 г. он будет выпускать 40 миллионов пудов металла, а к 1940 г. его производительность доводится до 80 млн. пудов. Строительство завода в его первой стадии предположено закончить к 1933/34 опер. году. Стоимость завода с жилстроительством и с затратами на рудное хозяйство определена в 109 миллионов рублей. Себестоимость пуда чугуна на Магнитогорском заводе по предварительным

данным из расчета, что будет сохранен существующий тариф на перевозку угля из Кузбасса в $^1/_{150}$, определена в 48,5 к. [1]

Для сравнения считаем не лишним привести скалькулированную себестоимость чугуна по трем намеченным к постройке заводам—Магнитогорскому, Криворожскому и Тельбесскому.

Сравнительные элементы	Магнитогорский	Криворожский	Тельбесский
	В копейках		
Себестоим. пуда чугуна: сырье руды и флюсы	11,5	16,25	21,5
Кокс	34,0	42,0	22,0
Передел	7,5	7,26	7,5
Амортизация	2,5	1,99	2,5
Возврат от газов	7,0	9,0	5,2
Оконч. себестоимость	48,5	58,5	48,3

Таким образом, общая выплавка чугуна древесноугольного и на минеральном топливе, определяемая нами, как вполне реальное задание для Урала к концу третьего и четвертого пятилетия, в 225 млн. пуд. обеспечивается наличием существующих заводов с соответствующей реконструкцией доменных печей некоторых заводов и постройкой новых металлургических центров двух древесноугольных в Тавде и на Каме и двух коксовых на г. Магнитной и на Среднем Урале.

VI

Было бы недопустимым пробелом говорить о развитии уральской черной металлургии, о ее количественном росте, и не отметить другого, не менее существенного фактора, имеющего огромное значение не только в построении уральской металлопромышленности, но и в районировании соответствующих металлообрабатывающих заводов во всесоюзном масштабе. Мы имеем в виду отметить ту роль и значение, которые свойственны древесноугольному чугуну, как чистейшему исходному материалу для изготовления наиболее ответственных механизмов, инструментов и металлоизделий.

Современная металлургия достигла очень больших успехов и нет сомнений, что значительное количество металлических изделий, благодаря искусным способам переработки чугуна в железные и стальные слитки, не требует особо чистого исходного металла. Но все же имеется много производств, для которых чистый исходный металл—древесноугольный чугун (со следами серы), отличающийся мелкозернистой структурой со значительным содержанием углерода,—незаменим.

При изготовлении ответственных частей механизмов, орудий, инструментальной стали и инструментов, не говоря уже о самозакаливающейся стали, древесноугольный чугун является, по существу, обяза-

[1] По данным Уралгипромеза стоимость пуда чугуна на Магнитогорском заводе выявлена меньшей цифрой — около 47 коп.

тельным исходным металлом. Если в прошлом многие из перечисленных изделий изготовлялись так же, как и в настоящее время — из коксовых чугунов, то это неизбежно отражалось на качестве изделий, особенно в отношении их срока службы и процента брака. В своей статье „Уральская железная промышленность в ее прошлом и будущем", помещенной в сборнике „Промышленный Урал" за 1920 год, проф. Грум-Гржимайло пишет: ... „На Урале, в частности в районе Бакала, должны развиваться: а) производство инструментальной стали, б) бандажное, рессорное, осевое производство, в) производство стальных отливок". Далее, касаясь вопроса о ликвации металла, он пишет: „Устранить ликвацию мы не можем, но ослабить ее подбором особо чистых материалов (чугуна и проч. элементов шихты) возможно. Вот причина необычайных требований, пред'являемых к металлу не только заводами народной обороны, но и машиностроением. Поэтому нечего удивляться, когда при содержании серы более 0,01% металл признается непригодным для ответственных изделий. Из сказанного очевидно, что древесноугольный чистый металл представляет драгоценный, единственный материал для машиностроения, и таким образом древесноугольный чугун является ценнейшим исходным металлом.

Учитывалась ли его ценность в прошлом и считаемся ли мы с ней в настоящем? В прошлом не ценили должным образом уральского чугуна или если ценили, то очень мало; в настоящем мы его ценим не больше: попрежнему катаем из него рельсы, балки, швеллера и пр., а в то же время ответственные изделия, требующие безупречного в отношении содержания серы исходного металла, например, трубы, мы изготовляем на наших южных заводах из коксовых чугунов, а отсюда понятен и тот процент брака, который имеет место в производстве, и невысокое качество изделий.

В этом случае мы должны будем пойти по тому пути, по которому во второй половине прошлого столетия вынуждена была пойти Швеция. Металлургия Швеции в то время переживала кризис вследствие появления на рынке дешевого коксового чугуна, с которым дорогой шведский древесноугольный чугун конкурировать не мог.

В отношении стоимости чугуна мы имеем то же явление: древесноугольный чугун в данный момент едва конкурирует с коксовым, а в дальнейшем он будет несомненно дороже. Это надо твердо помнить и учитывать. Так как основная статья себестоимости чугуна — топливо, — в отношении древесноугольного чугуна не имеет никаких данных к понижению стоимости, она в лучшем случае остановится в своем росте (за счет механизации лесозаготовок), тогда как металлургическое минеральное топливо может быть снижено в значительной степени.

Шведы вышли из тяжелого положения тем, что они не только сохранили высокое качество своего древесноугольного чугуна, но в значительной степени облагородили его, создав ему на мировом рынке имя внеконкурентного металла. Они настолько берегут чистоту своего чугуна, что даже плавки на березовом угле избегают, потому что в нем содержится до 0,02 фосфора. Но зато шведы не катают из своего чугуна ни рельс, ни грубых марок сортового железа, а употребляют его на изготовление высококачественных изделий, всякого рода стали высших сортов, проволоки, рессор, пружин, инструментов и пр. вплоть до тончайшего листового железа для радиотелеграфии, которое расценивается чуть ли не по стоимости платины.

Урал не сделал в свое время того, что сделали шведы, не сумел сохранить за своим чугуном той ценности, которую он имел, старый уральский промышленник поступил в этом случае, как недальновидный

и нерачительный хозяин и довел свое хозяйство до упадка. Мы же не можем повторять этой ошибки. Поэтому переработку чугуна в металлоизделия должны строить на основной предпосылке — ни одного пуда древесноугольного чугуна на изделия, не требующие по своей природе чистого исходного металла.

VII

Заканчивая анализ условий и перспектив развития уральской металлопромышленности, мы наметили следующую картину ее географического размещения и сосредоточения ее важнейших центров.

К числу основных древесноугольных районов должны быть отнесены следующие.

Надеждинский, обеспеченный древесным топливом для выплавки чугуна до 15 млн. пуд. и имеющий достаточные запасы своей руды при условии, что его северные рудники будут связаны железной дорогой с основным заводом и с линией Гороблагодатская — Надеждинск; это даст возможность либо подать руду на существующий завод, либо построить домны в местах нахождения руды и передавать чугун в Надеждинский завод или по Гороблагодатской линии на другие заводы Урала.

Этот район, богатый прекрасным строевым лесом, по преимуществу, сосновых насаждений, должен одновременно включить в программу развития своего промышленного хозяйства и выработку ценных лесных материалов. Основными видами готовой продукции Надеждинского завода являются кровельное железо, котельное железо, поковки вагонных осей, прокатка бандажей и производственное чугунное литье (прокатные валы и пр.).

Чусовской район с выплавкой чугуна до 10 млн. пуд., включающий в себя металлургические заводы — Чусовской, Теплогорский, Пайшийский и передельный Лысьвенский. Этот район становится центром производства цельнотянутой, эмалированной и сшивной посуды, а также жести и оцинкованного железа. Выплавка чугуна в количестве 10 млн. пуд. должна считаться предельной для этого района и в большей своей части обеспечивается привозной рудой из Алапаевска и обогащенной с горы Благодати.

Алапаевский район, обладая богатой сырьевой базой, находится в худших условиях в отношении древесного топлива, которое не позволяет ему развернуть выплавку чугуна более, чем до 12 млн. пуд. Этот район становится крупнейшим центром производства кровельного железа — до 12 млн. пудов. Потенциальные возможности Алапаевского райна колоссально вырастают в связи с обнаруженными здесь большими запасами коксующегося угля.

Южный Урал является производителем лучшего древесноугольного чугуна и основным районом по изготовлению высококвалифицированных стальных изделий и районом, организующим в ближайшем будущем производство сельскохозяйственных машин (жнеек и сеялок), тракторов и др. Запасы древесного топлива ограничивают выплавку чугуна одиннадцатью миллионами пудов.

Свердловский район, где производство древесноугольного чугуна останавливается на 3,5 млн. пуд., вследствие истощения его лесных дач. В этом районе сосредоточивается производство электротехнического железа, чугунной посуды, чугунных труб и ряд мелких производств, по преимуществу, из отходов при прокатке кровельного железа (скобяное производство и др.).

И, наконец, по генеральному плану намечено в течение ближайших трех пятилетий создание двух крупных новых древесноугольных районов на рр. Тавде и Каме. Большое наличие перестойной древесины в названных районах ставит задачу безотлагательной эксплоатации этих лесных массивов, при чем тот и другой районы, обеспеченные хорошо развитой системой сплавных рек, дают возможность создать комбинированные хозяйства — металлургическое, лесобумажное и лесохимическое. Чугун будет в большей части переработан на своих заводах — в Тавде в цельнотянутые трубы, судостроительную сталь и кровельную сутунку, а на Каме в различного рода механизмы, мостовые сооружения и также в котельное, судостроительное железо и кровельную сутунку.

Совершенно обособленно формируются крупные центры коксового чугуна (на минеральном топливе).

Г. Магнитная и Среднеуральский завод. Эти два центра, обособленные географически, и по характеру своей продукции имеют особые назначения.

Производственная программа Магнитогорского завода строится с таким расчетом, чтобы снабдить готовой продукцией — рельсами, среднесортным железом и проволокой — районы Зап. Сибири, Средней Азии и Поволжья, в средней и северной его частях.

Продукция среднеуральского завода в большей части предназначается, как полуфабрикат, для переработки в соответствующие изделия на расположенных вблизи заводах — вагоностроительном, котельном, мостостроительном и др. Одно только вагоностроение, если оно будет развернуто до 10 тысяч большегрузных вагонов в год, потребует около 12 миллионов пудов металла.

Итак, развитие уральской металлопромышленности, как уже сказано выше, должно впредь итти путями: а) наиболее полного использования всех возможностей древесноугольной металлургии и б) увеличения производства чугуна на минеральном горючем, используя полностью на ряду с высокопроцентными рудами и бедные.

Для древесноугольной металлургии вопросом жизни и смерти является повышение оценки древесноугольного чугуна, а это наиболее реально может быть осуществлено только путем переработки его в высококачественные металлоизделия, дорогостоящие и не боящиеся повышения стоимости исходного металла.

Коксовый чугун не конкурент древесноугольному, но лишь в том случае, когда чистота последнего будет бесспорна и когда использование его будет вестись целесообразно.

Методы построения торгового баланса района[1]

Работа по торговому балансу района совпадает с обычной работой в области внешней торговли страны, но к этому прибавляются также и проблемы, возникающие в связи с особенностями, характерными для отдельного государства или территории.

Прежде всего, мы остановимся на вопросах, возникающих в отношении учета внешней торговли вообще. При этом считаем необходимым подчеркнуть, что среди этих вопросов наиболее сложным является вопрос о транзите. В большинстве случаев ввоз и вывоз товаров рассматривается с точки зрения производства данной страны и с точки зрения внешней торговли в более тесном смысле слова. С первой точки зрения под ввозом следует понимать продукты, привезенные из-за границы и оседающие в стране, т.-е. входящие в народное хозяйство страны в качестве предметов потребления, сырья или орудий производства. Под вывозом же разумеют только продукты народного хозяйства данной страны, которые она отдает другим странам. Исключается, таким образом, из ввоза и вывоза транзит. С точки зрения торговли должны быть учтены все товары, которые являются об'ектом торговли данной страны с другими странами.

Как и в статистике внешней торговли большинства государств, в большей мере, конечно, достигнут нами учет внешней торговли района с производственной точки зрения.

Для этой цели надо было получить сальдо всего ввоза и всего вывоза каждого товара и в зависимости от знака сальдо отнести его либо к ввозу, либо к вывозу (мы именуем его в работе чистый ввоз и чистый вывоз). Если бы ввозные товары не производились на месте, то этот способ дал бы вполне точную картину; тогда мы знали бы, что поскольку данный предмет ввозится в район, то значит он отсутствует в местной продукции, и, следовательно, вывозиться может только „иностранный" товар. В таком случае сальдо ввоза давало бы действительно ввоз, осевший в данном районе. Тот же результат получился бы, если бы ввозной продукт даже производился на месте, но в недостаточном количестве и недостаток пополнялся бы ввозом, но при этом местный продукт не вывозился; и тогда в вывозе при наличии ввоза были бы также только „иностранные" товары, ввозимые в превышающем потребности района количестве. В обоих этих случаях все те товары, которые производятся на месте и вывозятся в другие районы вовсе не ввозились бы в район или ввозились бы исключительно в целях транзита. Однако, всегда существует некоторый случайный ввоз товара даже в район, который явится поставщиком его для других районов.

Но если мы откажемся от бухгалтерской точности, то для Закавказья, с слабо развитой промышленностью, большинство товаров удовлетворяет этому принципу. Вообще номенклатура вывозимых товаров не

[1] Настоящая статья печатается как опыт работы района в области построения краевого торгового баланса. Ред.

велика, при чем ввоза этих товаров для собственных нужд, а не для транзита, совершенно нет. Таким образом, получаемое сальдо дает для большинства товаров действительную картину ввоза и вывоза, с производственной точки зрения. Из существенных исключений мы должны отметить сухофрукты, которые ввозятся из Персии в Закавказье и частью здесь потребляются, частью вывозятся в другие районы СССР, куда имеется также некоторый вывоз закавказских сушеных фруктов. Вычитывая из ввоза весь вывоз и считая остаток ввозом для собственного потребления, мы таким образом совершенно исключаем вывоз собственных фруктов и на это количество увеличиваем чистый ввоз. Если ввоз из Персии составил a пудов, вывоз персидских фруктов из Закавказья b пудов и вывоз местных фруктов c пудов, то с точки зрения производства ввоз составит $a-b$ пудов и вывоз c пудов. Мы же, не имея возможности отделить вывоз местных фруктов от персидских фруктов, вынуждены считать ввоз $a-(b+c)$ пудов; вывоз же совершенно исключить. Однако, как мы уже указали, таких товаров немного и возможная ошибка настолько не велика, что мы в праве все же считать, что такой способ учета даст достаточно близкую картину внешней торговли с производственной точки зрения.

Для приближения к учету с торговой точки зрения мы принимаем весь ввоз в район и весь вывоз из района, независимо от того, что отдельные продукты проходят через Закавказье транзитом [1] и, следовательно, учитываются и в ввозе и в вывозе.

Разделение транзита на производимый аппаратом своей страны и иностранными для нас не только не выполнимо, но и не нужно. Дело в том, что этими „иностранными" фирмами для района являются преимущественно общесоюзные организации, которые в известной части являются и нашими, поскольку район составляет часть Союза. Поэтому в пределах соответственного наращения ценности товаров, имеющего место в нашем районе, мы их и считаем собственным торговым аппаратом, и следовательно, весь транзит, кроме действительного внешне-торгового транзита (Европа, Персия и обратно), мы считаем производимым торговым аппаратом Закавказья. [2]

В нашей работе мы приняли три корреспондирующие нашему району (ЗСФСР) страны: 1) все другие районы Союза, 2) страны Европы и 3) Персия. При таком разделении и при существующих условиях грузооборота страна производств и страна отправления почти всегда совпадают.

В отношении классификации товаров, принятых в различных странах, существует большое разнообразие. Мы положили в основу список товаров, принятый Международной конференцией по статистике торговли в Брюсселе с некоторыми незначительными изменениями.

Помимо этого, мы дополнили международную классификацию делением товаров, соответственно построению баланса народного хозяйства, на сельскохозяйственные и промышленные товары и на предметы производственного и личного потребления. Предметы производственного потребления, в свою очередь, разделены на а) орудия производства б) сырье и вспомогательные материалы и в) топливо.

Наконец, по вопросу о принятых нами ценах. Мы стремились в своей работе взять по возможности такие цены, которые позволили бы

[1] Считаем не лишним специально указать (хотя это вытекает из всей нашей работы), что понятие транзита с точки зрения самостоятельного района для нас носит условный характер. Так, груз, проходящий с Украины в Среднюю Азию, мы считаем транзитом.

[2] По принятой в большинстве стран терминологии, чистый ввоз и вывоз соответствуют понятию „специальной внешней торговли", весь ввоз и вывоз — понятию „общей торговли".

определить валовой доход, получаемый Закавказьем от своего вывоза, и суммы, подлежащие уплате другим районам или странам по ввозу. Исходя из этого, мы должны были принимать во внимание общие условия нашей экономики и, считаясь с ними, устанавливать характер цен, которые следует применять в том или ином случае. При этом общесоюзные торговые организации мы в той части, в которой их деятельность относится к району Закавказья, считаем торговым аппаратом Закавказья.

В отношении транспортных расходов мы считаем их в пределах Закавказья внутренними, т.-е. входящими непосредственно в валовой доход Закавказья; в части же, выходящей за пределы ЗСФСР, весь фрахт мы считаем идущим в доход другой страны или района. Последнее является не совсем правильным, так как на Каспийском море действует пароходство „Каспар", которое относится к Закавказью, и, следовательно, доход от перевозки от закавказских портов Каспийского моря и до них должен быть включен в доход Закавказья.

По торговле с другими районами СССР, исходя из вышеприведенного условного представления о торговом аппарате СССР, мы принимаем ценность товаров на границе, т.-е. цену на месте отправки плюс фрахт до границы. Все те начисления, которые получает цена ввозимого товара, от границы до реализации на месте, мы считаем перемещением доходов внутри района; наоборот—соответственное начисление по вывозимым товарам мы считаем не входящим в доходы нашего района.

Что же касается торговли с иностранными государствами (кроме Персии), то мы считались с тем фактом, что почти вся внешняя торговля, вплоть до ее реализации на месте, производится советским торговым аппаратом. По вывозу за границу мы в доход Закавказья должны занести и прибыль, полученную от продажи вывезенных товаров. Следовательно, нас вполне устраивает оценка, принятая Наркомторгом, т.-е. реализованная цена за границей, за вычетом расходов за границей по перевозке и пр. По ввозу из-за границы Наркомторг принимает цену „сиф", которая и является ценой на границе.

Особое положение занимает персидская торговля, носящая для Закавказья транзитный характер. В данном случае, может итти речь об отнесении в доход Закавказья не всей прибыли, а только фрахта во время прохождения по Закавказской ж. д. Поэтому для оценки ввоза мы принимаем цену на ввозной границе, для вывоза — эту же цену с прибавлением фрахта в пределах Закавказья.

Не излагая здесь методов исчисления цены 1913 г., отметим только, что при изучении как довоенной, так и современной внешней торговли Закавказья, мы стремимся к тому, чтобы „цена, соответствующая товарам при ввозе, выражала собой размер тех обязательств, которые народное хозяйство несет в отношении заграницы" и чтобы „пограничная ценность при вывозе выражала собой тот доход, который народное хозяйство получало из-за границы". Меерварт, из книги которого мы берем вышеприведенную цитату, считает, что цены на границе в отношении Германии не дают этой возможности в виду того, что германский торговый флот участвует в перевозке товаров и ввозных и вывозных. Нам представляется, что мы при своих способах оценки в отношении Закавказья довольно близко подходим к указанной цели, поскольку принятые нами конкретные цены являются вообще реальными.

В основу нашей работы легли материалы таможенной статистики для товарооборотов по внешним границам и данные железнодорожной и портовой статистики для товарооборота Закавказья с другими районами СССР. При этом, пользуясь тем, что сухопутная граница Закавказья почти полностью совпадает с границей Закавказской жел. дор., мы вместо

того, чтобы брать прибытие и отправление всех станций, взяли данные о приеме грузов с соседних дорог (ввоз) и о передаче на соседние дороги (вывоз). Главное преимущество нашего способа заключается в том, что мы создаем единство в учете грузов, приходящих и вывозимых через таможни каботажем и по железной дороге, учитывая их в момент прибытия на территорию Закавказья и оставления ими территории Закавказья.

Для последних четырех лет передаточным пунктом Закавказских ж. д. служила станция Дербент, настолько близко лежащая от действительной границы ЗСФСР, что мы нашли возможным без поправок принять ее как пограничный пункт. В 1913 г. Закавказская ж. д. оканчивалась на станции Баладжары, прием и передачу которой мы и вынуждены взять, однако, для тех грузов, отправка которых с участка Дербент-Баладжары имела какое-нибудь значение (фрукты, рыба), мы внесли соответствующие поправки по данным перевозок Владикавказской ж. д. прибытие же грузов на этот участок оказалось столь незначительным, что мы им пренебрегли.

Переходя к самому материалу железнодорожного грузооборота, следует отметить—с точки зрения нашей работы—два основных недостатка. 1) номенклатура товаров, не отвечающая запросам экономического анализа и нашей работы, в частности, и 2) весовой учет даже тех товаров, которые вообще измеряются не весовыми единицами. Эти трудности особенно ярко выступают тогда, когда мы подходим к оценке грузов. Представляется, например, исключительно трудным подойти к оценке пуда группы „аппараты, приборы, инструменты“ (кроме ремесленных), куда входят такие предметы, как микроскопы, рояли, часы и т. д.

Мы определяли преимущественный характер той или иной группы, и в зависимости от него относили всю группу. Так, определив, что группа красок по ввозу и вывозу в Туркестан почти что на все 90% состоит из красок промышленного производства. мы всю группу относим к промышленным товарам, а по вывозу из Закавказья в остальные районы Союза, на том же основании,—относим к сельскохозяйственным товарам. Конечно, все это носило приближенный характер; однако, принимая во внимание, что затруднения вызывают те группы, которые составляют незначительный процент от всей массы грузов, да и к тому же они не затрогивают массовых товаров, можно считать отклонения от действительности не особенно значительными. Более сложную работу мы провели в отношении группы „шелк и коконы“, имеющей исключительно важное значение для Закавказья.

Что касается данных по каботажному грузообороту, то нужно сказать, что за 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг. по Черноморским портам удалось использовать сырой материал Закавказских таможен, учитывавших каждый товар отдельно. Таким образом, с этой части никаких затруднений не возникало. Начиная с марта 1926 года, таможни прекратили учитывать каботажный грузооборот, и пришлось обратиться к материалам Отдела портов. Последние не отвечали пред'явленным к нему требованиям, во-первых, потому, что все товары сгруппированы в 50 групп и, во-вторых, в них отсутствует корреспонденция. Однако, за отсутствием других данных пришлось пользоваться ими.

Отсутствие корреспонденции принудило нас прибегнуть к балансовому методу, т.-е. мы брали по каждому товару ввоз и вывоз всех Черноморских портов и сальдировали и в зависимости от полученного знака относили сальдо к ввозу или вывозу. По некоторым главным товарам удалось провести проверку этого метода следующим образом: за пять месяцев мы брали данные таможенных карточек (октябрь — февраль), за шесть месяцев (апрель — сентябрь) данные Отдела портов, но уже

с корреспонденцией. По главным товарам, согласно предложению Бюро Закон'юнктурного совета, Отдел портов поставил специальный учет. Таким образом, получался провал в марте и пополнение его проводилось по балансовому методу. Результаты получились благоприятные; так, по пшеничной муке расхождение 3,9%, по цементу — 0,1%.

Этим же материалом мы воспользовались для расшифровки некоторых групп, например, цемента. В материалах Отдела портов за год имеется группа строительных материалов; предполагая, что вся группа состоит из цемента, мы сопоставили опять эти данные и получили расхождение в 1%. По тем товарам, по которым была возможность по этому материалу внести какие-либо коррективы, мы вносили.

Материалы о вывозе и ввозе по внешним границам за все четыре года получены были от Статотдела Заквнешторга, где учет внешней торговли производится по самой развернутой номенклатуре, и группировка производится уже внутри Статотдела. Воспользоваться этой группировкой нам не пришлось, так как, во-первых, по ввозу и вывозу во Внешторге применялась разная группировка и, во-вторых, группировка наша и Внешторга не совпадала, поэтому нам пришлось самостоятельно группировать потоварные данные. По существу материала необходимо отметить, что данные по экспорту нефтепродуктов не совсем совпадали с данными Нефтесиндиката. Так, расхождение в 1925/26 г. составило 3,5%, в 1924/25— 0,9% и в 1922/23 г. расхождение было очень значительное —33%. Мы использовали материал Азнефти, считая данные Нефтесиндиката по сбыту более точными. Может показаться странным — почему же мы по всем остальным грузам берем цифры Закнаркомвнешторга; дело в том, что большинство оборотов по внешней торговле проходит через Закгосторг и все таможенные данные критикуются по материалам Закгосторга.

Несмотря на все отмеченные недостатки, материал по всем видам ввоза и вывоза все же смог быть использованным для поставленной перед нами задачи. Как видно из приводимых процентов расхождения, результаты должны получиться достаточно благоприятные.

Если в работе по составлению торгового баланса за последние четыре года приходится встречаться с отдельными трудностями, разрешаемыми различными подходами, о которых говорилось выше, то работа по составлению баланса 1913 г. в целом потребовала совершенно иных методов и иных приемов, так как материал по морским перевозкам был ниже всякой критики. Все товары были сгруппированы по 36 группам, не отвечающим никаким экономическим запросам. Самые большие затруднения возникли при переходе к определению торгового баланса в ценностном выражении, вследствие качественного состояния материала и необходимости собирания цен по 370 товарам.

Для разрешения вопроса о ценах нами было предпринято следующее. При Тифлисской товарной бирже с участием маклериата и Торгового отдела было проведено несколько совещаний с представителями главных государственных организаций (для современных цен) и частными торговцами (для довоенных цен). На ряду с этим мы постарались сконцентрировать в Статбюро все имеющиеся печатные источники цен как довоенные, так и современные. Специально была проделана работа по определению цен по материалам „Фабрично-заводская промышленность за 1912 г.“, а по основным видам нашего сырья довоенные цены извлекались из отдельных экономических исследований.

Итак, работа велась в двух направлениях, с одной стороны, экспертные данные, с другой стороны — официальные источники. В каждом отдельном случае один источник контролировался другим. Если была возможность, мы определяли средний вес товара и соответственно

определяли стоимость пуда. Так, для того, чтобы определить цену пуда пушнины экспертным путем, мы установили вес штуки куницы, лисицы, шакала и барсука и определили их удельный вес в общей массе вывозимой пушнины. А для того чтобы подойти к оценке группы „остальные медные изделия“ (завозимые грузы), выяснили, что главная масса падает на посуду медную, на проволоку, а затем определили их вес в оборотах главной завозящей организации „Промцветмет“. Получив далее от них цены на самые ходовые сорта, мы перешли к выводу средней цены по группе.

Принимая для торговли с другими районами Союза цены на границе, о чем мы выше уже говорили, мы непосредственно получить их не могли ни из справочников, ни от экспертов. Нам пришлось определять цену на месте отправки и накидывать на нее стоимость провоза до границы. Для этого были исчислены средние пробеги ввозимых и вывозимых грузов.[1] Исчислив средние пробеги от станции отправления до станции назначения и до границы, мы брали существующую поверстную ставку для всего расстояния и умножали ее на расстояние до границы — полученное произведение присчитывалось к цене места отправления.

В основе довоенных исчислений лежала „Внешняя торговля за 1913г.“, где имеются также данные о каботажном ввозе и вывозе и данные о прохождении грузов через ст. Баладжары. Однако, и номенклатура каботажного грузооборота, дающая неоднородные группы товаров, и отсутствие корреспонденции заставили нас прибегать к ряду искусственных приемов.

Главным из них было расчленение слишком смешанных групп соответственно железнодорожному грузообороту портовых станций (по данным статистики перевозок Закавказской ж. д.). Так, например, мануфактура, ввезенная в Батум морем, была распределена нами на основные группы пропорционально отправкам внутрь района со станции Батум-порт. Таким же образом нам удалось выяснить, что ввозимое морем через Баку большое количество химико-фармацевтических товаров есть солодковый корень, идущий транзитом за границу. Помимо того, мы пользовались и другими источниками. В результате, конечно, 1913 год отличается меньшей степенью точности, чем 1922/23 — 1925/26 гг., за которые нами была проведена работа.

Мы полагаем, что и наша работа дает материал, достаточно способствующий изучению экономики того или иного края. Что же касается почти полного отсутствия прецедентов в подобной работе, то мы позволим себе привести отзыв по этому поводу известного статистика Меерварта.[2] „Все эти исследования, опирающиеся на данные статистики грузов, требуют большого труда и внимательного отношения к многочисленным, не указанным здесь, недочетам этих источников. Тем не менее, то обстоятельство, что подобного рода исследования производятся так редко, отнюдь не говорит о невозможности их или о непригодности получаемых результатов“.

При том значении, которое имеет в условиях СССР экономическое изучение района, работы, подобные нашей, несмотря на все трудности и недостатки, диктуются самой жизнью. Мы полагаем, что потребность в них настолько велика, что в будущем явится необходимым также изменение методов учета железнодорожного и водного грузооборота, которое сделает выполнение их возможным с большей степенью точности, чем в настоящее время.

Пока же мы вынуждены довольствоваться теми возможностями, которые предоставлены нам имеющимся материалом.

[1] Исчисления производились в Комиссии районирования Закгосплана под руководством А. А. Гвелесиани.

[2] „Политическая экономия и экономическая статистика“, изд. „Экон. Жизни“, стр. 367.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

А. Леонтьев

К характеристике современного кризиса буржуазной теоретической экономии

(О книге И. И. Рубина, „Современные экономисты на Западе", ГИЗ, 1927).

Интерес к современным теоретическим построениям буржуазной политической экономии у нас в настоящее время весьма невелик. Если хотят составить себе представление насчет буржуазных экономических теорий современности, то обычно в качестве чуть ли не единственного их представителя берут так называемую австрийскую школу. Между тем, как совершенно справедливо указывает автор рецензируемой работы в своем предисловии, „в настоящее время можно с большей или меньшей уверенностью сказать, что эпоха почти безраздельного господства австрийской школы в официальной буржуазной науке кончилась или кончается" (стр. IV).[1] Что же касается тех теоретических построений, которые пришли на смену австрийской школе, то марксистская экономическая мысль уделяла им до последнего времени чрезвычайно мало внимания.— Не потому ли, что они вообще ни малейшего внимания не заслуживают?— спросит иной читатель. Мы полагаем, что это не совсем так.

Поскольку справедливо мнение, что необходимо „знать врага", постольку знакомство с буржуазными экономическими теориями современности не может быть лишено для нас интереса. Поэтому нельзя не приветствовать появление серьезной и вдумчивой работы И. И. Рубина, посвященной современным экономистам-теоретикам буржуазии. Из числа последних Рубин берет пятерых авторов: Франца Оппенгеймера, Рудольфа Штольцмана, Альфреда Амона, Франца Петри и Роберта Лифмана. Надо сознаться, что эти авторы довольно разнокалиберны по своему удельному весу и значению и весьма разношерстны по своим теоретическим взглядам. Тем не менее, они весьма недурно характеризуют собою—и притом с различных сторон—тот кризис, который переживает официальная экономическая наука буржуазии, кризис, наличие которого большинством этих авторов в той или иной связи признается и подтверждается.

Существо этого кризиса заключается в том, что господствовавшая еще недавно австрийская теория (в Германии ее теперь довольно часто называют „довоенной теорией") завела научное исследование в тупик, все более и более удаляясь из мира конкретной экономической действительности в область бесплодных суб'ективно-психологических изысканий. Когда пропасть между теорией и действительностью стала так глубока, что заполнить ее не смог даже всеспасающий эклектизм—судьба австрийской школы была решена.

---

[1] Подобный же вывод мы формулировали в заметке „О современных направлениях в немецкой теоретико-экономической литературе", помещенной в № 16 „Вестника Комм. Академии", 1926 г.

Что же выступает на смену австрийской школе? Здесь глазу представляется достаточно пестрая картина.

Вот один из известнейших германских экономистов — Роберт Лифман (ему посвящен последний очерк рецензируемой книги). В его лице теоретик буржуазии соединяется с крупным капиталистом и ... авиатором-любителем. Это архисовременная фигура отказывается от австрийской школы: ее суб'ективизм представляется Лифману недостаточно „суб'ективистическим", ее психологизм—недостаточно психологическим. Он пытается построить здание теоретической экономии, изгнав окончательно все элементы об'ективного, в том числе и те остатки, от которых не смогли освободиться даже австрийцы. С его точки зрения, хозяйство — это нечто психическое, особый тип суждений и решений. Все проблемы хозяйства разрешаются путем исследования психических переживаний и чувствований индивида. Все об'ективное, что имеется в хозяйственной жизни, сводится Лифманом к роли передаточных звеньев, не оказывающих значительного влияния на исходные и конечные моменты хозяйствования, каковыми являются психические состояния индивида. Лишь наличие этого передаточного механизма, играющего весьма второстепенную роль, отличает современное денежное и капиталистическое хозяйство от хозяйства Робинзона — изолировано хозяйствующего индивида, служащего исходным пунктом Лифмана, как и всех его предшественников, в области суб'ективно-психологического метода.

Проблему ценности Лифман считает возможным упразднить вовсе, ибо не существует никакой суб'ективной ценности помимо и вне психических оценок индивида. Эти же психические оценки служат для об'яснения явления цены. Надо ли добавлять, что он не видит также никакой особой проблемы в явлении прибыли? С его точки зрения, это лишь одна из форм „выручки", которую следует понимать как разницу между психическими ощущениями „показности" и „издержек". При помощи некоторой ловкости рук эта „выручка" капиталиста попадает в одну категорию с „выручкой" простого товаропроизводителя, а также с „выручкой" рабочего.

Стоит ли удивляться, что подобные построения рассыпаются в прах от первого же соприкосновения марксистской критики? Автор легко показывает, что „ареной действия психических законов хозяйства, открытых Лифманом, являются не фабрики и магазины, не акционерные общества и тресты, а скромная кухня рабочего и роскошная столовая в особняке миллионера" (стр. 285), да и то с известными оговорками. Таким образом, пример Лифмана только лишний раз подтверждает старое справедливое замечание Гильфердинга насчет теоретиков предельной полезности: каждый из них доказывает в практической части своих исследований тонкую несостоятельность всех предыдущих представителей этой школы, а затем в своей положительной части дает столь же достаточный материал для последующей критики.

Реакция против бесплодности австрийской школы вылилась, однако, в различные формы. Если в лице Лифмана эта реакция пошла по линии доведения психологизма до абсурда, то ряд других авторов знаменует собою подход к социальному методу. Это направление представляет несравненно более значительный интерес. В лице представителей этого направления буржуазная экономия периода упадка делает шаг в сторону единственно плодотворного, единственно правильного подхода к экономическим явлениям — об'ективно-социологического метода. Легко, однако, догадаться, что этот единственный шаг в правильном направлении сопровождается у современных теоретиков буржуазии целым рядом шагов, уводящих исследователя в сторону от правильного метода, в дебри бесплодной схоластики.

Большая часть книги И. И. Рубина посвящена представителям именно этого социального направления: Штольцману, Амону и Петри. Последний был начинающим ученым; он погиб на войне в раннем возрасте и оставил после себя лишь одну единственную работу — свою докторскую диссертацию, посвященную теории ценности Маркса. Зато первые два — Штольцман и Амон — могут быть смело названы наиболее яркими и характерными представителями социального направления. Пожалуй, для большей полноты картины стоило бы познакомить читателя еще с двумя авторами, в разной степени и с разных сторон характеризующими это же направление. Мы имеем в виду Р. Штамлера, с его разработанной неокантианской философией хозяйства, весьма родственной построениям Штольцмана, и Отмара Шпана с его „универсализмом", густо окрашенным в цвета реакционной утопистики. Если очерки, посвященные Штольцману и Амону, дают достаточно яркое представление о „социальном направлении", то разбор упомянутых двух авторов обогатил бы, должно быть, эту общую характеристику некоторыми дополнительными штрихами и деталями, подчас не лишенными интереса.

Представители социального метода отвергают господствующий в буржуазной науке натурализм в его обеих разновидностях: об'ективистической и суб'ективистической (в качестве представителей первой разновидности рассматриваются классики, а второй — австрийцы). В разной форме, в различных выражениях они подчеркивают неустанно, что политическая экономия изучает социальные отношения людей, что ее об'ектом познания является социальная форма хозяйства. На этих первых ступенях своего исследования социальное направление близко подходит к марксистской постановке вопроса, иной раз неожиданно для самих авторов (достаточно сказать, что Амон в своей первой работе, носящей наиболее яркий отпечаток „социального метода" еще не знал Маркса; знакомство с последним он обнаруживает лишь в своих позднейших произведениях, напр., „Hauptprobleme der Sozialisierung", 1920).

Однако, как понимают эти теоретики „социальную форму хозяйства"? Здесь с первых же шагов обнаруживается колоссальное расхождение между „социальным направлением" Штольцмана — Амона и других и марксизмом. Иные авторы чрезвычайно смазывают это расхождение (см., например, С. И. Солнцев, „Введение в политическую экономию").

Заслуга И. И. Рубина заключается в том, что он достаточно четко и резко проводит грани между марксистской системой и „социальным направлением" новейших буржуазных теоретиков. Марксизм рассматривает социальную форму хозяйства, как совокупность тех отношений между людьми, которые устанавливаются в процессе общественного производства. У Штольцмана и Амона, напротив, социальная форма начисто оторвана от материально-производственного базиса. По мнению Амона, например, социальные отношения, изучаемые теоретической экономией, лишь случайно связаны с процессом производства. „Диалектический процесс связи и взаимодействия между общественным процессом производства и его социальной формой,— процесс, в котором определенные формы производственных отношений людей являются одновременно и результатом предшествующего развития производительных сил и предпосылкой дальнейшего их развития, — Амону остается неизвестным" (стр. 191). Неудивительно поэтому, что „своими социальными" понятиями названные авторы оперируют более или менее успешно лишь до тех пор, пока они ограничиваются общеметодологическими рассуждениями о по-

становке проблемы. Но как только речь заходит о решении экономических проблем (теории стоимости, денег, капитала и т. д.) по существу, оторванные от производственного процесса формально-социальные понятия отказываются служить" (стр. 207—208). Амон показывает в этом отношении достаточно красноречивый пример. При анализе этих экономических проблем по существу он оставляет в стороне свои рассуждения о „социальном" и направляется по проторенной дорожке фетишистской и психологической трактовки категорий теоретической экономии. В этом отношении особенно характерна позднейшая работа Амона: „Ricardo als Begründer der theoretischen Nationaloekonomie". Остается пожалеть, между прочим, что автор не использовал (вероятно потому, что не имел еще в своем распоряжении) новейшей работы Амона: „Grundzuge der Volkswohestandslehre", Erster Teil, Der Prozess der Wohlstandsbildung (Die Volkswirtschaft), Jena, 1926.

Что касается Штольцмана, то отрыв социальной формы хозяйства от ее материально-производственного базиса выступает у него в форме различия между натурально-технической „материей" хозяйства и „социальным регулированием" последнего. „Материя" хозяйства — это область господства „натуральных категорий"; ей противопоставляется социальная форма хозяйства, как область господства „социальных категорий". Философский дуализм приходит Штольцману на помощь. Он разделяет натуральные и социальные категории непроходимой пропастью. Лишь первые являются областью действия каузальных законов и, стало быть, областью применения каузального метода исследования. Что касается до „социальных категорий", составляющих собственно предмет теоретической экономии, то они не подвержены действию каузальных закономерностей. Всю эту область Штольцман „вырывает из мира причинно-обусловленных явлений" (стр. 104). Здесь господствует „этический принцип"; исследование должно, стало быть, оперировать телеологическим методом. Не связь причины и следствия, а соотношение цели и средства — вот точка зрения политической экономии, которую Штольцман превращает в „науку о средствах для достижения этических целей". С этой точки зрения Штольцман недоволен Марксом, который, по его мнению, справедливо осмеивал экономистов, рассматривавших общественные отношения как отношения вещей, но зато сам превращает людей вместе с их продуктами в вещи, превращая личность человека в об'ект действия причинных законов. С этой же точки зрения Штольцман подходит к марксовой теории трудовой стоимости. В ней содержится, по его мнению, здоровое зерно. „Закон трудовой стоимости начинает действовать и сохраняет свое действие только при наличии определенного социального регулирования производства и распределения" (стр. 124). Иными словами, этот закон действует не в стихийном и антагонистическом хозяйстве капитализма, а в организованной и гармоничной системе социализма.

Истинное значение кантовского дуализма, применяемого Штольцманом в области экономической теории, открывается, однако, лишь в его учении о распределении. По его мнению, связь между явлениями стоимости и распределения — не причинного, а телеологического порядка (стр. 127). Стоимость и доходы связаны между собой как средство и цель, они суть „целевые образования, а не результаты каузальной связи явлений" (стр. 137). На этом основании Штольцман приходит к следующим выводам: 1) стоимость продукта определяется доходами участников производства и 2) заработная плата и прибыль представляют собою заранее фиксированные величины, при чем фиксация обоих происходит на основе одного и того же принципа обеспечения

социально необходимого прожиточного минимума „последнему" рабочему и „последнему" капиталисту. „Телеологическое" назначение такой теории распределения, в сущности, в наших комментариях не нуждается: разумная почва для классовой борьбы здесь, разумеется, исчезает.

Искусственные конструкции Штольцмана насчет „последнего" рабочего и „последнего" капиталиста большой оригинальностью отнюдь не блещут. Наоборот, они, в сущности, базируются на принципе „предела", который служит излюбленным коньком школы „предельной полезности" (позаимствовавшей в свою очередь идею „предела" у более ранних экономистов). Поэтому ничего нет удивительного в том, что построения Штольцмана столь же мало способны разрешить проблемы распределения, как и соответствующие построения Grenznützler'ов. Анализ „социальной теории распределения" Штольцмана (нашедшего, кстати сказать, последователя в этом отношении в лице М. И. Туган-Барановского) приводит автора к следующему выводу: „Движение доходов разных общественных классов не может быть понято без предварительного изучения законов изменения стоимости товаров (включая и рабочую силу)" (стр. 141). „Для капиталистического хозяйства теория доходов может быть построена только на основе теории стоимости" (стр. 143).

У Амона философский идеализм приводит к образованию пропасти между эмпирикой и логической связью явлений. „Производственные отношения людей" исчезают вовсе из его поля зрения (стр. 189).

Дуалистическая философия заставляет Штольцмана преобразовать „схему об'ективной связи общественных явлений: развитие производительных сил — производственные отношения людей „правовые и этические явления. Он в сущности отбросил первое звено этого ряда, а остальные два переместил в обратном порядке, превратив производственные отношения людей (или „социальное регулирование") в средство осуществления этических целей" (стр. 144).

Выражаясь несколько популярнее, можно сказать, что он поставил вниз головой действительные отношения явлений. В более тонкой неокантианской форме своеобразной и гносеологической телеологии тот же дуализм накладывает печать на единственное научное произведение Франца Петри. Этот автор пытается обнаружить методологический дуализм в теории ценности Маркса. Последний, по мнению Петри, на ряду с каузальным исследованием экономических явлений старается вскрыть их „социальное содержание" или „смысл" (стр. 217). Не ограничиваясь причинным об'яснением на подобие классиков (Рикардо) Маркс, по мнению Петри, выдвигает момент „социальной оценки". От рыночного движения вещей Маркс переходит к человеческой личности. Его интересуют отношения между людьми; он принимает поэтому априорную методологическую точку зрения на труд, как на источник стоимости (стр. 222—223). Разумеется, такая попытка сближения Маркса с неокантианской школой Риккерта-Виндельбаума, попытка истолкования Маркса в чисто идеалистическом духе кончается провалом; тем не менее, работа Петри любопытна в том отношении, что автор подошел к теории Маркса со стороны ее социального метода, который для множества критиков и марксоедов остался вообще книгой за семью печатями. Такой подход следует бесспорно поставить в связь с появлением социального направления Штамлера-Штольцмана-Амона.

Нам остается сказать несколько слов по поводу автора, которому посвящен первый очерк И. И. Рубина. Франц Оппенгеймер характеризует собою нынешний теоретический кризис буржуазии с совершенно иной стороны, чем экономисты, разбираемые в остальных очерках. Это — типичный представитель эклектизма, стремящийся сочетать и

примирить элементы диаметрально-противоположных систем. Лишь его неограниченный апломб и самоуверенность могут временно ввести читателя в заблуждение и вызвать впечатление, что этот экономист обладает сколько-нибудь ценностной концепцией. Он обнаруживает порочный круг у классиков в их теории издержек производства, но лишь для того, чтобы самому попасть в еще более скандальный порочный круг, придя к об'яснению стоимости товара — стоимостью труда, повторяя таким образом ошибку Ад. Смита, давно разоблаченную Рикардо и Марксом. Он заявляет претензию на совершенно новое открытие в области квалифицированного труда; на деле же это „открытие" сводится лишь к смешению понятий сложного и общественно-необходимого труда (стр. 43). Он обещает впервые в истории экономической мысли дать об'яснение явлениям монополии; фактически же он грубейшим образом сваливает в одну кучу, об'единяет под общим ярлыком монополии принципиально различные вещи. Он „исправляет Маркса в том смысле, что рассматривает прибавочную ценность, как один из видов „монопольного дохода". Типичный представитель мелкобуржуазной идеологии, он разделяет экономические явления на два круга. В области свободной конкуренции он видит господство „естественных законов хозяйства; это — область чистой экономии". Ей противостоит область „социальной экономии", область господства классовых монополий. Смешение частных монополий внутри класса капиталистов с классовой монополией капиталистов на средства производства позволяет Оппенгеймеру игнорировать тот общеизвестный факт, что классовая монополия не только не исключает господства свободной конкуренции, но только на основе последней и возникает. Повторение задов мыслей и открытий Прудона, Дюринга и др. составляет, в сущности, все содержание этой новейшей теории „либерального социализма".

Тем более непонятна назаслуженная характеристика, данная Оппенгеймеру автором во вступлении к критическому очерку. „Франц Оппенгеймер, — читаем мы здесь, — является одним из наиболее выдающихся современных экономистов — теоретиков. Разносторонность его научных интересов и любовь к широким теоретическим обобщениям, блестящее литературное дарование и острый полемический талант придают научной физиономии Оппенгеймера черты яркой индивидуальности. Оппенгеймер является творцом цельной „теоретической системы", пытающейся охватить и об'яснить все основные явления капиталистического хозяйства" и т. д. (стр. 3). — Так ли это? — спросит себя читатель. Мы сильно опасаемся, что после ознакомления с „цельной системой" Оппенгеймера в критическом изложении Рубина, он придет к совершенно иным выводам. Если Оппенгеймера и следует выделить из общего ряда тупых и бездарных марксоедов, не обнаруживающих ни малейшего понимания критикуемой ими марксистской системы, то во всяком случае приведенная характеристика грешит ничем неоправданным преувеличением заслуг этого экономиста.

Уже гораздо больший интерес, по сравнению с теоретическими откровениями Оппенгеймера, представляют собой его практически-политические выводы и предложения, его социально-экономическая программа „либерального социализма". Хотя эта программа не страдает обилием приверженцев, тем не менее, она имеет много черт, довольно характерных для ряда мелкобуржуазных утопических направлений в современной Германии (Nelson — Bund, F. F. F. — Bewegung и др.). Социально-политическая концепция Оппенгеймера осталась не без влияния и на идеологию германской социал-демократии — этой „самой большой партии германской республики", как они любят себя называть. Питаясь в теоретической области окрошкой из разных источников, современная социал-демократия „использует" и это теоретическое светило. К сожалению, автор критических очерков решил оставить эти вопросы в стороне (стр. 56).

В заключение нам бы хотелось отметить существенный пробел, свойственный в одинаковой степени всем очеркам. Бесспорная заслуга И. И. Рубина в том, что он дает блестящую методологическую и логическую критику каждого из разбираемых им экономистов, предпосылая обычно критическому разбору краткое и сжатое изложение разбираемой теории. Нельзя также возразить против „самоограничения" автора, который подвергает критическому разбору лишь основные теоретические построения современных экономистов (вопрос о предмете теоретической экономии, теорию ценности, общую теорию распределения), оставляя в стороне все остальное (теорию денег, теорию воспроизводства и т. д.). Точно также нельзя упрекать автора в том, что он ограничился разбором данных пяти экономистов, оставив в стороне ряд теоретиков, представляющих, быть может, не меньший интерес. Давно известно, что „нельзя обнять необ'ятное". Лишь один пробел, по нашему мнению, отметить можно и должно. Автор не делает никакой попытки социологического анализа и социологической характеристики разбираемых им теоретических направлений. Лишь в отношении представителей социального направления он отмечает связь их теоретико-экономических построений с обще-философским мировоззрением. Во всем же остальном теоретические концепции и хитросплетения разбираются таким образом, как будто они имеют место в безвоздушном пространстве, а не в общем контексте определенной социально-исторической действительности. Разумеется, любовь к более или менее смелым гипотезам в области социологической характеристики теоретических систем зависит от индивидуальных склонностей автора, которые мы здесь, естественно, можем спокойно оставить в стороне. Все же мы считаем, что без всякой попытки раскрыть социальную обусловленность тех или иных теорий, их связанность с интересами и идеологией, — марксистский анализ этих теорий остается в изрядной мере незавершенным. В некоторых случаях это выступает с особенной отчетливостью. Нельзя, например, понять, зачем понадобилось О. Шпану раскопать старого и давным давно забытого немецкого экономиста Ад. Мюллера, если оставить без внимания современное национальное движение в Германии и Австрии и его идеологию в целом. Чрезвычайно характерна, например, такая, на первый взгляд, чисто случайная подробность: Франц Оппенгеймер является светилом и украшением университета во Франкфурте на Майне, в этом городе либеральной европейской торговой буржуазии, в общей цитадели „Frankfurter Zeitung" и „левой" германской социал-демократии. Если часто оказываются несостоятельными широкие обобщения, делаемые без достаточного основания, то это нисколько не оправдывает полного отсутствия освещения этой стороны вопроса. Без этого книга о „Современных экономистах на Западе" не дает читателю всестороннего представления о том, что именно обусловлено у этих экономистов их характеристикой, как „современных" и как „западных".

Ю. Гирш. Экономика торговли. Перевод с немецкого Ф. Д. Капелюша. Под редакцией Т. Л. Аксельрода и проф. П. П. Маслова. ГИЗ. Москва—Ленинград. 1927 г. Цена 3 р. 85 к., переплет 40 коп.

Перевод книги известного немецкого экономиста Юлиуса Гирш („Der moderne Handel, seine Organisation und Formen und staatliche Binnenhandelspolitik")[1] следует признать безусловно своевременным. Книга эта получила широкую известность за границей. Стоит только вспомнить всю скудость литературы в области экономики торговли как у нас, так и за границей, чтобы понять, какое значение имеет эта первая крупная работа, систематизирующая огромный, никем до этого неиспользованный материал и принадлежащая перу такого крупного специалиста в области торговли, каким является Ю. Гирш (автор специального исследования о капиталистических многолавках „Die Filialbetriebe im Detailhandel" Бонн, 1913 г., переведенной на русский язык книги „Das amerikanische Wirtschaftswunder" и др.).

Конечно, советскому читателю следует иметь в виду особенности мышления и мировоззрения немецкого автора. Книга, дающая колоссальный и прекрасно (внешне) систематизированный материал в области организации и форм торговли, в особенности внутренней, не проникнута тем единством теоретического анализа и совершенно лишена той марксистской монолитности, к которым привык наш читатель. Ю. Гирш принадлежит к тому типу экономистов „морфологов", которые не в состоянии сквозь описываемые ими формы экономической жизни проникнуть в движущие силы народного хозяйства, вскрыть закономерности его развития и таким образом об'яснить описываемые ими явления. Этого не дает им их буржуазное мировоззрение, этого не дает и выработанная ими школа мышления, школа систематика, но не теоретика-аналитика. Для Ю. Гирша остается „за семью печатями" подлинная жизнь капиталистического мира. Его книга не об'ясняет, куда идет и как развивается современная капиталистическая торговля. Он даже как будто считает для себя неприличным дать какую-либо оценку описываемых явлений, дабы не отклониться от пути „истинной" научной „об'ективности", он регистрирует, систематизирует и классифицирует явления, и живой дух современного хозяйственного деятеля отражается лишь в образном и полном жизни языке подлинника; надо признаться, что написана книга мастерски, местами даже увлекательно.

У автора есть еще одно большое достоинство: он даже не пытается теоретизировать и тем избегает, скажем, тех полных благоглупостей, которыми до отказа наполнена другая книга из той же области, книга проф. И. Шера—„Учение о торговле" („Handelsbetriebswirtschaftslehre"). Автор очень мало уделяет места (всего 3 страницы) самому определению понятия „торговля". При этом он примыкает к чрезвычайно расплывчатому и малосодержательному определению Бурри (торговля есть „организация переноса благ („Güterübertragung") от одного лица к другому").

[1] По второму совершенно заново переработанному изданию (1925 г.), составляющему 2 часть V раздела капитального труда „Grundriss der Sozialökonomik".

Правильно отграничиваясь от определения торговли, как профессионального промысла, он выбирает указанное определение, как наиболее вскрывающее, по его мнению, народнохозяйственное значение торговли. При этом безразлично, имеет ли место „перенос реальных предметов" или также „передача права распоряжения ими"; безразлично, „происходит ли оборот товаров между самостоятельными предприятиями или между частями самого предприятия"; безразлично также „преследуется ли при этом цель получения особой торговой прибыли или эта цель отсутствует, как, напр., в закупочном филиале, в потребительском обществе или в условиях советского строя".[1] Такое „безразличное" отношение к границам изучаемого явления и к четкому экономическому его определению делает само определение столь универсальным, что лишает его всякого значения.

Автор исходит из обычного вульгарного представления о ходе развития капиталистического хозяйства. В первой главе он описывает развитие торговли, в общем следуя духу и приемам В. Зомбарта. Развитие капитализма, сопровождавшееся свободой передвижения, неслыханным дотоле развитием транспорта, концентрацией промышленности и ростом городов, привело к необычайному росту спроса и покупательной силы. На ряду с этими произошли и качественные изменения: „тяготение покупателя к готовому продукту, растущее единообразие потребностей, в то же время быстрая перемена вкусов — мода, наконец, круг покупателей вырастает за пределы личного знакомства торговца".[2] Все это обостряет конкуренцию, вызывает рост рекламы и переход на систему товарных марок. „С дальнейшим распространением этой системы можно будет обходиться без знания товаров, достигаемого лишь с трудом, достаточно будет знания марок; вместе с этим изменится ее конкуренция, она будет уже не борьбой за цену и качество товара, а борьбой за главенство в сознании покупателя, т.-е. за действие рекламы (курсив автора Ц.К.)".[3] Автор далеко не приходит в восторг от системы товарных марок; он относит и рекламу к явно непроизводительным расходам.[3] Он сам указывает, что намечается „важный сдвиг в условиях сбыта",[4] но этим он и ограничивается: сути этого сдвига и дальнейших перспектив он не открывает. Как не соответствует этому спокойствию тревожное настроение американских авторов, упорно спрашивающих — куда мы идем...

В дальнейшем автор переходит к своей основной задаче — к описанию форм торговли. Здесь и получают наиболее отчетливое выявление особенности автора: его прекрасное описание существующего и оторванность описываемых форм от социально-экономической природы явлений. Особенно это заметно при сопоставлении двух разделов: описания видов оптовой торговли (§§ 8—10) и параграфов, посвященных анализу „условий существования („Existenzfragen") оптовой торговли" (§§ 21—22 в русском переводе).

§ 22 посвящен вопросу о картелях и оптовой торговле. Любознательный читатель не почерпнет здесь очень много нового после ознакомления с обычной литературой о картелях, скажем, соответствующей главы в книге Лифмана или даже у И. Шера). Гирш, конечно, признает, что торговля, поскольку она сохраняется, попадает в зависимость от картелированной промышленности. Однако, все описание видов оптовой торговли проходит вне учета этого важнейшего социально-экономического факта. Между формами оптовой торговли и экономической природой ее

[1] Русское издание, стр. 2.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же, стр. 14.
[4] Там же, стр. 361.

не переброшено необходимого моста; автор остается на поверхности жизни, описывая существующие виды, как морфолог-естествоиспытатель, не проникая вглубь происходящего. Некоторую попытку обобщения представляет любопытный § 21. Он здесь пытается доказать, что функция финансовая (авансирование процесса производства — по существу дела) сама по себе, даже при значительности размеров капитала, не может сохранить самостоятельного значения торговли. В связи с этим автор пытается дать анализ зависимости между характером товара и формами торговли, а также между „величиной предприятий в производстве и в соответствующей отрасли торговли".[1] Сама по себе интересная мысль не может, однако, получить и не получила у автора, как он и сам признает, надлежащей убедительности, поскольку в условиях капиталистического хозяйства технические свойства товара не могут явиться сколько-нибудь решающим фактором: здесь все решается силой капиталистических отношений или, по выражению Гирша, „разными стечениями обстоятельств в истории торговли данной страны".[2]

В сущности говоря, для автора, поставившего себе задачей описание форм и организации торговли, преимущественно внутренней, наибольшее значение имеют основные организационные процессы в развитии торговли; эти процессы достаточно четко и очень сжато изложены в самом начале книги, но почему-то пропущены в русском переводе (отчасти они изложены в § 5, стр. 37 русского перевода). Они сводятся к следующему: в области торговли налицо четыре вида разделения труда: специализация („Branchenteilung"), деление на ступени („Stufenteilung"), выделение вспомогательных промыслов и техническое разделение труда внутри отдельных предприятий. Этим тенденциям противостоят: соединение отраслей („Warenkombination"), интеграция (соединение ступеней) и укрупнение предприятий. Книга Гирша дает полное описание всех этих тенденций, но экономической их сути, особенно в области оптовой торговли, она не вскрывает.

Сказанного будет, пожалуй, достаточно для того, чтобы охарактеризовать общее направление и содержание книги Ю. Гирша. После этих замечаний мы можем перейти к оценке отдельных частей рецензируемой работы.

Наибольшую новизну для русского читателя представляет раздел А главы II („Главные виды оптовой торговли"); здесь Гирш дает и громадный фактический материал. Автору можно было бы поставить в упрек следующее: по общему построению своей книги автор как будто хочет дать универсальное (для всех стран) описание и классификацию видов оптовой торговли; между тем, очевидно, что в основу классификации положены формы германской торговли. Впрочем, трудно говорить и о научной классификации, так как здесь, внутри отдельных разделов, нет единого „основания деления".

Значительный интерес представляют и аналогичные главы, посвященные описанию форм внешней торговли (§§ 16—18), договорных форм в торговле § 6),— хотя формы эти в условиях колеблющейся валюты имеют преходящий исторический интерес — органов оптовой торговли (§§ 11—14). Описание биржевой торговли и бирж автором сознательно опущено. Очень схематично изложена глава об общественной торговле (§ 20), преимущественно, сухое и ничего нового не вносящее описание организации форм военного хозяйства в Германии в области снабжения и распределения. Сухо изложена и глава о государственном регулировании торговли (§ 34), дающая довольно большой фактический материал. Чувствуется, что симпатии автора и углубленное знание относятся не к этим вопросам. Живо и даже увлекательно изложена глава I (общая характеристика развития торговли) и особенно большой раздел о розничной торговле (гл. III).

Из отдельных тем, представляющих значительный интерес, мы хотели бы остановиться на вопросе об издержках обращения. Полного освещения этого вопроса автор, к сожалению, не дает. Поскольку он отказывается от оценки и критики существующего, становится понятным, что он не уделяет центрального внимания той проблеме, которая так смущает умы американских писателей. Вопросы современной торговли он не освещает под углом зрения того „века распределения" („distribution age"), в котором, по выражению одного американского автора, мы живем. Мы не говорим уже о том, что автором не поставлен вопрос о тяжести товарных запасов в капиталистических странах, вопрос, очень серьезно обсуждаемый в той стране, которую через год воспел тот же Гирш в книге об американском „хозяйственном чуде"; но и в более узком разрезе им недостаточно освещен этот вопрос, несмотря на то, что, как указывает сам автор, „в последние годы появилось в печати довольно много сводных данных о торговых накидках и торговых издержках" (стр. 253). Не все материалы им обработаны; так, без внимания остались очень ценные работы Гарвардского университета, выпуски которого по торговым расходам начали издаваться еще с военных лет (особенно полно после 1918 г.). Имеющийся материал приведен не с обычной тщательностью; так, на стр. 39 (русского издания) приведены цифры по накидкам на пищевые продукты без указания, что они относятся к одному лишь городу (Филадельфия, 1912 г., работа C. King'a) и недостаточно типичны. Между тем, в американской литературе есть более полные и точные данные как раз по сел.-хоз. товарам. Книга Ю. Гирша не ставит с достаточной ясностью и дает лишь умозаключительный материал на основной вопрос капиталистической торговли: о росте издержек обращения. Сам Ю. Гирш оценивает положение, очевидно, менее тревожно, между тем как современная буржуазная мысль безнадежно бьется именно в тенетах этого вопроса.

В русском переводе опущен параграф, посвященный описанию советской торговли, описанию, составленному в стиле всей книги — спокойного и достаточно об'ективного изложения состояния вещей. Всей книге чуждо сопоставление капиталистической и советской торговли, да и странно было бы ожидать от Гирша такого сопоставления. Редакция перевода, исключив этот параграф, пыталась в ряде примечаний дать параллельные данные о товарообороте по СССР. Но нужно сказать, что, к великому сожалению, то, что дано редактором, проф. П. Масловым, нисколько не удовлетворительно. Примечания редактора характеризуются, с одной стороны, отсутствием принципиального сопоставления советской торговли с капиталистической, кроме одного примечания о внешней торговле и пары строк о потребкооперации, и с другой стороны, отсутствием качественных характеристик, изобилием статистических цифр, к тому же крайне устарелых (данные не идут дальше января 1926 г.; суммарные данные кончаются 1924/25 г.). Примитивный характер примечаний лишает их научной ценности.

К сожалению, и предисловие редактора не „адэкватно" характеру всей книги. Из пяти страниц предисловия три страницы посвящены очень элементарной методологии изучения „товарной географии". Мы не считаем, что отсутствие этой методологии является недостатком книги Гирша. Совершенно правилен был бы упрек Гиршу в том, что проблема „штан-

[1] Там же, стр. 234.
[2] Там же, стр. 235.

дорта“ в торговле им очень мало затронута (стр. 110—113, „О передвижении рынков“, стр. 150—152, „Центростремительные силы в мировой торговле“), хотя бы в направлении, которое наметил В. Зомбарт,[1] что анализ форм оптовой торговли должен быть связан с географией рынков, как это удачно сделано у Ф. Клэрка в „Principles of marketing“, но это, во-первых, не основной упрек, во-вторых, разработка в направлении, указываемом П. Масловым, лежит вне плана книги Ю. Гирша. Если автор предисловия хотел своим примером отметить направление, в котором можно и следует вести изучение торговли в советских условиях, то сделал он это не совсем удачно.

Неудачен и перевод названия книги; сам Гирш по праву не называет ее „экономикой торговли“, как это сделали переводчики, и подчеркивает, что речь в ней идет об организации и формах торговли.

Перевод книги в общем приличный, хотя кое-где и шероховатый („более наглядно“ (?) вместо „резко ограничено“ (scharf abgegrenzt) стр. 3, „для массы населения в том числе и городского (! Ц К.) это не означало еще значительной товарности (!) ее хозяйств“ — стр. 5 и т. д.). Живость и образность языка подлинника, впрочем, в переводе потеряны.

Есть и технические недосмотры. В оглавлении (стр. XI) почему-то пропущены §§ 32—34, данные в тексте. Указатель иностранной литературы приведен не только с подлинным названием иностранных книг (что было бы правильно), но и с сохранением в нем авторского текста. Ссылки на параграфы в тексте сделаны по оригиналу, а не по переводу. Указатель русской литературы и довоенной и особенно современной случаен и не „адэкватен“ солидной библиографии подлинника, здесь же приведенной.

Ц. Крон

Я. Б. Рапопорт. Товарные цены и рынок. Пособие для ориентировки в ценах и их изучения. С предисл. проф. С. Первушина. Изд. Всес. совета с'ездов биржевой торговли. М. 1927 г. Ц. 1 р. 45 к., стр. 154.

Если бы не было первого отдела книжки под обязывающим заглавием „Ценообразующие факторы“, ее можно было бы отнести к категории книжек учебно-справочного характера, поверхностных, но за то популярных и, как таковые, не имеющих научного значения. Вопросы товарных цен играют у нас теперь такую большую роль, что попытка в популярной форме охарактеризовать технику и структуру цен, хотя бы в таком поверхностном виде, как это делает автор, имеет определенный raison d'être. Портит книжку первый ее отдел, в котором под громким титулом „ценообразующие факторы“ автор рассказывает странные вещи.

Цена товаров, по автору, „есть сумма денег, назначаемая продавцами и покупателями за единицу измерения товара, при сделках, спросе и предложении“. При таком понимании сущности товарной цены проблема цен, разумеется, упрощается до крайности. „Продавец желал бы получить за свой товар подороже, но при слишком высокой цене он не найдет покупателя; последнему выгоднее заплатить поменьше, но по низким ценам он не приобретет товара“. И на протяжение нескольких

[1] Гл. XVIII первого полутома II тома 5 издания книги „Der moderne Kapitalismus“ („Der standort des Handelsgewerbes“).

страниц автор анализирует состязание между спросом и предложением, как единственными факторами ценообразования, с глубиною и талантом, оспаривающими лавры... старика Сея.

Впрочем, для одной категории товаров автор делает исключение в своей трактовке ценообразующих факторов. „В отношении продуктов, производимых мелкими самостоятельными производственными хозяйствами,— говорит он,— размеры предложения товаров зависят от того, насколько цены их соответствуют количествам труда и средств, необходимых для производства этих товаров“. Эта оговорка особенно эффектна. Где автор выкопал противоставление труду каких-то „средств“ как фактора производства? Впрочем, суть не в этой „мелочи“. Важнее то, что своим исключением автор подчеркивает, что в отношении всех товаров, непроизводимых „мелкими самостоятельными производственными хозяйствами“, ничего кроме спроса и предложения в определении товарной цены он не знает.

Да и нет надобности знать, когда „спрос“ и „предложение“ годятся на все случаи жизни. Казалось бы, с ними плохо обстоит в отношении товаров, „производство которых находится в руках монополистов“. Однако, если тут „возможность стихийного увеличения или сокращения предложения исключена“ и „повышение цен не может быть сдержано усилением предложения“, то остается „второй фактор — опрос, ставящий пределы произволу монополистов“...

Отдел „Ценообразующие факторы“ занимает в книжке Я. Б. Рапопорта около полусотни страниц и каждая страница имеет свою собственную ценность. В виде примера остановимся на том, как автор понимает условия конкуренции государственно-кооперативной торговли с частником. „При дефицитности товара, по его убеждению, разрыв между государственно кооперативными и частными ценами будет тем больше, чем меньшая доля товарной массы попадает на частный рынок“. Очевидно, чтобы не было разрыва, необходимо частнику предоставить как можно больше товаров. Или — что то же самое,— чем меньше размеры участия частника в товарообороте, тем сильнее его власть над рынком.

Ясно, что нелепа политика капиталистических трестов и синдикатов, стремящихся, в целях монополизации цен, сосредоточивать в своих руках как можно большую долю товарооборота: ведь, по автору, они этой политикой только усиливают позицию своих конкурентов...

Появление в печати „теории“ Я. Б. Рапопорта под фирмой Всесоюзного совета с'ездов биржевой торговли трудно об'яснить. Нам думается, что проф. Первушин оказал бы большую услугу Я. Б. Рапопорту, если бы он не взял под свое профессорское покровительство первого отдела его книжки. Без этого отдела была бы популярная книжонка, о которой не стоило бы писать рецензий, но которую можно было бы терпеть на книжном рынке.

С. Зак

Проф. И. А. Поплавский. Опыт текущей районной статистики транспортных накидок. Хлебные товары (изд. ЦСУ, Москва, 1927 г., стр. 208, ц. 5 руб.).

Одним из наименее освещенных вопросов современной экономики является процесс ценообразования и влияние транспортных расходов, как ценообразующего фактора. При огромных расстояниях Союза и разнообразии условий междурайонного обмена, всякого рода средние величины транспортных расходов, основанные на априорных предположениях

могут весьма значительно отклоняться от действительности. Поэтому изучение этого вопроса, чрезвычайно важное для практических выводов в области как транспортной тарифной политики, так и общеэкономической политики, возможно лишь на основе исследования происходящих в действительности процессов. Попытку такого изучения предпринял проф. И. А. Поплавский, который в своей работе „Опыт текущей районной статистики транспортных накидок" задался целью выявить цены товаров в пунктах отправления и назначения, размеры транспортных расходов по каждому товару, соотношение суммы транспортных расходов к разности цен и динамические изменения этих элементов. Все данные разработаны пока в отношении главнейших хлебных товаров, а в дальнейшем предположено произвести аналогичное исследование и по другим основным грузам, придав статистике транспортных накидок текущий (конъюнктурный) характер.

Книга является первым в СССР опытом создания текущей тарифно-транспортной статистики, рассматриваемой с общехозяйственной точки зрения, как часть экономической статистики вообще.

Необходимо отметить, что недостатками существующей транспортной статистики являются: а) сильная отсталость в разработке данностей и их опубликовании; б) оторванность статистических данных НКПС от данных других отраслей хозяйства, получаемых в большинстве случаев иными методами; в) неприспособленность разрабатываемых и публикуемых данных для целей учета влияния тарифов на народное хозяйство, так как никаких данных о примененных к грузам тарифах в сведениях ЦСК не содержится и они дают только разработанные более или менее подробно цифровые итоги перевозки различных грузов. В довоенное время помимо статистических данных, разрабатываемых и публикуемых Ведомством путей сообщения, весьма подробная статистика перевозок грузов по многим группам товаров публиковалась б. Департаментом железнодорожных дел Министерства финансов, при чем публикуемые данные были приспособлены для тарифных целей. Однако, довоенная постановка дела не отвечала бы современным потребностям. Медленный темп экономической жизни, установившиеся междурайонные связи и формы хозяйства в довоенное время подвергались и весьма медленным изменениям. Поэтому, опубликование статистических сведений о перевозках с запозданием в 2—3 года не имело, в большинстве случаев, существенного значения. Помимо этого, разработка и издание статистики перевозок по довоенной программе по данным сплошного документального учета требовали бы весьма крупных расходов. Указанные обстоятельства заставляют искать при разработке данных о грузовых перевозках новых путей и новых методов работы. Эту задачу пытается разрешить проф. И. А. Поплавский, который в ряде своих работ делает попытку сблизить данные транспортной статистики со статистическими данными, получаемыми в других отраслях, и достигнуть значительного удешевления и сокращения сроков статистической обработки материалов. По этому плану построены издаваемые ЦСУ ежемесячные выпуски конъюнктурной товарно-транспортной статистики, содержащей данные о железнодорожном грузообороте главнейших торгово-промышленных центров по основным товарам. Применяемый при разработке этих данных выборочный метод дает возможность значительного ускорения опубликования данных о перевозках по сравнению с данными статистики НКПС. Так, в настоящее время (октябрь 1927 г.) опубликованы данные конъюнктурной статистики ЦСУ за май 1927 г., а сводная статистика перевозок по железным дорогам изд. НКПС имеется лишь за 1924/25 г., материал же за 1925/26 г. лишь подготовливается к печати.

Являясь дальнейшим развитием того же метода, который положен в основу разработки конъюнктурной товарно-транспортной статистики, опыт текущей районной статистики транспортных накидок дает материалы для исследования вопроса о роли железнодорожных тарифов как ценообразующего фактора. В разбираемой работе приведены данные о размерах междурайонных перевозок каждого в отдельности из основных хлебных товаров, цены этих товаров в районах отправления и назначения, разница в ценах между районами отправления и назначения и процентное отношение ее к цене товара, транспортные расходы по перемещению груза, падающие на тонну, средняя тонно-километровая ставка; выведены общая ценность грузооборота, общий прирост ценности в результате перемещения товаров, тарифно-транспортный и оптово-торговый индексы. На основании этих частных данностей приведена в цифрах и в диаграммах динамика цены тарифно-транспортных накидок по основным хлебным товарам за июль — сентябрь 1926 г., т.-е. IV квартал 1925/26 хоз. года.

Данные, перечисленные с достаточной подробностью, приведены как в абсолютных числах, так и в относительных их величинах, при чем исчисления даны сперва по районам отправления, затем по районам назначения, в отдельности по следующим основным хлебным товарам: рожь пшеница, овес, ячмень, мука ржаная и мука пшеничная.

Попутно определена общая ценность хлебного грузообмена и приращение ценности, полученное в результате пространственного перемещения хлеба. Отдельная глава отведена вопросу о нерациональных (или как их определяет автор, „иррациональных") перевозках хлеба, под которыми понимаются перевозки из районов с более высокими хлебными ценами в районы более низких цен, или о таких перевозках, где стоимость провоза превышает разницу цен. Размер, исчисленных по этому признаку нерациональных хлебных перевозок составил для исследуемого периода в среднем по СССР 0,6%, что указывает на некоторое преувеличение, допускаемое нередко в оценке роли нерациональных перевозок хлебных грузов.

Мы не принадлежим к числу противников метода проф. И. А. Поплавского, утверждающих, что выборочный метод обработки данных о железнодорожных перевозках лишает ценности получаемые результаты в виду расхождения их с данными сплошного учета. Достигаемую при выборочном методе (а этим методом пользуется автор) быстроту разработки сведений мы считаем настолько ценной, что ради нее возможно пожертвовать исчерпывающей точностью сведений. Сделанное в рецензируемой работе сопоставление результатов выборочного метода с данными, полученными путем сплошного учета, достаточно показательны в том смысле, что для хлебных грузов получаемые расхождения несущественны. Но рассматривая весьма подробно хлебные перевозки, динамику цен и транспортных расходов и делая из этого определенные выводы, И. А. Поплавский ограничился в опубликованной работе чрезвычайно кратким отрезком времени, обнимающим, как упомянуто выше, всего трехмесячный период, притом период переломный, когда значительная часть хлебных перевозок является повторной, часть перевозок происходит за счет окончания реализации остатков хлеба предыдущего урожая и некоторое количество перевозок совершается за счет хлеба нового урожая. В течение июля и августа в большинстве районов производится еще погрузка старого хлеба, идущего частью из завозных складов и с мельниц, и лишь сентябрь дает в массе перевозки нового хлеба во всех районах за исключением севера. Выявление доли каждого вида перевозок совершенно необходимо для конкретных выводов, но оно возможно

только в годовом разрезе, исследование же переломного трехмесячного периода не дает основания для каких-либо выводов. Между тем, возможность столь же тщательного анализа хлебных перевозок цен и т. п. за три следующие квартала является сомнительной. Но даже если и допустить возможность этого, не следует упускать из вида, что хлебные товары составляют всего 12,1% общего грузооборота железных дорог, а осуществимость аналогичных монографических исследований перевозок прочих главнейших грузов потребовала бы слишком большого об'ема работ.

Насколько важно исследование, охватывающее годовой период, можно видеть из данных о нерациональных перевозках. Из приведенных автором данных видно, что коэфициент этих перевозок был всего выше в потребляющей полосе, давшей для зерна 9,3% — 11,4%, а для муки 3,7% — 4,0% нерациональных перевозок. Совершенно очевидно, что в период перед снятием нового урожая недостаток хлеба на рынках потребляющей полосы может делать необходимыми перевозки между пунктами, обычно мало связанными между собою. Отметки о хлебных ценах являются в этот период условными, и делать на основании этих отметок выводы о нерациональности той или иной перевозки нельзя. Если при этом вспомнить значение в качестве распределительных баз завозных складов и мельниц, то правильность выводов сделается еще более проблематичной. Между тем, исследование годичного периода перевозок, при условии распределения данностей по месяцам, может дать более конкретные материалы для суждения о нерациональных перевозках.

Второе обстоятельство, умаляющее ценность выводов проф. И. А. Поплавского, заключается в условности его допущений относительно тарифных накидок. В его работе провозные платы вычислены по общему тарифу, между тем как для многих грузов, и в частности для хлебных грузов, существуют многочисленные пониженные тарифы, исключительные и льготные. Применение этих тарифов в области хлебных перевозок может значительно изменить полученные результаты. Еще большее влияние на размеры транспортных расходов оказывает в области хлебных перевозок применение завозных и перемолочных тарифов, при которых провозные платы рассчитываются за весь путь следования от первоначальной станции отправления до окончательной станции назначения по диференциальному тарифу без перелома в пункте завоза или перемола. Завозные и перемолочные тарифы имеют широкое применение, а потому действительные транспортные расходы во многих случаях значительно отличаются от исчисленных в работе И. А. Поплавского. Конечно, оба рассматриваемых фактора: применение пониженных тарифов, с одной стороны, и повторность перевозок—с другой,—действуют в противоположных направлениях. Однако, допущение, что они равноценны за полной невозможностью учета является произвольным. При этом, поскольку удельный вес перевозок, совершаемых с применением завозных тарифов, сильно изменяется по периодам года, усиливаясь перед сбором нового урожая, то нельзя сказать даже, чтобы приводимые И. А. Поплавским цифры правильно отражали если не абсолютную величину транспортных расходов, то хотя бы их динамику.

Еще большие трудности стоят перед исследователем при расширении сделанного учета транспортных накидок на такие грузы, где завозные тарифы не применяются или применение их мало распространено, а исключительные пониженные тарифы играют крупную роль. Так, при перевозках донецкого угля по одному лишь исключительному тарифу № 12, действующему от Донбасса до отдельных станций центрального района и правобережной Украины, совершается до 35% всех перевозок

Донугля а между тем существует еще целый ряд пониженных тарифов на перевозку угля.

Изложенное приводит к следующим основным выводам: 1) исследование роли транспортных расходов в ценообразовании и связи высоты этих расходов с величиной междурайонной разницы цен имеет чрезвычайную важность как с научной точки зрения, так и для практических целей тарифной и торговой политики, 2) труд проф. И. А. Поплавского является ценной попыткой освещения совершенно неизученной для послереволюционного периода проблемы, 3) выборочный метод исследования, предложенный автором, является в этом случае, повидимому, приемлемым, 4) возможность правильных вычислений транспортных расходов и их влияния на цены парализуется неприспособленностью к тарифным целям существующей железнодорожной статистики перевозок, не учитывающей, по каким тарифам совершены перевозки, 5) в виду этих обстоятельств точность выведенных И. А. Поплавским коэфициентов динамики накидок и конечных выводов тем более, что исследование охватывает чрезвычайно краткий период времени—3 месяца, не характерный для хлебных перевозок и 6) начатый опыт должен быть доведен до конца и хотя бы в отношении хлебных товаров должен быть исследован весь 1925/26 г., при чем об'ем публикуемых данных мог бы быть значительно сокращен без ущерба для конечных выводов.

Н. Г. Розанов

Р. Хокси. Практика тэйлоризма в Америке. Перев. с англ. Н. Розенблат. Библ. по научной организации труда под общей редакцией О. А. Ерманского. Госиздат. Москва — Ленинград. 1927 г., стр. 163, цена 1 р. 40 к.

> „В той своей части, которая касается использования рабочей силы, тэйлоризм по своему духу и по существу является весьма хитрой системой подхлестывания и потогонной системой" (Возражения против тэйлоризма, выдвигаемые трэд-юнионами).

Книжки по тэйлоризму у нас продолжают издаваться, наши доморощенные Форды и Тэйлоры, еле-еле прикрывая свою тэйлористскую наготу, продолжают проповедовать тэйлористские идеи. Некоторые видные и высокопоставленные теоретики по организации труда даже утверждают, что тэйлоризм не только принципиально неоспорим, но он практически вполне приемлем для советской промышленности.

Вполне своевременной должна быть поэтому признана книга либерального буржуа Хокси, разрушающая окончательно легенду о Тэйлоре.

Книга Хокси представляет собой официальный отчет экспертов американскому конгрессу. Эти эксперты произвели обследование предприятий, организованных по методам тэйлоризма. Предприятия были указаны самими вождями тэйлоризма — Тэйлором. Эмерсоном и Ганттом. Всего было обследовано 32 предприятия. Комиссия, помимо своего председателя Хокси, имела в своем составе представителя предпринимателей советника промышленности Роберта Велентайна и представителя „интересов труда", издателя International Molders", Джона Фрея. Отчет подписан всеми членами комиссии.

Книга написана этими умеренными и корректными джентльменами в очень спокойных тонах. Нет недостатка в комплиментах по адресу лидеров тэйлоризма. Авторы (вернее автор, так как писал отчет один Хокси) уверены в гуманности и прекрасных намерениях Тэйлора и его

сподвижников, но это все же не мешает Хокси сказать всю правду о тэйлоризме, и результат для тэйлоризма получается убийственным. Спокойные строки Хокси оставляют вполне определенное впечатление – тэйлоризм на практике это хитрая система раздробления сил рабочих, несовместимая с пролетарской организацией, это автократия руководителей предприятий, это система, рассчитанная на неорганизованного и необученного рабочего, беспомощно бьющегося в руках всесильной администрации. Тэйлоризм открывает возможность прямого обмана и надувательства рабочих в значительно большей степени, чем это позволяют обычные методы капиталистической эксплоатации. Отрицательная оценка тэйлоризма тем более показательна, что критерии, которыми пользуется Хокси, взяты из арсенала реформистских идей весьма умеренного типа и из практики обычно поставленных капиталистических предприятий.

Центральным в методах тэйлоризма Хокси справедливо считает хронометраж.

„На место предвзятого суждения и произвола при определении всех условий труда и оплаты этот метод ставит точное знание". Так утверждает Тэйлор с присущей ему категоричностью.

Что же нашел Хокси? „На практике тут (в области хронометража. Г. Б.) царит настоящее состязание личных усмотрений со всеми видами уклонения, неточности и несправедливости, которые вытекают из человеческого невежества и предрассудков" (56).

„Ясно, что все разговоры о том, что хронометраж есть точный и научный метод и что основанные на нем нормы представляют собой об'ективные научные факты, о которых не приходится спорить или сговариваться,—совершенно абсурдны" (67).

„..Есть один случай, когда можно согласиться с утверждением будто бы хронометраж дает научные результаты: это случай, когда практически можно вовсе не принимать во внимание живую рабочую силу" (67).

Почему Хокси приходит к столь печальным для хронометража выводам? Возражения против хронометража сводятся к следующему: результаты хронометражных наблюдений изменяются „в зависимости от наблюдателя и его индивидуального мнения". Это возражение мы считаем основным и решающим..„процесс хронометража включает множество факторов, изменяющихся в зависимости от желания или мнения непосредственно заинтересованных в нем лиц, при чем изменение этих факторов играет очень большую роль в определении урока" (62).

Факторов влияющих на результаты хронометража Хокси насчитывает семнадцать. Сюда относятся индивидуальные свойства хронометражиста, цели, поставленные перед хронометражистом администрацией, способ выбора хронометрируемых рабочих, общая обстановка хронометрирования, способы определения „надбавок" и др. Все эти факторы непостоянны и совершенно обесценивают мнимую научность получаемых выводов.

В практике тэйлоризированных предприятий значение хронометража еще больше суживается, благодаря положению, занимаемому хронометражистом в предприятии, и требованиями экономии расходов. „Хронометраж и установление норм выработки,—считает Хокси,—главнейшие факторы, определяющие собою условия работы и положение рабочих в тэйлоризированных предприятиях".

„..Если это верно, тогда хронометражист является, с точки зрения интересов труда, центральной фигурой тэйлоровской системы, ее жизненной силой" (20).

Чтобы выполнять честно свои функции, он должен обладать большой технической подготовкой и большим производственным стажем, он должен

занимать видное и авторитетное место в управлении предприятием". Хронометражист должен к тому же в совершенстве знать специфические условия производства и предприятия, быть знакомым с санитарией и техникой безопасности.

„Однако, надо сказать, что ничего этого мы не встречаем в действительности, и обычный хронометражист — человек совершенно иного типа, при этом вовсе не занимающий такого высокого положения в административной иерархии" (21).

Обычно хронометражисты—это молодые люди без должной подготовки и стажа, невежественные в вопросах психофизиологии труда, умственно ограниченные, „плохо оплачиваемые и занимающие самое скромное положение среди всего административного персонала, если только можно вообще говорить об их принадлежности к администрации".

Соображения сокращения расходов являются дополнительным препятствием на пути хронометража. Дело в том, что хронометражные наблюдения можно производить с сравнительно небольшими затратами в случаях массового однородного производства; при неизменных условиях производства проведенный раз хронометраж может служить основанием для установления норм выработки; каждое же изменение в условиях производства, в качестве сырья, в ассортименте продукции должно влиять и на продолжительность времени, которая требуется для процесса производства. Правильно было бы поэтому производить хронометражные наблюдения каждый раз, когда наступает какое-либо изменение в условиях или элементах производства, но это чрезвычайно удорожило и усложнило бы работу предприятия. Американские „организаторы" из этого положения выходят просто, они распространяют результат наблюдений при одних условиях на совершенно отличные условия.

Так устанавливается „научно" урок, рабочие против него спорить не могут, как нельзя спорить против времени „восхода и захода солнца". Находятся простачки, а может быть, и не такие уж простачки, и из лагеря социалистических организаторов, которые самым невинным видом доказывают рабочим, что все это не ловкость рук, не мошеннические фокусы, а истина — святая, об'ективная, беспристрастная.

Хронометраж это краеугольный камень, на котором держится все здание тэйлоризма. На этой основе строятся системы заработной платы. Существует несколько систем заработной платы, которые применяются тэйлористами. Есть система самого Тэйлора и система Гантта и Эмерсона. Каждая из этих систем претендует на то, чтобы считаться „самой справедливой" формой заработной платы.

„Все эти системы,—говорит Хокси,—построены так, что создают усиленный стимул к увеличению интенсивности труда, но ни одна из них не дает никаких гарантий против чрезмерного утомления и истощения рабочих" (91).

Эти слова об отсутствии гарантии, как осторожно выражается Хокси, от чрезмерного утомления относятся не только к формам заработной платы, но и ко всей тэйлоровской системе в целом. Тэйлористы ведь утверждают, что их система предохраняет от чрезмерной интенсивности. Хокси специально останавливается на этом вопросе. „Что касается изучения усталости и ее связи с интенсификацией труда и истощением рабочего, то в этом пункте все заявления и утверждения Тэйлора потерпели полный крах... определение норм выработки абсолютно не связывается с изучением утомления рабочих; если же рабочие жалуются на чрезмерную высоту установленной нормы, классический метод, применяемый, чтобы убедить их в противоположном, состоит в том, что им демонстрируют, что урок этот можно выполнить в течение назначенного времени" (106).

Хокси опровергает и легенду о „демократизме" тэйлоровской системы. Вывод Хокси по этому вопросу категоричен и совершенно недвусмысленен: „Итак, следует признать, что тэйлоризм на практике является системой автократической. По своим тенденциям он означает возврат к эпохе промышленного самодержавия, при которой рабочий всецело зависит от понятий хозяина о справедливости, а средства и возможности его защиты демократическими путями чрезвычайно ограничены" (128).

„Демократизм системы Тэйлора, как он ее рисует для настоящего времени — утопическая мечта" (127).

Так говорят о тэйлоризме буржуазные эксперты американского конгресса.

У наших „советских" тэйлористов по этому поводу есть одно возражение, скрытое, невысказанное, которое, однако, кажется им наиболее убедительным. Этот аргумент можно было бы формулировать так: пусть тэйлоризм не научен, пусть он действительно является, главным образом, методом повышения интенсивности, пусть он антидемократичен и несовместим с духом пролетарского коллективизма, но мы все же от него отказаться не можем. Тэйлоризм показывает нам пути увеличения успешности труда, а это основная задача, которая сейчас стоит перед нашей социалистической промышленностью. Производительность нашего рабочего в несколько раз ниже производительности рабочего Западной Европы и Америки, а мы должны догнать передовые страны. Можем ли мы быть слишком щепетильны, революция в белых перчатках не делается.

Если бы это было действительно так, если бы тэйлоризм действительно являлся могучим орудием поднятия производительности — эта аргументация была бы неопровержимой. К счастью для рабочего класса и для социалистического строительства вовсе не тэйлоризм является формой организации, обеспечившей превосходство промышленности передовых стран. Прежде всего, бросается в глаза малая распространенность тэйлоризма даже на родине этой системы. Приступая к обследованию тэйлоровских предприятий, комиссия Хокси едва насчитала 32 предприятия, где введены были интересовавшие их методы. И на этих предприятиях тэйлоризм применялся только частично. На некоторых заводах находили себе применение только отдельные элементы тэйлоризма. Речь поэтому идет вовсе не о системе, которой охвачена вся американская промышленность, как у нас часто принято думать, а о принципах, имеющих весьма малое распространение. Еще меньше распространен тэйлоризм в Европе и это не случайно.

Путь тэйлоровской интенсификации может дать эффект в виде сверхприбыли отдельному капиталисту, но он совершенно не годится с точки зрения даже капиталистического народного хозяйства. Хокси приводит случай из тэйлоровской практики, показывающий, что тэйлоровские нормы могут быть навязаны рабочим только отдельных предприятий, при условии, что вся рабочая сила будет использована нормальными капиталистическими методами. „На одном заводе, усиленно рекомендованном одним из наиболее видных вождей тэйлоризма, автору удалось проследить за выработкой небольшой группы рабочих в течение семи месяцев. В начале этого периода группа состояла из шести человек — все старые работники, давно уже работающие на данной работе и обычно выполняющие назначенную норму. К этой группе постепенно прибавлялись и новые рабочие, всего за наблюденный период семь человек. Из этих семи человек все, кроме одного, к концу семи месяцев должны были оставить эту работу. Большая часть из них никогда не в состоянии была справиться с назначенной нормой или, в лучшем случае, выполняла ее лишь изредка, не регулярно. Только двое настолько приспособились к работе, что выполняли норму постоянно, но и из них один очень скоро оставил работу. Таким образом, к концу семимесячного периода к прежней группе прибавился всего лишь один новый человек, который оказался в состоянии вырабатывать норму. При этом автор узнал от администрации завода, что эта группа не является каким-либо исключением" (стр. 97 и 98, разрядка моя. Г. Б.). Этот факт с совершенной очевидностью показывает, что тэйлоровские нормы являются одним из способов извлечения сверхприбыли путем увеличения индивидуальной нормы прибавочной стоимости. Тэйлоровский предприниматель становится как бы монополистом благодаря „подбору" исключительной рабочей силы (подбор людей, „похожих на волов", как откровенно выражается сам Тэйлор). Из этого следует, что тэйлоровские принципы не могут быть распространены и в условиях капитализма на всю промышленность, тем более нельзя говорить о тэйлоризировании промышленности СССР, где мы ищем способов увеличения производительности не одной какой-либо группы рабочих, а всего рабочего класса.

Следующее не менее важное обстоятельство, что перед нашей промышленностью стоит задача вовсе не поднятия интенсивности, а главным образом, поднятия производительности. Это вещи, как известно, разные. Успешность труда у нас ниже вовсе не потому, что он менее интенсивен, а потому, что он хуже организован и соединен с отсталой техникой. Некоторые признаки — увеличение прогулов, травматизма и пр., — показывают, что интенсивность труда при данной высоте заработной платы достигла у нас своего предела. По пути интенсификации мы многого добиться не можем. Путь лежит через организацию и изменение технического базиса.

Есть, наконец, еще одно возражение, на котором необходимо остановиться. Выдвигается такой аргумент: тэйлоровская практика действительно означает только усиленную, ничем не оправданную интенсификацию, но нельзя ли как-нибудь очистить тэйлоровскую систему от эксплоататорских извращений. Возьмем очищенный тэйлоризм и будем его применять по своему. Такие ноты проскальзывают и у Хокси. Он рассуждает так: многие элементы тэйлоризма в идеале могли бы повышать успешность труда без ущерба для интересов рабочих, но на практике получается не так. На практике тэйлоризм это система подхлестывания. Мы считаем, однако, что все содержание книги Хокси красноречиво говорит против этой идеи. Очищенный тэйлоризм — это уже не тэйлоризм, а противоположность тэйлоризма — научная организация труда. Было бы неправильно считать, что тэйлоризм — это сумма отдельных элементов — хронометража, урока, подбора рабочих, функциональной системы управления, специализации работы и пр. Тэйлоризм — это система, все элементы которой между собою связаны, друг друга поддерживают и дополняют. Основа и базис этой системы — это хронометраж — совершенно ненаучный, произвольный, субъективный способ установления нормы выработки. Отклоняя хронометраж, мы тем самым выдергиваем краеугольный камень, на котором держится здание тэйлоризма.

Это не значит, что из тэйлоризма мы ничего не должны и не можем взять. Когда мы выдергиваем хронометраж, рушится тэйлоризм, остается куча обломков. Из этих обломков мы можем кое-что подобрать и включить по-иному в совершенно иную систему организации труда. Например, принцип подбора рабочей силы. Тэйлористы понимают подбор в высшей степени просто. Если рабочий выдерживает урок, полученный в результате

хронометражных наблюдений, значит он к этой работе подходит. Подбор можно применять и иначе: если рабочий с данными специфическими свойствами дает с минимумом затраты энергии максимальную выработку, значит он для данной работы годится.

Там мы подчиняем принцип подбора рабочей силы хронометражу, т.-е. целям интенсификации, возможно большей выработки в единицу времени. Здесь мы подчиняем профессиональный отбор принципу рациональной организации - максимум выработки на единицу энергии.

Тэйлоризм строится на хронометраже, мы должны строить научную организацию на совершенно другом базисе—на базисе психофизиологии труда. Этот базис обеспечивает нам хотя и более длительным путем, но зато большие и верные достижения.

Этому учит нас и „практика тэйлоризма в Америке".

Г. Бамдас

ОТДЕЛ VI

Статистика

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 36 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

Перспективная ориентировка на 1927/28 — 1931/32 гг.

А Процессы обобществления

1. Основные показатели процессов обобществления.
2. Численность наемного труда СССР по социальным секторам.
3. Валовая продукция промышленности СССР.
4. Сельскохозяйственное производство СССР.
5. Обобщесствление фонды коллективных хозяйств и капитальные вложения.
6. Основные и оборотные фонды совхозов СССР.
7. Обеспеченность колхозов различными видами капиталов.
8. Социальный состав торгово-посреднического оборота СССР.
9. Контрактация зерновых и технических культур.
10. Торгово-посреднический оборот СССР, РСФСР и УССР.

Б. Промышленность

1. Сводная таблица главнейших показателей пятилетней перспективы развертывания государственной цензовой промышленности.
2. Динамика валовой продукции.
3. Динамика товарной продукции.
4. Динамика валовой и товарной продукции по группам отраслей.

Таблица 1

Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.

А. Процессы обобществления

Основные показатели процессов обобществления

Отрасли хозяйства	1926/27 г.			Отправной вариант						Оптимальный вариант					
				1931/32 г.			Прирост за 5 лет (с 1926/27 по 1931/32 гг.)			1931/32 г.			Прирост за 5 лет (с 1926/27 по 1931/32 гг.)		
	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Труд абс. (число лиц, работ. по найму, тыс.)	7.885	2.677	10.562	10.396	2.816	13.212	31,8	5,2	25,1	10.846	2.816	13.662	37,8	5,2	29,4
В % % к итогу	74,7	25,3	100,0	78,7	21,3	100,0	—	—	—	79,4	20,6	100,0	—	—	—
2. Промышл. (валовая продукция в млн. черв. руб.)	11.435	1.849	13.284	17.368	2.077	19.445	51,9	12,3	46,4	18.144	2.106	20.250	58,7	13,9	52,4
В % % к итогу	86,1	13,9	100,0	89,3	10,7	100,0	—	—	—	89,6	10,4	100,0	—	—	—
Акциз абс.	1.109	28	1.137	1.675	41	1.716	51,0	46,4	50,9	1.713	42	1.755	54,5	50,0	54,3
В % % к итогу	97,5	2,5	100,0	97,6	2,4	100,0	—	—	—	97,6	2,4	100,0	—	—	—
Промышл. с акцизом абс.	12.544	1.877	14.421	19.043	2.118	21.161	51,8	12,8	46,7	19.857	2.148	22.005	58,3	14,4	52,6
В % % к итогу	87,0	13,0	100,0	90,0	10,0	100,0	—	—	—	90,2	9,8	100,0	—	—	—
3. Транспорт и связь (выручка в млн. р.)	1.886	212	2.098	2.877	319	3.196	52,5	50,5	52,3	3.080	342	3.422	63,3	61,3	63,1
В % % к итогу	89,9	10,1	100,0	90,0	10,0	100,0	—	—	—	90,0	10,0	100,0	—	—	—
4. Сельское хозяйство (валов. прод. в млн. черв. руб.)	1.966	15.773	17.739	3·127	18.764	21.891	59,0	19,0	23,4	3.299	19.770	23.069	67,8	25,3	30,0
В % % к итогу	11,1	88,9	100,0	14,3	85,7	100,0	—	—	—	14,3	85,7	100,0	—	—	—
5. Строительство (капитальн. вложен., в млн. черв руб.)	1.655	1.403	3.058	3.363	1.543	4.906	103,2	10,0	60,4	3.851	1.771	5.622	132,7	26,2	83,8
В % % к итогу	54,1	45,9	100,0	68,5	31,5	100,0	—	—	—	68,5	31,5	100,0	—	—	—
6. Торговый посреднический оборот (в млн. черв. руб.)	23.575	5.200	28.775	38.390	4.456	42.846	62,8	—14,3	48,9	42.297	3.192	45.489	79,4	—38,6	58,1
В % % к итогу	81,9	18,1	100,0	89,6	—10,4	100,0	—	—	—	93,0	7,0	100,0	—	—	—

Таблица 2

Численность наемного труда СССР по социальным секторам
(В тысячах)

Показатели	Отправной вариант									Оптимальный вариант					
	1926/27 г.			1931/32 г.			Прирост за 5 лет с 1926/27 по 1931/32 гг.			Абсолютные			Прирост за 5 лет с 1926/27 по 1931/32 гг.		
	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Сельское хозяйство абсол.	478	1.563	2.041	752	1 614	2.366	57,3	3,3	15,9	752	1.614	2 366	57,3	3,3	15,9
В %% к итогу	23,4	76,6	100,0	31,8	68,2	100,0	—	—	—	31,8	68,2	100,0	—	—	—
2. Промышл. абсол.	2.908	122	3.030	3.523	135	3.658	21,1	10,7	20,7	3.640	135	3.775	25,2	10,7	24,6
В %% к итогу	96,0	4,0	100,0	96,3	3,7	100,0	—	—	—	96,4	3,6	100,0	—	—	—
3. Строительство абсол.	571	93	663	1.416	81	1.497	148,0	—11,9	125,8	1.616	81	1.697	183,0	—11,9	156,0
В %% к итогу	86,1	13,9	100,0	94,6	5,4	100,0	—	—	—	95,2	4,8	100,0	—	—	—
4. Торговля абсол.	466	66	532	619	532	672	32,8	—19,7	26,3	690	53	743	48,1	—19,7	39,7
В %% к итогу	87,6	12,4	100,0	92,1	7,9	100,0	—	—	—	92,9	7,1	100,0	—	—	—
5. Транспорт и связь абсол.	1.446	10	1.456	1.723	10	1.733	19,2	0,0	19,0	1.785	10	1.795	23,4	0,0	23,4
В %% к итогу	99,3	0,7	100,0	99,4	0,6	100,0	—	—	—	99,4	0,6	100,0	—	—	—
6. Соц.-культ. учрежд. абсол.	1.076	10	1.086	1.358	10	1.368	26,2	0,0	26,0	1.358	10	1.368	26,2	0,0	26,0
В %% к итогу	99,1	0,9	100,0	99,3	0,7	100,0	—	—	—	99,3	0,7	100,0	—	—	—
7. Прочие госуд. и обществ. учр. абсол.	940	23	963	1.005	23	1.028	6,7	0,0	6,8	1.005	23	1.028	6,7	0,0	6,8
В %% к итогу	97,6	2,4	100,0	97,8	2,2	100,0	—	—	—	97,6	2,4	100,0	—	—	—
8. Прочие (присл. и перем. поден.) абсол.	—	791	791	—	890	890	—	12,6	12,6	—	890	890	—	12,6	12,6
В %% к итогу	—	100,0	100,0	—	100,0	100,0	—	—	—	—	100,0	100,0	—	—	—
Всего абсол.	7.885	2.677	10.562	10.396	2.816	13.212	31,8	5,2	25,1	10.846	2.816	13.662	37,8	5,2	29,4
В %% к итогу	74,7	25,3	100,0	78,7	21,3	100,0	—	—	—	79,4	20,6	100,0	—	—	—
В том числе без сел.-хоз. рабочих абсол.	7.407	1.114	8.521	9.644	1.202	10.846	30,2	7,9	27,3	10 094	1.202	11.296	36,3	7,9	32,6
В %% к итогу	86,7	13,1	100,0	88,9	11,1	100,0	—	—	—	89,4	10,6	100,0	—	—	—

Отправной вариант *Таблица 3*

Валовая продукция промышленности СССР в 1925/26—1931/32 гг.

(По социальным секторам)

Секторы	По ценам 1913 г.					В червонной валюте данного года				
	1926/27 г.		1931/32 г.			1926/27 г.		1931/32 г.		
	В млн. р.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	Прирост за 5 лет в %	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	Прирост за 5 лет в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Обобществленный										
I. Цензов. промышл.										
1. Государ. . .	6.066	76,8	11.337	81,5	86,9	10.285	77,4	15.735	80,9	53.0
2. Кооперат. . .	450	5,7	720	5,2	60,0	691	5,2	943	4,9	36,5
Итого по 1—2	6.516	82,5	12.057	86,7	85,0	10.976	82,6	16.678	85,8	47,9
II. Нецензов. промышл.										
3. Государ. . . .	28	0,4	42	0,3	50,0	47	0,4	60	0,3	27,7
4. Кооперат. . .	244	3,1	426	3,1	74,6	412	3,1	630	3,2	52,9
Итого по 3—4	272	3,5	468	3,4	72,1	459	3,5	690	3,5	50,3
III. Итого по обобщ. сектору										
5. Государ. промышл.	6.094	77,2	11.379	81,8	86,7	10.332	77,8	15.795	81,2	52,9
6. Кооперат. . .	694	8,8	1.146	8,3	65,1	1.103	8,3	1.573	8,1	42,6
Итого по 5—6	6.788	86,0	12.525	90,1	84,5	11.435	86,1	17.368	89,3	51,9
Капиталистический										
7. Цензовая промышл.	169	2,2	203	1,5	20,1	270	2,0	292	1,5	8,1
8. Нецензовая промышл. . .	239	3,0	278	2.0	16,3	409	3,1	462	2,4	13,0
Итого по 7—8	408	5,2	481	3,5	17,9	679	5,1	754	3,9	11,0
Простой товарный сектор	698	8,8	899	6,4	28,8	1.170	8,8	1.323	6,8	13,1
Всего. . .	7.894	100,0	13.905	100,0	76,1	13.284	100,0	19.445	100,0	46,4

Таблица 4

Сельскохозяйственное производство СССР в 1926/27—1931/32 гг.

Показатели	Совхозы			Колхозы			Всего		
	1926/27 г.	1931/32 г.	Прирост в %%	1926/27 г.	1931/32 г.	Прирост в %%	1926/27 г.	1931/32 г.	Прирост в %%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Число хозяйств	5.935	4.536	— 23,6	16.374	34.071	108,1	22.309	38.607	73,1
2. Пашня (в тыс. дес.)	2.392	2.210	— 7,6	1.701	5.967	250,7	4.093	8.177	99,8
3. Посевы (в тыс. дес.)	1.350	1.790	32,6	1.066	4.567	328,4	2.416	6.357	163,1
4. Население (в тыс. дес., в совх. раб. и сл.)	395	486	23,0	979	2.631	168,7	1.374	3.117	126,9
5. Рабочий скот (в тыс. гол.)	109	176	61,5	113	483	327,4	222	659	196,8
6. Крупный рогатый скот (в тыс. гол.)	139	340	144,6	175	1.193	581,7	314	1.533	388,2
7. Валовая продукция (в млн. руб.)	290	600	106,9	175	800	357,1	465	1.400	201,1
8. Товарная масса (в млн. руб.)	105	300	185,7	72	262	263,9	177	562	217,5
Удельный вес в процентах ко всему сельскому хозяйству									
По посеву	1,2	1,4	—	1,2	3,3	—	2,4	4,7	—
„ населению	0,73	1,1	—	0,8	2,0	—	1,5	3,1	—
„ валовой продукции	1,6	2,7	—	0,9	3,5	—	2,5	6,2	—
„ товарной массе	3,1	7,0	—	2,0	6,1	—	5,1	13,1	—
„ мертвому инвентарю	7,8	8,0	—	3,0	6,2	—	10,8	14,2	—
„ тракторам	14,1	10,4	—	25,3	30,0	—	39,4	40,4	—

Обобществленные фонды и капитальные вложения в колхозы за пятилетие 1926/27—1931/32 гг. *Таблица 5*

(В тысячах рублей)

Виды коллективных хозяйств		Изменение фондов						Всего фондов		Сумма всех недостающих капиталов	В том числе:			Источники покрытия			
		Постройки		Скот		Инвентарь		Всего			В постройках	В скоте	В инвентаре	Внутриколхоз. накопл.	Средства новых колхозов	Бюджет	Кредит
		1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.								
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
РСФСР	Коммуны	9866,0	17789,0	5880,7	19284,7	6273,2	15200,7	22019,9	52274,4	30254,5	7923,0	13404,0	8927,5	12404,2	3713,0	2430,3	12076,0
	Артели	10138,4	48271,4	6977,8	38514,5	9268,2	57662,5	26384,4	144448,4	118064,0	38133,0	31536,7	48394,3	16201,3	11478,0	2398,5	87986,2
	Тов. по общ. обр. земли	4645,9	17238,3	3677,8	14758,0	2585,0	24274,4	10908,7	56270,7	45362,3	12592,4	11080,5	21689,4	7321,6	9715,0	1460,5	26865,2
	Итого	24650,3	83298,7	16536,3	72557,2	18126,4	97137,6	59313,0	252993,5	193680,8	58648,4	56021,2	79011,2	35927,1	24906,0	6289,3	126927,4
УССР	Коммуны	5972,1	10605,1	2307,1	7489,9	4095,4	5721,3	12374,6	23816,3	11442,5	4633,8	5182,8	1625,9	2245,0	1385,0	1080,7	6731,8
	Артели	8455,9	16248,7	4137,7	15856,2	6998,4	15536,2	19592,0	47641,1	28049,1	7792,8	11718,5	8537,8	5460,5	4230,0	890,4	17468,2
	Тов. по общ. обр. земли	154,6	8879,0	297,9	8892,0	1124,3	11922,2	1576,8	29693,2	28116,4	8724,4	8594,1	10797,9	3094,7	3677,0	701,7	20642,3
	Итого	14582,6	35732,8	6742,7	32238,1	12218,1	33179,7	33543,4	101150,6	67608,0	21151,0	25495, 4	20961,6	10800,2	9292,0	2672,8	44842,3
БССР	Коммуны	181,5	466,5	302,9	427,9	342,1	383,1	826,5	1277,5	451,0	285,0	125,0	41,0	112,8	22,0	48,0	268,2
	Артели	544,5	2709,5	886,4	1220,5	356,0	1704,3	1786,9	5634,3	3847,4	2165,0	334,1	1348,3	536,0	642,0	162,0	2507,4
	Тов. по общ. обр. земли	162,8	870,8	153,4	733,9	51,1	1444,6	367,3	3049,3	2642,0	668,0	580,5	1398,5	119,9	409,5	71,2	2041,4
	Итого	888,8	4046,8	1342,7	2382,3	749,2	3532,0	2980,7	9961,1	6940,4	3118,0	1039,6	2782,8	768,7	1073,5	281,2	4817,1
ЗСФСР	Коммуны	5,0	12,0	5,0	12,9	4,0	8,7	14,0	33,6	19,6	7,0	7,9	4,7	4,1	3,7	3,7	8,1
	Артели	57,0	267,0	65,5	197,2	49,0	269,2	171,5	733,4	562,9	210,0	132,7	220,2	48,8	156,0	77,2	208,9
	Тов. по общ. обр. земли	9,0	120,2	13,5	95,7	10,5	231,3	33,0	447,2	415,2	111,2	83,2	220,8	60,8	143,0	7,6	203,8
	Итого	71,0	399,2	84,0	305,8	63,5	509,2	218,5	1214,2	997,7	328,2	223,8	445,7	113,7	302,7	88,5	420,8
ТССР	Коммуны	—	15,0	—	7,5	—	7,5	—	30,0	30,0	15,0	7,5	7,5	5,8	4,3	5,9	15,0
	Артели	5,0	44,6	4,0	61,0	3,0	57,0	12,0	162,6	150,6	39,6	57,0	54,0	29,0	37,5	16,2	67,9
	Тов. по общ. обр. земли	4,0	68,1	3,5	68,8	4,0	113,0	11,5	249,9	238,4	64,1	65,3	109,0	33,0	53,0	15,0	137,4
	Итого	9,0	127,7	7,5	137,3	7,0	177,5	23,5	442,5	419,0	118,7	129,8	170,5	67,8	94,8	37,1	220,3
УзбССР	Коммуны	75,0	176,0	75,0	147,5	55,0	145,5	205,0	469,0	264,0	101,0	72,5	90,5	48,6	30,0	52,5	132,9
	Артели	510,0	1635,0	690,0	2055,0	340,0	1630,0	1540,0	5320,0	3780,0	1125,0	1365,0	1290,0	555,0	656,0	165,9	2403,1
	Тов. по общ. обр. земли	110,0	716,0	80,0	718,0	49,0	911,0	239,0	2345,0	2106,0	606,0	638,0	862,0	250,0	150,0	55,0	1551,0
	Итого	695,0	2527,0	845,0	2920,5	444,0	2686,5	1984,0	8134,0	6150,0	1832,0	2075,5	2242,5	853,6	836,0	273,4	4087,0
СССР	Коммуны	16099,6	29063,6	8570,7	27370,4	10769,7	21466,8	35440,0	77900,8	42461,6	12964,8	18799,7	10697,1	14820,5	5158,0	3621,1	19232,0
	Артели	19710,8	69176,2	12761,4	57904,4	17014,6	76859,2	49486,8	203939,8	154454,0	49465,4	45144,0	59844,6	22830,6	17199,5	3710,2	110641,7
	Тов. по общ. обр. земли	5086,3	27892,4	4226,1	25266,4	3823,9	38896,5	13136,3	92055,3	78880,3	22766,1	21041,6	35072,6	10880,0	14147,5	2311,0	51441,7
	Всего	40896,7	126132,2	25558,2	110541,2	31608,2	137222,5	98063,1	373895,9	275795,9	85196,3	84985,3	105614,3	48531,1	36505,0	9642,3	181314,8

Таблица 6

Основные и оборотные фонды совхозов СССР

Показатели	РСФСР		УССР		БССР		ЗСФСР		Ср.-Аз. респ.		СССР	
	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Изменение капиталов (млн. руб.)												
1. Постройки	82,5	119,0	51,6	79,0	3,0	6,4	2,5	5,0	0,3	0,6	139,9	210,0
2. Живой инвентарь	28,8	82,0	13,2	30,0	1,0	4,8	0,3	0,7	0,1	0,2	43,4	117,7
3. Мертвый инвентарь	35,7	60,0	29,3	37.0	0,9	1,8	0,4	2,0	0,2	0,3	66,5	101,1
4. Техн. предприятия	19,0	77,0	6,6	27.0	1,0	4.0	1,1	2.3	0,3	0,9	28,0	111,2
Итого по гр. I	166,0	338,0	100,7	173,0	5,9	17,0	4,3	10,0	0,9	2,0	277,8	540,0
II. Размер вложений (млн. руб.)												
1. Бюджет	3,8	65,0	1,4	30,0	0,5	4,5	0,2	3,0	0,1	0,5	6,0	103,0
2 Кредит	2,8	66,0	1,0	28,0	0,3	3,5	0,1	2,0	0,1	0,5	4,3	100,0
3. Средства предпр.	25,9	129,0	15,4	46,0	0,3	6,0	0.1	2,0	0,0	0,0	41.7	183,0
Итого по гр. II	32,5	260,0	17,8	104,0	1,1	14,0	0,4	7,0	0,2	1,0	52,0	386,0
III. Оборотные средства (млн. руб.)												
1. Требуется	50,0	100,0	43,0	84,0	2,0	5,0	1,0	3,0	0,2	0,4	96,2	192,4
2. Имеется	25,0	50,0	22,0	42,0	1,0	2,5	0,5	1,5	0,1	0.2	48,6	96,2
3. Пополн. кратковрем. кредитом	25,0	50,0	21,0	42,0	1,0	2,5	0,5	1,5	0,1	0,2	47,6	96,2
IV. Обеспеченность осн. капит. на 1 дес. земли сел.-хоз. значения (без. техн. прод.)												
1. В постройках (руб.)	39	61	52	84	41	85	92	170	20	40	44	77
В %	64	100	62	100	48	100	54	100	50	100	57	100
2) В живом инвентаре (руб.)	13	42	13	32	14	85	11	25	7	14	13	53
В %	31	100	41	100	16	100	44	100	50	100	25	100
3) В мертвом инвентаре (руб.)	17	31	29	39	13	30	14	66	13	20	20	33
В %	55	100	74	100	43	100	21	100	65	100	61	100
Итого по гр. IV	69	134	94	155	68	200	117	261	40	74	77	163
% обеспеч. на 1 дес.	51	100	60	100	34	100	44	100	54	100	47	100

Обеспеченность колхозов различными видами капиталов

(В среднем на один колхоз приходится капиталов в рублях) [1]

Таблица 7

Виды колхозов		В постройках		В скоте		В инвентаре		Всего	
		1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.	1926/27 г.	1931/32 г.
1		2	3	4	5	6	7	8	9
РСФСР	Коммуны	7.007	10.000	4.450	11.060	4.690	9.316	16.147	33.076
	Артели	1.800	4.640	1.022	3.712	1.357	5.568	4.179	13.902
	Товар. по общ. обр. земли	1.178	1.816	928	1.557	767	2.593	2.813	5.966
УССР	Коммуны	14.270	19.200	5.348	14.560	5.504	7.446	25.122	41.406
	Артели	2.700	3.277	1.315	3.277	2.224	2.727	6.239	9.281
	Товар. по общ. обр. земли	62	1.812	123	1.800	500	2.658	685	6.270
БССР	Коммуны	3.837	8.200	6.395	7.273	7.230	6.400	17.452	21.873
	Артели	1.293	4.800	2.311	1.054	1.062	3.000	4.666	8.854
	Товар. по общ. обр. земли	914	1.716	920	1.532	900	3.063	2.734	6.331
ЗСФСР	Коммуны	1.500	2.870	1.370	3.000	1.100	2.000	3.970	7.870
	Артели	1.255	1.400	1.355	1.010	1.020	1.400	3.630	3.810
	Товар. по общ. обр. земли	400	870	536	695	419	1.666	1.355	3.231
УзбССР	Коммуны	2.000	3.500	2.000	2.900	1.200	2.900	5.200	9.300
	Артели	1.112	1.818	1.440	2.400	725	1.807	3.277	6.025
	Товар. по общ. обр. земли	800	1.432	554	1.217	370	4.070	1.724	6.719
ТуркССР	Коммуны	—	2.140	—	1.070	—	1.070	—	4.280
	Артели	460	6.070	300	845	200	800	960	2.252
	Товар. по общ. обр. земли	390	570	270	350	300	345	960	1.305

[1] Без учета снашивания капиталов.

Таблица 8

Социальный состав торгово-посреднического оборота СССР в 1926/27—1931/32 гг.

Периоды и характер оборота	Государств.	Кооперат.	Итого по обществ. сектору	Частный (необобщ.)	Итого весь оборот
1	2	3	4	5	6
А. Отправной вариант					
1. В млн. черв. руб.					
Оптовый оборот					
1926/27 г.	7.640	6.793	14.433	780	15.213
1931/32 г.	10.437	13.077	23.514	480	23.994
Прирост за 5 лет	36,6	92,5	62,9	—38,5	57,7
Розничный оборот					
1926/27 г.	2.155	6.987	9.142	4.420	13.562
1931/32 г.	2.262	12.631	14.893	3.959	18.852
Прирост за 5 лет	5,0	80,8	62,9	—10,4	30,0
Весь оборот					
1926/27 г.	9.795	13.780	23.575	5.200	28.775
1931/32 г.	12.699	25.708	38.407	4.439	42.846
Прирост за 5 лет	29,6	86,6	62,9	—14,6	48,9
2. В относительн. велич.					
Оптовый оборот					
1926/27 г.	50,2	44,7	94,9	5,1	100,0
1931/32 г.	43,5	54,5	98,0	2,0	100,0
Розничный оборот					
1926/27 г.	15,9	51,5	67,4	32,6	100,0
1931/32 г.	12,0	67,0	79,0	21,0	100,0
Весь оборот					
1926/27 г.	34,0	47,9	81,9	18,1	100,0
1931/32 г.	29,6	60,0	89,6	10,4	100,0

Таблица 9

Контрактация зерновых и технических культур в 1927/28—1931/32 гг.

Показатели	1927/28 г.	1931/32 г.	
		Абс.	Прирост за 4 г. в %
1	2	3	4
1. Число законтрактованных хозяйств (в млн.)	3,9	10,1	159
В % ко всему числу хозяйств	15,9	38,2	—
2. Законтрактов. площадь (млн. дес.)	3,6	11,1	208
В % ко всей площади растениеводства	3,6	9,8	—
3. Законтрактов. продукция (млн. черв. руб.)	464,0	1.201,0	159
В % ко всей тов. прод. растен.	15,2	27,0	—
В % к тов. прод., выброс. на гор. рынок	30,7	53,0	—
4. Средства необход. на контракт. (млн. черв. руб.)	417,7	1.111,3	166
В том числе на авансы	100,0	322,0	222
„ „ „ „ агрикультуру	9,5	32,0	237
5. Покрытие средств (млн. черв. руб.)			
а) собств. средств. госорганов	272,1	567,9	109
б) кооперации	2,4	9,4	292
в) кредитной системы	143,2	534,0	273

Торгово-посреднический оборот СССР, РСФСР и УССР в 1926/27—1931/32 гг. *Таблица 10*

(Млн. черв. рублей)

Показатели	Оптовый оборот						Розничный оборот						Весь торгово-посредн. оборот					
	1926/27 г.			1931/32 г.			1926/27 г.			1931/32 г.			1926/27 г.			1931/32 г.		
	СССР	РСФСР	УССР	СССР	РСФСР	УССР	СССР	РСФСР	УССР	СССР	РСФСР	УССР	СССР	РСФСР	УССР	СССР	РСФСР	УССР
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
А. В абсолютных величинах																		
1. Государств. . .	7.640	4.900	966	10.437	6.100	705	2.155	899	322	2.262	805	113	9.795	5.799	1.288	12.699	6.905	818
2. Кооперативный.	6.793	4.981	1.295	13.077	9.564	4.146	6.987	4.182	1.159	12.631	7.108	2.496	13.780	9.163	2.454	25.708	16.672	6.642
Итого по п. п. 1—2 (обобщ.) .	14.433	9.881	2.261	23.514	15.664	4.851	9.142	5.081	1.481	14.893	7.913	2.609	23.575	14.962	3.742	38.407	23.577	7.460
3. Частн. (необобщ.)	780	517	607	480	200	216	4.420	2.418	807	3.959	2.075	502	5.200	2.935	1.414	4.439	2.275	718
Всего по 1—3.	15.213	10.398	2.868	23.994	15.864	5.067	13.562	7.499	2.288	18.852	9.988	3.111	28.775	17.897	5.156	42.846	25.852	8.178
Б. В относительных величинах																		
I. В %% к итогу																		
1. Государств. . .	50,2	47,1	33,7	43,5	38,5	13,9	15,9	12,0	14,1	12,0	8,1	3,6	34,0	32,4	25,0	29,6	26,7	10,0
2. Кооперативный.	44,7	47,9	45,1	54,5	60,2	81,8	51,5	55,8	50,6	67,0	71,1	80,2	47,9	51,2	47,6	60,0	64,5	81,2
Итого по п. п. 1—2 (обобщ.) .	94,9	95,0	78,8	98,0	98,7	95,7	67,4	67,8	64,7	79,0	79,2	83,8	81,9	83,6	72,6	89,6	91,2	91,2
3. Частн. (необобщ.)	5,1	5,0	21,2	2,0	1,3	4,3	32,6	32,2	35 3	21,0	20,8	16,2	18,1	16,4	27,4	10,4	8,8	8,8
Всего по 1—3.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
II. Прирост за 5 л. (1931/32 в %% к 1926/27 гг.)																		
1. Государств. . .	—	—	—	36,6	24,5	—27,0	—	—	—	5,0	—10,5	—64,1	—	—	—	29,6	19,0	36,5
2. Кооперативный.	—	—	—	92,5	92,0	220,1	—	—	—	80,8	70,0	115,4	—	—	—	86,6	81,9	170,7
Итого по п. п. 1—2 (обобщ.) .	—	—	—	62,9	58,5	114,5	—	—	—	62,9	55,7	76,2	—	—	—	62,9	57,6	99,4
3. Частн. (необобщ.)	—	—	—	—38,5	— 61,3	—64,4	—	—	—	—10,4	—14,2	—37,8	—	—	—	—14,6	—22,5	—49,3
Всего по 1—3.	—	—	—	57,7	52,6	76,7	—	—	—	39,0	—33,2	35,9	—	—	—	48,9	44,4	58,6

Отправной вариант семичас. раб. день

Б. Промышленность

Сводная таблица главнейших показателей пятилетней перспективы развертывания государственной цензовой промышленности

Таблица 1

1	1923/24 Абс. 2	1924/25 Абс. 3	1924/25 В %% к пред. году 4	1925/26 Абс. 5	1925/26 В %% к пред. году 6	1926/27 Абс. 7	1926/27 В %% к пред. году 8	1927/28 Абс. 9	1927/28 В %% к пред. году 10	1928/29 Абс. 11	1928/29 В %% к пред. году 12	1929/30 Абс. 13	1929/30 В %% к пред. году 14	1930/31 Абс. 15	1930/31 В %% к пред. году 16	1931/32 Абс. 17	1931/32 В %% к пред. году 18	Прирост за 5 лет в %% 19
I. Основной капитал (в млн. черв. руб. 1925/26 г.)																		
а) Основной капитал к началу года	—	—	—	5.720	—	6.182	108,0	6.810	110,0	7.622	112,0	8.557	112,0	9.526	111,2	10.465	110,0	69,5
б) Износ (амортизация) за год	—	—	—	330	—	360	112,5	415	115,0	495	119,0	580	117,0	677	116,5	785	116,0	118,0
в) Сумма уменьшения основного капитала за счет ликвидации фабрик и заводов	—	—	—	—	—	—	—	13	—	20	—	25	—	50	—	60	—	—
г) Капитальные вложения [1]	—	—	—	792	—	988	125,0	1.240	125,5	1.450	117,0	1.574	108,5	1.666	106,0	1.706	102,5	72,5
II. Труд																		
а) Число постоян. производ. рабочих тыс. чел.	1.424,5	1.745,4	122,5	2.193,9	125,6	2.336,6	106,5	2.401,0	102,7	2.505,8	104,1	2.626,5	104,8	2.755,8	104,9	2.846,9	103,4	21,9
б) Средняя годовая номинал. зарплата 1 постоян. производ. рабочего в черв. руб.	422	519	123,0	642	123,6	719	112,0	762	106,0	802	105,0	833	104,0	867	104,0	892	103,0	24,0
в) Выработка валовой продукц. на 1 постоян. производ. рабочего в довоен. руб.	1.593	2.072	130,0	2.349	113,3	2.592	110,3	2.921	112,7	3.180	108,0	3.415	108,0	3.690	108,0	3.970	107,7	53,5
III. Топливо																		
Расход условн. топлива вместе с самопотреблением топливной промышл. и покупной электроэнергией в тыс. тонн	—	—	—	26.254	—	29.274	111,5	32.708	111,5	35.900	109,7	39.400	109,8	43.500	110,0	47.300	108,0	61,0
IV. Продукция																		
а) Валовая продукция по оптовым отпускн. ценам „локо — фабрика" без акциза в довоен. руб.	2.261,8	3.616,5	159,3	5.153,8	142,5	6.065,7	117,5	7.013,6	115,6	7.928,8	113,0	8.984,9	113,3	10.178,0	113,3	11.337,5	111,4	87,0
То же в млн. черв. руб. соответств. года	4.492,9	6.246,3	139,0	9.078,4	145,3	10.285,1	113,1	11.219,6	109,1	12.116,9	108,1	13.250,1	109,1	14.521,7	109,5	15.735,2	108,4	53,0
Индекс	1,979	1,727	—	1,761	—	1,696	—	1,599	—	1,528	—	1,475	—	1,427	—	1,388	—	—
б) Товарная продукция по оптовым отпускным ценам „локо — фабрика" без акциза в млн. довоен. руб.	1.953,5	3.097,6	158,5	4.421,9	142,7	5.239,6	118,5	6.085,4	116,1	6.899,8	113,4	7.808,9	113,2	8.831,1	113,1	9.807,6	111,1	88,0
То же в млн. черв. руб. соответств. года	3.809,7	5.293,7	138,9	7.696,7	145,3	8.790,0	114,1	9.651,4	109,7	10.471,7	108,6	11.427,9	109,1	12.494,7	109,3	13.482,9	107,9	53,5
Индекс	1,950	1,708	—	1,740	—	1,677	—	1,585	—	1,518	—	1,463	—	1,415	—	1,375	—	—
в) Снижение отпускных цен в процентах	—	—12,7	—	+2,0	—	—3,7	—	—5,8	—	—4,5	—	—3,4	—	—3,2	—	—2,7	—	—17,9
V. Капитальные вложения [2]																		Всего за 5 лет
Капитальные вложения в млн. черв. руб. соответствующего года	—	—	—	792	—	983	—	1.158	—	1.200	—	1.230	—	1.240	—	1.253	—	6.081
VI. Финансирование (по I варианту финплана) [3] (в млн. черв. руб. соответствующего года)																		Всего за 5 лет
а) Накопление	—	—	—	880	—	1.023	—	1.168	—	1.261	—	1.369	—	1.482	—	1.588	—	6.868
В том числе:																		
Прибыль (нетто) в млн. черв. руб.	—	—	—	550	—	665	—	780	—	836	—	906	—	980	—	1.045	—	4.547
Амортизация, в млн. черв. руб.	—	—	—	330	—	358	—	388	—	425	—	463	—	502	—	543	—	2.321
б) Взносы промышленности в госбюджет (отчисления из прибылей, подоходн. налог и 8% заем) в млн. черв. руб.	—	—	—	—	—	—	—	425	—	494	—	523	—	565	—	607	—	2.614
в) Финансирование госпромышленности по бюджетам: общесоюзному республиканскому и местному в млн. черв. руб.	—	—	—	—	—	—	—	506	—	600	—	623	—	572	—	447	—	2.748
г) Сальдо в пользу промышл. (+), в пользу бюджета (—) в млн. черв. руб.	—	—	—	—	—	—	—	+81	—	+106	—	+100	—	+7	—	—160	—	+134

[1] Цифры капитальных вложений 1928/29—1931/32 гг. пересчитаны в черв. руб. 1925/26 г. по цифрам капитальных вложений, приведенным в тексте.

[2] Цифры капитальных вложений 1928/29—1931/32 гг. иные, чем в тексте из-за необходимости ежегодного сбалансирования их с возможностями финансирования по бюджету.

[3] Принимая во внимание, что предприятия местной промышленности, не организованные в тресты, а также частично предприятия отдельных наркоматов входят: первые — своими брутто — бюджетами в местный бюджет, а вторые проходят по наркоматским бюджетам, не представляется возможным настоящую финансовую ориентировку распространить на всю государственную промышленность, как это сделано по производственной части. Таким образом, можно считать, что настоящая финансовая ориентировка не охватывает около 18% того об'ема промышленности, на которую распространяются контрольные цифры нашей перспективы по производственной части.

Отправной вариант

(семичас. раб. день)

Динамика валовой продукции государствен

Отрасли		1926/27 г.	1927/28 г.		1928/29 г.	
		Млн. руб.	Млн. руб.	В %/% к предыд. году	Млн. руб.	В %/% к предыд. году
1		2	3	4	5	6
1. Топливная	дов.	688,6	810,3	118	906,2	112
	черв.	836,0	959,3	115	1.054,7	110
	инд.	1,21	1,18	—	1,16	—
2. Горная	дов.	114,4	143,8	126	187,0	130
	черв.	152,8	186,0	122	233,8	126
	инд.	1,34	1,29	—	1,25	—
3. Электротехническая	дов.	136,8	178,0	130	226,0	127
	черв.	200,0	232,0	116	267,0	115
	инд.	1,46	1,30	—	1,18	—
4. Металлическая	дов.	965,0	1.118,0	116	1.265,0	113
	черв.	1.640,0	1.800,0	110	1.948,0	108
	инд.	1,70	1,61	—	1,54	—
5. Лесная и деревообрабатывающая	дов.	264,0	306,0	116	352,0	115
	черв.	639,0	664,0	104	704,0	106
	инд.	2,42	2,17	—	2,00	—
6. Химическая	дов.	233,9	275,7	118	335,2	122
	черв.	397,9	447,9	113	516,9	115
	инд.	1,70	1,62	—	1,54	—
7. Силикатная	дов.	140,6	163,9	117	190,9	116
	черв.	306,1	335,3	110	363,6	108
	инд.	2,18	2,05	—	1,90	—
8. Пищевая	дов.	1.129,8	1.349,0	119	1.486,0	110
	черв.	1.913,7	2.202,6	115	2.313,9	105
	инд.	1,69	1,63	—	1,56	—
9. Текстильная	дов.	1.848,3	2.057,4	111	2.301,3	112
	черв.	3.222,6	3.352,7	104	3.615,3	108
	инд.	1,74	1,63	—	1,57	—
10. Кожевенная	дов.	272,0	307,0	113	335,0	110
	черв.	473,3	503,5	106	529,3	105
	инд.	1,74	1,64	—	1,58	—
11. Резиновая	дов.	100,8	120,0	120	144,0	120
	черв.	169,3	192,0	113	211,7	110
	инд.	1,68	1,60	—	1,54	—
12. Бумажная и полиграфическая	дов.	171,5	184,5	108	200,2	109
	черв.	334,4	344,3	103	358,7	104
	инд.	1,95	1,87	—	1,79	—
Итого	дов.	6.065,7	7.013,6	116	7.928,8	113
	чер.	10.285,1	11.219,6	109	12.116,9	108
	инд.	1,696	1,599	—	1,528	—

Таблица 2

ной цензовой промышленности

1929/30 г.		1930/31 г.		1931/32 г.		За 5 лет	
Млн. руб.	В %/% к предыд. году	Млн. руб.	В %/% к предыд. году	Млн. руб.	В %/% к предыд. году	Прирост продукц. в %/%	Снижен. индекса отпускных цен в %/%
7	8	9	10	11	12	13	14
1.006,3	111	1.119,5	111	1.250,8	112	81,6	—
1.162,9	110	1.279,1	110	1.404,0	110	67,9	—
1,155	—	1,14	—	1,12	—	—	7,4
210,9	113	235,5	112	257,6	109	125,2	—
254,1	109	274,2	108	291,4	106	90,7	—
1,20	—	1,16	—	1,13	—	—	15,7
256,0	113	281,0	110	309,0	110	125,8	—
282,0	106	295,0	105	316,0	107	58,0	—
1,10	—	1,05	—	1,02	—	—	30,1
1.427,0	113	1.606,0	113	1.768,0	110	83,2	—
2.112,0	108	2.296,0	109	2.475,0	108	50,9	—
1,48	—	1,43	—	1,40	—	—	17,7
407,0	116	471,0	116	538,0	114	103,7	—
773,0	110	848,0	106	936,0	110	46,4	—
1,90	—	1,80	—	1,74	—	—	28,1
400,2	119	473,5	118	553,1	117	136,5	—
587,3	114	658,8	112	733,4	111	84,3	—
1,47	—	1,39	—	1,32	—	—	22,2
214,8	113	241,4	112	268,3	111	90,8	—
378,6	104	393,6	104	403,2	102	31,7	—
1,76	—	1,63	—	1,50	—	—	30,7
1.629,9	110	1.775,0	109	1.906,8	107	68,8	—
2.436,3	105	2.558,4	105	1.653,1	104	38,6	—
1,49	—	1,44	—	1,39	—	—	17,8
2.685,3	117	3.149,6	117	3.575,9	114	93,5	—
4.089,6	113	4.672,9	114	5.195,6	111	61,2	—
1,52	—	1,48	—	1,45	—	—	16,7
359,0	107	388,0	108	419,0	108	54,0	—
549,3	104	578,1	105	611,7	106	29,2	—
1,53	—	1,49	—	1,46	—	—	16,1
166,5	116	188,0	113	205,0	109	103,4	—
246,4	116	266,9	108	280,8	105	65,8	—
1,48	—	1,42	—	1,37	—	—	18,4
222,0	111	249,5	112	286,0	115	66,8	—
378,6	106	400,7	106	435,0	109	30,1	—
1,71	—	1,61	—	1,52	—	—	22,1
8.984,9	113	10.178,0	113	11.337,5	111	87,0	—
13.250,1	109	14.521,7	110	15.735,2	108	53,0	—
1,475	—	1,427	—	1,388	—	—	18,1

Таблица 3

Динамика товарной продукции госу

Отправной вариант
семичас. рабоч. день

дарственной цензовой промышленности

Отрасли		1926/27 г.	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.		1931/32 г.		За 5 лет	
		Млн. руб.	Млн. руб.	В % к пред. году	Млн. руб.	В % к пред. году	Млн. руб.	В % к пред. году	Млн. руб.	В % к пред. году	Млн. руб.	В % к пред. году	Прирост продукции в %	Снижен. индекса отпускн. цен в %
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Топливная	дов.	662,4	779,3	117,6	874,1	112,2	973,4	111,4	1.085,2	111,5	1.214,9	112,0	83,4	—
	черв.	797,9	915,7	114,8	1.010,7	110,4	1.120,1	110,8	1.233,3	110,1	1.356,4	110,0	70,0	—
	инд.	1,20	1,18	—	1,16	—	1,15	—	1,14	—	1,12	—	—	7,4
2. Горная	дов.	114,0	143,3	125,7	186,6	130,2	210,5	112,8	235,0	111,6	257,4	109,5	125,8	—
	черв.	152,3	185,5	121,8	233,3	125,8	253,7	108,7	273,7	107,9	291,1	106,4	91,1	—
	инд.	1,34	1,29	—	1,25	—	1,21	—	1,16	—	1,13	—	—	15,7
3. Электротехническая	дов.	123,8	162,0	130,9	206,8	127,7	235,5	113,9	259,9	110,4	287,4	110,6	110,1	—
	черв.	180,7	210,6	116,5	244,0	115,9	259,1	106,2	272,9	105,3	293,1	107,4	62,2	—
	инд.	1,46	1,30	—	1,18	—	1,10	—	1,05	—	1,02	—	—	30,1
4. Металлическая	дов.	858,8	995,0	115,9	1.125,8	113,1	1.267,4	112,6	1.437,3	113,4	1.560,6	108,6	61,7	—
	черв.	1.460,0	1.602,0	109,7	1.734,0	108,2	1.876,0	108,2	2.055,0	109,5	2.185,0	106,3	49,7	—
	инд.	1,70	1,61	—	1,54	—	1,48	—	1,43	—	1,40	—	—	17,7
5. Лесная и деревообрабатывающая	дов.	200,6	238,7	119,0	278,1	116,5	325,6	117,1	381,5	117,2	441,2	115,6	119,9	—
	черв.	485,5	518,0	106,7	556,2	107,4	618,6	111,2	686,7	111,0	767,7	111,8	58,1	—
	инд.	2,42	2,17	—	2,00	—	1,90	—	1,80	—	1,74	—	—	28,1
6. Химическая	дов.	203,3	239,2	117,7	288,9	120,8	342,7	118,6	405,4	118,3	475,0	117,2	133,6	—
	черв.	347,8	390,7	112,3	448,0	114,7	506,0	112,9	567,6	112,2	633,4	111,6	82,1	—
	инд.	1,71	1,63	—	1,55	—	1,48	—	1,40	—	1,33	—	—	22,2
7. Силикатная	дов.	139,2	162,3	116,6	188,9	116,4	212,5	112,5	238,7	112,3	265,2	111,1	90,5	—
	черв.	303,9	331,9	109,5	360,7	108,3	375,4	104,1	389,9	103,9	399,4	102,4	31,4	—
	инд.	2,18	2,05	—	1,91	—	1,77	—	1,63	—	1,51	—	—	30,7
8. Пищевая	дов.	1.052,4	1.252,9	119,1	1.390,0	110,9	1.530,8	110,1	1.669,6	109,1	1.793,9	107,4	70,5	—
	черв.	1.757,0	2.017,7	114,8	2.138,7	106,0	2.263,5	105,8	2.383,1	105,3	2.472,9	103,8	40,7	—
	инд.	1,67	1,61	—	1,54	—	1,48	—	1,43	—	1,38	—	—	17,4
9. Текстильная	дов.	1.383,3	1.552,6	112,2	1.744,7	112,4	2.037,7	116,8	2.382,4	116,9	2.706,8	113,6	95,7	—
	черв.	2.401,8	2.521,3	105,0	2.736,4	108,5	3.095,2	113,1	3.519,4	113,7	3.908,6	111,1	62,7	—
	инд.	1,74	1,62	—	1,57	—	1,52	—	1,48	—	1,44	—	—	17,2
10. Кожевенная	дов.	236,6	264,0	111,6	281,4	106,6	294,4	104,6	310,4	105,4	326,8	105,3	38,1	—
	черв.	411,7	433,0	105,2	444,6	102,7	4:0,4	101,3	462,5	102,7	477,1	103,2	15,9	—
	инд.	1,74	1,64	—	1,58	—	1,53	—	1,49	—	1,46	—	—	16,1
11. Резиновая	дов.	95,3	113,4	119,0	136,2	120,1	157,5	115,6	177,5	112,7	194,0	109,3	103,5	—
	черв.	160,1	184,0	106,2	209,7	123,3	233,1	111,2	252,0	108,1	265,8	105,5	66,0	—
	инд.	1,68	1,60	—	1,54	—	1,48	—	1,42	—	1,37	—	—	18,4
12. Бумажная и полиграфическая	дов.	169,9	182,7	107,5	198,3	108,5	220,9	111,4	248,2	112,4	284,4	114,6	67,4	—
	черв.	331,3	341,0	102,9	355,4	104,2	376,8	106,0	398,6	105,8	432,4	108,5	30,5	—
	инд.	1,95	1,87	—	1,79	—	1,71	—	1,61	—	1,52	—	—	22,1
Итого	дов.	5.239,6	6.085,4	116,1	6.899,8	113,4	7.808,9	113,2	8.831,1	113,1	9.807,6	111,1	88,0	—
	черв.	8.790,0	9.651,4	109,7	10.471,7	108,6	11.427,9	109,1	12.494,7	109,3	13.482,9	107,9	53,5	—
	инд.	1,676	1,585	—	1,518	—	1,463	—	1,415	—	1,375	—	—	17,9

Отправной вариант семичас. рабоч. день

Динамика валовой и товарной продукции по группам отраслей государственной цензовой промышленности
(По оптовым отпускным ценам „локо — фа рика“ без акциза)

Таблица 4

	1926/27	1927/28		1928/29		1929/30		1930/31		1931/32		За 5 лет	
	Млн. руб.	Млн. руб.	В %% к предыд. году	Млн. руб.	В %% к предыд. году	Млн. руб.	В %% к предыд. году	Млн. руб.	В %% к предыд. году	Млн. руб.	В %% к предыд. году	Прирост продукции в %%	Снижение индекса отпускных цен в %%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
						I группа. Отрасли гос							
Валовая продукция . . . . дов.	1585,4	1868,1	118,0	2173,4	116,0	2462,1	113,0	2776,2	113,0	3076,6	111,0	94,1	—
черв.	2900,7	3175,0	109,0	3470,0	109,0	3750,9	108,0	4057,9	108,0	4373,5	107,0	50,8	—
инд.	1,830	1,700	—	1,596	—	1,523	—	1,462	—	1,421	—	—	22,3
В %% от всей валовой продукции по дов. ценам	26,2	26,6	—	27,4	—	27,4	—	27,3	—	27,2	—	—	—
Товарная продукция . . . . дов.	1398,7	1657,5	118,5	1936,2	116,8	2195,7	113,4	2491,7	113,5	2744,4	110,1	96,2	—
черв.	2539,5	2801,4	110,3	3076,3	109,8	3329,2	108,2	3624,9	108,9	3882,1	107,1	52,9	—
инд.	1,816	1,690	—	1,589	—	1,516	—	1,455	—	1,415	—	—	22,1
						II группа Отрасли гос							
Валовая продукция . . . . дов.	1072,0	1274,8	119,0	1461,5	115,0	1664,1	114,0	1886,7	113,0	2126,3	113,0	98,3	—
черв.	1411,9	1623,0	115,0	1805,3	111,0	2023,2	112,0	2236,2	111,0	2445,2	109,0	73,0	—
инд.	1,317	1,273	—	1,235	—	1,216	—	1,185	—	1,150	—	—	12,7
В %% от всей валовой продукции по дов. ценам	17,7	18,2	—	18,4	—	18,5	—	18,6	—	18,7	—	—	—
Товарная продукция . . . . дов.	1029,8	1224,1	115,0	1405,7	114,0	1602,2	113,0	1818,2	113,0	2052,3	113,0	99,3	—
черв.	1346,9	1549,3	115,0	1735,0	112,9	1988,1	111,7	2142,8	110,6	2347,3	109,5	74,3	—
инд.	1,308	1,255	—	1,234	—	1,210	—	1,179	—	1,144	—	—	12,5
						Итого							
Валовая продукция . . . . дов.	2657,4	3142,9	118,0	3634,9	115,7	4126,2	113,2	4662,9	113,0	5202,9	111,6	95,9	—
черв.	4312,6	4798,0	112,0	5275,3	109,4	5774,1	109,5	6294,1	109,0	6818,7	108,4	58,0	—
инд.	1,628	1,528	—	1,455	—	1,400	—	1,350	—	1,310	—	—	19,6
В %% от всей валовой продукции по дов. ценам	17,7	44,8	—	45,8	—	45,9	—	45,9	—	45,9	—	—	—
Товарная продукция . . . . дов.	2428,5	2901,6	119,0	3341,9	115,1	3797,9	113,5	4309,9	113,5	4796,7	111,6	97,3	—
черв.	3886,4	4350,7	112,0	4811,3	110,5	5267,3	109,4	5767,7	109,6	6229,4	108,2	61,0	—
инд.	1,61	1,50	—	1,45	—	1,38	—	1,33	—	1,305	—	—	18,9
						III группа. Отрасли гос							
Валовая продукция . . . . дов.	3408,3	3870,7	114,0	4293,9	111,0	4858,7	113,0	5515,1	113,5	6134,6	111,2	80,0	—
черв.	5972,5	6421,6	107,0	6841,6	106,0	7476,0	109,0	8227,6	110,0	8916,5	108,0	49,3	—
инд.	1,752	1,659	—	1,593	—	1,539	—	1,492	—	1,453	—	—	17,1
В %% от всей валовой продукции по дов. ценам	56,1	55,2	—	54,2	—	54,1	—	54,1	—	54,1	—	—	—
Товарная продукция . . . . дов.	2811,1	3203,8	114,0	3557,9	111,0	4011,0	113,0	4521,2	113,0	5010,9	111,0	78,2	—
черв.	4903,6	5300,7	108,0	5660,4	107,0	6160,6	108,5	6727,0	109,0	7253,5	108,0	47,9	—
инд.	1,744	1,654	—	1,591	—	1,536	—	1,488	—	1,448	—	—	16,9
						В с е г о п р о д у к ц и и							
Валовая продукция . . . . дов.	6065,7	7013,6	115,6	7928,8	113,0	8984,9	113,3	10178,0	113,3	11337,5	111,4	87,0	—
черв.	10285,1	11219,6	109,1	12116,9	108,1	13250,1	109,1	14521,7	109,5	15735,2	108,4	53,0	—
инд.	1,696	1,599	—	1,528	—	1,475	—	1,427	—	1,388	—	—	18,1
В %% от всей валовой продукции по дов. ценам	100	100	—	100	—	100	—	100	—	100	—	—	—
Товарная продукция . . . . дов.	5239,6	6085,4	116,1	6899,8	113,2	7808,9	113,4	8831,1	113,2	9807,6	111,2	88,0	—
черв.	8790,0	9651,4	109,8	10471,7	108,6	11427,9	109,5	12494,7	109,0	13482,9	108,0	53,5	—
инд.	1,676	1,585	—	1,518	—	1,463	—	1,415	—	1,375	—	—	17,9

Исправления и опечатки

В сводной таблице показателей народного хозяйства СССР за 1925/26—1931/32 гг. напечатанной в № 11 „Планового Хозяйства", за 1927 г. 8, 9, 10 и 11 цифровые строки страницы 272 должны быть перенесены на место цифровых строк 8, 9, 10 и 11 страницы 273. Последние же должны быть переставлены со страницы 273 на страницу 272.

В той же таблице (стр. 273, 10 цифровая строка) вместо напечатанных во второй графе — 9.767 и в четвертой графе — 12.717 должно быть соответственно 10.767 и 13.717.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО" №№ 1—12 ЗА 1927 Г.

ОТДЕЛ I. ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

1. ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

А. Анализ системы народного хозяйства СССР

Р. Е. Вайсберг.— О процессах обобществления (I[1], 107).
М. Гольман.— Монополистический капитализм в России к 1914 г. и строительство социализма в СССР (IV, 127).
А. Леонтьев.— К вопросу о природе хозяйства СССР (IV, 108).
Р. Е. Вайсберг.— Общественный продукт при капитализме и в СССР (V, 126; VI, 13).
М. В. Иоффе.— Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР (VII, 143; VIII, 155: X 157; XII, 171).

Б. Общеэкономические статьи

А. А. Иоффе.— Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР (I, 75).
В. Г. Громан.— О постановке государственной статистики (I, 235).
А. И. Петров.— Теоретические предпосылки исчисления народного дохода (II. 107).
Е. М. Тарасов.— Капитальные вложения в народное хозяйство СССР в 1925/26 г. (V, 299).
Гр. Гринько.— Накануне нового хозяйственного года (VI, 7).
А. Мендельсон.— Категория стоимости в условиях переходного периода (VI, 109).
В. Г. Громан.— К оценке хозяйственного положения СССР (VII, 124).
Г. М. Кржижановский.— Десять лет борьбы и строительства XI, 7).
М. И. Боголепов.— Восстановление народного хозяйства (XI, 23).
Н. Н. Колосовский.— Перспективы экономического районирования СССР (XI, 131)
Акад. С. Ф. Ольденбург.— Десять лет нашей науки (XI. 143).
Гр. Гринько.— Социалистическая индустриализация Советского Союза (XII, 7).
В. Г. Громан.— Народное хозяйство Союза за 1926/27 хоз. год (XII, 29),

В. Проблемы планирования

а) Генерального

А. Е. Лосицкий.— Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе в период генплана (IV, 79).
В. А. Базаров.— Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана (V, 73).

б) Перспективно-пятилетнего

Г. М. Кржижановский.— К построению перспективной пятилетки (III, 7).
С. Г. Струмилин.— К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг. (III, 17).
В. Р. Черныщев.— К вопросу о методологии планирования (III, 55).
Н. Д. Кондратьев.— Критические заметки о плане развития народного хозяйства (IV, 1).
Н. А. Ковалевский.— На новую ступень (IV, 7; V, 7).
С. Г. Струмилин.— Индустриализация СССР и эпигоны народничества (VII, 7; VIII, 7).
С. Г. Струмилин.— Наши перспективы на 1927/28—1 31 32 гг. (XI, 45).
Е. Р. Вайсберг.— Вопросы обобществления в пятилетнем плане (XII, 39).

---

[1] Римскими цифрами в скобках всюду обозначены №№ книг „Планового Хозяйства", арабскими после запятой—страницы данной книги.

в) Текущего

З. Миндлин.— К вопросу о системе планирования хозяйства СССР (I, 13).
Гр. Гринько.— Задачи Второго с'езда плановых органов СССР (II, 7).
Б. А. Гухман.— Контрольные цифры хозяйства районов СССР на 1926/27 г. (III, 249).
Гр. Гринько.— Народнохозяйственный план 1927/28 г. (IX, 7).
В. Г. Громан.— Система контрольных цифр на 1927/28 г. (X, 33).

Г. Вопросы кон'юнктуры и динамики народного хозяйства

И. Гершман.— Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных кон'юнктур (I, 123).
А. Гольдштейн.— К анализу динамики кривых некоторых хозяйственных явлений (V, 148).
С. М. Киселев.— Проблема индексов в условиях советской экономики (VI, 154).
А. Гольдштейн.— Опыт построения об'ективных методов разбивки годового плана по кварталам и месяцам и установления необходимости корректирования годового плана в течение года (IX, 188).

2. ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

А. Общепромышленные проблемы

А. Б. Штерн.— Сводный план государственной промышленности на 1926/27 г. (I, 29 и II, 36).
Э. И. Квиринг.— К вопросу о кустарной промышленности (II, 18).
А. Сегаль.— Основные капиталы общесоюзной промышленности за последние три года (II, 73).
Ф. Дрибин.— Издержки производства в промышленности СССР (II, 277).
Г. Я. Сокольников.— Проблема финансирования промышленности (III, 151).
И. А. Калинников.— Основные элементы и показатели развертывания промышленности на пятилетку 1926/27—1930/31 гг. (III, 96).
В. И. Лавров.— Основные капиталы государственной промышленности по районам СССР (IV, 206).
С. Г. Струмилин.— Промышленность СССР в 1923—26 гг. (IX, 37).
А. Сегаль.— К вопросу о рентабельности промышленности и политике финансирования ее (X, 57).
И. А. Калинников.— Перспективы промышленности на 1927/28 — 1931/32 гг. А. Планируемая промышленность (XII, 80).
И. Кан и Ф. Дрибин.— Перспективы промышленности на 1927/28 — 1931/32 гг. Б. Вся промышленность (XII, 108).

Б. По отраслям промышленности

Ип. Покровский и Л. Процыков.— Урало-Эмбенский нефтеносный район и перспективы его развития (II, 159).
А. М. Моргулиусов-Гурковский.— К вопросу о развитии мелкой нефтяной промышленности (II, 176).
А. М. Терпигорев.— Об эксплоатации курских железных руд (IV, 175).
Г. Гвахария.— О строительстве новых металлозаводов (VI, 63).
Д. Шапиро.— Кустарно-ремесленная промышленность (VI, 76).
И. И. Федорович.— Предпосылки к генеральному топливному плану (VIII, 129).
И. Т. Гуштюк.— К вопросу о месте постройки заводов для металлургической обработки концентратов руд цветных металлов Алтая и Восточного Казакстана (X, 214).
Э. И. Дейчман.— Критические замечания к перспективному плану развития алкогольной промышленности (X, 81).
Комиссия по пятилетнему плану.— Ответ тов. Дейчману (X, 96).

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Н. П. Макаров.— Опыт порайонного анализа изменений сельского хозяйства СССР в условиях нэпа (II, 215).
И. Я. Перельман.— Переработка и экспорт продуктов плодоводства (II, 246).
Н. М. Вишневский.— К вопросу о развитии сельского хозяйства СССР (III, 111).
Н. П. Макаров.— Несколько замечаний о „Перспективах развертывания народного хозяйства СССР" в связи с перспективами сельского хозяйства (V, 41).
Н. П. Огановский.— Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по районам (VI, 90).
Н. Малаховский.— Урожайность хлопка и задатки (VI, 209).

Н. П. Огановский.— Максимальный вариант перспективного плана реконструкции сельского хозяйства (VII, 33).
Н. М. Вишневский.— О перспективах развития сельского хозяйства в 1926/27 — 1930/31 гг. (VII, 60).
Альберт Л. Вайнштейн.— Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем (VII, 81 и VIII, 57).
А. Чаплыгин.— О борьбе с языком пустыни (VII, 203).
В. Зейлингер.— Основные итоги 1926/27 с.-х. года по районам (VII, 239).
И. Б. Месснер.— Предпосылки планового развития механизации сельского хозяйства (VIII, 35).
Г. Шулимов.— Проблема цен на хлопок—сырец (VIII, 279).
Н. Вишневский.— Третий урожайный год (IX, 48).
В. И. Майер.— Лесное хозяйство СССР (IX, 173).
Г. Пистрак.— Условия реализации сельскохозяйственной продукции (X, 122).
И. Беляев.— Некоторые итоги советского мелиоративного строительства (X, 146).
Ф. Р. Дунаевский.— Механизация полеводства и генеральное планирование (XII, 61).

4. ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

Н. К. Мекк.— Об экономическо-хозяйственном положении железных дорог (I, 88).
Л. Н. Бернацкий.— Сверхмагистраль Донбасс — Москва — Ленинград (II, 183).
С. В. Бернштейн-Коган и И. К Либин.— Основные положения перспективного плана транспорта на 1926/27—1930/31 гг. (III, 129).
Ю. И. Успенский.— Туркестано-Сибирская ж.-д. магистраль (III, 201).
Е. М. Тарасов.—О нормальных размерах оборотного капитала на ж. д. НКПС (III, 327).
А. А. Рыбников.— К методике изучения влияния ж.-д. транспорта на сельское хозяйство (III, 268).
С. Г. Струмилин.— Железнодорожное хозяйство СССР (IV, 43).
Н. К. Мекк.— О перспективах железнодорожного транспорта (IV, 34).
Б. В. Волков.— Влияние железнодорожной тарифной политики в области хлебных тарифов (экспортных и внутренних) на возможность развития зернового хозяйства в районе ж. д. Петропавловск—Акмолинск при сверхмагистрализации Сибирской ж. д. (IV, 224).
И. Н. Борисов.— План железнодорожного строительства и схема Госплана (VI, 38).
А. Заорский.— Воспитание сверхмагистралей (VI, 192).
А. Рудзит — Транспорт и жилищное строительство в густонаселенных пунктах (VII, 224).
Н. К. Мекк.— Будущие пути сообщения Сибири и Урала (VIII, 241).
С. Бернштейн-Коган.— Проблема транспортных выходов к Азовскому морю и Волго Донской канал (VIII, 122).
И. К. Либин.— Основные проблемы транспорта СССР и очередные задачи 1927/28 г. (IX, 157).
Ю. Фельзер.— Серийность автотранспорта (IX, 261).
Н. Н. Колосовский.— Сибирская сверхмагистраль и проекты сибирского ж.-д. строительства Н К. Мекка (IX, 273).
А. С. Аксамитный.— К вопросу о роли Волго-Донского канала в транспортной экономике Союза (X, 261).

5. ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

А. Д. Пергамент.— Иностранный капитал и строительные концессии (IV, 67).
И. В Шуб.— Проблема строительства в контрольных цифрах на 1927/28 г. (IX, 135).
И. Е. Горский.— Организация жилищного строительства и рабочий бюджет (X, 100).
Е. М. Тарасов.— Сельское строительство (X, 324).
М. Н. Петров.— Коммунальное хозяйство СССР за 10 лет (XI, 114).

6. ТРУД

С. Розентул.— Проблемы труда в перспективном плане (IV, 289).
В. А. Зайцев.— Рабочий день и перспективы его сокращения (V, 59).
М. Гольцман.— Заработная плата государственных чиновников и торговых служащих в довоенный период (VI, 285).
Ю. Митлянский.— Проблемы безработицы и направление хозяйственного строительства (VIII, 90).
Л. Е. Минц.— К проблеме использования рабочей силы в крестьянском хозяйстве (VIII, 321).
Г. Серебренников.— К вопросу об установлении новых норм брони подростков в промышленности (X, 69).
В. Яроцкий.— Положение рабочего класса в эпоху Октябрьской революции (XI, 74).

Е. М. Тарасов.— Перспективы бюджета соц. страхования в 1926/27 — 1931/32 гг. (XI, 156).
М. Л. Астерман.— Социально-культурное строительство (XII, 127).

7. ТОВАРООБОРОТ

Ю. Митлянский.— Проблема финансирования маневренных фондов (II, 94).
Е. З. Волков.— Мировой хлебный оборот и роль в нем хлебоэкспорта из СССР в первую половину хлеботорговой кампании 1926/27 г. (II, 164).
Н. Н. Виноградский.— Болезни хлебного рынка (IV, 92).
Н. Н. Виноградский.— Итоги кампании по снижению промышленных цен и дальнейшие задачи (VI, 28).
И. Б. Туровский — Проблема цен и факторы ценообразования (VII, 101).
Г. Шулимов.— Проблема цен на хлопок — сырец (VIII, 279).
Ц. М. Крон.— Перспективы товарооборота на 1927/28 г. (IX, 119).
Г. Пистрак.— Условия реализации с.-х. продукции (X, 146).
С. С. Зак.— Товарооборот и торговая сеть в Российской империи и в СССР (XI, 89).
Н. Н. Виноградский.— Буржуазные гипотезы развития внешней торговли и советская действительность (XII, 12).
Н. Отарова.— Опыт методологии построения районного торгового баланса (XII, 291).

8. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

М. И. Боголепов.— Новый бюджет (I, 67; II, 86).
М. Н. Соболев.— Организация долгосрочного кредита (II, 133).
М. И. Боголепов. Финансовые перспективы пятилетия 1926/27—1930/31 гг. (III, 143).
С. М. Киселев.— Опыт анализа народнохозяйственной природы банковского кредита (V, 92).
М. Славен.— Бюджет-нетто (V, 107).
А. Спундэ.— Заметки о „Перспективах развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг." Госплана СССР (VI, 55).
А. Сегаль.— К вопросу об эффективности капитальных вложений (XII, 118).
С. М. Киселев.— Кредит без плана (VIII, 115).
М. И. Боголепов.— О некоторых тенденциях в развитии наших финансов (IX, 39).
П. Старков и А. Неусыпин.— Бюджет и народный доход (X, 47).

ОТДЕЛ II. ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ

1. ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

С. Уманский.— Показатели основных процессов народного хозяйства важнейших стран (III, 175).
Л. Фрейман.— Мировая безработица в 1926 г. (IV, 151).
М. И. Спектатор.— Мировое хозяйство за последние десять лет (1917—27) (XI, 157).

2. ПРОЧИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В. Позин.— Кризис европейской металлургии и стальной картель (II, 149).
В. Позин.— Новые формы сбыта в англо-саксонских странах (VI, 169).
М. Рубинштейн.— Мировая химическая промышленность (VI, 159).
И. Гершман.— Проблемы и перспективы мирового зернового производства и мирового хлебного рынка (IX, 223).
Л. Хейфец и Г. Гинзбург.— Проблема картелирования на рынке цветных металлов (XII, 203).

3. АМЕРИКА

Г. А. Фельдман.— К характеристике хозяйственной конъюнктуры С.Ш.А (IV, 166).
Л. Эвентов.— Электрическая база американского хозяйства (VIII, 173).
Ц. М. Крон.— Издержки обращения в Соед. Штатах Сев. Америки (VIII, 194).
Г. А. Фельдман.—Соображения о структуре и динамике нар. хозяйства С.-А.С.Ш. с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/27 по 1940/41 гг. (VII, 180).
Я. Виленкин.— Проблема передвижения крупной промышленности С.Ш.А в южные штаты Америки (XII, 191).

4. АНГЛИЯ

Е. Варга.— Текущие проблемы английской экономики (V, 183).

5. ГЕРМАНИЯ

А. Фридрих.— Зависимость Германии от иностранного капитала (I, 135).
Д. Фридман.— Германская электротехническая промышленность (V, 215).
Л. А. Мендельсон.— К вопросу о динамике мощности производственного аппарата германской промышленности в 1913—26 гг. (IX, 209; X, 173).

6. ИТАЛИЯ

Аквила.— Кризис итальянского хозяйства и его причины (I, 145).

7. КИТАЙ

А. Е. Ходоров.— Зап. Китай и Семиреченская железная дорога (IV, 197).
Ян Кантер.— Экономика Китая (V, 169).
А. В. Маракуев.— Внешняя торговля Китая и место ее в мировом товарообмене (X, 186).

ОТДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

1. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Г. М. Кржижановский и А. А. Горев.— Перспективный план электрификации на ближайшие пять лет (III, 74).
Л. Л. Гинтер.— Значение теплоэлектрических станций и электроснабжение (III, 213).
Ж. Танер-Таненбаум.— Рационализация энергохозяйства промышленности (III, 237).
С. П. Мацкевич.— Основные вопросы сельской электрификации (VI, 183).
Н. Н. Вашков.— Новейшие достижения в области эксплоатации центральных электрических станций (VIII, 133).
Н. П. Садиков.— Электрификация магистрали Москва — Курск — Донбасс (X, 213).
А. А. Горев.— Электрификация к концу первого десятилетия власти советов (XI, 175).
В. И. Золотарев.— Проблемы энергетики к десятилетию Октября (XI, 180).

2. ПРОЧИЕ ЭКОНОМИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

С. И. Кричевский.— Значение одиночного провода в текстильных предприятиях для текстильной и электротехнической промышленности и соответствующие плановые предположения (II, 195).
Н. В. Красовский — Достижения и перспективы в использовании энергии ветра (IV, 183).
И. М. Гурфинкель.— Нефть из угля и возможный кризис нефтеэкспорта (V, 197).
Б. П. Вейнберг.— Предпосылки к использованию солнечной энергии в СССР (VI, 201).
И. М. Гурфинкель.— Дальнее газоснабжение, как один из методов рационального использования угля (VIII, 215).
С. Богдановский.— Вокруг промышленного синтеза нефти (IX, 247).
С. А. Фалькнер.— Борьба синтетической и натуральной нефти (X, 235).
И. М. Гурфинкель.— Нефть из угля и возможный кризис нефтеэкспорта. Ответ С. Д. Богдановскому (XII, 237).
П. Баранов, Н. Шпанов и Я. Шатуновский.— Две промышленности по одному пути (XII, 219).
А. Соколов.— Гидрография и вопросы народного хозяйства (100 лет русской гидрографии) (XII, 250).

ОТДЕЛ IV. ПО РАЙОНАМ

1. ВОПРОСЫ РАЙОНИРОВАНИЯ И РАЙОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Н. П. Макаров.— Опыт порайонного анализа изменений сельского хозяйства в СССР в условиях нэпа (II, 215).
Л. Л. Никитин и Н. Н. Колосовский — Итоги районирования (III, 162).
А. Б. Маймин.— Капитальные вложения в местных бюджетах СССР (V, 247).
С. Шаров.— Проблемы районирования в свете текущего дня (VI, 239).
В. Зейлингер.— Основные итоги 1926/27 с.-х. года по районам (VII, 239).

2. РСФСР

Н. Тоцкий.— Опыт районирования РСФСР (III, 258).

3. ЦЕНТР.-ПРОМ. ОБЛАСТЬ

И. И. Федорович.— Подмосковный бассейн, как топливная база Центр.-Промышл. района (X, 291).

4. ЦЕНТР.-ЧЕРНОЗЕМН. ОБЛАСТЬ

Е. С. Полюта.— Проблема аграрного перенаселения в ЦЧО (XII, 261).

5. НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

П. И. Питаевский.— Схема контрольных цифр товарооборота Нижнего Поволжья (VIII. 266).

6. УРАЛ

М. Соловов.— Проблемы развития черной металлургии на Урале (XII, 273).

7. СЕВ. КАВКАЗ

П. Журид.— Опыт оценки итогов районирования Сев. Кавказа (II, 231).
Д. Попов.— Общая характеристика экономики Северо-Кавказского края (II, 240).
А. С. Дединский.— Современное состояние промышленности Сев. Кавказа и ее ближайшие перспективы (III, 289).
А. А. Алексеев.— Финансовые ресурсы Северо-Кавказского края (V, 259).
Т. Г. Намнек.— Основные линии развития народного хозяйства Северо-Кавказского края на 15 лет (IX, 281).
А. А. Алексеев и Г. Н. Гурари.— „Замиренный" Кавказ (XI, 215).

8. УССР

А. М. Терпигорев.— Генеральный план развития каменноугольной промышленности Донбасса (X, 269).

9. ЗАКАВКАЗЬЕ

М. Шукян.— К проблеме районирования Средней Азии (I, 203).
М. Шукян.— Основные проблемы сельского хозяйства в Закавказье (VI. 221).
В. Закандин.— Закавказская промышленность в свете индустриализации (VII, 257).

10. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

И. Ходоров.— К проблеме районирования промышленности Ср. Азии (I, 189).
И. А. Фатьянов.— Итоги районирования Киргизии (IV, 247).
Н. Стефанов.— Товаропроводящая сеть Средней Азии (VI, 247).
Г. Н. Черданцев.— Районированная Средняя Азия (VII, 245).
Вл. Лаврентьев.— Азия „инородцев" и Азия Советских Социалистических Республик (XI, 197).

11. СИБИРЬ

Н. К. Мекк.— Будущие пути сообщения Сибири и Урала (VIII, 241).
В. А. Баландина.—Пути сообщения к Танну-Тувинской республ. и Монголии (V, 237).

12. ДВО

В. Аболтин.— Северный Сахалин, его экономическое значение и перспективы (V, 270).

ОТДЕЛ V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

М. Арслан.— „Универсальная" философия капиталистической рекламы. По поводу книги Г. Форда „Сегодня и завтра" (I, 213).
Савелий Зиман.— Государственный капитализм в России (Г. С. Гордеев—I, 218).
М. Спектатор.— Финансовый или банковый капитал. По поводу книги Финн-Енотаевского „Финансовый капитал и производительный" (II 257).
Наши хозяйственные достижения.—Сборник (А. Н.—VIII, 307).
М. Гольман.— Русский империализм (З. Сушков — IX. 317).
Джон Гобсон.— Империализм (З. Сушков — X, 307).
А. И. Рыков.— Десять лет борьбы и строительства; Г. М. Кржижановский.— Десять лет хозяйственного строительства СССР; В. Куйбышев.— Итоги и перспективы хозяйственного строительства СССР (З. Сушков — XI. 233).
А. Леонтьев.— К характеристике современного кризиса буржуазной теоретической экономики. По поводу книги И. Рубина (XII, 299).

---

[1] В скобках помещены фамилии авторов рецензии.

2. СТАТИСТИКА

„Статистическое обозрение".— №№ 1, 2 и 3 (Б. Гухман —V, 292).
Материалы по статистике сахарной промышленности (Н. Вишневский — IX, 322).
„Советский статистик".— Газета ЦСУ РСФСР (Вишневский—IX, 322).
Проф. И. А. Поплавский — Опыт текущей районной статистики транспортных накидок (Н. Г. Розанов — XII, 311).

3. ХОЗЯЙСТВО СССР ПО ОТРАСЛЯМ

А. Промышленность

Перспективы развития промышленности на 1925/26—1929/30 гг. Выпуск VIII (Ш. Турецкий — II, 263).
То же.— Выпуск VII (И. Соколов — III, 312).
И. И. Федорович, В. В. Лепешинский и А. А. Главацкий.— Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема (А. Сегаль—III, 314).
Проф. Я. Б. Диманштейн. — Уголь, руда и железо в их взаимной связи Проф. Н. Н. Шапошников. — Днепрострой и производство металла (А. Сегаль — V, 279).
О. Ерманский.—Неотложные задачи рационализации производства (Г.Бамдас—V, 288).
Шишкин, Заварицкий, Обручев, Мухин и Фукс.— Марганцевые и железные руды СССР (А. Сегаль — VI, 262).
„Металл".— Ежемесячный журнал (И. Б-ский — VIII, 308).
Проф. Я. Б. Диманштейн. — Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза (А. Сегаль— X, 310).
М. Гурвич.— Капитальное строительство промышленности СССР и УССР в 1926/27 г. (Б. Страхов — X, 315).
Промышленность за 10 лет (1917—1927) (И. Бельский—XI, 238).

Б. Сельское хозяйство

П. И. Лященко. — Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства (Г. С. Гордеев — II, 266).
Перспективы развития сельского хозяйства Ив.-Вознесенской губ. (М. Лучебуль — III, 318).
Л. И. Литошенко.— Емкость крестьянского рынка (Ш. Я. Т.— V, 281).
К. Киндеев.— Коллективное земледелие (Н. Михайлов — V, 281).
Земельно-водная реформа Средней Азии, сборник (Г. Черданцев—V, 287).
Производственный план по сельскому и лесному хозяйству на 1926/27 г. (Н. Буланже — VII, 274).
Вестник с.-х. кооперации. Журнал (А. Неусыпин — VIII, 315).
С.-х. кооперация и стандартизация с.-х. продукции.— Сборник статей (М. Лучебуль—IX, 323).

В. Транспорт

Н. К. Мекк, К. К. Дмоховский, А. Б. Домбровский.— Тепловоз, его экономические и технические достижения. (С.— V, 290).
Ю. В. Энгельгардт.— Узкоколейные железные дороги за границей и в СССР (Л. Н. Бернацкий — VI, 263).

Г. Строительство коммунальное и городское хозяйство

Проф. Л. Велихов.— Опыт муниципальной программы (М. Петров — VII, 277).

Д. Товарооборот

Ю. Митлянский.— Денежное обращение и товарооборот (Ш. Турецкий — I, 219).
С. Л. Фридман.— Капиталы государственной торговли СССР (И. Молочок — I, 222).
Проф. И. Эслен.— Политика внешней торговли (Л. Хейфец — X, 317).
Я. Б. Раппорт.— Товарные цены и рынок (С. Зак.—XII, 310).
Ю. Гирш.—Экономика торговли (Ц. Брон—XII, 306).

Е. Денежное обращение, финансы и кредит

З. С. Каценеленбаум.—Учение о деньгах и кредите (Ш. Я. Турецкий— VI, 267).
В. Альтшулер.— Налоги; проф. Гензель.— Прямые налоги; его же —Местные налоги; П. Микеладзе.— Косвенные налоги (Г. И. Болдырев — VI, 271).
Проф Э. Э. Понтович.— Казна и контроль (Ш. Я. Турецкий — VII, 271).
Задачи и перспективы госуд. кредита в СССР. — Сборник статей (А. М. Гольденберг — VII, 276).
„Кредит и хозяйство".— Журнал (А. М. Гольденберг — VIII, 313).

Ж. Энергетика. Электрификация

В. А. Волькенау.— Основы построения рационального плана топливоснабжения (В. В.— I, 224).
Л. И. Слоним.— Электрификация амер. нефтяной промышленности (А. С-ль — XI, 250).

4. РАЙОННОЕ ХОЗЯЙСТВО И МЕСТНАЯ ПРЕССА

„Экономический вестник СССР Армении", журнал (П. Горшечников—I, 227)
Экономическая пресса областей и республик Союза (IV, 257).
„Жизнь Бурятии", журнал (П. Горшечников — V, 294).
„Наше Хозяйство", „ (П. Горшечников — VII, 286).
„Хозяйство Украины", журнал (Арслан — IX, 325).
Чувашское Хозяйство" журнал (П. Горшечников — IX, 325).
„Плановое Хозяйство", журнал Дагреспублики (С. Славин — X, 320).
„Хозяйство Сев.-Зап. края" (Ш. Т. XI, 240).
„Нижнее Поволжье" (И. Браславский—XI, 244).

5. МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Commers Jearbook, 1925 г. (Г. Г.— I, 230).
Артур Файлер.— Америка и Европа М. Танин.— Америка на мировой арене (И. Браславский — II, 268).
С. Кузнец.— Циклические колебания розничной и оптовой торговли Соед. Штатов (С. Губерман — II, 272).
Скотт Ниринг и Джозеф Фримен.— Дипломатия доллара (Я. Виленкин — III, 321).
Э. Л. Богарт.— Экономическая история Соед. Штатов (И. Браславский—VI. 275).
Факторы промышленной и торговой производительности (М. Иозельсон — VI, 279).
Герман Леви.— Монополии, картели и тресты в прошлом и настоящем английской промышленности. Патрик Фицджеральд.— Индустриальное комбинирование в Англии (Г. Дашевский — VII, 279).
Луи Фишер.— Империализм нефти (Л. Хейфец — VII, 283).
С. Панафидин.— Новые издания Лиги Наций по экономике (IX, 331).
С. В. Вейц.— Производительные силы мирового хозяйства (С —XI, 248).
Ф. Гугенгейм.—„Viag". Пути концентрации германской госуд. промышленности (А. Леонтьев — XI, 252).
Р. Хокси.— Практика тэйлоризма в Америке (Бамдас — XII, 315).

6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Карл Запер.— Всеобщая экономическая география (М. Бубнов — II, 275).
С. В. Бернштейн-Коган.— О современной районной экономико-географической литературе (III, 305).
Справочник литературы, вышедшей в СССР по экономической географии и местным дисциплинам краеведения в 1924 г. (Н. Б-ский — III, 311).
Рудольф Рейнгард.— Экономическая география современного мира (Ол. Константинов — III, 319).
С. В. Бернштейн-Коган.— Из новой литературы по географии промышленности (VIII, 299).

7. ОБЩИЕ КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. К. Кондрашев.— Шалости печати (VI, 257).

ОТДЕЛ VI. СТАТИСТИКА

1. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

Сводная таблица показателей народного хозяйства СССР за 1925/26—1931/32 гг. (XI, 269 275).
Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1927/28 г.
а) Валовая продукция и товарная часть за 1924/25—1927/28 гг. (IX, 362 и 363).
б) Численность и занятия населения (IX, 364).
в) Доходы населения, кредит и бюджет (IX, 365).
г) Индексы цен (IX, 367).
д) Статические и динамические коэфициенты за 1924/25—1927/28 хоз. годы (IX, 368 и 369).
е) Статические и динамические коэфициенты за хозяйственные годы (IX, 370).

2. ПОКАЗАТЕЛИ ПРОЦЕССОВ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ

а) Годовая зарплата лиц наемного труда в отдельных отраслях народного хозяйства СССР (IX, 371).
б) Наемный персонал в народном хозяйстве СССР в 1924/25—1927/28 гг. (IX, 372 и 380).
в) Сумма заработных плат лиц наемного труда в народном хозяйстве СССР в 1924/25—1927/28 гг. (IX, 374 и 381).
г) Валовая продукция и товарооборот СССР в 1924/25—1927/28 гг. (IX, 376, 377 и 382).
д) Основные фонды и капитальные вложения в народное хозяйство СССР в 1924/25—1927/28 гг. (IX, 378 и 383).
Процессы обобществления в пяти этнем плане народного хозяйства СССР (XII).
Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. (I, 246; II, 298; III, 342: IV, 304; V, 308; VII, 312).
То же за 10 лет революции (XI, 258—268).
Динамика крупной промышленности СССР за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы (II, 301; III, 344; IV, 307; V, 310; VII, 316).

А. Промышленность

Динамика сети крупных промышленных заведений СССР в городах и селениях (I, 248); в городах (I, 249); в селениях (I, 250).
Динамика сети мелких промышленных заведений СССР в городах и селениях (I, 251); в городах (I, 252); в селениях (I, 252).
Добыча каменного угля и антрацита за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы (II, 302).
Добыча нефти за то же время (II, 302); металлургическое производство за то же время (II, 303), текстильное производство (II, 304).
Динамика главнейших отраслей производства крупной промышленности СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. годах (III, 345; IV, 308; V, 311; VII, 317).
Перспективы промышленности на 1927/28—1931/32 гг. (XII, 340).

Б. Транспорт

Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог (II, 306; V, 312).

В. Труд

Средняя месячная заработная плата работников жел.-дор. транспорта в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. (I, 253).
Заработная плата рабочих крупной промышленности за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. (I, 254—IV, 309).
Средняя месячная заработная плата промышленных рабочих по производствам в 1924/25 и 1925/26 гг. (II, 305).
Состав остатка безработных в 1925/26 и 1926/27 гг. по СССР (III, 346); то же с выделением главных групп профессий к концу месяца (III, 347).
Рынок труда в СССР в 1925/26 и 1926/27 гг. (III, 348).
Движение числа застрахованных по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг. (IV, 310).
Движение числа безработных, состоящих на пособии, и числа пенсионеров по СССР (без ЗСФСР) (IV, 311).
Число оплаченных дней по временной нетрудоспособности на 100 застрахованных по СССР (без ЗСФСР) в 1925/26 г. (IV, 312).
Нормы пособий безработным и инвалидам труда в среднем за месяц по СССР (без ЗСФСР) в 1924/25 и 1925/26 гг. (IV, 313).
Средний страховой тариф по СССР (без ЗСФСР) за 1925/26 г. (IV, 313).
Приходо-расходный бюджет Соцстраха по СССР (без ЗСФСР) в 1924/25 и 1925/26 гг. (IV, 314).
Численность застрахованных по СССР и их средняя фактическая зарплата (IV, 115).

Г. Товарообмен

Фактический отпуск изделий госуд. промышленности синдикатами (II, 307) и трестами (II, 308) за 1925/26 г.
Реализация продукции госпромышленности 12 синдикатами за 1923/24 и 1925/26 опер. годы (III, 349).
Фактический отпуск изделий госпромышленности трестами и синдикатами за 1925/26 г. (III, 350).
Розничный оборот трестов и синдикатов за 1923/24—1925/26 гг. (III, 350).
Торговые расходы торгов (V, 313).
Торговые расходы 66 торгов СССР в 1925/26 г. (V, 314).

Обороты синдикатов СССР в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. (V, 315).
Обороты с.-х. кооперации РСФСР в 1923/24—1925/26 гг. (V, 319).
Динамика торговых заведений I разряда (VII, 318).
То же II разряда (VII, 319).
То же III „ (VII, 320).
То же IV „ (VII 321).
То же V „ (VII, 322).

Д. Хлебные заготовки

Заготовки хлебофуража по районам и культурам основными плановыми заготовительными организациями в 1926/27 г. (II, 300; IV, 306; VII, 314 и 315).

Е. Финансы, кредит и денежное обращение

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за декабрь 1926 и январь 1927 г. (II, 310); за январь и февраль 1927 г. (III, 351); за март и апрель 1927 г. (V, 320); за май и июнь 1927 г. (VII, 323).

Ж. Индексы цен и цены.

Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1926/27 г. (I, 258; III, 353).
Средне-заготовительные цены Хлебопродукта (I, 258).
Меновые эквиваленты ржи и промтоваров в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. (II, 311).
Индексы меновых эквивалентов ржи и промтоваров в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 г. (II, 312).
Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и Госплана в 1926/27 г. (III, 352).
Оптовый индекс Госплана в 1927 г. (III, 353).
Оптовый индекс ЦСУ СССР в 1926/27 г. (V, 322; VII, 325).

2. МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Конъюнктура мирового хозяйства (сводная таблица показателей) (I, 260—268; II, 314—322, V, 320—328; V, 324—332; VI, 310—318; VIII, 340—348).

А. Обобщающие показатели

Годовые показатели экономического развития Италии после войны (I, 280—81).
То же Японии после войны (II. 332—333 .
Платежный баланс Англии за 1924—26 гг. (IV, 339).
То же Германии в 1925 и 1926 гг. (IV, 340).
Темпы роста общей суммы нац. дохода Соед. Штатов и нац. дохода на душу населения в долларах по ценам 1913 г. за период с 1909 по 1926 гг. (VI, 322).
Динамика национального дохода Соед. Штатов за 1909—26 гг. (IV, 323).
Платежный баланс Германии за 1924—26 гг. (IV, 324).
Годовые показатели экономического развития Соединенных Штатов Америки за время 1913 1926 гг. (XI, 278 285); то же Англии (XI, 286—291); то же Франции (XI, 292—295); то же Германии (XI, 298—300); то же Италии (XI, 296—297).

Б. Промышленность

Мировая выработка электрической энергии в 1925 г. (I, 269).
Мировая цветная металлургия. Алюминий, свинец. Продукция, цены, потребление. (I, 270. 71).
Мировая цветная металлургия. Медь, олово, цинк. Продукция, цены, потребление (II, 324—328).
Число предприятий и численность занятий в них населения по сопоставлению данных переписи 1925 г. с данными переписи 1907 и 1925 гг. (VI, 330—331).
Сопоставление данных переписи 1925 г. с данными переписи 1907 г. (VI, 332).
Моторные установки в германском народном хозяйстве в 1907 и 1925 гг. (IV, 333).
Мировая продукция чугуна за 1913 и 1919—1926 гг. (IV, 334).
Мировая продукция стали за 1913 и 1919—1926 гг. (IV, 335).
Мировая добыча нефти за то же время (IV, 336).
Мировое потребление хлопка за 1922—1926 гг. (IV, 337).
Количество прядильных вереген в хлопчатобумажной промышленности 24 стран (V, 333).
Мировая продукция шелка в 1912 и 1925 гг. и с 1913 по 1925 гг. (V, 334).
Сводка итогов промышленного цензa С.-А.С.Ш. в 1925 г. (V, 335).
Данные по 16 группам промышленных отраслей (V, 336).
Судостроение 15 стран за 1913 и 1922—27 гг. (V, 337).
Мировая продукция искусственного шелка по странам в 1913 и 1922—25 гг. (VI, 319).
То же за 1896—1925 гг. (VI, 320).

В. Сельское хозяйство

Мировой сбор хлопка в 1902—1927 гг. (II, 323).

Г. Транспорт

Мировой автотранспорт на 30/VI 1926 г. (I, 274).
То же в 1922—1926 гг. (I, 275).
Продукция и экспорт автомобилей важнейших стран (I, 275).
Судооборот 32 стран в 1913—1926 гг. (I, 276—279).
Индексы фрахтовых ставок (II, 330).

Д. Труд

Выработка за отработанную смену в главнейших горных районах Германии (V, 341).
Международное сравнение реальной заработной платы на 1 января 1927 г.
Индексы производства на одного рабочего по 11 отраслям промышленности в С.-А.С.Ш. (VI, 322).

Е. Товарообмен

Мировой экспорт леса (I, 273)
Импорт леса в Европу (II, 329).
Мировое движение оптовых цен (V, 338—339).
Экспорт угля из Англии за 1922—1926 гг. и 1 квартал 1926 и 1927 гг. (V, 340).
Внешняя торговля искусственным шелком в 1913 и 1919—1926 гг. (VI, 320).

Ж. Государственные финансы

Государственный бюджет Англии 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг. (V, 342).

З. Денежный и капитальный рынок

Эмиссия ценных бумаг в Англии (II, 331).
Внешняя эмиссия ценных бумаг Соединенных Штатов (IV, 338).
Эмиссия ценных бумаг в Голландии в 1922—26 гг. (IV, 339).
Распределение германской эмиссии на внешних рынках по основным категориям должников и по странам эмиссии (VIII, 350).

И. Строительство

Строительство в Германии за 1922—1926 гг. (IV, 329).
Средний ежегодный расход на душу населения на новое строительство по 257 крупнейшим городским центрам Соед. Штатов (VIII, 349).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА 19, Воздвиженка, 5, тел. 2-98-15 и 2-30-85, д. 153.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 г. НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Под редакцией **Г. М. Кржижановского, Н. А. Ковалевского, С. Г. Струмилина, А. С. Мендельсона и Р. Е. Вайсберга**

(IV год издания в реорганизованном виде)

Журнал ставит своей задачей всестороннее освещение социально-экономических процессов, протекающих в народном хозяйстве СССР как в его целом, так и по отдельным экономическим районам и отраслям, теоретико-экономический анализ этих процессов, прогноз грядущего развития СССР и в особенности своевременное и действенное освещение мероприятий и проблем рационалистического, планового руководства народным хозяйством и направление его развития в сторону социализма. Специальные отделы журнала посвящены также технико-экономическим проблемам СССР и вопросам динамики мирового хозяйства в связи с нашим социалистическим строительством. В журнале принимают участие крупнейшие экономические силы Союза.

Об'ем журнала 23 печатных листа большого формата (368 стр. в номере)
Журнал выходит ежемесячно без двойных номеров.

В 1928 г. К ЖУРНАЛУ „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. **Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.** Директивы правительства СССР наркоматам, республикам и экономическим районам. Том большого формата, об'емом около 40 печ. листов. Цена 5 р. 75 к.

2. **Пятилетний план развертывания народного хозяйства СССР,** подготовляется к V С'езду Советов СССР. Том в 30—40 печ. листов большого формата. Выйдет осенью 1928 г. Цена 8 руб.

3. **Кон'юнктура мирового хозяйства.** Двухнедельный бюллетень Сектора мирового хозяйства Госплана СССР. Цена 24 руб. Основная задача бюллетеня, оценка положения мирового хозяйства и мировых рынков и экономический прогноз. Бюллетень выходит двумя сериями (А и Б). Серия А (нечетные №№) содержит: оценку кон'юнктуры мирового хозяйства в целом и отдельно по странам, а также анализ важнейших динамических процессов в мировом хозяйстве. Серия Б (четные №№) содержит: обзоры и оценку по отраслям мирового хозяйства и анализ важнейших рынков (в первую очередь наших экспортных товаров).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЖУРНАЛ „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ НА 1928 г.

БЕЗ ПЕРЕПЛЕТА:		В ПЕРЕПЛЕТЕ:	
На 12 месяц. б/прилож.	**24 р.**	На 12 мес. б/прилож.	**28 р.**
„ 6 „ „	**13 „**	„ 6 „ „	**15 „**
„ 12 „ с прилож.	**61 „ 75 к.**	„ 12 „ с прилож.	**67 „ 75 к.**
„ 6 „ „	**50 „ 75 „**	„ 6 „ „	**54 р. 75 к.**

(прилож. №№ 1, 2 в перепл.)

Допускается подписка на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ с любым из приложений, а также и на одни приложения. Цена приложений в розничной продаже будет значительно выше. Об'ем журнала „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ вместе с приложениями составит около 400 печатных листов. В розничную продажу журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ в 1928 г. не поступит.

При подписке на полный комплект журнала со всеми приложениями и единовременной уплате полностью стоимости подписки подписчику предоставляется скидка в 10% при непосредственном обращении в Издательство. Подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ и на приложения для заграницы повышается на 25%.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАН СССР
МОСКВА 19, Воздвиженка, 5, тел. 3-98-15 и 2-30-85, д. 153.

Информационный бюллетень Госплана СССР

Информационный Бюллетень Госплана СССР издается третий год и выходит регулярно раз в месяц.

Основная задача бюллетеня знакомить с работой Госплана и на практике этой работы выявить методы и сущность планирования.

Информбюллетень помещает основные важнейшие документы, получившие утверждение С'ездов и совещаний Госпланов, Президиума Госплана и его отдельных комиссий (резолюции с'ездов и совещаний, оценки кон'юнктуры, принципы построения контрольных цифр и перспективных планов и т. д.)

Информбюллетень освещает работу секций и комиссий Госплана стремясь выявить, главным образом, постановку отдельных проблем и методы к их разрешению.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ИНФОРМБЮЛЛЕТЕНЬ

На 12 месяцев 5 руб. На 6 мес (с 1/I или 1/VII) 3 руб.

Подписка на все периодические издания принимается в Издательстве, „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ Москва, Воздвиженка, 5, а также во всех провинциальных отделениях Издательства и у уполномоченных, снабженных специальными удостоверениями.

За выполнение заказов на наши периодические издания, принятые агентами других Издательств, а также посредническими конторами Издательство ответственности не несет.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год

НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Двухнедельный Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР

Кон'юнктура Мирового Хозяйства

Под редакцией Г. А. Фельдмана, Л. Я. Эвентова и Н. В. Якушкина

Основная задача Бюллетеня—оценка положения мирового хозяйства и мировых рынков и экономический прогноз.

Бюллетень выходит двумя сериями (А и Б) два раза в месяц.

Серия А (нечетные №№) содержит: оценку кон'юнктуры мирового хозяйства в целом и отдельно по странам, а также анализ важнейших динамических процессов в мировом хозяйстве.

Серия Б (четные №№) содержит: I. Обзоры и оценку по отраслям мирового хозяйства. II. Анализ положения важнейших рынков (в первую очередь наших экспортных товаров).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 12 мес.—**24** руб., на 6 мес.—**13** руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ с 1-го января или с 1-го июля.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПРИ ЦИК СССР

МОСКВА 19, Волхонка, 14. Тел. 1-25-81 и 3-59-48

ОТКРЫТ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1928 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ“

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Анцелович Н. М., Дубровский С. М., Кричман Л. Н., Ларин Ю., Милютин В. П., Осинский Н., Свидерский А. И., Яковлев Я. А., Батуринский Д. А. (ответств. секретарь)

В 1928 ГОДУ ПОДПИСЧИКАМ БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

I ПРИЛОЖЕНИЕ: Труды Комиссии по изучению аграрной революции — книга в 55 печ. листов. Подписная цена — 5 руб.

II ПРИЛОЖЕНИЕ: Библиотека журнала „НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ“. 1) **Гайстер А. Н.**—„Экономическое положение советской деревни и классовая диференциация крестьянства“—книга в 12 печ. листов. 2) **Гайстер А. Н.**—„Сельское хозяйство в капиталистической России“—2 тома в 24 печ. листа. 3) **Кричман Л. Н.**—„О статистическом методе изучения деревни.“ Книга в 15 печ. листов. 4) **Кричман Л. Н.**—„Классовое расслоение советской деревни.“ 3-е переработанное и дополненное издание — книга в 13 печ. листов. 5) Сборник. „Проблема реконструкции сельского хозяйства.“ Книга в 15 печ. листов. Цена всей библиотеки **15 руб.**

Все приложения к журналам выйдут в переплетах и будут даны подписчикам в течение 1928 года.

По выходе в свет все указанные приложения будут значительно дороже.

Право подписки на приложения предоставляется только годовым подписчикам.

Подписка принимается как на оба приложения, так и на одно из них, по выбору подписчика.

Подписчики, не желающие подписаться на приложения, могут произвести подписку на журналы без приложений.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без приложений на 1 год (с 1/I по 31/XII)—**12 руб.**; на 1/2 года — (с 1/I по 1/VII и с 1/VII по 31/XII)—**6 р. 50 к.**

С I и II приложениями на 1 год — **33 руб.**; с I приложением на 1 год—**18 руб.** Со II приложением на 1 год —**27 руб.**

Годовым подписчикам на журнал „НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ“ с приложениями и без приложений допускается **льготная рассрочка платежа в три срока равными частями.** Первый платеж —при подписке; второй—1/III; третий—1/VI.

В случае неуплаты в срок делается наложный платеж на полную сумму очередного взноса при посылке 3 и 6 номеров журнала.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ХОЗЯЙСТВО УКРАИНЫ“

ПРИ ГОСПЛАНЕ УССР

ХАРЬКОВ, ул. Совнаркома, 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД

(5-й год издания)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ХОЗЯЙСТВО УКРАИНЫ“

Под редакцией А. М. Дудника (председ. Редколлегии), А. И. Ашупп-Ильзена, В. Я. Введенского, М. М. Вольфа, А. А. Главацкого, А. Л. Гринштейна, С. Я. Губермана, Я. А. Туна.

„ХОЗЯЙСТВО УКРАИНЫ“— единственный на Украине общеэкономический журнал, всесторонне освещающий актуальные практические проблемы народного хозяйства республики и важнейшие вопросы советской экономической политики.

„ХОЗЯЙСТВО УКРАИНЫ“ в наступающем году имеет следующие отделы:

1. СТАТЬИ (вопросы экономики и экономполитики и теоретические статьи).
2. ОБЗОРЫ и ОЧЕРКИ (практич. проблемы украинской экономики).
3. ЭКОНОМИКА и ТЕХНИКА (новейшие достижения мировой и советской техники и технико-экономические проблемы).
4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.
5. ПО ОКРУГАМ (вопросы местной экономики).
6. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.
7. СТАТИСТИКА (основные показатели динамики народного хозяйства Украины).

В журнале принимают участие крупнейшие экономические силы Украины и Союза

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	В Союзе ССР	За границей
На 12 мес.	20 руб.	18 долл.
„ 6 „	11 „	10 „
„ 3 „	6 „	—

Цена отдельного номера — 2 руб.

От учреждений подписка принимается в кредит. При подписке на 5 экземпляров и свыше непосредственно от издательства предоставляется скидка в размере 15%.

Учащиеся вузов и техникумов и сотрудники учреждений при подписке через студкомы и месткомы непосредственно от издательства получают скидку в размере 20% и рассрочку платежа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

НА УКРАИНЕ: в г. Харькове — в конторе Издательства, ул. Совнаркома, 6 в других городах — во всех отделениях и агентствах издательства „Экономист“, во всех почтово-телеграфных конторах и в контрагентствах печати и у агентов, снабженных специальными удостоверениями.

В РСФСР: в Конторе Издательства „Плановое Хозяйство“ (Москва, Воздвиженка, 5), в Издательстве „Огонек“ (Москва, Тверской бульвар, 26) и его провинциальных отделениях.

ПОЛОЖЕНИЕ

о премии имени М. К. Владимирова за научные работы по вопросу о национальном доходе СССР и его распределении

1. В память государственной и общественной деятельности бывш. Заместителя Народного Комиссара Финансов СССР и Народного Комиссара Финансов РСФСР М. К. Владимирова учреждается при Коммунистической Академии премия его имени.

2. Как расходы по выдаче премии, так и расходы, с этой выдачей связанные и предусмотренные дальнейшими статьями настоящего положения, производятся из общественных средств и включаются в смету Народного Комиссариата Финансов СССР.

3. Премия в размере 3.000 руб. присуждается через каждые два года за лучшее сочинение по вопросу о национальном доходе СССР и его распределении (и на смежные с вопросом темы). К конкурсу допускаются как работы общетеоретического характера, так и исследования о современном состоянии и истории вопроса.

4. Для рассмотрения и обсуждения достоинств представленных на конкурс сочинений при Комм. Академии образуется особая Комиссия. В состав этой Комиссии входят два члена, назначаемые Президиумом Комм. Академии (из них один по соглашению Президиума Академии с Народным Комиссариатом Финансов СССР назначается Председателем Комиссии), два члена, назначаемые Народным Комиссариатом Финансов СССР, и не менее трех членов, приглашаемых самой Комиссией из лиц, известных своими познаниями в области финансовых и экономических вопросов. Приглашенные члены Комиссии участвуют в ее работах на равных правах с назначенными.

Состав Комиссии утверждается каждые два года. Назначение членов Комиссии от Комм. Академии и Народного Комиссариата Финансов происходит не позднее 1 апреля, приглашение 3 членов — не позднее 10 апреля года об'явления конкурса.

Примечание: Комиссия для осуществления возложенных на нее задач пользуется техническим аппаратом Комм. Академии.

5. О конкурсе об'является в „Известиях ЦИК Союза и ВЦИК" и других периодических изданиях по выбору Комиссии не позже 1 мая года об'явления конкурса. Работы, представляемые в Комиссию, должны быть представлены не ранее, чем через один год по об'явлении конкурса, и не позднее 31 января года присуждения премии.

6. К соисканию премии не допускаются сочинения членов присуждающей премию Комиссии, а равно сочинения, напечатанные до об'явления конкурса, хотя бы они удовлетворяли всем требованиям последнего.

7. Детальное рассмотрение представленных на конкурс сочинений Комиссия поручает нескольким из своих членов. Каждое сочинение должно быть рассмотрено, по крайней мере, двумя членами Комиссии. Лица, принявшие на себя просмотр представленных на конкурс сочинений, получают за двухлетний период вознаграждение в зависимости от количества представленных для рецензии работ, но не свыше пятисот руб. Сумма эта распределяется между ними по указанию Председателя Комиссии.

8. Критические отзывы о сочинениях представляются в Комиссию не позже, чем за один месяц до истечения двухлетия, т.-е. не позже 1 марта года присуждения премии. Основанный на рассмотрении этих отзывов приговор Комиссии, который может быть вынесен простым большинством голосов, печатается в „Известиях ЦИК Союза и ВЦИК" и других периодических изданиях по выбору Комиссии. Отзывы о сочинениях полностью печатаются в „Вестнике Комм. Академии".

9. За лучшее из сочинений, представленных на конкурс и признанных удовлетворяющими условиям конкурса, Комиссия присуждает премию: или полностью за одно сочинение, или распределяет ее по своему усмотрению между несколькими авторами. Комиссия берет на себя обязательство содействовать автору в напечатании его трудов.

10. Если премия присуждена за сочинение, еще не напечатанное, оно должно быть напечатано на средства, отпускаемые в порядке, указанном в статье 2 настоящего положения, с уплатой автору, помимо премии, обычного литературного гонорара.

11. Если к установленному сроку не будет представлено ни одного сочинения или представленные не будут признаны достойными награждения премией, представление сочинений и присуждение премии отсрочивается на один год. Отсрочка эта не приостанавливает назначения следующего конкурса.

Комиссия по премированию трудов им. М. К. Владимирова при Коммунистической Академии.

Сочинения, представляемые на премию, должны направляться в Коммунистическую Академию для Экспертной комиссии. Москва, Волхонка, 14.

ЗАПОЛНИТЬ, ОТРЕЗАТЬ И ОТОСЛАТЬ ПО ПОЧТЕ

ЗАПОЛНИТЬ И ОТОСЛАТЬ ПО ПОЧТЕ

Издательство

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"

ГОСПЛАН СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5. Телефон 2-98-15 и 2-30-85, доб. 153.

Настоящим извещаем Вас, что ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБРАЩЕНИИ в Издательство „Плановое Хозяйство" Вам может быть предоставлена СКИДКА от 30% до 50% на нижеследующие издания, имеющиеся на н/складе в ограниченном количестве:

„Экономической Жизни"

	Цена		За скидкой		Колич. экз.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Проф. А. М. Галаган. — Общее счетоводство. 3-е изд., стр. 156 в пер.	1	60	1	10	
Проф. А. М. Галаган. — Торговое счетоводство. 3-е изд., стр. 168 в пер.	1	60	1	10	
Б. А. Гухман. — Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. Стр. 191.	1	25	—	60	
Проф. Альберт Кальмес. — Фабричное предприятие. Стр. 288 в пер.	2	75	1	90	
Проф. Альберт Кальмес. — Фабричная и торговая статистика. Стр. 354 в/п.	3	25	2	25	
Ф. Д. Капелюш. — Фунт и доллар (Англия и Америка в борьбе за главенство на мировом денежном рынке). Стр. 121.	—	80	—	20	
Дж. М. Кейнс. — Трактат о денежной реформе. Стр. 108.	1	—	—	50	
Проф. Н. А. Кипарисов. — Счетоводство акционерных обществ и паевых товариществ. 3-е изд. Стр. 128 в пер.	1	25	—	90	
Н. А. Кошкин. — Счетоводство первичных потребительских обществ. 3-е изд. Стр. 231 в пер.	2	25	1	60	
Ганс Ланге. — Нормализация и стандартизация промышленности в народном и мировом хозяйстве. Стр. 127.	1	60	—	80	
Ю. Ларин. — Советская деревня. Стр. 384.	2	75	1	95	
Проф. Герман и Леви. — Основы народного хозяйства Англии. Стр. 139.	1	60	1	—	
Проф. Роберт Лифман. — Картели и тресты. Стр. 273	2	50	1	25	
Проф. Н. С. Лунский. — Введение в коммерческие вычисления. Стр. 122 в пер.	1	25	—	90	
Проф. С. Г. Струмилин. — Проблема промышленного капитала в СССР. Стр. 134.	1	25	—	60	
Ф. Г. Тиль. — Банковое счетоводство. Стр. 188 в пер.	2	—	1	40	
Проф. С. А. Фалькнер. — Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. Стр. 240.	3	20	1	50	
Л. Г. Шанин. — Денежная система СССР в свете марксистской теории. Стр. 133.	1	—	—	30	
Проф. В. Н. Шретер. — Система промышленного права СССР. Стр. 82.	—	60	—	40	

Издательство

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5. Телефон 2-98-15 и 2-30-85, доб. 153.

Моск. Академ. Издательства „МАКИЗ“

	Цена		За скидкой		Колич. экз.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Н. Ф. Буров.— Апретура и отделка хлопчатобумажных тканей. Стр. 120	2	25	1	60	
Н. Ф. Буров.— Калькуляция отделки хлопчатобумажных тканей и ткацкого производства. Стр. 45	—	75	—	55	
Ф. Вейкерт.—Расчет электрических проводов. Стр. 55	1	10	—	80	
И. Грабшинд.— Электромоторы. Стр. 69 с 72 фиг.	1	30	—	90	
Я. Иппен.— Асинхронные моторы трехфазного тока и области их применения. Стр. 101 с 67 рис.	1	75	1	25	
Э. Качмарек.— Современные приемы штамповки. Стр. 46 с 30 рис.	—	85	—	60	
Проф. С. И. Курбатов.— Электрические машины постоянного тока. Вып. II, стр. 231	3	50	2	50	
Проф. С. И. Курбатов.— Сдвиг фаз в электрических установках и средства для его уменьшения. Стр. 70	1	25	—	90	
Проф. А. А. Надеждин.— Основные виды топлив России и их характеристика. Стр. 131	2	40	1	70	
М. В. Носов.— Сборник задач по термодинамике. 2-е переработ. и дополн. издание. Стр. 130	2	75	1	95	
А. П. Рудановский.— Теория учета. Дебет и кредит, как метод учета баланса. 2-е перераб. и дополн. издание. Стр. 300	5	—	3	50	
А. П. Рудановский.— Принципы общественного счетоведения. 2-е перераб. издание. Стр. 269	4	50	3	15	
Сборник задач по теоретической механике. Ч. I Статика, 3-е изд. Стр. 101.	1	75	1	25	
Проф. М. М. Филоненко-Бородич.— Основы теории работы упругих сил в плоских системах. Стр. 174	2	75	1	95	
К. Фальк.— Скицирование деталей машин. Стр. 36 с 72 рис.	—	70	—	50	
Проф. И. А. Черданцев.— Электромагнитные колебания и волны. Стр. 127	—	25	—	20	
ИТОГО . . .					

на сумму руб. коп.

Указанные выше книги просим выслать (Повторить прописью) наложенным платежом / деньги одновр. высланы (ненужное зачеркн.)

Деньги переведены дня „ “ 1927 года.

Почтовая расписка №

Книги просим высылать по адресу

(адрес писать четко и ясно).

Наложенный платеж обязуемся выкупить немедленно по получении извещения. Пересылка за счет заказчика.

Подпись

М. П.
(печать обязательна) „ “ *1927 г. Исход №*